СЕРГЕЙ ВАХРИН

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

325 ЛЕТ ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Камчатпресс
2022

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Камчатка – Россия – Мир. 325 лет вместе с Россией — Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2022. — 512 с. : ил.

Эта книга о сохранении исторической памяти — о многовековой истории вхождения Камчатки в состав Российского государства и о ее жителях — представителях древних династий камчадалов-аборигенов и породнившихся с ними за столетия совместного проживания в полуостровной изоляции Камчатки русских старожилах — казаках, крестьянах, купцах, священнослужителях, которых не случайно называли в старину «камчадалами русской крови»...

Камчадалы-аборигены и камчадалы «русской крови» представляют собой, если рассматривать историю их родов, единую семью народов — ведь и у казаков, и у русских крестьян практически за полным отсутствием на полуострове русских женщин женами были коренные камчадалки или ительменки (если говорить о группе камчадалов Тигильского района Камчатского края, получивших в 1926 году новое этническое имя). А если брать процентное соотношение численности русского населения по отношению к коренному, то, разумеется, шел активный процесс «окамчадаливания» русских.

В общей истории народов Камчатки было много всякого — и общих обид, и общего горя, и общего героизма при отражении англо-французского десанта или японских «хищников». А в братской могиле на острове Шумшу покоятся и камчадалы-аборигены и их родники из русских старожилов, погибших 18 августа 1945 года в боях за возвращение России Курильских островов...

Обо всем в этой новой книге камчатского писателя С.И. Вахрина.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

Книга издана при финансовой поддержке
Ассоциации добытчиков лососей Камчатки

АДЛК

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

ISBN 978-5-9610-0408-3

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2022
© Вахрин С.И., 2022
© «Камчатпресс», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

ИВАН КАМЧАТОЙ И ФЕДОР ЧУКИЧЕВ 7
ИВАН МЕРКУРЬЕВ СЫН БАКШЕЕВ РУБЕЦ 20
ИВАН ГОЛЫГИН 30
ЛУКА МОРОСКА 53
ВЛАДИМИР АТЛАСОВ 66
ДАНИЛО АНЦЫФЕРОВ И ИВАН КОЗЫРЕВСКИЙ 105

ПОТОМКИ ВОЖДЕЙ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИВАР АСИДАМ
И НАЧИКА МАШУРИН (МЕРЛИН) 121
КЫМГУ РУСАК 138
КАМАК (КУЗНЕЦОВЫ И РАСТОРГУЕВЫ) 150
БРАТЬЯ ХАРЧИНЫ 164
БРАТЬЯ ЛАЗУКОВЫ 175
ЛЫКОЧ (КОЛЛЕГОВЫ) 186
АГИШКИН (УВАРОВСКИЕ) 194
ТОНУ (СПЕШНЕВЫ) 200
ШКЕНЮГА (ПАВЛУЦКИЕ) 209
КУПХА (АТЛАСОВЫ) 218
ПИНИЧ (ВОЛКОВЫ И ЕЛАГИНЫ) 222
НАШАК (ЧУРКИНЫ) 229
БЕКЕРЕВЫ-БЕККЕРЕВЫ 238
КРИВОГОРНИЦЫНЫ 246
ОСЬМИНИНЫ 262

КАМЧАДАЛЫ «РУССКОЙ КРОВИ»

ШАМАЕВЫ (ШЕМАЕВЫ) 269
МУТОВИНЫ 275
НОВОГРАБЛЕННЫЕ – НОВОГРАБЕНОВЫ 286
ТОМСКИЕ 398
ТОЛСТИХИНЫ 303
КРЫЖАНОВСКИЕ 320
ПАДЕРИНЫ 331
УДАЧИНЫ 346
СНОВИДОВЫ 358
ВЕРЕЩАГИНЫ 362
ЧЕРНЫХ 371
ЛОГИНОВЫ – АНЖУ 382
ГЕРОИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. 400
ПЕТРОЛОГИНОВЫ 442
ЛОГИНОВЫ-ЛОНГИНОВЫ 451
ПОРОТОВЫ 465
КОСЫГИНЫ 478
ГРЕЧЕНИНЫ 490
ВИНОКУРОВЫ 499

Дорогие друзья!

Перед вами новая книга Сергея Ивановича Вахрина — камчатского краеведа, писателя, члена Союза писателей и Союза кинематографистов России, издание которой приурочено к 325-летию присоединения Камчатки к территории Российского государства.

13 июля 1697 года в долине реки Камчатки Владимиром Владимировичем Атласовым был установлен поклонный православный крест в знак того, что теперь это «земля российского владения».

История Камчатки — это история камчатских родов. С одной стороны, ее представляют коренные жители — камчадалы, история проживания которых на Камчатке насчитывает 15 тысячелетий. С другой — потомки русских казаков, крестьян, промышленных и торговых людей, церковно- и священнослужителей, которых в старину называли «камчадалами русской крови». Именно они наполняли историю нашего полуострова тем уникальным содержанием, которым мы не можем не гордиться.

Рассказывая о землепроходцах, коренных камчадалах и камчадалах «русской крови», автор открывает для читателей страницы истории освоения и становления Камчатки, а также повествует о быте, культуре людей, ее населявших. Особенную ценность имеют приведенные в книге цитаты из архивных документов, дневниковых записей и фотоматериалы.

Я уверен, что, благодаря книге «Камчатка – Россия – Мир. 325 лет вместе с Россией», мы не только восполняем наши знания по истории края, но и восстанавливаем для потомков имена тех наших земляков, которыми гордилась и будет гордиться Камчатка, как неотъемлемая часть России.

Губернатор Камчатского края
Владимир Солодов

Герб Русского царства из издания «Большая государева книга или Корень российских государей» или «Царский титулярник» (1672)

ИВАН КАМЧАТОЙ И ФЕДОР ЧУКИЧЕВ

Споры в отношении названия Камчатки будут, по всей видимости, проходить вечно, потому что сегодня каждый северный народ от якутов до чукчей и коряков претендует на то, что именно ему принадлежит приоритет в названии коренных жителей Камчатки — камчадалами, а главной реки полуострова — Камчаткой. Существуют десятки самых причудливых, весьма оригинальных и интересных версий — одна другой лучше и краше.

Только вот какой вопрос возникает у пытливых исследователей: а была ли наша современная река Камчатка, протекающая по территории одноименного полуострова, — той самой исторической Камчаткой, которая и получила первоначально это название? Ведь мы знаем множество случаев обратного явления — и по Анадырю (Погыче), и по Пенжине, и по Гижиге, и по Пахаче, и по Вывенке (Олюторке). И вот что отмечал Б.П. Полевой:

«…на общем чертеже Сибири 1673 г. и было особое внимание уделено “вершинам” Блудной, а река Камчатка была ошибочно показана не на полуострове, а на материке южнее Чендона».

Чендон — по общему мнению, это верховья реки Гижиги. Южнее Гижиги — только река Пенжина. Но и тут не все просто:

«М. Стадухин, кратковременно побывавший в низовьях нынешней Пенжины, потерпел поражение от оседлых коряк острожка Аклан и потому собрать с них ясак не смог. А после него, вплоть до 1670 года, когда в средней части долины нынешней Пенжины, возле устья реки Часовитиной был поставлен Чендонский острог (отчего, кстати, река Пенжина некоторое время также именовалась Чендоном), русские люди на этой реке не появлялись» (В.Е. Быкасов).

А хотите еще сюрприз:

«…под рекой Пенжина юкагиры понимали нынешнюю реку Гижига, а сам Ф. Чюкичев под этой же рекой понимал реку Парень, на которую его отряд попал по ошибке» (В.Е. Быкасов).

Он же:

«Но коль скоро казаки отряда Ф. Чюкичева под Пенжинским хребтом понимали нынешнее Колымское нагорье, служащее водоразделом между реками, впадающими в Северный Ледовитый океан с одной стороны и в Охотское море — с другой, то остается признать, что под рекой Пенжина они понимали современную реку Парень, а не нынешнюю реку с этим именем».

С.П. Крашенинников:

«В четырех днях ходу от реки Пенжины следует речка Егача или Арача (совр. Шестакова. — *С.В.*), оттуду в двух днях ходу Парень река, которая вершинами сошлась с Акланом рекою, от Пареня в 6 днях ходу Чондон, а потом Ижиги река».

И вот еще:

«…схематический общий чертеж Сибири 1673 г. отнюдь не был первым тобольским чертежом, на котором появилось изображение реки Камчатки. Впервые она была показана еще на общем чертеже Сибири 1667 г. Это ясно видно по копии этого чертежа в “Хорографической чертежной книге” (Remezov, 1958, л. 4). В.И. Греков (1960, с. 334) высказал предположение, что Ремезов якобы спутал из своей копии Камчатку с Колымой. Однако здесь В.И. Греков не учел, что “Колыма” вместо “Камчатки” появилась лишь на копиях, снятых в Москве, потому что в Тобольске, видимо, сознательно решили на схематическом общем чертеже, отправ-

Река Пенжина, гора Шаман, wikimedia commons

ленном в Москву, заменить тогда еще малоизвестную реку Колымой, которая была достаточно подробно описана в росписи чертежа Сибири 1667 г. Поэтому, скорее всего, Ремезов при копировании тобольского общего чертежа Сибири никакой ошибки не допустил, и Л.С. Берг (1920, с. 25, 1946, с. 58) был прав, когда писал, что на тобольском оригинале общего чертежа Сибири 1667 г. уже было изображение реки Камчатки.

Пока не удалось еще точно установить, каким образом сведения о реке Камчатке смогли дойти до Тобольска. Повторявшаяся в литературе версия М.И. Белова о том, что “со слов Стадухина, проезжавшего в 1659 г. через Тобольск, воевода тобольский Петр Годунов нанес реку Камчатку на свой чертеж Сибирской земли 1667–1668 гг.” (РМ, с. 264), не выдерживает критики. Воевода Годунов прибыл в Тобольск лишь в мае 1667 г., когда уже Михаила Стадухина не было в живых (он был убит в 1666 г.). Сбор географических сведений для чертежа Годунов провел летом и осенью 1667 г. А главное, нет вообще ни одного документа, исходившего от М.В. Стадухина или С.И. Дежнева, в котором имелось бы название “Камчатка”» (Б.П. Полевой).

И еще:

Одно из первых изображений реки Камчатки на карте-рисунке Сибири XVII в.

«…казаки отряда Ф. Чюкичева считали нынешнюю реку Парень рекой Пенжина, современную реку Гижига — Чендоном, а о существовании современной реке Пенжина, на момент выхода на побережье Охотского моря, **они даже не подозревали** (выделено мной. — *С.В.*)».

И не была ли эта известная-неизвестная река той самой Камчаткой, название которой, когда разобрались с Чендонами, Гижигами, Паренями, Пенжинами, и было перенесено, как и следовало из картографических данных, на юг?

И не в этом ли походе кроется ответ на вопрос, почему эта известная-неизвестная река могла получить имя Ивана Камчатого:

«…двух последних месяцев осени для преодоления пути от Чендонского зимовья до устья реки Пенжина и обратно группе И. Камчатого было вполне достаточно для того, чтобы успеть вернуться на Чендон к началу охоты на пушного зверя. Итак, двинуться к Восточному морю казаки (если, конечно же, предположить, что часть отряда во главе с самим Ф. Чюкичевым осталась на Чендоне, а другая часть во главе с И. Камчатым пошла на восток) могли не ранее конца октября – начала ноября. То есть после установления снежного покрова и замерзания рек» (В.Е. Быкасов).

И пришли они в устье не известной им реки, которая и была отмечена на карте Ремезова как река Камчатка.

И было до нее всего 200 верст пути.

Скульптура «Сибирские картографы» на набережной Тюмени

160.
Р. Колыма
Р. Ясачная
Р. Дарь
Р. Оуда
Р. Лоты
Р. Ульа
Р. Локи
Р. Бакуна
Р. Ярославка
Р. Ша
Р. Полоусная
Р. Мангея
Р. Собанская
Р. Голбык
Р. Бакуна
Р. Ярма
Р. Марека
Р. Трорыма
Р. Ура
Р. Колыма
Р. Уяндаха
Р. Алазея
Р. Зашиверская
Р. Ниж. Колыма
Р. Верх. Колыма
Р. Амоло
Р. Гижига
Р. Пенжина
Р. Анадырь
Р. Камчатка
Р. Тигиль
Р. Парень
Р. Ичинская
Р. Олюторская
Р. Вывенка
Р. Апука
Р. Пахачи
Р. Хатырка
Р. Майн
Р. Анюй
Р. Погыча
Р. Ангарка
Р. Ангара
Р. Илим
Р. Лена
Р. Вилюй
Р. Яна
Р. Индигирка
Р. Алазея
Р. Колыма
Р. Омолон
Р. Зашиверская
Р. Ясачная
Р. Дарь
Р. Оуда
Р. Лоты
Р. Колыта
Р. Контакова
Р. Мангея
Р. Собанская
Р. Локи
Р. Ульа
Р. Бакуна
Р. Ярославка
Р. Ша
Р. Полоусная
Р. Голбык
Р. Бакуна
Р. Ярма
Р. Марека
Р. Трорыма
Р. Ура
Р. Колыма
Р. Уяндаха
Р. Алазея
Р. Зашиверская
Р. Ниж. Колыма
Р. Верх. Колыма
Р. Амоло
Р. Гижига
Р. Пенжина
Р. Анадырь
Р. Камчатка
Р. Тигиль
Р. Парень
Р. Ичинская
Р. Олюторская
Р. Вывенка
Р. Апука
Р. Пахачи
Р. Хатырка
Р. Майн
Р. Анюй
Р. Погыча
Р. Ангарка
Р. Ангара
Р. Илим
Р. Лена
Р. Вилюй
Р. Яна
Р. Индигирка
Р. Алазея

совым, был прав в принципе — название реки «Камчатка» в истории географии появляется благодаря походу Ивана Ивановича Камчатого.

О нем самом, к сожалению, известно мало — из промышленных людей, пришедших в Сибирь с Руси, и верстанный в Якутске в казаки.

Больше известно о его командире, с которым он пришел на Чендон, — Федоре Алексеевиче Чукичеве.

Чукичев был из сотни енисейских казаков, которые были оставлены служить в Якутске, когда образовалось в 1639 году самостоятельное Якутское воеводство и воевода Петр Головин провел жесткий отбор среди енисейских служилых, каждый из которых желал служить на богатой соболями реке Лене, пройдя ее от истоков до низовья.

Не все прошли этот отбор.

Да и та часть енисейцев, которая была принята на службу, не вся оказалась способной служить под началом сурового воеводы — он не миловал никого, кто отступал от воли государства, которая в Якутии была представлена самим боярином Головиным — потомком наследственных хранителей государственной казны России, самых доверенных лиц великих князей Московских и царей России.

Чукичев выдержал это испытание.

Впрочем, он прошел хорошую закалку.

М.И. Белов: «...енисейские казаки Дмитрий Михайлов Зырян и Федор Чукичев, с которыми, как теперь выясняется, Дежнев служил вместе в отряде Посника Иванова Губаря и вместе с ними открывал “новую реку Собачью, а Индигирка тож”. Поход Посника Иванова Губаря... начался еще в 1636 году, и, по словам Федора Чукичева, “шли они через горы коньми... через Янгу (Яну. — *М.Б.*) реку до той Индигир-

Республика Коми, Айкино. Церковь Спаса Преображения, smorodina.com

Айкино (Айкатыла) — село, центр сельской администрации и Усть-Вымского района, в 22 км от с. Усть-Вымь. Древнейшей частью села является бывшая д. Шежам

ки девять недель… Да на той же Индигирке зимовье поставили”…»

По утверждению историка И.Л. Жеребцова, Федор Алексеевич Чукичев происходит из коми-зырян погоста Шежам Вычегодской земли.

В Томске в 1600 году отмечен был торговый человек Иван Чюкичев, что позволяет предполагать о возможности существования в тот период родственной служило-торгово-промышленной корпорации Чукичевых в Сибири.

Летом 1642 года вместе с другими знаменитыми землепроходцами — Дмитрием Зыряном (Ярило), Михаилом Стадухиным и Семеном Дежневым прибыли на Алазею: «По морю шли две недели. А с усть Индигирки реки к востоку бежали парусом до усть Алазейки реки, а вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичана полтретья дни… до лесу. И у того лесу зимовье поставили».

В 1652–1654 годах Федор Чукичев служит приказчиком на реке Алазее.

А с Алазеи он впоследствии был отправлен служить на реки Омолон и Чендон.

Мнение о нем в литературе самое разное:

«Знаменит тем, что в 1641 году первым из землепроходцев сообщил в своей докладной “скаске”, хранящейся ныне в Якутском архиве, в администрацию Якутска о встрече с чукчами в районе реки Алазеи, таким образом положив начало документальной истории этого северного народа.

После гибели своего товарища Дмитрия Зыряна, именем которого названа Зырянка, Федор Алексеевич некоторое время возглавлял российскую администрацию на Колыме. Интересен тот факт, что дальний его потомок — Алексей Гаврилович Чикачев — возглавлял более чем через 300 лет администра-

Якутия, Верхнеколымский район, с. Зырянка, верховья реки Колымы, dnevniki.ykt.ru

Река Индигирка чуть выше устья Нуччи, фото С. Картухина

цию Нижнеколымского района, а среди нынешних Чикачевых, живущих на Колыме и в Анадыре, ест, те, что называют себя по национальности чукчами».

В то же время некоторые «историки» начинают летоисчисление «стотридцатилетней войны» русских с чукчами именно со дня встречи Федора Алексеевича со своими будущими родственниками или крестниками.

И о «зырянстве» Чукичева есть и другое мнение: «По мнению А.Л. Биркенгофа, о происхождении Чукичевых, изложенном в книге “Потомки землепроходцев”: «В связи с этим особый интерес приобретает семейное предание Чихачевых (Чукичевых), безусловно “корневой” и наиболее многочисленной фамилии русскоустьинцев из с. Русское Устье. Предание это утверждает, что Чихачевы имеют происхождение “из зырян”, причем Чихачевы особенно упорно и ревниво настаивали на этом.

Конечно, ничего невероятного в том, что родоначальником индигирских Чихачевых был зырянин, нет. Но, скорее всего, это утверждение о происхождении Чихачевых “из зырян” следует понимать иначе. Стоит вспомнить, что одним из сподвижников Д. Зыряна в его конном походе на Яну и Индигирку и в плавании на Алазею был Ф. Чукичев. Стоит вспомнить его последующие плавания и многолетнюю деятельность (приказным и приказчиком на Алазее), как предание о происхождении Чихачевых “из зырян” приобретает исторический смысл. Так, вероятно, и следует понимать утверждение Чихачевых: они действительно “из зырян”, то есть предки (или предок) их были из партии или отряда Д. Зыряна, были сподвижниками Д. Зыряна, основавшего “на край тундры”, на Алазее, зимовье “с косым острожком”».

Первые сведения об Иване Камчатом мы находим в материалах Якутской приказной избы за 1646 год: «Запись об извете промышленного человека Ивана Камчатого о посаженном в караульню служилыми людьми Заварзой Кокоулиным с товарищами».

А 2 мая 1649 г. по распоряжению якутского воеводы Д.А. Францбекова Иван Камчатой был «поверстан» (зачислен) в казаки «на убылое место» умершего на Оленке енисейского казака Федора Мартемьянова.

Служил на реках Индигирке, Колыме, Алазее…

Но по-прежнему оставался промышленным человеком: 4 июля 1654 г.: «У служилого человека, у Ивашки Камчатово, с его промыслу со штидесяти соболей десятой пошлины взято семь соболей с пупки и с хвосты». 9 июня 1655 г.: «У служилого человека, у Ивашки Иванова Камчатого, с его промыслу с семнатцати соболей десятой пошлины два соболя с пупки и с хвосты взято».

Поэтому неудивительно, что именно Камчатой был инициатором похода с Чендона на юг, где в лесном массиве реки Пенжины (Камчатки), в отличие от «безлесной» Гижиги (Пенжины), обязательно должны были водиться соболи…

И по всей видимости, промысел был настолько удачен, что слух о великой реке Камчатке распространился по всей Сибири, найдя свой отклик и в географических картах Тобольска.

И последний штрих — о потомках Чукичева:

«Почему потомки Чукичева живут на Индигирке в Русском Устье? По-видимому, так же, как и Семен Дежнев, имевший жену якутку по имени Абакаяда Сючю, Чукичев, будучи приказчиком на Индигирке и Алазее, был женат на аборигенке, скорее всего, юкагирке из племени одулов. Там, в Русском Устье, видимо, и осталось его многочисленное семейство, вместе с родней, после его гибели в 1661 году».

ИВАН МЕРКУРЬЕВ СЫН БАКШЕЕВ РУБЕЦ

Теперь, после того как что-то разъяснилось в отношении существования некой «неизвестной реки» Ивана Иванова сына Камчатого — Пенжины, становится понятным, почему Иван Меркурьевич Бакшеев Рубец в 1662 году, спустя год после трагической гибели отряда казаков-первопроходцев Федора Алексеевича Чукичева и Ивана Ивановича Камчатого, уверенно идет с Анадырской устьевой моржовой корги на юг и впоследствии с не меньшей уверенностью докладывает якутскому воеводе, что побывал в верховьях реки Камчатки, где провел зиму и откуда вывез малолетнего мальчика по имени Петр, который, по определению Бакшеева, был коряком.

«Царю государю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Якутцкого острогу казачей десятничишко Ивашко Меркурьев. Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привез с собою в Якутцкой. Милосердный государь царь великий князь и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того малого записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Почему он был так уверен, что побывал именно на реке Камчатке, которую сами коренные жители называли Уйкоаль (Большая река)?

Потому что в этом походе на реку Камчатку с Рубцом приняли участие промышленные люди, которые прежде служили в отряде Чукичева-Камчатого и были первооткрывателями той не известной еще русским людям реки Камчатого (Пенжины).

Вот сообщение Б.П. Полевого: «Еще в 1660–1661 гг. до далекого Якутска дошли какие-то сведения о дальних походах Ивана Камчатого и возникавших там тогда каких-то конфликтах. Поэтому в наказную память казаку Ивану Хворому, вновь посланному в июле 1661 г. из Якутска на дальнюю службу на Омолон, Пенжину и Гижигу (“Чендон”), и было включено особое задание “выслать в Якутцкой острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова, да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина да Алешку Яковлева Усольца”».

Ивашка Камчатой и Макейка Игнатьев погибли в стычке с юкагирами на Омолоне.

Алешка Яковлев Усолец продолжал промышлять зверя на «Камчатке».

А вот «Пронька» Федоров Травин, — как сообщает Б.П. Полевой, — беглый колымский казак, с Пенжины перешел по Омолону и Колыме на Анюй и оттуда на Анадырь.

Где он и встретился с Иваном Меркурьевичем Бакшеевым Рубцом, новым приказчиком Анадырского острога.

И свой секрет о реке Камчатого Пронька, по всей видимости, раскрыл вовсе даже не добровольно — «Рубец даже арестовал на корге Проньку Федорова Травина, зачем-то “сажал в колоду”, а затем использовал его в качестве вожа при плавании на юг» (Б.П. Полевой).

Вторым участником экспедиции Чукичева-Камчатого был промышленный человек Савва Анисимов Шароглаз, который тоже оказался к этому времени на реке Анадырь, что и неудивительно — именно с нынешней реки Пенжины (исторической Камчатки) и нетрудно

Чукчи были крайне воинственны и неутомимы в набегах на соседей по региону. The Stapleton Collection/Vostock Photo, eadaily.com

было добраться до реки Анадырь: «Другим информатором Рубца о южных землях и реке Камчатке мог быть и уже упоминавшийся промышленный человек С.А. Шароглаз. До нас дошел документ о возникшем между Рубцом и Шароглазом каком-то конфликте, во время которого “Савка Шароглаз, ведомой вор” будто бы “Ивана Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье”» (Б.П. Полевой).

Тогда, вероятно, эти «информаторы» полагали, что если нетрудно по суше добраться до реки Камчатого, то по морю это будет сделать еще легче, не подозревая, что Камчатский полуостров (о котором они еще знать не знали) уходит далеко на юг. И поэтому первая встретившаяся на их пути большая река была принята за реку Камчатого, и это название — Камчатка — закрепилось за ней уже на века.

На «Камчатке» (Пенжине) обитали коряки. Поэтому Иван Рубец и не сомневался, что вывезенный им с Камчатки малец Петр был коряком.

А вот слово «камчадалы», вполне вероятно, и здесь можно согласиться со знатоками корякского языка, русские впервые услышали несколько позже от северных соседей камчадалов — пенжинских коряков, со многими из которых те находились в прямом родстве, создавав таким образом, например, западнокамчатский субэтнос кулес, о котором сообщает С.П. Крашенинников. И это слово удачно по своему внешнему оформлению вплелось в концепцию поиска великой соболиной реки Камчатки.

Конечно, это тоже предположение. Но впервые в истории это слово употребил Владимир Владимирович Атласов, идя в Камчатку через корякские земли.

Но вернемся к Ивану Меркурьевичу Бакшееву Рубцу.

Залив Шелихова, Пенжинская губа, wikimedia.org

Что нам известно о нем?

Благодаря кропотливому труду Б.П. Полевого мы знаем сегодня:

«Из челобитной вологжанина Филиппа Бударева видно, что еще в августе 1648 г. Иван Рубец привез из Тобольска в Якутск какие-то “государевы грамоты” и вскоре оттуда выехал в обратный путь. В 1653 г. Рубец, как знаток пути из Тобольска до Якутска, был опять послан на восток. На этот раз он ехал из Тобольска на Лену в качестве “пристава” при колоднике-фальшивомонетчике Константине Конюховском. В Якутский острог он прибыл 30 июня 1654 г. Отсюда он должен был вернуться в Тобольск, но этому помешала “очная” (глазная) болезнь. Когда его здоровье улучшилось, ему стало очевидным, что он «за скудостью» уже не сможет скоро вернуться на свою родину. Поэтому он обратился к якутскому воеводе с челобитной, в которой он просил поверстать его в десятники Ленского острога “на убылое место” погибшего на Амуре десятника Т. Чечигина. 24 июля 1655 г. воевода Лодыженский согласился зачислить Рубца лишь в рядовые казаки Якутского острога. Вскоре после этого он был отправлен с казачьим десятником С.А. Мельненком на далекую реку Тугур за реку Уду. Там он прожил до 1657 г. При возвращении назад по Охотскому побережью Рубец был тяжело ранен в грудь (“и едва ожил”) на реке Лантарь. После выздоровления в 1659 г. он был послан вместе с пятидесятником Василием Бурлаком на Индигирку в Зашиверский острожек. Оттуда Рубец для самостоятельного сбора ясака проехал на реку Хромую. Сбор оказался весьма успешным. С реки Хромой Рубец повез прямо на Лену значительный ясак. Вернувшись в Якутск, он вновь подал челобитную о поверстании его в десятники. На этот раз новый якутский воевода И.Ф. Большой Голенищев-Кутузов пообещал исполнить эту просьбу, и действительно 15 декабря 1661 г. И.М. Рубец был поверстан в казачьи десятники. Но еще до этого в июле 1661 г. И.М. Рубец был послан из Якутска на Анадырь, где он должен был сменить знаменитого первооткрывателя Байкала Курбата Иванова на посту приказного в Анадырском остроге».

То есть это был один из многих тобольских казаков, который прибыл на так называемую «годовалую» службу в Якутск — или, говоря современным языком, прибыл в командировку.

После тяжелого ранения в грудь, вполне вероятно, и получил прозвище Рубец, с которым и вошел в историю географических открытий. Дослужился только до первого казачьего чина — десятника.

В 1662 году на коче ленской (усть-кутской) постройки, обогнув Чукотский Нос, прибыл на устье реки Анадырь в должности Анадырского приказчика на смену Курбату Иванову — знаменитому исследователю Байкала. Кстати говоря, морской вояж Рубца из Северного Ледовитого океана в океан Тихий — первое документально засвидетельствованное плавание русских мореходов в Беринговом проливе и Беринговом море.

По пути к нему присоединились на собственном коче промышленники, которые также намеревались добыть «рыбий зуб» — моржовые клыки — на Анадырской корге. Но корга (отмель, на которой располагалось

Анадырский острог. М.И. Белов

моржовое лежбище) оказалась пустой – зверь, напуганный прежними зверобоями, покинул традиционное место своего обитания.

И вот тогда — и закономерно, и неожиданно — родилась мысль о морском походе на юг.

Закономерно — потому что пришли за добычей и ее нужно было во что бы то ни стало отыскать, чтобы оправдать затраты и риск.

Неожиданно — потому что выпытали у Проньки Травина известие о существовании богатой соболями реки Ивана Камчатого.

И они нашли эту реку. И вывезли отсюда несметные пушные богатства.

Что и попытались скрыть.

Собственно, и скрыли: никаких исторических известий о том, как обогатились спутники Ивана Бакшеева в этом походе, не существует.

Но слух все же прошел.

И пришедший на смену Ивану Рубцу приказчик Дмитрий Катасонов имел воеводский наказ выпытать у самого Рубца тайну того похода. Вот что сообщает Б.П. Полевой: «За попытку скрыть свои истинные доходы Иван Рубец был арестован и подвергся избиениям. Официально он объявил, что за годы своей службы в Приандырье и южных землях он смог собрать различного добра на 1050 рублей. По тем временам это была колоссальная сумма. Рядовой казак тогда имел годовое жалованье только в шесть рублей. Наивысший казачий чин — сын боярский имел жалованье годовое всего в десять рублей. Катасанов считал, что истинный доход Ивана Рубца — особенно во время его южного похода 1662–1663 гг. — был значительно выше».

Мыс Дежнева (Чукотский Нос), goarctic.ru

Но Рубец предвосхитил события — заблаговременно тайно вывез из Анадырского острога и схоронил свои богатства, как, вероятно, это сделали и другие участники похода.

Но с частью добра пришлось все-таки распрощаться: «И после день другой спустя и удумал своими советниками и стал меня, холопа, в муку и в колоде лупить и батоги бьет и палкою своею рукой и тот живот у меня вымучил».

Непонятна в связи с этим историческим походом на Камчатку и глупейшая (на первый взгляд) история гибели двух кочей, на которых был осуществлен этот морской поход и которые были уничтожены (то ли по недомыслию, то ли по злому умыслу): «...как шел с моря с корги и пришед в осень во 171 году кочи покинул недошед до Анадырского острогу верст 10 и больши, а все (в) невсоветице своей, и пришед неясачные люди коряки те кочи сожгли и под острогом три человека убили...»

Складывается впечатление, что кочи были уничтожены преднамеренно, чтобы не было возможности и другим желающим из Анадырского острога попользоваться возможностью нового промыслового «вояжа» на Камчатку.

Впрочем, эта тайна покрыта мраком времен...

Иван Меркурьевич возвратился в Якутск в 1666 году, а через два года в официальном документе, который мы выше приводили, это его сообщение о реке Камчатке уже не является для его собеседников какой-то новостью и не вызывает у первых руководителей Якутского воеводства никаких вопросов, что это за такая река Камчатка и где она протекает, по какой-такой неведанной земле.

В 1668 г., как сообщает Б.П. Полевой, Иван Ермолин был официально «наряжен... на службу на новую на Пенжину реку для приводу под государеву царскую высокую руку новых землиц и для прииску жемчюгу и узорочного камени» с заданием побывать на реке Камчатке.

То есть о реке Камчатке уже знали, на ней уже побывали, но по-прежнему еще не подозревали о существовании... земли Камчатки (Камчадальской землицы).

Вот такие «заковыки» преподносит нам история географических открытий на Северо-Востоке России.

Владимир Наус «Ворон и девушки». 1980-е гг. Моржовый клык, графит цветных карандашей, резьба, гравировка. Государственный музей Востока

Любовь Эйнес «Сказка о Лолгылине». 2009 г. Моржовый клык, графит цветных карандашей, гравировка, резьба (лицевая и оборотная стороны). МЦ «Наследие Чукотки»

ИВАН ГОЛЫГИН

Легенду о том, что река Голыгина (юго-западное побережье Камчатки) названа так в память о казаке Голыгине, который то ли потерялся, то ли погиб в этих местах, участвуя в походе Владимира Атласова, распространил Степан Петрович Крашенинников.

В первом варианте очерка «О завоевании Камчатской землицы…» он пишет: «…собрав несколько ясаку, вышел он (Атласов. — *С.В.*) чрез Анадырской острог в Якуцк, а оттуда — в Москву, а на Камчатке поручил он комманду… Морозке Старицыну, который… от живущих на Тигиле реке иноземцов убит.

По нем выбран над русскими командиром Голыгин, но и оной невдолге после Морозки убит на реке Нынгуче, которая с рекою Опалою устьями вместе сошлася и впала в Пенжинское море выше устья Большой реки верстах в 60, отчего оная река ныне Голыгиною называется».

Во втором варианте ситуация меняется: «По Федоте кочевщике проведал о Камчатке анадырской служивой Морозко Старицын, будучи в походе противу коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки…

…Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед подле Пенжинского моря и дошли до Голыгиной реки, где из партии убит один служивой, Голыгин прозванием, отчего оная река и по сие время Голыгиною называется, а на бою ли убит или иным каким образом — про то неизвестно».

В третьем, окончательном варианте, он пишет: «…заподлинно знать невозможно до которых мест доходил Атласов; а по словесным известиям камчатских старожилов, доходил оной до реки Нынгычу, что ныне Голыгиною называется по имени казака Голыгина, которой в оном Атласовом походе пропал безвестно…»

У самого Атласова о Голыгине ни слова: «А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он Володимер за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер с служилыми людьми назад и пришел на Ичю реку. Божиим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье».

Но в этом своем походе Атласов потерял больше половины своих людей — и служилых, и промышленных, и союзных с ним юкагиров, имена которых до сих пор остаются нам не известными.

Но случай с Голыгиным — особый.

Пенжинская губа, wikimedia.org

Седанка (приток Тигиля), wikimedia.org

Дело в том, что именно Голыгину историки отводят роль руководителя одной из первых (а может быть, и самой первой) экспедиций на полуостровную Камчатку, которая проходила то ли по морю, то ли по суше.

Но эта версия, впервые выдвинутая Михаилом Ивановичем Беловым, столкнулась с противоположным мнением его постоянного оппонента Бориса Петровича Полевого и, мягко говоря, забуксовала.

Запутался и новосибирский историк, доктор наук Андрей Сергеевич Зуев, пытаясь объединить разные мнения и суждения по этому поводу:

«В 1683 г. Иван Голыгин ходил из Анадырского острога “проведывать” коряков, обитавших в северной части Камчатского полуострова (И.С. Гурвич Этническая история… С. 50.).

В январе (или мае) 1684 г. нижнеколымский приказчик Иван Осипович Голыгин с казаками и нижнеколымскими юкагирами отправился вверх Анюя на “изменников” ходынцев — Канива с родниками. Канива уговоров не послушался и начал драться. Казаки погромили 7 юрт, убили 16 чел. из 50, взяли трех аманатов (в том числе Каниву) (ДАИ. Т. 11. С. 133; Б.О. Долгих Родовой и племенной состав… С. 432.).

В 1686–1688 гг. Иван Васильевич (Осипович?) Голыгин совершил поход с 13 казаками и промышленниками в сопровождении юкагиров из Анадырска в “коряцкую землю” на р. Пенжину. С Пенжины Голыгин с тремя казаками вышел на Камчатку до р. Караги и о. Карагинского. Из-за малочисленности своего отряда объясачить коряков не смог (Г.А. Леонтьева Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 55–56; М.И. Белов Арктическое

Якутский острог (восстановленный), wikimedia.org

мореплавание… С. 185.) В литературе по поводу отчества участника камчатских походов Ивана Голыгина нет единого мнения. Дело в том, что в данное время в Якутском гарнизоне служило три Ивана Голыгина: десятник Иван Осипович, его сын Иван Иванович и племянник Иван Васильевич. М.И. Белов считал, что в походах на Камчатку участвовал Иван Васильевич Голыгин (М.И. Белов Русские походы на Камчатку до Атласова // Изв. ВГО. 1957. Т. 89. № 1. С. 28). Его постоянный оппонент Б.П. Полевой категорически утверждал, что речь может идти только об Иване Осиповиче Голыгине (Б.П. Полевой Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 58–59)».

В свое время на основании этих материалов я тоже написал свой очерк «Иван Голыгин», который теперь можно будет рассмотреть с позиций вновь открывшихся сведений о том далеком времени.

Поэтому, чтобы найти искомое, мы с вами пойдем от обратного — от того Голыгина, который был вторым лицом в известном по документам походе Луки Старицына Мороски 1695–1696 гг., то есть спустя более чем десять лет после первого похода в корякскую землю незнаемого нами Голыгина.

А что нам известно? Совсем немного: «7… году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем растоянии на реке Анадыре, завомое “за Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука… сын прозванием Старицын, по нем вторы человек… сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов».

Итак, Лука Старицын и некий Голыгин оба были «устужане», то есть уроженцами города Великий Устюг.

Поморский коч, худ. К.П. Черепанов

Что же касается казачьего десятника Ивана Осиповича Голыгина, то о нем в одном из документов сообщалось следующее: «Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе».

И далее, исследуя архивные документы, в записях таможенной книги на Индигирке мы встречаем такую информацию: «Того ж дни [25 апреля 1650 г.] продали промышленые люди Федька Онтропьев да Васка Иванов Голыгин устюжанин два сорока шесть соболей Осипа Осколкова брату ево Петрушки Екимову. Взяли восмьдесят шесть рублей».

Читаем далее: «И промышленые люди, Василей Голыгин да Федька Онтропьев, били челом государю, чтобы их, Ваську и Федьку, государь бы пожаловал велел бы им тот кочик с кочевною снастью, и с ногами, и с парусом дать из своей государевы казны до сроку в долг, а сверх их торговых людей оценки он, Васька и Федька, порядили дать в государеву казну двенатцеть соболей. А Федька Худяков бил челом государю о том же кочике и прошал его из государевы казны в долг же до сроку. И я, Костька, тот государев старой кочик и с кочевною снастью и с ногами, и с парусом отдал в долг до сроку промышленым людем Ваське Голыгину да Федьке Онтропьеву, а на них, Ваську да Федьку, взял за тот кочик и за парус в государеву казну память с подпискою в пятидесят в двух соболях в промышленых с хвосты и голова без выводу на срок, на николин день вешной 159 году. А та кочевная снасть ветчаная и парус был ветчаной же и впредь было тем парусом на судах и по рекам и по морю ходити немошно, потому что тот парус давнишной, привозу на великую реку Лену воевод Петра Петровича Головина с товарищи».

Это 1650 год.

А несколько ранее на Лене объявился еще один устюжанин: «Ивашко Ондреев сын Мещеряков убит во 150-м [1642] году и того ж году в его место Осипко Иванов сын Голыга Устюжанин».

Это дает нам право предположить, что Василий Иванович Голыгин и Осип Иванович Голыга были родными братьями.

К этому же предположению нас подталкивает и А.С. Зуев: «Дело в том, что в данное время в Якутском гарнизоне служило три Ивана Голыгина: десятник Иван Осипович, его сын Иван Иванович и племянник Иван Васильевич».

Но это не совсем так и совсем не так. В документах Якутской приказной избы за 1690 год мы встречаем такую запись: «Дело по челобитью казака Ивана Васильева сына Голыгина о возвращении с реки Колымы его сродного брата казачьего сына Петра Анто-

Великий Устюг, Соборное дворище, proehal.ru

нова, отданного в работу торговому человеку Матвею Ворыпаеву отчимом Осипом Голыгою».

А вот и другая запись из документов Якутской приказной избы: «Ед. хр. 1419, Книга сбора ясака за 1686–1687 [195] г. с юкагиров по Алазейскому зимовью десятника Ивана Голыгина.

Скрепили Кровков и за Голыгина — брат его Иван Васильев Голыгин».

И если уже Иван Васильевич Голыгин не был Ивану Осиповичу Голыгину двоюродным братом, то он уже точно был его сводным братом — Осип Голыга был женат на вдове Василия Ивановича Голыгина, и поэтому Иван Васильевич не мог быть племянником Ивана Осиповича, а вот племянником Осипа Голыги — вполне вероятно.

Эколого-этнографический центр Чочур Муран, канонический якутский острог, zen.yandex.ru

Иван Осипович Голыгин, рожденный в Якутске (и потому уже не считавшийся устюжанином), 20 июня 1670 года был записан в якутские казаки.

«Се аз, Якутцкого острогу дети боярские: Петр Андреев сын Ярышкин, Григорей Федоров Пущин, Леонтей Трифанов, сотник казачей Третьяк Васильев сын Смирнягин, атаман казачей Семен Дежнев; пятидесятники казачей Друган Прокопьев, десятник казачей Сава Михайлов Учюжников; рядовые казаки: Григорей Михайлов сын Батов, Микифор Мошинцов, Борис Павлов Серебряник, Семен Дементьев Сорокоумов, Емельян Иванов, Максим Семенов, Иван Васильев Курмышев, Михайло Иванов Молоков, Корнило Иванов Ванюков, Мокей Микитин, Павел Мартемьянов, Степан Краснопев, Иван Григорьев Кобелев, Михайло Дехтярев, Василей Вахромеев, Алексей Годнев, Федос Перфирьев, Иван Власов, Андрей Иванов Цыпандин, Степан Ерасимов Цыпандин, Павел Селиверстов Щепеткин, Иван Потапов, Богдан Иванов, толмач Афонасей Семенов Шульга, Андрей Артемьев Унжак, Марко Кирилов, Фома Артемьев, Ерофей Стефанов да Яков Стефанов Шолковники, Алексей Верхотуров, Игнатей Савин, Филат Васильев, Микифор Васильев, Григорей Микифоров Черепан, Сидор Бовыкин, Дмитрей Спиридонов, Михайло Иванов Даурец, Иван Семенов Безносой, Клим Уледников, Иван Андреев, новокрещен Иван Тимофеев Южак, Иван Селиверстов Щепеткин, Иван Сырянин поручилися есми в Якутцком остроге по казачье сыне по Иване Осипове сыне Голыгине… за нашею порукою в Якутцком остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… в казачьей службе».

А в 1688 году был поверстан в казаки уже сын Ивана Осиповича Голыгина Никита Иванович Голыгин.

А имя устюжанина Ивана Васильевича Голыгина мы встречаем в списке якутских казаков за 1681 год, то есть он, скорее всего, был значительно младше своего сводного брата.

В это время Иван Осипович Голыгин служил уже приказчиком Пенжинского зимовья и был в чине казачьего десятника.

А чуть позже — в 1683 году — случилось некое историческое перекрестье, в котором запутались историки.

Вот мнение Бориса Петровича Полевого: «Изучение ряда документов, связанных с камчатским походом Л.С. Мороско 1695–1696 гг., показало, что М.И. Белов не был прав и тогда, когда утверждал, что в походе Мороско участвовал Иван Васильев Голыгин, который впоследствии — “в 206 году”

погиб на Камчатке. Кстати сказать, 206 г. — это не 1696–1697 гг., как писал Белов, а 1697–1698 гг., и это ясно показывает, что Иван Осипов Голыгин погиб не до похода В. Атласова, а во время него. Эти данные сразу опровергают два утверждения Белова: во-первых, то, что И.В. Голыгин трижды "ходил в коряки" до похода Атласова, и, во-вторых, то, что в рукописи, найденной А.И. Копаневым (которую мы цитировали выше, говоря об уроженцах Великого Устюга. — *С.В.*), речь шла не о И.О. Голыгине, а о И.В. Голыгине».

Но на этот раз надо признать правоту М.И. Белова — речь идет об устюжанине Иване Васильевиче Голыгине, а не об уроженце Якутска десятнике, в недавнем приказчике Пенжинского и Нижне-Колымского зимовий, Иване Осиповиче Голыгине, который никаким образом не мог быть в подчинении у рядового казака Луки Старицына Мороски — скорее, все должно было быть ровным счетом наоборот.

Но мы забегаем вперед.

15 марта 1683 года Иван Осипович Голыгин сообщает в Якутск о состоянии дел и наличии людей в вверенном ему Пенжинском зимовье: «…Да в прошлом во 191 году [сент. 1682 – авг. 1683] из Якутцкого острогу великих государей на службу в Ковымское Нижнее зимовье на Ковыму реку ко мне, Ивашку, посланы на коче вниз по Лене реке и на Ковыму реку казаки Сергушка Мухо(плев) с товарищи. И он, Сергушка, с служилыми и с подарочною казною на Ковыму реку марта по 15 число не бывал. А указано мне, Ивашку, на Омолон реку десятнику Дмитрею По(тапову) трех человек, а на Янандырь реку к… Ворыпаеву четверых… дать было… Да указано мне, Ивашку… с… реки старых казаков выслать в Якутцкой острог, которые заслужили великих государей жалованье. И яз за малолюдством старых казаков не послал за тем, что с коча на Ковыму реку служилые люди ко мне не бывали».

И летом же этого 1683 года пенжинский приказчик казачий десятник Иван Осипович Голыгин прибыл в Анадырский острог. «В документах Анадырской приказной избы за 1683 г. есть запись о том, что пенжинский приказчик Иван Голыгин прибыл на Анадырь с тремя казаками: Сидором Григорьевым, Павлом Ларевым и Степаном Ивановым» (М.И. Белов). Следовательно, они шли пешком и налегке. Морским путем на парусном судне — это было не по силам четверым.

И в этом же 1683 году Иван Васильевич Голыгин был из Анадырского острога отправлен в свой первый поход в «корякские земли».

М.И. Белов, правда, обращает внимание (и тем отвлекает нас, кто ссылается на его труды) на следующие вещи, связанные с десятником Иваном Осиповичем Голы-

Якутск, Памятник матери, smorodina.com

гиным: «Летом 1683 г. он совершил путешествие от Пенжины в Анадырский острог, где сдал под расписку имущество, не нужное ему для дальнейшей поездки: два напарья больших, два сверла, долото, два багра и другую судовую снасть и инструменты. В якутском “судном” столе в 1683 г. за Голыгиным числились: “коч да карбас морской, да лодка набойница, да кочевых всяких припасов: два дрога новых, мерою в них 33 сажени, тобольской присылки шеймы 92 сажени, кочевой причалки 15 саженей, да якорь весом 4 пуда 10 гривенок”».

Но скорее всего, все это имеет прямое отношение не к морскому походу с реки Пенжины, а к другому важному историческому факту — тому, что действительно — путь с реки Анадырь до Колымы Голыгин проделал по морю. И потому в феврале 1684 года, будучи уже нижнеколымским приказчиком, Иван Осипович Голыгин докладывает якутскому воеводе о том, что он освободил сухопутную (закрытую для русских прежде!) дорогу на Анадырь:

«Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белыя Росии самодержцев, столнику и воеводу Ивану Васильевичю, с Ковымы реки из Нижного Ковымского ясачного зимовья десятник казначей Ивашко Голыгин челом бьет. В нынешнем во 192 году, генваря в [повреждено; янв. 1684] из Нижняго Ковымского ясачного зимовья в вверх [по] Анюю на Анадырские хребты ходил я Ивашко с служилыми людми в десяти человеках великих государей на службу в поход на неясачных Юкагирей на изменников Ходынских».

Чем интересен для нас этот поход Голыгина? Тем, что именно из-за «неясачных Юкагирей… изменников Ходынских» был прежде перекрыт сухопутный путь на Анадырь и, естественно, из Анадырского острога тоже. Следовательно, путь из Анадырского острога на Колыму Иван Осипович Голыгин действительно проделал по… морю.

Что и позволило впоследствии авторам (в том числе и мне самому) сделать весьма смелое предположение о том, как добирался Иван Осипович с реки Пенжины до Анадырского острога, если у него был в наличии «коч да карбас морской»? Это был первый вопрос, об который споткнулись историки.

И второй. Каким тогда образом Иван Осипович Голыгин, если это был он, смог открыть в том же году остров Карагинский?

Если он шел морем? Возможно.

Но тогда и река Голыгина — как возможная крайняя точка западнокамчатского побережья — вполне определенный географический ориентир для будущих землепроходцев, в том числе и самого Атласова, и участников его похода, многие из которых впоследствии были проводниками в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева и служили на Камчатке.

И тогда открытие Карагинского острова с моря, по пути следования уже с восточной Камчатки на Чукотку, весьма реально.

Но нереально другое — в течение одного лета 1683 года совершить на коче переход с верховий реки Пенжины вдоль западного и восточного побережий Камчатки, а затем еще успеть с Чукотки добраться до Колымы. При этом нужно помнить, что чуть ли не до середины лета Пенжинский залив забит льдами, о чем сообщали позже многие моряки-тихоокеанцы 18-го столетия, которым приходилось неделями дрейфовать на своих парусных судах, попав в ледовый плен.

А если Иван Осипович с тремя своими товарищами шел по тундре, то разве не мог бы совершить это открытие?

Мог бы — но для этого нужно было сделать огромный (и главное бессмысленный — ведь он не просто шел, а спешил идти в Анадырский острог, чтобы успеть летом пройти морем Чукотский Нос, идя строго на северо-восток, с верховий Пенжины, и принять Нижне-Колымское зимовье, куда был назначен) крюк, требующий значительного количества времени, которого у Ивана Осиповича не было — ведь, повторяем, летом он уже был на Чукотке, а зимой (в декабре–январе) — выступил в поход с Нижней Колымы. Не по воздуху же он летал?!

А вот один из трех пеших походов анадырского казака Ивана Васильевича Голыгина в «корякские земли» (1683, 1686–1688 и 1691 гг.), о которых сообщают нам историки, вполне мог завершиться и в районе острова Карагинского, и даже на западнокамчатской реке Голыгиной, как конечной точке пути Ивана Васильевича Голыгина (как, кстати, и Атласова)…

И вполне возможно, что именно эти два разнонаправленных похода Ивана Осиповича и Ивана Васильевича Голыгиных в 1683 году впоследствии были восприняты как один.

Возможно.

Но пойдем далее.

Борис Петрович Полевой категорически выступил против предположений Михаила Ивановича Белова: «Изложив свою версию истории служб двух Голыгиных — Ивана Осипова и Ивана Васильева, он (Белов. — *С.В.*) безоговорочно объявил, что здесь шла речь об Иване Васильеве Голыгине, который будто бы трижды ходил “в коряки”: первый раз — между 1686–1689 гг., второй — с 1691 г. до 16 апреля 1692 г. и третий — вместе с Лукою Мороско — в 1695–1696 гг.».

Но вполне вероятно, что прав был именно Михаил Иванович Белов.

Анадырь. Утро в апреле, gosnovosti.com

И в третьем (или уже в четвертом, если считать 1683 год?) походе, как показал нам сам Б.П. Полевой (не обратив на это никакого внимания), участвовал устюжанин — то есть именно Иван Васильевич — Голыгин.

Вопрос: почему в таком случае, будучи прежде первым лицом, он был вторым человеком в составе большой промышленной компании, насчитывающей 17 человек служилых и 57 промышленных людей?

По одной простой причине — эту промысловую компанию организовал не он, а Лука Старицын (возможно, и на собственные средства), который, по всей видимости, и привел с собой из Якутска этих людей и был для них старшим.

А Голыгин был вторым лицом, потому что он… уже был на Камчатке. И теперь вел сюда отряд Луки Мороски.

И вполне возможно, что Иван Васильевич действительно достиг «крайней реки» — реки Голыгиной — в том своем походе «в коряки», временные рамки которого столь широко расходятся — с 1686 по 1689 год, а не в более коротком по срокам походе 1691 года, о котором и шли столь яростные споры между двумя замечательными учеными. И в котором не могли участвовать ни Иван Осипович Голыгин, ни Лука Старицын Мороска, в чем абсолютно прав Б.П. Полевой.

Иван Осипович, казачий десятник, в это самое время только еще возвращался со своей семьей из дальней ссылки, на которую его обрек якутский воевода П.П. Зиновьев по так называемому «Камчатскому делу» 1690 года, суть которого заключалась в том, что группа якутских казаков, в которую входил и десятник Голыгин, намеревалась убить воеводу с его приспешниками и бежать… в Камчатку.

Это дело действительно объединяло между собой людей, прямо или косвенно связанных с первыми походами в «корякские земли» и на Камчатку. Например, среди арестованных, а впоследствии тоже сосланных, был Филипп Щербаков, который был участником похода Ивана Рубца на Камчатку, «а также Иван Андропов Котельник, незадолго до этого вернувшийся с Анадыря. Котельник бывал… в “коряках” и даже у восточных “морских каменных” чукчей, т. е. чукчей с “Большого каменного носа” (Чукотского полуострова)» (Б.П. Полевой).

В числе ссыльных оказался и Иван Осипович Голыгин с семьей:

«Роспись ссыльным людем, которые посланы в сылку в Нерчинской острог:

“Десятник Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимицею да с Матрешкою, да с Настькою”.

Сыновья у него были уже взрослые и служили в казаках.

Новый якутский воевода И.М. Гагарин в срочном порядке, в связи с катастрофическим положением со служилыми кадрами, рассмотрел это дело и отменил приговор: “Уже осенью 1691 г. основная часть реабилитированных служилых была отправлена из Якутска на различные ‘дальние службы’. Так, И.О. Голыгин зимой 1691–1692 гг. оказался на Индигирке, где ему долгое время пришлось ‘сидеть в осаде’ (он был окружен восставшими ламутами-эвенами)”».

Не было в тот период в Анадырском остроге и Луки Мороски.

А поход 1691 года был. Правда, Б.П. Полевой почему-то дает другую датировку этого похода. То есть получается, что был еще один, или Б.П. Полевой ошибся с датировкой: «В самом деле, поход 1695–1696 гг. (вероятно, все-таки 1691 года. — *С.В.*) на Камчатку был предпринят анадырскими казаками по прямому распоряжению приказчика Михаила Многогрешного. Это был типичный служивый поход, имеющий целью сбор ясака и подведение “под царскую руку” новых племен. В рукописи же идет речь о походе, предпринятом по частной инициативе (походе Мороски — Голыгина. — *С.В.*). Автор записей говорит, что казаки “нача промышляти, камо бы им проведати место и людей незнаемых — прежде бо сего намерения слух им носился через юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение тамо итить. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хрепты и лесные и пустые места в неведомые страны”».

А вот была ли река Голыгина действительно конечной точкой этого или другого похода — вопрос открытый.

Но есть ответ на другой вопрос — как мог связать Атласов и его товарищи, назвавшие эту реку Голыгиной, с именем Голыгина?

В этом нам помогает Борис Петрович Полевой: в 1694 году анадырский приказчик Афанасий Пущин отправляет ясак в Якутск: «Везти эту “казну” в Якутск поручили бывалому казаку Михаилу Голыгину. Ему в помощь выделили Владимира Атласова и Василия Куркуцкого».

Бывалый казак Михаил — Михаил Васильевич — Голыгин был родным братом Ивана Васильевича, и вполне вероятно, он был и участником «корякских» походов, о которых мог рассказать Атласову во время дальнего путешествия из Анадырского острога в Якутск.

А далее события разворачиваются следующим — довольно стремительным — образом: «В августе 1694 г. “казна” была в целости

доставлена в Якутск. Тогда-то Владимир Атласов и поведал якутскому воеводе И.М. Гагарину о том, что Анадырский острог очень удобен для освоения “новых землиц”. Рассказ произвел впечатление на воеводу, и Владимир Атласов решил этим воспользоваться для того, чтобы попросить воеводу поверстать его в казачьи пятидесятники на место погибшего в 1688 г. Василия Кузнецова. Просьба Атласова была уважена 11 октября 1694 г.».

Ивана Васильевича Голыгина в свой поход Атласов не берет — оставляет его за себя в приказчиках Анадырского острога: «Как видно из отписки казака Григория Постникова, уходя в поход, В.Т. Атласов оставил за себя в Анадырском остроге казака Ивана Голыгина (ААН, ф. 21, оп. 4, № 32, л. 328), от которого Григорий Постников и принял дела 23 февраля 1697 г.» (М.И. Белов).

Если Иван Осипович был в это время в Анадырском остроге, по утверждению Б.П. Полевого, то почему за себя пятидесятник Атласов оставляет казака, а не десятника Голыгина?

Известно, что с Атасовым был в том походе Никита Иванович Голыгин — сын десятника Ивана Осиповича Голыгина (это был казак уже бывалый — верстан на службу еще в 1688 году).

Из этого похода Никита Иванович возвращается живехоньким и здоровым — впоследствии служит на Камчатке и был даже

Река Анадырь, velesovik.ru

Река Колыма, www.artfile.ru

причастен к убийству Атласова в 1711 году, но ушел от наказания, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств — поддержкой камчатского приказчика Василия Севастьянова Щепетного (возможно, Щепеткина — потомка одного из тех казаков, которые ручались за Ивана Осиповича при его верстании в якутские казаки).

Иван Осипов Голыгин, как отмечено в списке Якутского острога 1701 г., «в прошлом 206 (1697/98) году за Носом убит, а оклад ево в выбылых» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1344, 1382/об.). За «Носом» — за каким? За Чукотским?

По данным 1706 года, в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка служил казак Иван Голыгин.

Но неясно, кто это был — Иван Васильевич или Иван Иванович, еще один сын Ивана Осиповича, о котором сообщает А.С. Зуев.

Правда, есть одна очень важная деталь: «Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василъю Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера».

Это дает нам основание предполагать, что в 1704 году именно Иван Васильевич Голыгин был еще жив, и тогда действительно именно он, а не Иван Осипович, является первооткрывателем Карагинского острова.

И еще один интересный документ Якутской приказной избы (опись 3, часть 4) за 1683–1684 гг.: «Допросные речи казаков Фед. Храпова и полуказака Василия Дмитриева об исчезновении Ив. Голыгина, ушедшего с промышленными людьми в поход на коряков» (д. 2293, л. 161).

Не этот ли документ послужил основанием для легенды, рассказанной Степаном Крашенинниковым?

Но главное в другом — этот документ подтверждает, что именно в 1683 году Иван Васильевич Голыгин вместе с промышленными людьми действительно совершает свой первый поход в «корякские» земли, потерявшись было, а потом благополучно из него возвратившись…

Чукотка, oko-planet.su

Морошка, gadgetnews.net

ЛУКА МОРОСКА

На северо-западном побережье Камчатки есть река со странным русским названием — Морошечная. Странным это название является по одной простой причине — после морошечной тундры Корякии, где ягода морошка покрывает тундру сплошным покровом и в пору созревания морошки эта тундра становится желтой, странным выглядит тот факт, что на реке Морошечной русские казаки отдали дань этой ягоде, чтобы так назвать реку.

Да и какое им было дело до какой-то там ягоды (при всем ее изобилии), когда их занимало здесь единственное — пушнина. Получение пушнины в государев ясак, а также пушнина для личного обогащения.

И плевать хотели они на какую-то там ягоду…

Ответ (правда, косвенный) на этот вопрос мы находим у С.П. Крашенинникова: «…анадырской служивой Морозко Старицын, будучи в походе противу коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки…»

И тогда становится понятно, что река, до которой дошел уроженец Великого Устюга Лука Семенов сын Старицын Мороска (Морозка), стала уже географическим ориентиром для последующих землепроходцев.

И вполне вероятно, что такая же точно закономерность лежит и в основе названия реки Голыгиной — как некой конечной точки маршрута.

Позже и камчатский приказчик Иван Козыревский назвал по этой же причине реку Коль в честь своего отца-первопроходца, который первым начал собирать ясак в здешних местах, рекой Козыревкой.

По поводу походов Луки Мороски в исторической литературе ведется очень много споров. Особенно между историками-однокурсниками Б.П. Полевым и М.И. Беловым.

Но этот их спор приносил и блестящие исторические открытия. В результате их поиска новых аргументов и фактов для своих доказательств нам сегодня известны хоть какие-то исторические сведения о нашем герое, обнаруженные спустя… 300 лет после его похода:

«По окладным книгам Якутского острога видно, что Лука Семенов Мороско начал свою государеву службу 4 августа 1678 г. в качестве “холостого казака”. Уже три года спустя он был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был “в бунту и одиначестве”. За это он впервые был выслан на Анадырь, где также вел себя дерзко, “не бояся Бога и не помня крестного целования”, жил “бестрашно”.

После возвращения в Якутск он был вскоре, в 1688 г., послан на службу в верхо-

вья Алдана и оттуда ходил “на покати”, то есть к Становому хребту и даже к верховьям реки Зеи. Во время этого похода он открыл месторождение слюды-мусковита. Позже ему приказали вторично “побывать около слюды”. Но этот второй поход оказался малоудачным.

<…>11 июня 1691 г. Мороско еще находился в Якутске. Несколько позже он вместе с Григорием Пущиным и Иваном Осиповым Голыгиным был послан на Индигирку. Во время перехода на верховья Индигирки они попали в засаду, устроенную эвенами-ламутами. Григорий Пущин был убит, а Мороско и Голыгин добрались до индигирского Зашиверского острога уже в “200 г.”, то есть в год, который начался с 1 сентября 1691 г. В Санкт-Петербурге была найдена подлинная челобитная, которая начиналась со слов: “Казак Лучка Семенов челом бьет, в нынешнем в 200 году послан был с Индигирки реки казак Максимко Струков в Анадырское зимовье за Нос с отписками, и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринатцать лисиц”. 16 марта 1692 г. Лука Семенов Мороско прибыл на Анадырь и по распоряжению Афанасия Пущина явился к анадырскому приказному Семену Чернышевскому».

А далее снова исторический разнобой. Вот что пишет, например, А.С. Зуев:

«Вероятно, в том же (1693. — *С.В.*) году из Анадырска в корякскую землю отправился отряд Луки Семеновича Старицына, известного более как Морозко. Сохранился пересказ в грамоте Сибирского приказа от 9 января 1711 г. челобитной участника похода Ивана Енисейского. Согласно ей, отряд Морозко вышел из Анадырска в бытность там приказчиком М. Много-

Анадырская тундра, icdn.lenta.ru

грешного. Последний был приказчиком с 1693 по 1696 г. Из похода сам Енисейский вернулся через три года, но до того момента как приказчиком в Анадырске стал В. Атласов, т. е. в 1695 или в начале 1696 г. Соответственно, получается, что в поход отряд Морозко отправился в 1693 г. В его отряде было 14 чел. Согласно челобитной Енисейского, казаки вышли в северные районы Камчатки, проведали там немирных коряков и “билися с ними, не щадя голов своих, и разбили 7 острогов”, “из-за того бою” взяли трех аманатов, “да лисицу чернобурую и пластину соболью, да... ясак собрали два сорока соболей”, “а иных коряк в наш великого государя ясак объясачили”. Кроме того, Енисейский, отправленный Морозко к немирным оленным корякам, призвал миром в ясачный платеж князца Иктеня с родниками и взял с них ясак. М.И. Белов, проанализировав ряд документов, пришел к выводу, что сам Морозко, отправившись в поход в 1693 г., вернулся из него в 1694 г. (в походе участвовал и И. Голыгин). На Камчатке Морозко дошел до р. Морошечной. Обратим внимание на тот факт, что в исследовательской литературе поход Морозко 1693–1694 гг. очень часто датируют 1696 г., объединяя в один два разных похода: 1693–1694 и 1696 г.».

Так может быть, это и есть два совершенно разных похода, совершенных и разными людьми?

Ведь Лука Мороска не только дошел до реки Морошечной. Это его след на северо-западе Камчатки. Но имеются сообщения и о других его географических «следах». Более того, его сведения о Камчатке и его коренных жителях считаются среди исторических документов наипервейшими.

Вот тот самый документ, который полностью цитирует Б.П. Полевой в своей книге «Новое о Камчатке...»:

«7... году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем растоянии на реке Анадыре, завомое “за Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука... сын прозванием Старицын, по нем вторы человек... сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов.

И оттоле нача промышляти, камо бы им проведати место и людей незнамых прежде бо сего намерения слух им носился чрез

Срединный хребет, вулкан Ичинская сопка, green-board.info

юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение тамо итить. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хрепты и лесные и пустые места в неведомыя страны. И в том пути в своем намерени камо им мысль была и путь надлежал в далное растояние, и тамо находили при реках в пустых местах людей немногое число на промыслу же соболином кочевых не в далном растоянии от тоих жилищ немногое число в разных неближних местах тунгуские породы. И с ними те промышленные люди торговали и меняли на свои хлебные припасы иноземские товары соболи и лисицы малое число, рублев по пяти и по шести на человека. А иные не торговали. И в том познании и в сходстве и в поговорках, зговоряся промеж собой, почали спрашивать у тех иноземцов: “Вы откуда и где ваши жилища?” Отповедаша нам: “Мы живем здеся не в далнем растоянии”. И пригласиша нас до своих жилищ. Мы же к ним идаху и обитаху у них дни некий и на иные дни идущим в другие жилища. По сих же достиже и тое их жилищ от единого жилища до другого ходу дни по два и по три и по единому у сих пребыша дни некий более. Прочие места далного ради растояния ходити не смеяхом за малолюдствием не взохотеща с нами же бе и прежные их два человека взяша с собою ради верности. Они же обещася хранить нас. Нам же живущим у них вопросиша их: “Кто владеет вами?” Они же рекоша нам:

Корякское жилище

“Мы живем сами собою и нихто нами не владеет”. Наши же еще вопросиша их: “Вас в здешнем месте много ли живет?” Они же отведаша нам: “Много есть людей, но далече”. Наши же люди даша им дары хлебными припасы — фунта по два и по три и по пяти фунтов на человека ради припознания. И то немногим, кои у них обретаются по начальнийше. А иным даваху котлы медные содружебства ради, прочим же топоры, овым же ножи, иным же иное и тако их почтиша. Они же, иноземцы, нас вопросиша: “Вы откуда и где живете?” Мы же с(к)азаша им подробну все о себе. Они же нам глаголят: “И вы напредки будете ли к нам приходити?” Мы же сказахом им: “Будем к вам приходить напредки”. Наши же еще вопросиша их: “Бывают ли к Вам какие люди?” Они же отповедаша нам: “Бывают и приходят к нам и мы к ним ходим же”. Наши же еще вопросиша их: “Где те люди живут?” Они же глаголят: “Далече”. “И много ли их?” Они же скажаша: “Множество”. Мы же паки вопросиша их: “Каковы тамо люди возвраты и собою?” Отповедаша: “Всякими возвраты велицы и малии”. Еще вопросиша: “И хто ими владеет и есть ли у них большие над ними и есть ли у них грады или иное что и вси ли во едином месте живут?” И отповедаша: “Больших над собою имеют многих, всякой во своем остроге”. Мы же вопросиша: “Много ли имеют у себя острогов?” Отповедаша: “Много”. “И в каковых местах стоят те остроги?” И сказаша нам: “Те остроги стоят при реках и при мори”. Мы же вопросиша у них: “Не бывает ли промеж ими драки или войны?” Они же отповедаша нам: “Бывает между собою, у них которой острог с острогом вблизости стоит, воюются”. Мы же вопросиша: “Какое у них оружие и чем бьются?” Отповедаша: “И з луков, стрелы вместо железа каменные”.

Железо у них не родится и руду плавить не умеют. А железо, кое мы привозим, то и покупают чрез иные иноземцы, как прежде

Коряки, гравюра с рисунка Емельяна Корнеева из книги «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов империи»

к нам и в прочие остроги бывали прежде тех камчацких людей многими годами, когда наши ходили на Ламу и Колому. И с тех времен чрез тех иноземцов то железо к ним доходило, и с того железа делали копья и теми копьями воюются. Еще у них бывают бои, когда единыя ко другим ко острогу приступаху, и тогда из острогу сверху состамых концов лес бросяху и бревна спущаху и тако бьющиеся и людей убиваху. И еще из ремней камением бросяхуся по писаному, ис пращи промеж собою далече велми досязаху и тако убивахуся.

А остроги имеют пространны. Того ради промеж собою, когда брань творят, тогда скот свой — елени, в остроги заставаху и в то время у себя держаху. Донележе брань престанет, тогда же елени из острогу роспущаху. А в тех своих войнах и в плене бираху человеки между собою и на выкуп отдаваху. А жилища у себя имеют в тех острогах зимою в земле, а летом имеют над теми ж зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам, ту жевяху. А промеж теми острогами от острогу до острогу ходу дни по два и по три и по пяти и 6 дней. Овые же иноземцы оленными нарицахуся, у коих елени есть, тако и словущи. А у которых елений нет, те называются иноземцы сидячи, тако и словущи, потому что елений не имеют и ездить не на чем. Оленних же честнейши в своем намерении почитахуся, другим зазираху и укоряху между собою, кои елений не имеют. И еще у них вопросиша: “Что у себя животы имею ли, какие и что у них родится?” Отвечаша же: “Елений имеют множество, на них ездят”. “Еще что у них бывает?” Отповедаша: “Соболи, лисицы и иные звери бывают”.

А про иное мы не знаем, что есть у них или нет. Нам же возвращающимися восвояси по времени же достигаша и дошедши во свой острог в Анадырь и ту пребыща до времени. В другие же год паки к ним приидаша двадесять человек и начаща жити с ними и к ним приходити в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие прилучилися. А иные наши рыбы, зверей по рекам хождаху промышляти не в далном растоянии от зимовья нашего, человека по два и по 3 и по 5 человек, а инии же по улусам их також хождаху своих ради потреб и ради проведения и подсмотрения чтобы у них познати, каковы у них нравы и какое в них состояние обретается».

У Степана Петровича Крашенинникова есть фраза об этом походе, которая звучит несколько двусмысленно. Судите сами: «В 7204 году послан от него (Атласова. — *С.В.*) был к апутским (апукским. — *С.В.*) корякам Лука Морозко в 16 человеках, за ясачным сбором, который по возвращении своем объявил, что он не только был у оных коряков, но и до Камчатки не доходил токмо за 4 дня, и в том походе взял он камчатский острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову».

7204 год — это 1696 год. Атласов не посылал Мороску, так как Лука Семенович в этот самый год уже возвращался из своего похода. Посылал Мороску в тот поход анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный, как сообщает историк А.С. Зуев.

Но не это главное — как понять «но и до Камчатки он не доходил токмо за 4 дня» и тут же, в этом предложении, через запятую: «и в том походе взял он камчатский острожек». А в другом месте сообщает, что Мороска доходил до реки Морошечной.

По всей видимости, под «Камчаткой» С.П. Крашенинников подразумевал реку Камчатку. И тогда двусмысленность исчезает. Мороска был на Камчатке, погромил

камчатский острожек, дошел на западном побережье до реки Морошечной, а далее двинулся не по западу (о котором, по всей видимости, уже знал от Голыгина, что те места не особо богаты пушниной) и отправился в центральную часть полуострова в бассейн рек Тигиль и Еловки, где промысел на соболей и лисиц был достаточно успешным — ведь этот его поход носил сугубо промысловый и коммерческий характер.

А теперь задумаемся вот над каким событием.

Владимир Атласов был отправлен в Якутск в 1694 году. То есть за два года до похода Луки Старицына Мороски.

Мороска вернулся из своего похода в 1696 году.

Вопрос: из каких источников получил Владимир Владимирович Атласов сообщения о Камчатке и камчадалах, о которых он доложил якутскому воеводе Гагарину?

И вполне вероятно, что именно тот факт, что Атласов получил сведения о Камчатке (а главное о путях в Камчатку) до похода Мороски и позволило анадырскому приказчику Атласову идти в поход самостоятельно.

Анадырский приказ он оставляет на казака Ивана Васильевича Голыгина.

А из отряда Луки Мороски берет в свой отряд только проводника — толмача Ивана Енисейского.

Но... «вскоре пришедший на Анадырь новый приказной Постников попытался силой вернуть Атласова из похода. Тогда-то и был послан Мороско, который и остался служить вместе с Атласовым. По его поручению Лука ходил на Опуку, а потом на Тигиль и там в урочище Кохча был вероломно убит коряками».

Подробности о месте гибели Мороски мы находим у С.П. Крашенинникова — это бассейн реки Тигиль: «...урочище, называемое Кохча, где бывал прежде сего знатный корякский острожек того имени, который погромлен и разорен до основания камчатским приказчиком Кобелевым, за то, что жители оного убили казака Луку Морозку во время первого Атласова похода на Камчатку.

В 3 верстах от реченного урочища есть на Камчатке щеки, которые версты на две продолжаются. При начале их текут в Тигиль речки Алихон и Бужугутуган, первая с северной, а другая с южной стороны.

От щек, следуя к устью Тигиля реки, есть еще четыре корякских острожка. 1) Шипин, старый острожек, до которого от щек верст с 10; 2) Мыллаган, от первого в 3 верстах; 3) КенгелаУтинкем, от Мыллагана в 40 верстах; а 4) Калауч, от КенгелаУтинкем в 3 верстах».

На месте Шипина острожка была построена в 1747 году Шипинская (Тигильская) крепость.

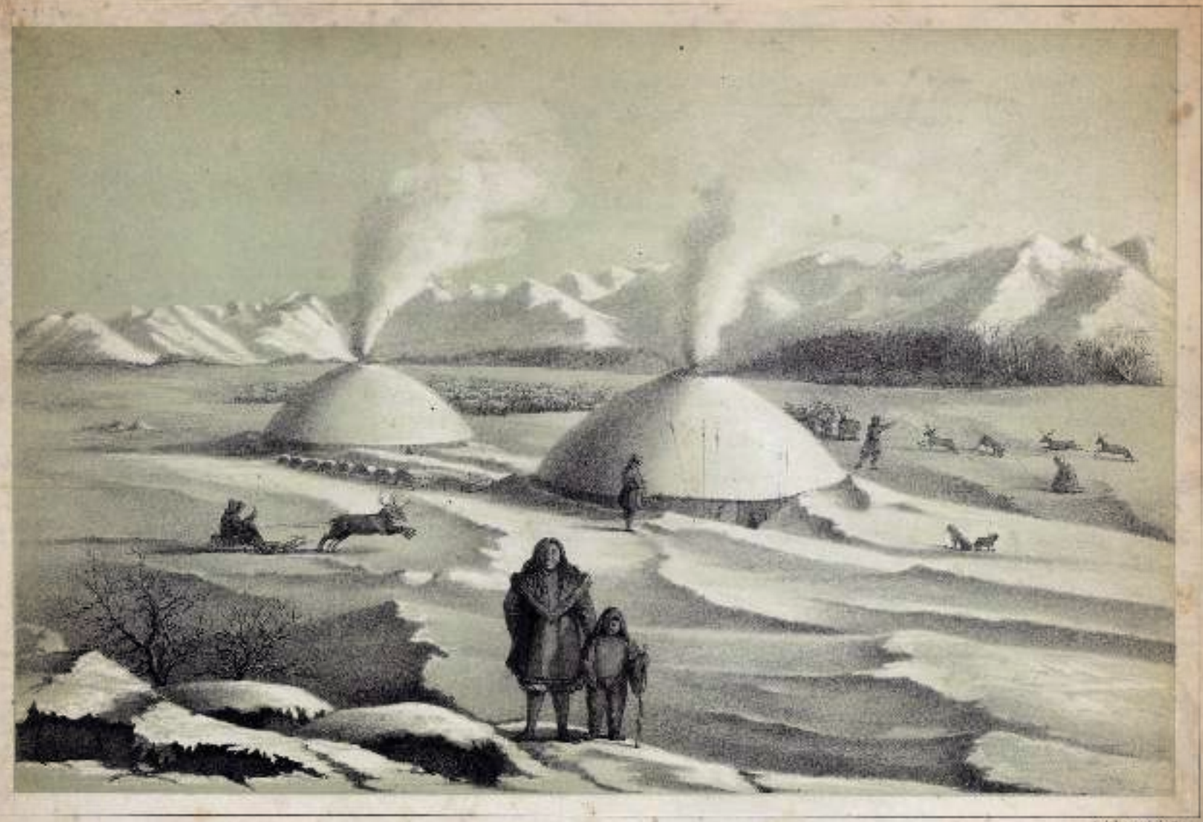

Иллюстрация из альбома «Путешествие по Восточной Сибири» И. Булычова. Стойбище оленных коряк

Современное село Тигиль, viktorstepanov.ru

О том, что Лука Мороска погиб именно в этом районе и погиб совершенно неслучайно, есть и некоторые подробности у С.П. Крашенинникова:

«Той зимы (то есть в период последней зимовки отряда Атласова на реке Ича. — *С.В.*) Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты».

То есть в предыдущем своем походе Мороска действительно побывал в здешних местах и даже обзавелся «друзьями».

И вот что пишет А.С. Зуев об этом походе:

«Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешный дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.

Из Анадырска отряд вышел на Пенжину, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во главе с Михаилом Ворыпаевым. С Апуки Морозко двинулся вновь на Пенжинский берег к р. Тигиль. По дороге, как сообщали в челобитной участники похода, взяли “с оленных опуцких коряк и с олюторов и с камчатцких первых людей пластину чернобурую лисию, да двадцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводушных, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную”. Где-то на Пенжинском берегу (возможно, на р. Иче) отряд взял штурмом “камчатский острожек” (кому он принадлежал, непонятно: то ли корякам, то ли ительменам). Не дойдя одного (а не четырех! — *С.В.*) дня пути до р. Камчатки (то есть если верить этим данным, а не Крашенинникову, то Лука Старицын был практически в двух-трех десятках километров от реки Камчатки. — *С.В.*), Морозко повернул назад. В Анадырский острог казаки привезли двух ясачных князцов “коряк Эвонту и Инону” и “неведомо какие письма”, взятые у “камчадалов” (возможно, письма с разбившихся японских судов)».

Историкам еще предстоит разобраться в хронологии тех первых походов на Камчатку. Но река Морошечная на веки вечные сохранит память об имени одного из первых землепроходцев, пришедших на камчатскую землю, — имя уроженца Великого Устюга Луки Семенова сына Старицына Морос(з)ки.

ВЛАДИМИР АТЛАСОВ

1

Фигура Владимира Владимировича Атласова в исторической литературе весьма противоречивая и, нужно это признать, довольно слабо изученная, хотя о нем написаны сотни, если не тысячи книг и существуют миллионы различных упоминаний в художественной литературе, а тем более в Интернете.

Но, тем не менее, личность «камчатского Ермака» исследована весьма поверхностно и довольно трафаретно — или только все в плюсах, или только в минусах.

А это был живой человек, с непростым характером, оказавшийся в чрезвычайно сложных жизненных обстоятельствах…

Но по порядку.

Владимир Владимирович не был уроженцем Якутии. Он прибыл сюда вместе с двумя братьями уже в зрелом возрасте и был верстан 9 июля 1682 года в казаки в «женатый оклад» — то есть прибыл в Якутию вместе с женой Степанидой.

Якутским казаком в течение тридцати лет (с 1651 года) был его отец Владимир Тимофеевич Отлас. Свое прозвище Владимир Тимофеевич (обычно именовали в Сибири людей по месту, откуда он сюда прибыл — а прибыл Отлас с Усолья) получил вовсе даже не по атласной рубахе, которая в Сибири была не в редкость, а совершенно по другой причине.

Давайте заглянем в книгу Галины Александровны Леонтьевой «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»:

«Откуда у отца землепроходца могло появиться прозвище “Отлас”? …На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье “отласами” называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море».

Прозвище, которое давали в Сибири, как правило, становилось родовым именем — фамилией. Так Ерофей Павлович Святитский, для которого прибыток, барыш, удача, взятка были смыслом его жизни, получил новую фамилию — Хабаров. А томский казак со вздорным (поганым) характером, потомки которого впоследствии писались Мухоплевыми, на самом деле имел прозвище Мухосран, но, выбившись в большие люди, его потомки — с ведома общества — внесли поправки в свое родовое прозвище, но не могли исправить это прозвище в корне.

Владимир Отлас был очень даже непростым человеком, что и нашло отражение в его прозвище — скользкий, «непромокаемый», ухватистый.

Приведу только один пример. Поездка в Москву — в составе ясачного конвоя или с важными государственными бумагами – считалась наградой за открытие новых земель и пополнение государевой казны.

Владимир Отлас не прославился ни тем, ни другим, а в Москве был самым частым из всех якутских казаков гостем (по данным Г.А. Леонтьевой, в 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678 годах).

Ответ может быть только один — он был посредником в торговых операциях с пушниной, которая доставлялась в столицу вместе с ясаком, представляя интересы верхушки той якутской власти, которая правила в воеводстве, невзирая на все двух-трех-четырехгодичные смены власти воевод. Кстати, мало кто из якутских воевод того времени добирался до Руси живым…

Готовил ли Отлас себе замену?

Конечно, ведь в Усолье (до сих пор не уточнено — был ли Владимир Тимофеев из Усолья Камского или Вычегодского) подрастали трое его сыновей, которых он, по всей видимости, лично привез в Якутск в свою последнюю московскую поездку.

Но что-то не сложилось.

Хотя обратим внимание на очень важный факт — в первую свою командировку в 1682 году (в год смерти отца) Владимир Владимирович Атласов, сын Отласа, отправился вторым официальным лицом, и впоследствии именно ему (самому молодому и неопытному!) было поручено сопровождать ясак в Якутск.

На этом мы остановимся. И попросим Б.П. Полевого уточнить причину такого «карьерного взлета» молодого Атласова:

«…знание грамоты Владимиру Атласову очень пригодилось. Он стал подьячим, ибо имел весьма неплохой почерк. Уже в январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале 1683 г. Владимир был лично допрошен якутским воеводой И.В. Приклонским. Одновременно молодой Атласов доложил воеводе о некоторых нарушениях порядка сбора ясака на реке Учур. В частности, по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова, он “известил” воеводу о том, что учурские эвенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака Ивана Усакина (Ивана Фомича Усанина. — *С.В.*)».

Иван Фомич вышел «сухим из воды». Но, думаю, ни он, ни старожилы Якутска не простили молодому Атласову этого доноса. Хотя, подчеркнем это, Атласов действовал по приказу своего командира — пятидесят-

ника Ивана Жиркова и защищал государственные интересы.

«В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве “подьячего” был послан на “двуегоднюю службу” с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далекую реку Уду». Б.П. Полевому удалось найти документ, который раскрывает, каким образом Атласову удалось избежать той дальней и долгой командировки, он отыскал «...челобитную Василия Протасова, в которой он просил “вместо его, Волотьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему, Волотьке итти с отписками в Якуцкий острог”».

В 1686 году у Владимира Владимировича в Якутске родился сын Иван.

И далее исследователи снова отмечают некую привилегированную роль Атласова в Якутске. Судите сами:

«В августе 1687 г. Владимира Атласова снова отправили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский (Крыжановский. — *С.В.*). Как бывалый человек Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму и вернулся в Якутск к своей семье. Именно в этот период он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском подворье».

И добился не какого-то там двора на отшибе — а получил земли, принадлежащие некогда известному якутскому казаку десятнику Сергею Брусенкину (Брусенину), в недавнем — приказчику на Колыме. А участвует в этом землеотводе казак... Лука Старицын Мороска, который вместе с Иваном Васильевичем Голыгиным, спустя десять лет, проторили Атласову дорогу в Камчатку.

И далее.

«Новый воевода Якутска Петр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский В.А. Петриловский даже завел против него дело, однако оно было вскоре прекращено».

То есть снова молодой и задорный Атласов использован (подчеркиваем — в государственных целях!) в конфликте со старожилами Якутска. Петриловский, кто не знает, — внучатый племянник самого Ерофея Павловича Хабарова.

Но это еще не все. Помимо борьбы с самогонщиками, Владимир Владимирович столь же азартно принялся выбивать долги из «неплательщиков ясака» — то есть из тех, кто, опять же, позволил себе неуплату государственных налоговых сборов.

И вот что из этого вышло:

«Иначе обстояло дело со сбором недоимок. Тут Атласов и его помощники явно перестарались. Они силой забирали меха у якутов. Порою прибегали к рукоприкладству. С рек Амги и Татты к воеводе П.П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В “описи Якутской архивы 1703 г.” оно названо так: “Столп, в нем дело казака Мишки Гребеньщика да Волотьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили”. В 1930-х годах в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов. Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что действовал он так не ради личного обогащения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Атласов был публично порот “на козле”» (Б.П. Полевой).

И не просто порот — совершенно неслучайно следующее его назначение на службу было в Анадырский острог, куда уже был до него сослан Лука Старицын Мороска, который жил и действовал «бесстрашно».

В 1692 году Владимир Атласов участвует в походе на восточных чукчей.

Конный казак, худ. Н.Н. Каразин

Что там случилось на самом деле, мы не знаем. Но вот конечный результат:

«Во время этого похода к восточным чукчам резко обострились отношения между Владимиром Атласовым и Семеном Чернышевским. Атласов открыто выступал против многих действий анадырского приказного. Оскорбленный С. Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его “срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой, и вором и плутом называл”. Чернышевский хотел учинить над Атласовым расправу, но не смог: Атласов “в руки не дался” и даже обвинил приказного в государственной измене. Когда Атласова силой привели в Анадырский острог на допрос, он просил простить его за горячий нрав: “виноват де он, Волотька… дела де он… на сына боярского на Семена Чернышевского не знает, а сказывал де он то великих государей дело напрасно, боясь батогов”» (Б.П. Полевой).

Подведение сибирских инородцев под высокую Царскую руку. Целование атамановой сабли как знак покорности и верности. 1640-е, худ. Н.Н. Каразин

То есть снова, в какой уже раз, на первый план выступает государственное значение, государственный смысл, как основная мотивация поступков и действий (в том числе наказуемых батогами и ссылкой) Владимира Атласова.

А вот теперь давайте вспомним, что о посещении бассейна реки Камчатки в Якутске было известно уже в 1660-х годах.

Затем последовали многочисленные походы Ивана Васильевича Голыгина, Луки Семеновича Старицына Мороски, но… Камчатка не стала в результате этих походов частью Российской империи. Она даже не стала официальным присудом Анадырского острога, сбор ясака в котором с чукчей и коряков был в тот период самым… мизерным. А в это же самое время, когда по всему Якутскому воеводству шел недобор пушнины, промысел соболей и лисиц на полуострове промышленными людьми шел уже полным ходом — только в составе экспедиции Луки Старицына (который не дошел «одного дня пути» до реки Камчатки) участвовало около шестидесяти промышленников.

По всей видимости, существовал корпоративный сговор. Сговор верхушки якутской казачьей власти с промышленниками и торговцами пушнины о контрабанде камчатской пушнины. Другого объяснения я просто не нахожу. Скрытие крупнейшего на тот период времени промыслового района Якутского воеводства, которое не справлялось с «плановыми заданиями», было государственным преступлением. А то, что о Камчатке в Якутске знали все, красноречиво говорит так называемое «Камчатское дело» 1690 года, согласно которому (пусть это и было воеводской фальсификацией) бунтовщики, якобы разгромив Якутск и уничтожив его начальство, собирались бежать на Камчатку.

И только Владимир Атласов взял (или возложил) на себя миссию присоединения Камчатки к землям Российского владения.

И когда он начал этот свой поход на Камчатку, руководствуясь наказом якутского воеводы Гагарина, очередной анадырский приказчик сын боярский Григорий Постников послал: «за ним, Володимером, в погоню, чтоб он, Володимир, в таком дальнем расстоянии и своей дуростью не потерял служилых людей и иноземцев». Конечно, причина на самом деле была иной — Постников должен был любой ценой остановить Атласова.

Вы не находите странным такое поведение анадырского приказчика — ведь Луку Старицына с Иваном Голыгиным прежде в здешние края было посылать не страшно, и никто их назад не возвращал из дальних походов, наоборот…

Лосось на нересте, pixnio.com

И никто из этих дальних походов не привез первые (столь подробные и бесценные по своей сути) сообщения о Земле Камчатке.

«А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы ее называют овечиною. И иных рыб много — 7 родов розных, а на руские рыбы не походит. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится но тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревяные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньши. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость — величиною меньши изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж ростут на траве от

земли в четверь, а величиною та ягода немного меньши курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине. А на деревьях никакова овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною ростет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину (т. е. сердцевину) переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка что сахар.

А деревья ростут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственичнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник.

А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах, вышиною от земли сажени но три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в

Иван-чай (агататка), www.u-lekar.ru

Юкольник, Andrey Shapran/Global Look Press

те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в тое колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою розмешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиненые горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашеная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадальцы всякую речь, о чем руским людям доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут Курильские иноземцы — видом против камчадальцов чернее и бороды меньши. А в той курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж что и камчадальцы, только камчадальцов оне скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх но Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людем на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее — того больши и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцов никуды не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакова у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют руских людей огненными людьми. А бои с рускими людьми у них были только до тех мест как сойдутся с рускими, и против огненого ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли — не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казака для проведыванья иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до руских людей острогов у них было меньши, а при руских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются — бросают каменьем, пращами, и из рук большим каменьем с остржку мечют, и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам руские люди приступают из-за щитов и острог зажигают и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцов — противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойтить — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи(ны) реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль

Камчатская хаски, nps.my-nikon.ru

ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше Камчатки (реки) к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланской жир а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — каланы остаются па земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут потому что ноги у них самые малые, а береги деревяные (sic!.. каменистые?..), крепкие.

А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у Пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, и поперег сажени 1½, и в средине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и но 40 на море плавают для нерпичего и жирового

промыслу, а далеко ль на море в тех байдарах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, котораго на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ Божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное поруски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы, а иное говорил через толмачь по корятцкому языку, для того что у иноземцов жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты цениные, а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцов взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил ево назад в Анандырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же Володимер вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил поруску, и в Кайгородцком уезде воспою умер».

2

Поход Атласова не был каким-то особенным, чтобы его выделять, как это делают некоторые наши современники, в категорию «разбойных».

Чтобы действовать малыми силами на «незнаемой» земле в окружении «инородцев» — населения, которое враждебно относится ко всем чужим (даже с ближних соседних рек, почему каждое их поселение представляло из себя небольшой острожек – укрепление), нужно было действовать стремительно, напористо, смело, подавляя своей силой и внушая страх.

Таков был один из принципов любого, в том числе и сибирского, завоевания, который позволил казакам в кратчайшие сроки, пройдя Урал, дойти до берегов Тихого океана.

Давайте посмотрим, что творилось в это же самое время в цивильных «европах»,

1697 г. Крест Атласова. Худ. А.П. Мешков

чтобы сравнить «разбойный» характер Сибирского покорения с «цивильными» европейскими войнами, в том числе и с гражданскими:

«Английская “королева-девственница” Елизавета I отрубила голову не только Марии Стюарт, она казнила еще 89 тысяч своих подданных».

«Жестокость порождалась постоянными опустошительными войнами западноевропейских держав уже после Средних веков (которые были еще безжалостнее). Тридцатилетняя война в XVII веке унесла половину населения Германии и то ли 60, то ли 80 процентов — историки спорят — населения ее южной части. Папа Римский даже временно разрешил многоженство, дабы восстановить народное поголовье. Усмирение Кромвелем Ирландии стоило ей 5/6 населения. От этого удара Ирландия не оправилась уже никогда».

«Крестоносцы в ходе альбигойских войн вырезали больше половины населения Южной Франции. Усмиритель Пруссии, великий магистр ордена крестоносцев Конрад Валленрод, разгневавшись на курляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства. И это было исполнено! 16 февраля 1568 года (время разгара опричнины Ивана Грозного) святая инквизиция осудила на смерть всех (!) жителей

Елизавета I, королева Англии и Ирландии с 17 ноября 1558 года, последняя из династии Тюдоров. Дочь короля Англии Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн

Нидерландов как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. Это не вполне удалось, но королевская армия сделала, что смогла. Только в Харлеме было убито 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах — 100 тысяч».

«Число убитых и раненых в войнах Европы в отдельных странах по Питириму Сорокину:

Страна	Цифра (в тыс. человек)
Франция	658
Австрия	1560
Великобритания	160
Россия	119
Германия	–
Испания	559
Голландия	290
Италия	17
Польша + Литва	348
Итого	3711

Население Европы на середину XVII столетия по Сорокину составляло 55 млн человек. Количество убитых и раненых на 1000 жителей 45,4 человека».

И вот действия Атласова на Камчатке, которые касались уже не только первого, но и второго принципа Сибирского покорения, — использование «местного ресурса» — межплеменной и межродовой вражды, которая в отдельных случаях (малоосвещенной в исторической литературе, приводила к полному уничтожению родов и племен, в том числе

Конрад Валленрод, худ. Ян Матейко, wikimedia.org

и на доатласовской Камчатке, о чем рассказывали Степану Крашенинникову и Георгу Стеллеру сами камчадалы):

«И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласкою их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил».

«А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастию руским людем они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги зва-

Филипп II (21 мая 1527 — 13 сентября 1598) — король Испании из династии Габсбургов

ли — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуды поплыли по Камчатке и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтоб им Володимеру с товарищи великому государю служить было не на чем. И он де Володимер с служилыми людьми увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинскаго моря поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь,

Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, в постриге Иона — великий князь московский и всея Руси с 1533 года, первый царь всея Руси

и Божиею милостию и государевым счастием их коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам».

«И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они коряки учинились непослушны и пошли от них на побег, и он Володимер с товарищи их постигли и они иноземцы стали с ними битца, и Божиею милостию и государевым счастием их коряк многих побили, и домы их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они Курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де Володимер с товарищи из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуды нейдут».

И что получается?

Коряки мстили (и отчасти справедливо) Атласову за то, что он собрал с них второй ясак, и компенсировали свою месть тем, что захватывали оленье стадо (возможно, ранее им и принадлежавшее), а казаки, естественно (это их единственное пропитание в период долгой камчатской зимы), вступали с ними в бой.

Река Камчатка, www.photogorky.ru

На Камчатке реке казаки действовали в союзе с верхнекамчатскими камчадалами, при этом Атласов весьма преувеличил вражьи силы и, соответственно, свои победы.

С курильцами, дав им первый бой, в последующие бои даже вступать не стали – «никакого живота (имущества. — *С.В.*) нет и в ясак взять нечего».

Так с чего это вдруг современные отечественные «историки» так ополчились на сибирское казачество и на Владимира Атласова, в частности, приписывая им зверства, прежде «не известные» человечеству?!

А выясняется, что сами сибирские казаки, в том числе Владимир Атласов, старательно приписывали себе и своим людям такое количество жертв в боях с «инородцами», какое могло быть «по достоинству» (то есть в рублях!) оценено в московских приказах, потому что за каждого убитого в бою «инородца», а также за убитую боевую лошадь (про оленей не знаю) сибирским казакам полагалась доплата к жалованью — те самые «боевые», которые платят солдатам всех армий мира и по сегодняшний день.

Отсюда и «жар» атласовской фантазии: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть».

Может, по четыре и даже пять земляных юрт в одном острожке в каком-то и было, но только без этих надуманных «сотен».

Самым крупным из всех населенных пунктов Камчатки был острожек Кунупочич тойона Начики Машурина — верного союзника русских казаков на протяжении всей истории. Этот острог, как известно, не подвергался нападениям, разрушениям и «зверствам» казаков. То есть на примере этого острога спекулировать историческими небылицами о том, что казаки разрушили, уничтожили и изничтожили сотни острожков (населенных пунктов) камчадалов, не получится.

С.П. Крашенинников сообщал, что в Машуринском острожке проживало 84 «ясакоплательщика», из которых 70 были «лисичниками», а 14 «собольниками».

А вот и описание: «От Горелого острогу в 48 верстах с половиною находится знатной камчатской острожек, по их Кунупочичь, а по русски Машурин называемой, которому в рассуждении многолюдства нет ныне подобного по всей Камчатке. Он стоит на левой стороне Камчатке реки при устье озерного истока Пхлаухчича. Строения в нем девять земляных юрт, 83 балагана и хоро-

мы изрядные, в которых живет тойон с своим родом». Об этом тойоне спустя столетие путешественник Карл фон Дитмар услышит нечто, переворачивающее некоторые исторические представления: «Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Этим легендарным Мерлиным и был тойон Начика Машурин, убивший Голгоча – одного из главных руководителей Харчинского бунта.

Так что Атласов сделал очень верную дипломатическую ставку на самую сильную фигуру Камчатки, которая оставалась верной этому союзу даже в самые тяжелые для Начики Машурина и его родников годы действительного казачьего разбоя, приведшие

В круг, худ. Н.Н. Каразин

к бунту камчадалов в 1731 году, расследованием которого занималась специальная походная розыскная канцелярия под руководством майора Якутского пехотного полка Василия Федоровича Мерлина, крестного отца Начики Машурина.

И по ходу нашего рассказа хочу напомнить, что и Горелый острог — это не следствие похода Владимира Атласова и его товарищей. Вот какие сведения о нем и камчатских доатласовских событиях оставил нам Степан Петрович Крашенинников: «…есть знатное урочище, называемое Горелой острог, потому что там бывало прежде многолюдное камчатское поселение, которое еще до покорения Камчатки сожжено камчадалами по причине случившегося мору»…

3

Взлет и падение Атласова начались не с похода, который обессмертил его имя. Он так и не стал своим в Якутске. Ему и впоследствии не простили этот поход.

Оценил подвиг Атласова лишь новый государственный человек — якутский воевода, в знак высокой награды отправив Атласова с товарищами в Москву доложить об открытии и освоении новой земли Камчатки.

1690-е годы были самыми сложными для Якутского воеводства — сборы ясака резко падали в связи с тем, что на северо-востоке России свирепствовало «оспяное поветрие», да и соболя в здешних местах основательно повыбили. Поэтому открытие соболиной Камчатки было величайшим достижением для якутского воеводы.

Москва, казну которой беспощадно поглощали реформы и войны, затеянные юным царем Петром, прорубавшего зачем-то санкт-петербургское балтийское окно, когда давно уже стояли крепкие архангелогородские ворота «в Европу», нуждалась как в деньгах, так и во всем, что приносило России эти деньги.

Сегодня президент России называет Камчатку «бриллиантом», хотя бриллиант — это ограненный руками человека «дикий» алмаз для придания ему дополнительного блеска. К сожалению, не могу согласиться с президентом — Камчатка не может претендовать на роль бриллианта, так как вся ее естественная (и единственная, по сути) красота заключается именно в ее «дикости», «нетронутости», «девственности». Но, тем не менее, оценка президента очень высокая. И мы, жители Камчатки, этому рады.

А теперь представьте себе чувства Владимира Атласова, когда он в столице был признан героем и награжден по-царски и от имени царя. Его произвели в чин казачьего головы — то есть головы над всеми якутскими казаками. Второго, после воеводы, человека в Якутске — столицы всего северо-восточного края России.

Ему было предоставлено право лично набрать в Тобольске, Томске и Енисейске сто казачьих детей из семей казаков-старожилов для своего второго похода на Камчатку и закрепления ее территории за Россией, создавая на Камчатке постоянные казачьи гарнизоны и возводя остроги — крепости.

Ему было предоставлено право приобрести для себя товаров на сто рублей — а это двадцать годовых окладов рядового казака.

Добавим к этому возраст нашего героя — ему только перевалило за сорок лет. То есть это был самый расцвет сил, когда он стал национальным героем и въезжал в Сибирь совершенно новым человеком, перед которым раскрывались все двери. Конечно, не перед ним — перед царским указом, по которому велено было выполнять все требования Владимира Владимировича. Но Владимир Владимирович принимал всю эту показную почтительность на личный счет и на первых порах вел себя в соответствии со своим высоким рангом и высочайшими полномочиями — в Тобольске он действительно отобрал в свой отряд 50 казачат из самых крепких и известных казачьих семей — в том числе детей атаманов и сынов боярских, воспитанных в священных для традиционного казачества обычаях и правилах служить Вере, Царю и Отечеству…

А вот далее, углубляясь в сибирскую глушь и все более и более погружаясь в кураж от своего величия, а с другой стороны, сталкиваясь все с более и более снисходительным, а то и просто презрительным к себе отношением, которое особо проявилось в Енисейске, где отряд застрял по целому ряду причин, связанных с тем, что местной администрации и местному казачеству не было дела до Атласова и его нужд.

Да, ему выделили согласно царскому указу энное количество казачьих детей для камчатского похода. Но енисейские казаки, в отличие от тобольских, которые несли службу по всей Сибири-матушке и почитали это своим священным долгом, думали по-другому. Они давно уже обзавелись, как и томские казаки, своими хозяйствами, вели торговлю и не желали отправлять своих сыновей куда-то на погибель, а потому пошли с Атласовым на сговор — подменили своих сыновей на всякий гулящий сброд. Такие подмены практиковались в Сибири. Но на короткий срок. А здесь — практически на «вечное житье».

Почему Атласов пошел на это?

Ответ у меня один — ему за это хорошо заплатили. За каждого из казачьих детей. То есть это уже был не прежний Атласов — ко-

«Неограненная» Камчатка, архив «Витязь-Тревел»

торый ради государственных интересов готов был переступить через якутское старослужащее казачество.

Нет, он был уже другим — и поэтому вступил с казаками в сговор. Он стал одним из них. Кураж величия перерос в гонор величия — и уже царский указ был для него не указ. Он сам теперь стал сибирским царьком, для которого не писаны были законы, а вступали в силу былые сибирские понятия.

Именно так и объясняют историки последующее поведение казачьего головы Атласова, когда он на Нижней Тунгуске разграбил купеческие дощаники — якобы и прежде так поступали казачьи атаманы в Сибири, когда им нужно было обеспечить свой дальний поход в дальние земли. И это якобы прощалось, когда те дальние земли действительно прирастали к телу Московского царства.

В истории всякое было. Ерофею Хабарову за Амурский поход простили даже расстрел казаков, которые отказались подчиняться атаману-разбойнику и попытались поступить в соответствии со своим казачьим государственным долгом — строить остроги, собирать ясак, пахать землю…

Но… Хабарову впоследствии было отказано в главном — вновь посетить Амур, где он в тайных схронах прятал награбленное богатство. А это для него было хуже, чем тюрьма для Атласова.

Да, за грабеж на Нижней Тунгуске Атласов попал в тюрьму.

Но есть маленький нюанс, на который я хотел бы обратить внимание своих читателей.

Вы помните, что одним из тех людей, которых обидел юный Атласов, ведя борьбу с незаконным винокурением,

Памятник Е.П. Хабарову в В. Устюге

был Василий Артемович Петриловский, сын боярский. Его папаша Артемий (Артамон) Филиппович, ближайший сподвижник Ерофея Павловича, его родной племянник, был разжалован за амурские разбойные дела из атаманов в пятидесятники и сослан вместе с Ерофеем Павловичем охранять верхнеленские пашни.

Так вот в городе Киренске, где атласовская ватажка отмечала свои «подвиги», некстати подвернулся и сын боярский Василий Петриловский, который «послал в Якутск еще одну жалобу на Атласова, в которой утверждал, что этот казачий голова «бранился матерно» и зло ему «кричал», что «де жена твоя будет подо мною лежать». Петриловский также утверждал, что получил «рану ножевую» и что у него сломаны амбары: «пиво и брага и квас из бочек вынуты».

Там же оказался и Андрей Амосов, под началом которого служил когда-то Володька Атласов. И вот какая «теплая» встреча произошла у них:

«Первоначально Рождество отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда “полчане” Атласова охмелели, они вновь попытались ворваться на склад с “вином горячим”. Произошла стычка. Атласовцы стали “ломать сени”. Тогда из дверей выскочили Андрей Амосов и Денис Федоров, которые схватили одного из “полчан” и решили его посадить “в железо”. Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и они бросились освобождать своего товарища. Завязалась новая потасовка. В конце концов Амосов бежал в Киренский монастырь».

Все это не было случайным — Атласов мстил этим людям.

Казаки при постройке линейных крепостей — оборонительных сооружений возводимых, в первой половине XVII в., худ. Н.Н. Каразин

Но и эти люди тоже не прощали своих обид.

И Атласов напрасно полагал, что Москва за Камчатку простит ему все. Нет, шли другие времена, и на царстве были другие люди.

Следствие по делу Атласова и его товарищей вели старослужащие казаки, у которых тоже были свои счеты с Атласовым. Хотя здесь и не нужно было особенно стараться — Атласов со всеми своими подвигами был у всех на виду.

Десять человек из атласовской сотни осудили и приговорили к тюремному заключению. Одним из них был и Владимир Владимирович.

Но вот сидел ли он в тюрьме — большой вопрос.

Встречаются документы Якутской приказной избы о том, что он оформлял ясачные книги. Это могло быть и не в зимовьях и острогах, а в самом Якутске. Но, естественно, не в тюрьме.

А затем ситуация самым крутым образом изменяется: как отмечал С.П. Крашенинников, ему дали «**полную власть над служивыми и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать** (здесь и далее выделено мной. — *С.В.*), а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, **обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему приписана**».

То есть Москва дала Атласову шанс…

Но Москва вынесла ему и… приговор.

4

Если в первый свой поход Атласову было позволительно использовать свой принцип вогнать «в страх инородцев», так как основную группу его отряда — и служивые, и промышленные — составляли люди, которых он сам нанял и обеспечил всем необходимым для организации и проведения этого похода, и ему никто не смел перечить…

И кроме того, им двигало в тот момент чувство служебного долга и желание прославиться.

Теперь это был совсем другой человек.

Ожесточенный. Подневольный. Ненавидящий и ненавидимый.

Все казаки, которые оказались в его отряде на пути в Камчатку, подали жалобы на жестокости обращения с ними Атласова анадырскому приказчику Осипу Миронову сыну Липину. Но тот не отреагировал, будучи столь же жестоким самодуром и считая такое поведение за правило жизни.

И вскоре они оба поплатятся за это…
Но это уже другой рассказ.

5

После смерти Владимира Владимировича Атласова на Камчатке и Чукотке служил его сын Иван Владимирович Атласов, казачий пятидесятник, в 1716 году верстанный в чин сына боярского.

Кто-то из двоих — Иван Владимирович или уже его сын Иван Иванович, произведенный в 1743 году анадырским приказчиком Дмитрием Павлуцким в казачий чин сотника, то есть обер-офицера, — стали крестными тойона Купхи, оставив ему свою фамилию.

Внук Ивана Ивановича — Семен Никитич Атласов — в 1797 году поступил в сын боярскую команду унтер-офицеров в Якутске и был направлен на Камчатку.

А далее его биография.

Поступил в якутскую боярскую команду унтер-офицером 01.04.1797 г. Вахтерским помощником в штат провиантский — 01.05.1799 г.

В 1812 г. разжалован в рядовые и зачислен в Камчатский гарнизонный батальон.

«1812 г. по суду и конфирмации Генерал-Аудитора и согласно мнения исправлявшего должность Генерал-Провиантмейстера Генерал-Адъютанта Меллера Закомельского, будучи в штате провиантском служителем, за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами через 1000 человек 3 раза с выключкою из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым».

В 1813 г. — «военнопосельщик» в с. Нижнекамчатск.

В 1816 г. зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту.

В 1819 г. зачислен в вахтеры. В этой должности служил в 1845 г. в возрасте 69 лет.

Был дважды женат. Имел четырех дочерей и четырех сыновей.

Атласов Василий Семенович (1830), зачислен в матросы Камчатской экипажной роты в 1845 г., флотский писарь. В списках 47-го флотского экипажа за 1855 г. не числится, вероятно, к этому времени был уже в отставке, возможно, проживал в селении Николаевка и в обороне Петропавловского порта участия не принимал.

Атласов Андрей Семенович (1832) — о нем нам ничего неизвестно.

Атласов Иван Семенович (1836), матрос 1 статьи 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта 1854 г. и морского сражения в заливе Де-Кастри, выбыл в Николаевский пост на Амуре в 1855 г.

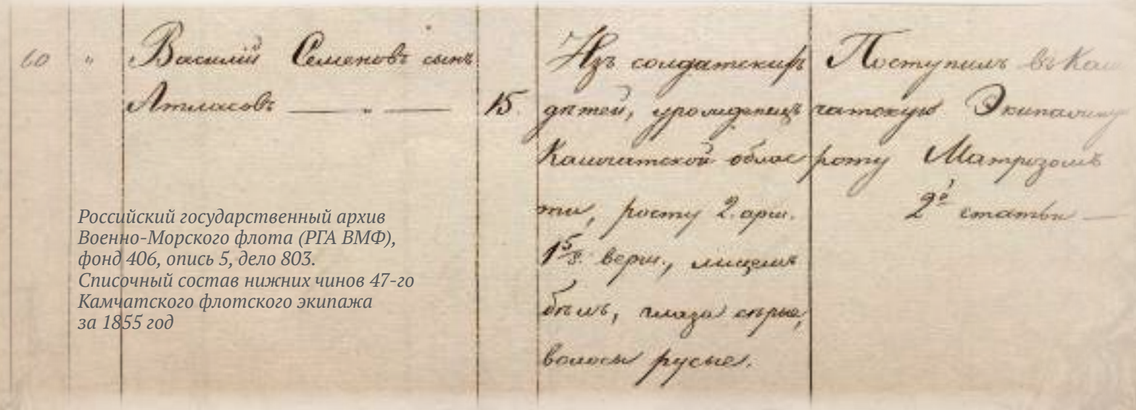
Атласов Степан Семенович (1844), кантонист, в десятилетнем возрасте был непосредственным участником обороны Петропавловского порта, награжден бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. на Георгиевской ленте. Закончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище (учился вместе с будущим адмиралом С.О. Макаровым), кондуктор Корпуса флотских штурманов.

С 1862 г., находясь в экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов В.М. Бабкина, плавал на клипере «Разбойник» (под командованием лейтенанта В.И. Попова) и корвете «Калевала» (под командованием капитан-лейтенанта Ф.Н. Желтухина) в заливе Петра Великого, занимаясь описью и промером со шлюпок. В 1865 г. служил штурманским кондуктором на пароходо-корвете «Америка» (под командованием капитана 2 ранга А.А. Болтина). В 1867–1868 гг. непосредственно Атласовым произведены опись и промер банки к северу от полуострова Песчаный, зимний промер северной части Амурского залива и устья реки Раздольной. По имени Атласова названы банка и мыс в Японском море.

Потомки Ивана и Степана Семеновичей Атласовых, возможно, проживают в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске или Владивостоке.

А потомки Василия Семеновича жили на Камчатке — в селах Сероглазка и Николаевка.

К сожалению, следы этих — камчатских — потомков Семена Никитича Атласова затерялись. И вообще вся эта камчатская линия

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

долгое время была не известной историкам и краеведам, которые отслеживали родословную линию Владимира Атласова в Якутске, Москве, Санкт-Петербурге, пока в Государственном архиве Республики Саха (Якутия) не были найдены документы о том, что Семен Никитич является старшим сыном Никиты Ивановича Атласова — правнука камчатского Ермака.

И только тогда начались новые поиски.

Так что мы еще надеемся на успех...

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Евгений Атласов, потомок Владимира Атласова — Санкт-Петербургская ветвь

Благословение. (Оборона Смоленска от польских захватчиков в 1609 – 1611 годах), худ. Ю.Г. Мельков

ДАНИЛО АНЦЫФЕРОВ И ИВАН КОЗЫРЕВСКИЙ

История сибирского казачества весьма затейлива, если касаться отдельных судеб людей, которые были либо присланы, либо сосланы, либо сами пришли по доброй или по злой воле в Сибирь-матушку.

Сибирь — огненное горнило, которое расплавляло самый тугоплавкий металл, отправляя его на перековку.

Черкасы, литвины, поляки (ляхи), немчины (включая англичан и французов), татары всех сибирских мастей, разноплеменные новокрещенные «инородцы» сбивались вместе с русскими служилыми людьми (выходцами из крестьян, посадских и гулящих людей) в казачьи десятни, пятидесятни и сотни казачьих полков.

Но у каждого была своя отдельная судьба и свой жизненный стержень, которые определяли и стиль жизни, и поведение, и отношение…

Даже в одной и той же семье ссыльного литвина (белоруса) Федора Иоанновича Козыревского, бывшего военнопленного, служившего в высшем казачьем чине по сибирским меркам того времени, — в чине сына боярского, было все по-разному.

Он был сослан на Лену в 1654 году, попав в русский плен. В 1667 году женился, и у него в Якутске родились трое сыновей — Петр, Семен и Дмитрий.

Будучи назначаемый приказчиком, исколесил все воеводство — был на Вилюе, Алдане, Олекме, на Чечуйском волоке.

Самым прибыльным делом в пушной торговле, которой в Сибири занимались все, кто здесь жил, было винокурение.

Вино курили и на законных и незаконных основаниях.

В первую очередь те, кто имел доступ к хлебу.

А Чечуйский волок в этом отношении был самым прибыльным местом — через этот «волок» и волокли в Лену с Нижней Тунгуски «хлебное жалованье» в Якутск, так что приказчик всегда мог поживиться. Плюс к этому и вокруг волока также были крестьянские пашни.

Братья Козыревские не оставили о себе памяти в истории Якутии.

Только старший из них, который после отца, принявшего монашество, также вступил в чин сына боярского, оставил недобрую память, убив на богомолье собственную жену и бежав вместе с детьми от суда и следствия в тайгу.

Произошло это в 1695 году.

Реакция Москвы была прелюбопытной: «Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинится, и за то его казнить самого

смертью, велеть повесить в той монастырской заимке (Киренского Троицкого монастыря, где он убил жену. — *С.В.*), а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил…»

Явился с повинной.

Били его нещадно на торговой площади в июле 1700 года.

Но простили, не казнили.

И сослали на Камчатку вместе с сыновьями — Иваном, Михаилом и Петром, куда они отправились в сентябре 1700 года в отряде первого камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева. Реку Коль, на которой первым сборщиком ясака будет Петр Федорович Козыревский, впоследствии его сын, в то время приказчик Камчатки, назовет в честь отца Козыревкой.

Но вскоре дети осиротели — в 1704 году Петр Федорович отправился вместе с приказчиком Михаилом Зиновьевичем Многогрешным сопровождать государев ясак в Якутск и на обратном пути с новым приказчиком Федором Васильевичем Протопоповым-Верхотуровым погиб, пытаясь объясачить коряков на острове, который с той поры носит имя Верхотурова.

Отряд Кобелева в основе своей состоял из казаков-«годовальщиков», которые должны были смениться с приходом нового состава камчатских казаков. Но, подчеркнем это, ядром отряда Кобелева были не они, а те казаки, которые участвовали в походе Атласова и были в составе отряда Кобелева проводниками. Это — сын боярский Иван Григорьевич Мокринский, Семен Леонтьевич Ломаев, Иван Яковлевич Куклин и Василий Данилович Бронник(ов) — все, по моим предположениям, тобольские казаки на якутской службе.

А на смену «годовальщикам» Кобелева пришел отряд Михаила Многогрешного, в составе которого было 45 казаков из тех ста, которые были собраны Владимиром Атласовым в Тобольске и Енисейске. Это была в основном та часть казачьих детей из семей старослужащих Тобольска, которые, как показало следствие, не были замараны в грабежах, разбоях и попойках с казачьим головой и которые о действиях Атласова и его ватажки подали свои челобитные якутскому воеводе.

Вы можете себе представить настроения этих молодых казаков, когда они узнали, что на Камчатку возвращается Атласов…

Но и вновь прибывшие с Атласовым казаки ненавидели его «всеми фибрами души» — одного из них — уроженца Томска — Данилу Яковлева сына Анцыферова Атласов чуть было не убил по дороге — «и Данила Анцыферова резал…» (из челобитной).

Мало этого — на Камчатке Атласов пустился во все тяжкие…

Камчатские казаки, численность которых не превышала в то время сотни человек, понимали, что, находясь в союзных отношениях с камчадалами верхнего течения реки Камчатки — самого многочисленного и могу-

Река Коль, Соболевский район, vulcanikamchatki.ru

щественного рода Начики Машурина, они ни в коем случае не должны действовать агрессивно, пытаясь военной силой покорить южных — авачинских и западных — большерецких камчадалов из племени кыкша-ай, где также на тот момент установились первые добрососедские отношения, позволившие в 1703 году построить Большерецкий острог.

Атласов все разрушил. Союзный отряд из верхнекамчатских камчадалов и русских казаков, отправившийся в поход на авачинских камчадалов, был разгромлен. Большерецкий острог сожжен, а гарнизон полностью уничтожен.

Казаки оказались в блокаде на реке Камчатке — ибо и коряки отрезали казакам путь на Камчатку с севера, перекрыв полностью дорогу с Чукотки и вступая в бой с казаками и на реке Пенжине, и на реке Олюторе (Вывенке), и на реке Караге…

Ситуация была критической. Более чем…

Озеро Начикинское, С. Середин, photokamchatka.ru

И тогда казачий круг в Верхнекамчатском остроге постановил: Атласова сместить с должности приказчика, арестовать, поместить в казенку до прибытия нового официального приказчика, который проведет следствие над ним и суд…

Наказным атаманом — временным приказчиком камчатских острогов — был избран тобольский казак Семен Леонтьевич Ломаев, участник первого атласовского похода.

Атласову удалось бежать из тюрьмы в Нижнекамчатский острог, откуда нижнекамчатцы его обратно верхнекамчатцам не выдали, но и власти ему в своем остроге не дали.

Имущество казачьего головы Владимира Владимировича Атласова было конфисковано и полностью отписано в казну.

Обратим внимание на тот факт, что, прибыв на Камчатку в июле 1707 года и будучи отрешенным от должности приказчика в де-

Озеро Начикинское, С. Середин, photokamchatka.ru

кабре того же 1707 года, его конфискованное имущество исчислялось следующими показателями и цифрами: читаем у С.П. Крашенинникова в рукописях: «Атласова посадили в тюрьму, по их в казенку, а пожитки его в казну обрали, которые кроме множества мехов собольих и лисьих, состояли в 30 сороках в 34 соболях, в 400 лисицах красных, в 14 сиводущетых, в 75 бобрах морских…»

Но это еще далеко не все, в комментариях к «Описанию земли Камчатки» (переизданному в 1949 году) есть и другие подробности: «В рукописи зачеркнуто: да сверх оной мяхкой рухляди взято у него шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты собольи, две шубы собольи пластинные под лимонною камкою, пушены морским бобром, три шапки женские пластинные собольи под красною камкою, пушены бобром, в том числе одна с золотым кружевом, одеяло пластинное соболье под атласом, пушено бобром, 3 меха плястинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи черепчи, парка соболья, оплечье и кличье бобровое, куклянка соболья, парка соболья детская, две постели бобровые, шуба бобровая, опушена бобром, санаяк бобровой с оплечьем лисиц сиводущатых, санаяк выдряной с таким же оплечьем, пушен бобром, шапка женская бобровая, два меха бобровые, санаяк бобровой, детской, с оплечьем собольим, мех хребтовой сиводущатых лисиц, мех хребтовой красных лисиц, пушен бобром, мех хребтовой красных же лисиц, мех черевей сиводущатых лисиц, мех черевей красных лисиц и куклянка красных лисиц; такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода. — *Ред.*».

Но не стоит думать, что Атласов в своей алчности перещеголял других камчатских приказчиков — и мы к этому еще вернемся. Скорее всего, Атласов «вымучил» всю эту пушнину у тех самых казаков, которые, в том числе и за это, низложили своего приказчика и заточили его в тюрьму.

Дело в том, что инцидент с Атласовым, который случился в декабре 1707 года, имел позже свое, но уже кровавое, продолжение.

Через четыре года с наказом провести следствие о насильственном отрешении от должности Владимира Атласова на Камчатку прибыл новый ее приказчик… Осип Миронов сын Липин.

Тот самый анадырский приказчик, который отказался рассматривать челобитные служилых людей, обиженных Атласовым.

Липин начал следствие с Нижнекамчатского острога, «вымучивая» под видом следствия — допросов с пристрастием — схороненную по тайникам пушнину. Его нисколько не волновал вопрос о том, что каза-

Выставка-ярмарка «Сказочная Камчатка: пушнина и мехa», kamgov.ru

чий круг собирался в Верхнем Камчатском остроге и что именно там, в камчатской столице тех лет, был низложен, арестован и посажен в казенку камчатский Ермак.

Собственно, и судьба самого Атласова нисколько, по-моему, не волновала Осипа Мироновича — у него были совсем другие цели по использованию наказа о проведении розыска — личное обогащение.

В промежутке между правлением Атласова и сменившего его Ломаева на Камчатку прибыл в 1707 году еще один приказчик — сын боярский Петр Чириков, из сосланных в Якутск в 1694 году дворян Чириковых (Андрея (отца?) и братьев Петра, Федота и Филиппа). Андрей с Петром были верстаны в дети боярские, Федот с Филиппом — в казаки.

Я еще раз повторяю, что Владимир Владимирович Атласов не был исключением из общего правила для камчатских приказчиков — поживиться, используя свою власть, за счет грабежа своих же казаков. Лозунг, брошенный большевиками: «Грабь награбленное», был актуален во все времена и у всех народов. Ни мы, ни наши предки, ни предки других народов мира не были исключением из этого общего правила.

Как не были исключением и коренные жители Камчатки, которые «столь часто между собою воевали, что году не проходило, в котором бы сколько-нибудь острожков разорено не было. Главное намерение браней их состояло в том, чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особливо женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество…

Иногда соседственные остроги и за то друг против друга вооружались, что дети между собою поссорились, а есть ли кто кого позвав в гости не столько, как надлежало, подчивал, то сие вменялось за такую обиду, которую мстить надлежало не инако, как погублением всего острога, в котором случалось той неприятельское действие».

При этом, как отмечал все тот же С.П. Крашенинников, «…живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя. Богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любочестия и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а притом ярость, ненависть и мщение, чего ради и войны как между собою, так и с соседними народами имели они не для распространения земли, ни для приобретения власти, но по причине какой-нибудь обиды, или для похищения съестных припасов…»

Правда, ярость, ненависть и мщение выражались весьма и весьма «экзотическим» способом: «С пленниками мужеска полу особенно знатейшими удальством своим поступали они с обыкновенным всем тамошним народам бесчеловечием. Жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги, и всякие делали надругательства торжествуя при том о победе над неприятелями».

Так что не было в древней истории нашей планеты народов, которых бы мы сегодня не осудили бы с позиции нашей сегодняшней «благочестивой» морали.

Но вернемся к истокам известной нам камчатской истории.

В Верхнекамчатске, узнав о том, что творит там, проводя розыск, Осип Липин, казачий круг объявляет своим атаманом того самого Данилу Яковлева сына Анцыферова Томского, которого «резал» по пути на Камчатку Владимир Атласов. А есаулом (то есть вторым лицом, писарем или подьячим) избран был молодой грамотный казак Иван Петрович Козыревский.

Решение, которое вынес круг, — смертный приговор приказчику Липину.

Второе решение, которое было принято, скорее всего, после казни Липина, когда руки были уже обагрены кровью — убийство Атласова. По одной из версий, Иван Козыревский написал подложное письмо, за чтением которого его и убили, ударив ножом. По другой версии, он понял замысел убийц и пытался отстоять свою жизнь… По третьей, самой подлой, его убили спящим…

И уже третье решение «воровского» схода, по исходу двух убийств, — убить и бывшего приказчика Чирикова, который не успел уйти с ясаком. Причин было две. Первая — он был свидетелем убийства Липина.

А вот вторая, на мой взгляд, была более существенной: «пожитков Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 20 бобров морских; Осипа Миронова 20 сороков соболей, 400 лисиц красных да 30 бобров морских».

Правда, теперь в казну были отписаны только две прелые шкуры сиводушчатых лисиц, принадлежавшие Степаниде Атласовой, а все остальное было «продуванено» — разделено на 75 участников кровавых событий (35 человек при этом добавились в «воровской» отряд в Нижнекамчатске) — и досталось «на пай на всякого человека по полутора сорока соболей, да по 20 лисиц красных, да по 2 бобра морских», не считая «общака», который был схоронен во вновь отстроенном Большерецком остроге, куда ушли открывать новые земли атаман Анцыферов с есаулом Козыревским и своими товарищами — лихими разбойниками…

В 1711 году большерецкие казаки высадились на острове Шумшу — самом северном из островов Курильского архипелага, зама-

Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем, худ. В.И. Суриков

ливая грех «смертоубийства» присоединением новых земель к Российской империи.

В 1712 году Данила Анцыферов во главе небольшого отряда отправился покорять авачинских камчадалов, а Козыревский с 30-ю казаками — курильских камчадалов Курильской землицы, расположенной южнее Большерецкого острога.

И здесь впервые казаки столкнулись с военной хитростью камчадалов: «Против казаков употребляли они обыкновенную свою хитрость, которую и больше их губили, нежели оружием. Когда казаки требовали ясаку с какого нибудь непокоренного острожка, то весьма редко имели сопротивление, но почти всегда приниманы были с честию и любовию как приятели: дарены щедро, почиваны довольно, и ни в чем не имели отказу. Таким образом приведши их в оплошность побивали в ночное время, или выбравшись все вон из юрты, зажигали оную с казаками. Такою хитростью в двух местах погибло человек до семидесять, которое число в рассуждении тамошнего малолюдства можно почесть за великое».

На реке Аваче в 1712 году сгорело заживо 25 казаков.

В 1713 году Козыревский повторил свой поход на Северные Курильские острова и описал все остальные, вплоть до Матмая (Хоккайдо).

А объединенный отряд камчадалов долины реки Камчатки и верхне- и нижнекамчатских казаков во главе с Никитой Дурыниным, потомком тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни, в том же году покорил авачинских камчадалов, которые присягнули русскому царю.

За открытие и присоединение к России Курильских островов большерецкие казаки были прощены. Иван Петрович Козыревский даже был назначен наказным атаманом на период отсутствия официального приказчика Камчатки — когда прежние приказчики Василий Колесов и Иван Енисейский отправились с ясаком в Анадырскую крепость, но по дороге были убиты коряками.

А на смену Козыревскому прибывает из Якутска новый камчатский приказчик Алексей Артемьевич… Петриловский, младший брат того самого Василия, с которым конфликтовал Атласов.

И все повторилось — «Козыревский вывез с островов на свою долю на несколько тысяч пожитков, которые камчатский прикащик Петриловский у него вымучил и принудил его в 1716 г. постричься в монахи» (А.С. Сгибнев).

А вот и дополнение этого же автора: «Петриловский, приняв в свое ведение остроги со служилыми и собранные на 1715 г. ясаки, вымучил имение Козыревского, вывезенное с островов, и стал заботиться только о том, чтобы скорее обогатиться. Он ограбил не только инородцев, но и казаков, имевших что-нибудь лишнее, употребляя к тому кнуты, батоги и даже пытки. Колодки и кандалы не считал он наказанием. Такими мерами заставил он Козыревского и Якова Ярыгина постричься в монахи, передав их на руки отчужденному от света архимандриту Мартемьяну, присланному сюда с дворянином Атласовым. Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и, с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул (вот список пожитков, отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей, 1542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях соболий, парка (зимняя верхняя одежда из шкур без разреза. — *Ред.*) соболья с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, оде-

Соболь, pinimg.com

Курилы, фото пресс-службы АО «Росгеология», sakhalinmedia.ru

яло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; треух из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая (шапка на меху, кафтан без пояса. — Ред.) собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей. Из всего имущества Петриловского дано ему на подъем 200 лисиц, 27 бобров и несколько шуб. — *Авт.*)».

Но начали мы этот наш очерк с того, что и не в каждой сибирской семье, настоянной на «травах» многих наций и народов, не всегда было согласие. Как в семье старших Козыревских.

Так и в семье младших. За эти слова, которые мы приводим ниже и свидетелем которых был один из братьев Ивана Петровича, Козыревский в конце концов поплатился жизнью:

«Да в нынешнем же 720 году, майя в день, будучи я Максим (приказчик Лукашевский. — *С.В.*) в Большерецку у отправления великого государя казны через Ламское море в Якуцк, приходил ко мне Максиму на постоялой государев двор монах Игнатий Козыревский, да в то же время был у меня Максима на постоялом государевом дворе служилой человек Петр Козыревской, и размолвился он монах Игнатий с оным служилым человеком Петром Козыревским, и в той размолвке укорил его монаха Игнатия он Петр Козыревской: от тебя де и прежние прикащики на Камчатке убиты. И он монах Игнатий говорил во оно время такие речи: которые де люди и цареубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать».

Но именно с ним, Козыревским, судьба распорядилась так, что он был единственным, кто, получив прощение за свои заслуги перед государством, понес наказание за убийство Атласова и умер в зените своей славы первооткрывателя Курильских островов в тюремном застенке Санкт-Петербурга…

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИВАР АСИДАМ И НАЧИКА МАШУРИН (МЕРЛИН)

Георг Стеллер в своей книге «Описание земли Камчатки» в двадцать первой главе, которая называется «О первоначальном присоединении Камчатки», сообщает нам следующие подробности о первых походах казаков на Камчатку. Правда, как дополняет сам автор, документальных подтверждений всему этому ему обнаружить не удалось:

«Достойно сожаления, что в архивах Камчатского приказа не найти ни малейших указаний на все то, что касается присоединения страны и способов покорения столь многочисленного народа; равным образом не найти там и описания всего тогда происшедшего, а именно: каким образом были взяты одно за другим разные селения и какие от поры до времени происходили там восстания и столкновения. Сохранившиеся доселе документы, особенно находящиеся в Большерецком остроге, написаны, за отсутствием бумаги, на березовой коре китайскою тушью. Хранились они безо всякого присмотра в сырых амбарах и поэтому отчасти сгнили, отчасти совершенно потускнели и стали неудобочитаемыми. Уже много лет тому назад это зло оказалось непоправимым. Несмотря на это, несколько лет назад сюда было направлено из Якутска специальное лицо с поручением изъять местный архив изо всех острогов и доставить его в Якутск, но и этому лицу пришлось безрезультатно вернуться. Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей и что из этого материала путем усердного и неоднократно повторявшегося опроса разных лиц в разное время и в разных местах можно было признать более или менее достоверным».

И вот первая рассказанная им история, которую он предлагает нам считать достоверной:

«Нижний острог и Камчатка были заняты и заселены первыми, да и казаки предварительно получили благоприятные сведения, а также переводчиков из числа коряков. От реки Камчатки казаки, в составе всего только 17 человек, поплыли в байдарах в Кроноку, а оттуда двинулись сухим путем к реке Верхней. В те времена жил в том месте, где ныне находится Верхний острог, могущественный ительмен по имени Ивар Асидам, которому все до самой Большой реки было покорно. Этот человек, к моему величайшему сожалению, умер в 1741 году, а мне так хотелось повидаться и поговорить с

ним. Он послал к Большой реке своих людей и велел нескольким прибывшим морским путем казакам явиться к нему. При посредстве корякской переводчицы он спросил их, что им нужно, откуда и зачем они прибыли. Казаки ответили, что они явились от великого и могущественного владыки, которому подвластна вся земля, и что ему, ительмену, надлежит платить им ежегодно ясак или дарить соболей за то, что они, казаки, будут проживать на его земле. Очень удивившись, что пришельцы будут проживать не в своей стране, а в чужой и что они прибыли из страны, о которой ительмены никогда ничего не слыхали, Ивар созвал совет. На этом совете он заявил, что раз эти сильные, высокие и храбрые люди, числом четыре, осмелились появиться среди такой большой толпы народа и столь смело потребовали ясака для своего повелителя, то ему, Асидаму, этот иноземный народ представляется весьма могущественным и притом очень умным; это можно усмотреть по одежде чужеземцев и по их железным инструментам. А так как эти люди привезли ительменам всевозможного рода полезный железный товар и требуют за него только лисьи и собольи меха, он считал бы необходимым не только не причинять им никакого вреда, но согласиться, в силу обилия у них, ительменов, зверья, на их предложение и из-за подобных пустяков не превращать этих людей в своих врагов: ведь если их убить, то явятся более значительные отряды их, которые пожелают отомстить за своих братьев. Вдобавок, закончил он свою речь, он принял во внимание также мужество и силу русских сравнительно с соответственными качествами камчадалов. И вот когда русских снова допустили к нему, им вынесли гораздо больше собольих шкурок, чем они рассчитывали; тогда русские, в свою очередь, одарили ительменов ножами. Упомянутый Ивар пользовался этим своим первым ножом, в память о рассказанном событии, почти до конца своей жизни. Затем русских с их соболями отправили, со строгим запретом причинять им какой-либо вред, под конвоем к Большой реке и отпустили там с любезным указанием, что они поступят очень хорошо, если больше сюда не вернутся».

Легенда, конечно, интересная и поучительная, которую взяли на вооружение многие из историков и писателей, в том числе и я сам, пока не было замечено, что другой великий исследователь Камчатки Степан Крашенинников, который, в отличие от Стеллера, побывал в здешних местах до «смерти» Ивара Асидама (Азидама) и мог быть с ним лично знаком, ни разу не упоминает это имя в своей огромной книге, а также в своих подробных рапортах —

«Алхалалай» — обрядовый праздник ительменов на Камчатке, kamgov.ru

отчетах о результатах своих путешествий по Камчатке.

И естественно, встает вопрос — кто из двух великих ученых был либо недобросовестен в сборе исторического материала, доверяя недостоверным слухам, либо вообще выступал в роли «сочинителя», а не исследователя камчатской истории?

Камчатский краевед Валерий Быкасов в своем очерке «Исторические персонажи ительменов в представлении Г. Стеллера» пытается отыскать какие-то духовные истоки превращения Георгия Стеллера в барона Мюнхгаузена, который придумал несколько крупных исторических фигур среди камчадалов — помимо Ивара Азидама еще и Кончата и Шантала (Шандала):

«…сидя под вой пурги в глуши Большерецка над своими бумагами при свете свечи, а то и обыкновенного жирника, Г. Стеллер при его живости ума и изрядной фантазии просто не мог не поддаться влиянию этих мифов. А не исключено, и сам приложил руку к их появлению в части создания образов Кончата, Шандала и Ивара Асидама. Не исключено, поскольку это был единственный, пожалуй, способ не спиться или не сойти с ума. И тем самым, скажу окончательно, в своих научных изысканиях Г. Стеллер проявил не только редкостную наблюдательность и научную дотошность, но и очевидную фантазию. Ту самую фантазию, благодаря которой его вполне уместно причислить к неистребимому племени Мюнхгаузенов. Но что позволено и простительно человеку в его положении, не дано исследователям, пытающимся разобраться в сути происходящих в начале освоения и покорения Камчатки событий. То есть, как бы не были привлекательны представления Г. Стеллера относительно названных исторических персонажей, они не находят, по крайней мере пока, документального подтверждения. А потому правильнее будет всякий раз подчеркивать, когда мы говорим о том же Иваре Асидаме, что это всего лишь предположение Г. Стеллера. Предположение, которое имеет право на существование, но не может претендовать на истину в последней инстанции. Тем более не может, что во всем стеллеровском “Описании земли Камчатки” имя Ивар Асидам первый и единственный раз употребляется только и только в вышеприведенном фрагменте. А этого явно недостаточно для того, чтобы стать непреложным фактом».

Странная, конечно, версия — убедительно доказав, что данный образ — плод «живости ума и изрядной фантазии», автор обоснованного ее разгрома предлагает все же считать эту самую фантазию «предположением Стеллера»…

Но… последуем и мы этому примеру.

Из всех самых первых предполагаемых походов на Камчатку документально подтвержден только морской поход анадырского приказчика Ивана Меркурьевича Бакшеева Рубца с целовальником (приемщиком ясака) Федотом (Федором) Лаптевым, которые в составе двух экипажей кочей провели зиму 1662–1663 гг. в верховьях реки Камчатки на реке, которую впоследствии называли Федотихой (Никул).

Что самое главное — в обнаруженных известным ленинградским ученым Борисом Петровичем Полевым документах Иван Рубец сообщает именно о том, что он побывал в верховьях реки Камчатки.

И никакого столкновения между коренными камчадалами и пришельцами действительно не произошло. Иван Рубец «со товарищи» благополучно возвратился в Анадырский острог.

Портрет-реконструкция Г.В. Стеллера, худ. И.И. Станков, baynature.org

Через полвека в здешних местах появляется Владимир Атласов.

И вот что он сообщает (извиняемся за повтор, но он имеет здесь принципиальное значение): «И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

Внутренний вид зимнего жилища, Камчатка. Иллюстрация к английскому изданию «Описание земли Камчатка» 1784 г., ККМГИ

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году».

То есть если верить Атласову, то верхнекамчатские камчадалы использовали

Река Камчатка, Д. Жаров, smorodina.com

русских против своих же — нижнекамчатских — камчадалов.

Что же касается коренных жителей верховьев этой реки, то в их родовых владениях расположился впоследствии по приказу Атласова отряд казака Потапа Серюкова, состоящих из казаков, промышленных людей и союзных им юкагиров, которые прожили в здешних местах три года, занимаясь охотой на пушного зверя и сбором ясака, не конфликтуя с местным населением.

Без конфликта расположился в Верхнекамчатском зимовье и первый официальный приказчик, присланный со своим отрядом из Якутска, Тимофей Родионович Кобелев, который направил экспедицию во главе с Родионом Преснецовым на юг Камчатки, и казаки прошли всю эту (впоследствии самую воинственную) часть полуострова, исследовав юго-восточное и юго-западное побережья и открыв Авачинскую бухту, без каких-либо военных конфликтов.

По сообщению С.П. Крашенинникова, Кобелев «ясак как по реке Камчатке, так и по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он невольной, и с ясашною казной выехал в Якутск в 1704 году благополучно».

Во времена Степана Петровича Крашенинникова в верховьях (да и во всем бассейне) реки Камчатки самым крупным населенным пунктом был острожек Кунупочич, тойоном которого был Начика Машурин.

Вот что сообщает С.П. Крашенинников об этих поселениях:

Чаничев острог, тойон Ганала, 37 мужчин платят ясак соболями, 57 — лисицами. Всего в острожке 94 «ясашных плательщиков».

Иромлин острог, тойон Шипкамак — ясачных 43 человека (19 «собольников» и 24 «лисичника»).

Машурин острог (Кунупочич) — 154 (84 и 70).

Шапин или Шепен, тойон Начика — 13 (8 и 5).

Тулуач, тойон Канач Кукин — 12 (3 и 9).

Козыревской (Накшин, Колю), тойон Накша — 14 (5 и 9).

Вытылгинской, тойон Выргач — 6 (4 и 2).

В 1731 году тойон Начика Машурин не поддержал Харчинский бунт, хотя целый ряд следственных материалов был построен на его показаниях: «1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и соболями, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурынин с товарыщи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году

Камчатская огневка, pinimg.com

против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет проявить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы, изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то все берут вместо чащин».

В знак особого расположения к вождю верхнекамчатских камчадалов Начике Машурину руководитель Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте майор Якутского полка Василий Федорович Мерлин стал крестным отцом вождя при его крещении в православие и получении нового имени — Егора Васильевича Мерлина.

Все камчатские Мерлины — потомки тойона Начики Машурина. И мы чуть позже расскажем об их исторической судьбе.

Фрагмент острожной стены, воссозданной в селе Мильково в память о Верхнекамчатском остроге

Но вернемся к вопросу о том, почему верхнекамчатские камчадалы не поддержали Харчинский бунт?

Причина очень простая.

Верхнекамчатцы были постоянными союзниками русских казаков.

Собственно, поэтому казаки первоначально и обосновались в здешних местах, где, по «предположению Стеллера», их мог принять и щедро одарить некий мудрый вождь. Вполне вероятно, что это был отец Начики Машурина.

Но думаю, что все было еще проще — основное население в бассейне реки Камчатки было сгруппировано в ее среднем и нижнем течении. И нижнекамчатские камчадалы (то есть Атласов не соврал) были постоянными обидчиками более слабых (в количественном измерении) верхнекамчатцев, постоянно нуждавшихся в пополнении своих рыбных запасов, так как в верховья лосось приходил уже в брачном наряде.

В 1713 году этот военный союз, заключенный между верхнекамчатскими камчадалами и казаками, был испытан на прочность. Вот, например, что пишет А.С. Зуев: «По распоряжению И. Енисейского, каратель-

Ительмен Борис Жирков, солист в балетах «Мэнго» и «Эмэм Кутх», рис. Е.Ф. Лонгинова

ный отряд в 120 служилых в сопровождении 150 ительменов под командованием Никиты Дурынина ходил на «авачинских изменников», которые в прошлом году уничтожили отряд Д. Анциферова. Были разгромлены два острожка, а их защитники в большинстве перебиты, остались лишь «малые люди». По данным С.П. Крашенинникова, «изменники сидели в осаде в таком крепком остроге, что казаки недели с две стоять под ним принуждены были, и два раза приступали без всякого успеху; наконец огнем сожгли, и всех камчадалов, которые выбегали во время пожара, побили, оставя токмо тех, которые до зажжения к ним вышли, и ясак платить обещались. То же учинили они и с жителями Паратуна острожка, который приступом взяли». Побитые авачинцы были принуждены к уплате ясака. Крашенинников указывал, что именно с этого времени «авачинские камчадалы начали ясак платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тем, что камчадалы им давали, и то не повсягодно, ибо они по большей части бывали в измене».

Гравюра, Паратунские горячие ключи

Обратим внимание на тот факт, что и в первой и второй приведенных нами цитатах фигурирует одно и то же имя — Никита Дурынин. Кстати говоря, верхнекамчатские казаки не выдали впоследствии Дурынина следствию, и он не проходит (возможно, в связи со смертью) по спискам казаков, которые были жестоко наказаны за все то, что перечислял в своем обвинении Начика Машурин (Егор Васильевич Мерлин).

А вот какую запись со слов жителей Машуры оставил через 120 лет после Харчинского восстания Карл фон Дитмар: «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. 10 жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители (33 мужчины и 23 женщины) имели свежий и здоровый вид. Нас тотчас же отвели в очень опрятный дом тойона Мерлина, где мы встретили приветливый и радушный прием со стороны хозяев. Мерлины принадлежат к очень старому камчадальскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя. Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Гулгуч — это Голгочь, тойон ключевских камчадалов, родной дядя Федора и Степана Харчиных. О причинах этого убийства в нашем следующем рассказе.

А теперь несколько слов о Мерлиных.

Одного из сыновей вождя обучил грамоте камчатский ссыльный Ивашкин (настоящая фамилия которого была Квашнин). Грамотный камчадал был переведен в Большерецкий острог, где женился на дочери казака. И здесь этот род разъединился — часть его детей осталась на западном побережье в селах Явино и Голыгино, а один из сыновей был направлен тойоном (вождем) в село Шаромы (Шеромы). И кстати, эта династия руководила селом и в годы Советской власти — председателем колхоза был Захар Иванович Мерлин, а председателем сельского Совета — Валентин Иванович Мерлин.

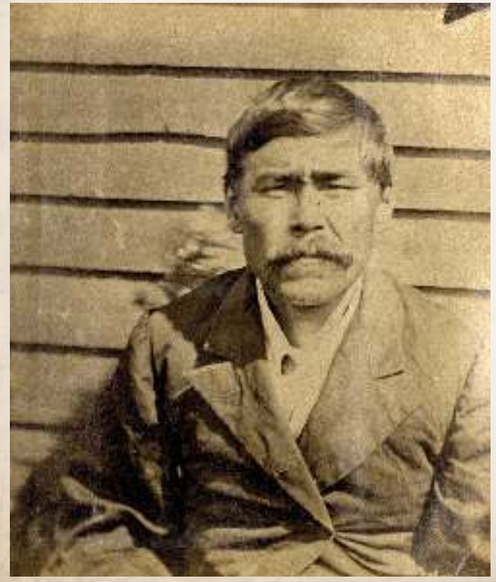
Но и это еще не все.

В 1840-х годах часть жителей сел Явино и Голыгино переселили в центральную Камчатку — в села Начики и Голыгино.

Иван Мерлин (отчество, к сожалению, пока неизвестно), 1807 года рождения, камчадал с. Начики, принимал непосредствен-

ное участие в обороне Петропавловского порта в августе-сентябре 1854 года и был награжден бронзовой памятной медалью на Георгиевской ленте.

В 1855 году по призыву камчатского губернатора Василия Завойко принять участие в обороне Петропавловского порта прибыли жители центральной Камчатки — в их числе был и Егор Мерлин (1825 г. р.) — уроженец села Машура, награжденный впоследствии памятной медалью на Андреевской ленте.

Камчадал. Староста Мерлин. Из альбома Б. Дыбовского

Известно, что главный замысел японского десанта из отставных унтер-офицеров, высадившихся летом 1904 года в устье реки Озерной (западной) заключался в том, чтобы захватить территорию проживания айнов (курилов), которые в 1875 году при обмене Южного Сахалина на Курильские острова не захотели быть подданными микадо и переселились с островов Шумшу и Парамушир на материковую Камчатку к своим камчатским родственникам — курильским камчадалам, проживавших в селах Явино и Голыгино.

Последний тойон Мерлин — председатель Шаромского сельского совета Валентин Иванович Мерлин

В Явино, которое японцы действительно захватили, их командир — отставной лейтенант императорского флота Японии Сечу Гундзи — прибил доску с надписью о том, что эта земля «уже принадлежит Японии».

Но в ответ получили удар от народных ополченцев, в рядах которых были и многочисленные Мерлины:

Мерлин Алексей Родионович (1882), с. Голыгино; Мерлин Василий, с. Щапино; Мерлин Гурий, с. Киргаником; Мерлин Егор Ульянович (1870), с. Голыгино; Мерлин Иван Маркелович (1876), с. Голыгино; Мерлин Николай Ульянович (1875), с. Голыгино; Мерлин Павел Маркелович (1880), с. Голыгино.

Сражался с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны Мерлин Анемподист Ильич (1919), награжденный орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Известный камчатский поэт Георгий Германович Поротов посвятил Анемподисту Ильичу одно из своих стихотворений:

Анемподист Ильич Мерлин, худ. Винокуров А.Ф. (из фондов КГКУ ККОМ)

Трехмерная панорама «Десант на Шумшу. Последний остров войны», culture.admsakhalin.ru

Гроза отмыла небеса,
Ядреный день. И воздух чист.
Пойдем в прибрежные леса,
Мой старый друг Анемподист.
Давно с тобою не бродил
Под шаловливый птичий свист.
Ты черный волос убелил,
Мой старый друг Анемподист.
Я помню: в гулкий день весны,
Когда тальник раскинул лист,
На костылях пришел с войны
Мой старый друг Анемподист.
И, заглушив назавтра боли,
На трактор сел артиллерист,
Пахал и ночевал на поле
Мой старый друг Анемподист.
Пойдем по рощам молодым,
Там ручеек такой речист…
Болит нога? Ну, посидим,
Мой старый друг Анемподист.

Участниками Курильского десанта были: Мерлин Василий Петрович (1910), с. Мильково; Мерлин Василий Васильевич; Мерлин Гавриил Михайлович (1927), с. Шаромы; Мерлин Гурий Вениаминович (1923), с. Машура; Мерлин Иван Семенович (1926), с. Мильково; Мерлин Иннокентий Вениаминович (1926), с. Машура; Мерлин Михаил Сергеевич (1922 – 18.08.1945), с. Мильково, похоронен в братской могиле на острове Шумшу.

КЫМГУ РУСАК

Первым русским поселением на восточном побережье современного Камчатского края, возникшим за два года до похода Владимира Атласова, стоит считать острог, построенный казаками и промышленными людьми Луки Семеновича Старицына Мороски и Ивана Васильевича Голыгина на реке Апуке.

Строил и обживал острог один из представителей сибирской служило-торгово-промышленной корпорации Ворыпаевых (Воропаевых): по одним данным Никита, по другим — Михаил Ворыпаев.

Михаил Иванович Белов дает ему следующую характеристику: «Торговый человек Никита Ворыпаев — один из крупных колымских промышленников XVII в., выдающийся полярный мореход и землепроходец. Нам известны его походы: в 1650 г. от Жиганска на Индигирку (ЯА, к. 12, ст. 1), в 1654 г. от Колымы до Жиганска (ЯА, к. 15. ст. 8), в 1660 г. от Колымы до Жиганска (ЯА, к. 17, ст. 11), в 1664 г. от Колымы до Бузина острова (Яна) (ЯА, к. 20, ст. 3), в 1685 г. от Колымы на Лену (ЯА, к. 37, ст. 5). Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко».

То, что Никита Ворыпаев был послан в эти края, за Нос, на Чукотку, подтверждает и этот документ:

«Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю… бьет челом холоп твой казак Микитка Ворыпаев.

Бил челом тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, по кабале в долгу в четырехстах рублех торговой человек Иван Федоров сын Катаев, а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — итти морем за Нос вожем.

Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич… пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том ево иску дать сроку, как я, холоп твой, приду с твоей, государевы, з заморские службы.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

На обороте помета: «187-го августа в 3 день. В-ыску для службы осрочить, а послать паметь, велеть ево выслоть из-за Носья с-Ываном Потаповым и Любимом Козанцовым. А послон он, Никитка, для морскова ходу, что ему тот хот за обычей и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того и послон» (ф. Якутская приказная изба, ст. № 2398, л. 9).

Но в 1685 году Никита Федорович вернулся в Якутск: «…в прошлом во 193 году на Ковыме в Нижнем зимовье приезжали весною о Благовещеньеве дни… заносские служилые люди, которые вышли великих государей з десятинною костяною казною через Камень, казаки Ивашко Грыцкой, Микитка Ворыпаев, Антипко Сидоров, Якунька Пермяков, а сколько пуд костяной казны, того он, Сенька, не упомнит. И те де казаки Ивашко Грыцкой, поделав суды, пошли с тою костяною казною морем…»

Иллюстрация из альбома «Путешествие по Восточной Сибири» И. Булычова

Оседлые и оленные коряки. Иллюстрация из альбома «Этнографическое описание народов России» (“Description ethnographique des peuples de la Russie”)

В другом своем труде («Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку») все тот же М.И. Белов пишет о том, что Апукское зимовье (или, может быть, острожек) строил Михаил Ворыпаев:

«Морозко пишет, что “с служилыми людьми, служа и радея вам, великим государем, взял камчацкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того — за малолюдством служилых людей”. Судя по тому, что и позднее использовали этот маршрут, путь Морозки на реку Камчатку пролегал по западному берегу полуострова через бассейн реки Тигиль. Но уверенности в этом нет.

Результаты этого похода оказались весьма важными. Поход Морозки положил начало постоянным русским поселениям и непрерывному пребыванию русских на Камчатке. Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир. В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками, с тем чтобы им “итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни”, во-вторых, стараться призывать под “великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж” соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке».

Хотя в этой же самой своей работе Михаил Иванович снова возвращается к тому, что в Апуке был Никита Ворыпаев: «1 февраля Атласов вышел “во Олюторскую землю и на Камчатку реку”. С первого взгляда может показаться непонятным, почему Атласов шел вдоль восточного берега полуострова, тогда как прямая дорога на реку Камчатку лежала вдоль западного берега. Это станет понятным, если мы вспомним маршрут Луки Морозки. Именно этого маршрута придерживался Атласов. Возможно, имело также

значение желание связаться с группой Никиты Ворыпаева. Вплоть до реки Камчатки Атласов следовал по маршруту Луки Морозки, который ему показывали казаки из отряда Морозки. К сожалению, встреча с группой Никиты Ворыпаева, оставшейся на Камчатке по время похода Луки Морозки и Ивана Голыгина в 1695–1696 гг., не состоялась».

Мы уделяем столько места выяснению имени этого Ворыпаева по одной простой причине — Никите Федоровичу Ворыпаеву было слишком много лет для такого похода — на Чукотку он был послан в 7187 году от сотворения мира, то есть в 1679 году (а на Индигирку вообще в 1650!). В 1683 году его сын — казак Мишка Никитин Ворыпаев — был приказчиком Анадырского острога, а до этого в 1680 году был сборщиком ясака на реке Пенжине. Поэтому сомневаюсь я и в том, чтобы Михаил Никитич был «на побегушках» у Мороски.

А вот что сообщает по этому поводу А.С. Зуев, ссылаясь на другие источники: «1696 год. Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешний дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.

Из Анадырска отряд вышел на Пенжину, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во главе с Михаилом Ворыпаевым».

А вот, наконец, что сообщает сам Лука Старицын: «Да я же, Лучка, служа правдою вам, великим государям для достальных опуцких коряк привозу под ваши великих государей самодержавные царские высокие руки оставил двух человек казаков, да третьего толмача Мишку Ворыпаева, чтобы им оленным опуцкого коряк итти с вашим великого государя ясачным платежом в Анадырский острожек без боязни…»

Обратим внимание на тот факт, что инициатором этого похода был Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин. Это его полное имя — в истории он встречается то как Михаил Зиновьев, то как Михаил Черкашенин, то как Многогрешный – на самом деле это был один и тот же человек.

Впоследствии мы прослеживаем линию, начатую анадырским приказчиком Михаилом Многогрешным на проработку постоянного маршрута на Камчатку через Апуку и Олютору (Вывенку) по восточному побережью.

И вот что пишет С.П. Крашенинников: «Между тем (это в период, когда Михаил Многогрешный снова был приказчиком Анадырского острога, а Кобелев шел приказчиком на Камчатку. — *С.В.*) анадырские тумаки Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Национальный корякский обрядовый праздник «Хололо», посвященный завершению промыслового сезона, фото В. Гуменюка

Вы только вдумайтесь в эти цифры — было построено на восточном побережье шесть (!!!) зимовий, когда в центральной части полуострова было только еще одно.

Вопрос: почему?

Вероятно, потому, что восточное побережье полуострова к этому времени было освоено значительно лучше, чем его центральная часть.

И тому у нас есть свидетельство.

«Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом рекою… почитается в числе знатнейших из рек, как по своей величине, которую она Уке почти не уступает, так особливо, что тойона, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по них называется Русаковою, а кто таков был, от кого род сей имеет начало про то заподлинно неизвестно, токмо сказывают, что россиане, которые и в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщитка туда прибыли».

В другом месте: «Оная река Русаковою для того называется, что в прежние годы после Федота кочевщика из русских бывших тогда на Камчатке, один прижил у иноземческой девки сына, от которого колена по сие время ведется и называются русаками, на устье ее живет русак с родом».

А вот и любопытные подробности, о которых сообщает все тот же неутомимый и пытливый Степан Петрович Крашенинников: «Над протокою Русаковой реки у переезду жилье Русакова острожка есаула Наши, строения одна юрта да 2 балагана. Здесь ночевали, понеже тойон и многие его острожка мужики ушли на Пенжинское море для промыслу ясака, а острожек его на левой стороне реки Русаковой от сего жилья в версте, строения в нем 2 юрты, 6 балаганов, тойон Кымгу, он же и Русак».

Фото В. Гуменюка

Вот вам и причина, почему русские казаки покинули все шесть отстроенных зимовий на восточной Камчатке — здесь не было такого изобилия пушного зверя, как в других местах Камчатки.

Но самостоятельно уже покинуть этот район казаки не могли — у них был наказ.

Тимофей Кобелев, первый официальный приказчик Камчатки, ничего не сообщает об укинских казаках. Возможно, он даже и не знал о них. Или считал их и объясаченный ими район зоной контроля Анадырского острога, который подчинялся в это время Многогрешному.

Когда же Кобелева сменил Михаил Зиновьев, он же Многогрешный, и он же Черкашенин (то есть бывший запорожский казак), то: «Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатский острог».

Но это уже другая история, к которой мы обязательно вернемся в других своих очерках.

А пока давайте задумаемся над простым (с виду) вопросом — такая уж на самом деле большая невидаль была в здешних местах в том, что местная уроженка (вероятно, корячка) родила сына-богатыря от русского казака? И уж тем более, что этому сыну по факту его рождения от «россиана» была уготована честь стать вождем местного племени?

Может быть, все было еще проще — русский (вероятно, хорошо владеющий корякским языком) был не только отцом этого ребенка, но и самым уважаемым (или самым сильным) здесь человеком, сын которого в знак этого уважения и был признан племенем в качестве своего вождя под двумя именами — Кымгу и Русак.

Судя по примерному возрасту Русака (лет 40–50), он мог быть сыном кого-то из промышленных людей либо из апукинского отряда Михаила Ворыпаева (который и сам, как сообщает Мороска, был толмачем, то есть владел корякским языком). А промышленные вольные люди, естественно, не сидели сиднем на одном месте, а продвигались вслед за пушным зверем на юг от устья реки Апуки — двигаясь по восточному побе-

режью). Либо отцом Русака был кто-то из укинского отряда Андрея Кутьина, обживавшего здешние места не с 1703 года, как полагает А.С. Зуев, а несколько раньше — в 1703 году укинцы вместе с казаками, пришедшими из Якутска с Многогрешным, попытались покорить нижнекамчатских казаков, а в следующем году уже были переселены на постоянное жительство в отстроенное ими же Нижнекамчатское зимовье…

Кстати, среди погибших в 1703 году в стычке с нижнекамчатскими камчадалами был и казак (не из укинских ли?) Григорий (не Михайлович ли, сын Михаила Никитича?) Ворыпаев.

Добавим к этому еще одну любопытную информацию — и в отряде самого Владимира Атласова толмачем был некий Варыпаев (но не Михаил — с ним, как известно, Атласов почему-то встретиться не захотел).

Вот что сообщает о нем С.П. Крашенинников: «Володимер Отласов, перезимовав на Иче, перебрался на Камчатку реку, а шел он с Ичи до Хариузовой подле Пенжинского моря, а потом и вверх по Хариузовой до ее вершины; вершина реки Хариузовой из одного хребта с вершиною Крестовой речки, впадающей в Камчатку реку по течению с левой стороны. С вершины Хариузовой шел он вниз по Крестовой речке до ее устья и, пришед до устья, поставил он крест на левом берегу.

Оттуда послал он толмача, прозванием Варыпаева, вниз по Камчатке для призыву иноземцов в ясашной платеж, которого в первом от устья Крестовой речки острожке и убили.

По смерти толмача Варыпаева, Володимер Отласов назад в Анадырский острог поехал».

Олени — главное богатство тундровых коряк, Д. Задирей

Но на этом история толмачей Ворыпаевых не заканчивается.

При поиске причин казачьего бунта 1707 года, когда казачьего голову и камчатского приказчика Владимира Владимировича Атласова лишили власти с полной конфискацией имущества, а также и бунта 1711 года, завершившегося гибелью камчатского Ермака, постоянно всплывала одна и та же тема — присвоение Атласовым шкуры чернобурой лисицы, которая из-за своей высокой ценности по именному указу являлась неприкосновенной собственностью царской казны.

И вот в Санкт-Петербургском архиве Российской академии наук я неожиданно нашел информацию о том, что по сообщению казака Данилы Беляева эту шкуру

Нымыланы — «обитатели оседлых селений», самоназвание побережных коряков

отдал Атласову новокрещенный камчадал Иван Ворыпаев. Подчеркнем одну очень важную деталь — на заре присоединения не только Камчатки (но и других сибирских регионов) к России, как правило, новокрещенными становились те из представителей коренных народов, кто поступал на службу в качестве толмачей.

Но и это еще не все.

Вот еще один документ: «Сего 731 году июля 9 дня посланная партия на боту “Гавриле” прибыла в камчацкое устье, а по ея и. в. указу и по определению посланной партии велено нам итти на море к анадырскому устью к г-ну капитану Дмитрию Ивановичю Павлуцкому для проведывания морских островов. А в указе е. и. в. блаженные и вечнодостойной памяти написано, велено посланную партию с надлежащим довольствием, без чего по самой нужде пробыть неможно, отправлять без задержания, а ежели кто задержит и учинит остановку, и то взыскано будет на том, а за противность указу судим будет по военному артикулу.

Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: Андрея Орлика, Евдокима Ворыпаева, Спиридона Перебякина, Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, бес чего посланной партии всеконечно пробыть неможно».

То есть традиция этой семьи (этого рода) сохранялась — и служилый человек Евдоким Ворыпаев (возможно, сын Ивана Ворыпаева) тоже впоследствии исполнял обязанности толмача.

Юколу для «Гавриила» на реке Уке заготовить не удалось: все они — и служилые, и новокрещенные — погибли в период Харчинского бунта, инициаторами которого были все те же камчадалы нижнего течения реки Камчатки, которых попытались «призвать в ясак» укинские казаки, о чем наш рассказ впереди.

А мы подведем некую черту.

История русаковского тойона Кымгу, конечно, не типична для тех рассказов, в которых сибирское казачество выступает в роли оголтелых завоевателей, насильников, грабителей и убийц.

А на самом деле самая что ни на есть типичная — духовное врастание одного российского народа в другой происходило только по доброй воле. И никто ведь не заставлял (и не мог заставить коряков) признать русака Кымгу своим вождем. Но они признали не только то, что он достоин быть вождем, но и то, что он Русак…

А это многого стоит.

КАМАК (КУЗНЕЦОВЫ И РАСТОРГУЕВЫ)

Для меня лично это имя имеет особое значение — именно с потомками Камака связаны все мои самые лучшие воспоминания о детстве и юности.

Кто же такой этот легендарный вождь, именем которого были назван острожек, а потом и село в центральной Камчатке, закрытое как «неперспективное» в середине 1960-х годов, как и многие другие села в долине реки Камчатки, насчитывающие не одно тысячелетие своей истории.

Камак — имя, некогда весьма распространенное в землях камчадалов и коряков.

Камаком звали, например, тойона острога Кенгеля Утинкем из присуда Мыллыган на реке Тигиль. А тойоном острожка Мыллыган был Шипа, в честь которого был назван Шипинский острог, ставший основой для строительства в 1747 году казаками Тигильской крепости.

И тойоном Нижнего Палланского острога был Камак. И острога Хонгота на реке Панкара (Дранка).

Наш рассказ о тойоне острога Пеучева или Шваннолом.

Это был второй по величине острог в долине реки Камчатки (включая и реку Еловку). Для убедительности перечислим эти остроги (данные С.П. Крашенинникова):

На реке Камчатка:

Усть-Камчатский, тойон Тавач, ясачных — 92 человека (включая 15 «собольников» и 77 «лисичников»).

На озере Колко-кро (Нерпичьем), тойон Намахаруч — 14 (2 и 12).

Шантальский, тойон Тумучь — 31 (5 и 26).

Хапичинский, тойон Лемшинга — 22 (9 и 13).

Пеучев или Шванолом, тойон Камак — 102 (17 и 85).

Щечкин, тойон Щечка — 24 (9 и 15).

Каменной (Пингаушчь), тойон новокрещенный Иван Карбаганов — 69 (6 и 63).

Ключевской (Кыллуша), тойон Ликочь — 45 (11 и 34).

Каначев, тойон Налачь — 51 (12 и 39).

Итателев, тойон Итатель — 44 (17 и 27).

На реке Еловка:

Усть-Еловский или Коанным, тойон Степан Харчин — 15 (4 и 11).

Верхо-Еловский (Колилюнучь), тойон Тавачь Тенивин — 77 (40 и 37).

Крупнее Пеучева острога был только острог Кунупочич, входивший в ведение Верхнекамчатского присуда.

Чтобы понять ситуацию, которая сложилась в бассейне реки Камчатки с приходом сюда русских людей, нужно прежде всего снова обратиться к «сказкам» Владимира Атласова и напомнить о некоторых событиях его похода:

«И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрта ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

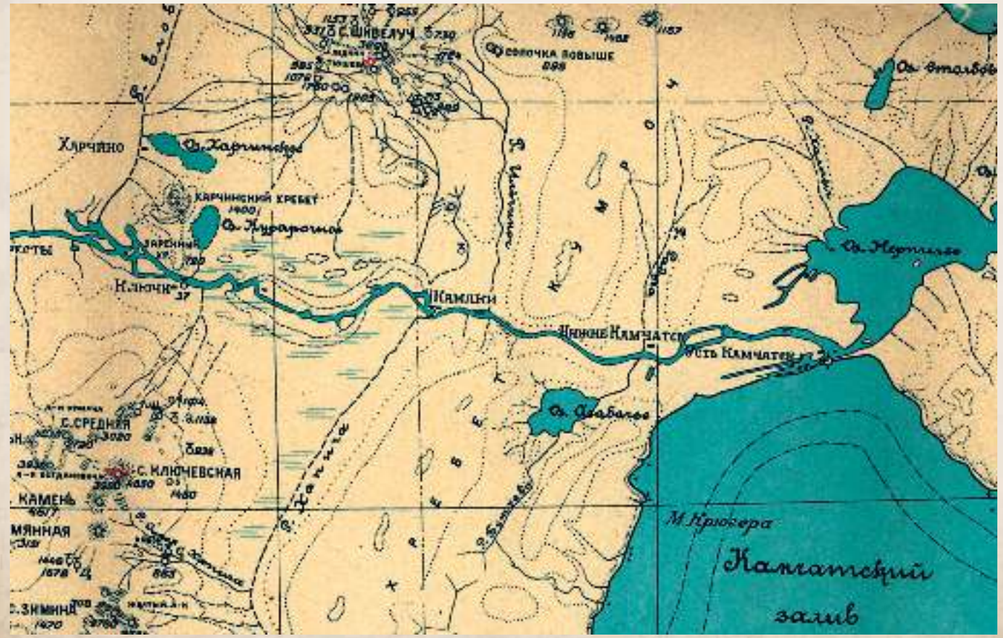

Селение Камаки, из альбома А. Сильницкого «По северным округам Приморской области, 1901 г.»

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году».

Тимофей Кобелев, назначенный в Якутске первым официальным приказчиком Камчатки, не рискнул вновь связываться с нижнекамчатскими камчадалами — он направил своих казаков на юг полуострова.

Сменивший его Михаил Зиновьев Многогрешный Черкашенин, который в пору

Район с. Камаки, одна из первых советских карт Камчатского края по результатам экспедиции Ф.П. Рябушинского 1908–1910 годов, снаряженная Русским географическим обществом

своего руководства Анадырским острогом направил на восточное побережье группу анадырских казаков во главе с Андреем Кутьиным, теперь направил этих же казаков вместе с новоприбывшими призвать к платежу ясака и нижнекамчатцев.

У С.П. Крашенинникова об этом есть подробный рассказ:

«Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатской острог.

Андрей Кутьин с товарищи, отошед верст с 50 от речки Еловки, такое имел нещастие, что камчадалы врасплох на него напали и человек с пять из них убили, а потом как они справились, то камчадалы в острожек свой, Тушашеры называемой, засели, к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин.

Оттуда возвратился оной Кутьин в Верхней Камчатской острог без всякого успеху. И следующей весны поплыл по Камчатке реке со служивыми людьми, и всех живущих по Камчатке немирных камчадалов в ясак привед, иных ласкою, а иных войною, возвратился в Верхней острог. Едучи в оной острог, ясашную избу и зимовья с Еловки реки перенесть велел на Камчатку реку, а завел острог немного повыше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5. И поставил им закащика Ивана Поливанова.

Того же лета, оставшиеся в укинских зимовьях, служивые Кутьиной партии просили письменно прикащика Черкашенина, чтоб их перевесть на Камчатку, по которому их прошению оной Черкашенин с Уки на Камчатку их перевел, и поселил в новопостроенном Нижнем остроге вместе с оставленными от Кобелева служивыми».

И до 1731 года в долине реки Камчатки не было «горячих точек», не считая казачьих бунтов.

Сгорел дотла в 1707 году Большерецкий острог, и перебит камчадалами весь его гарнизон, убили на реке Бобровой (впадающей в Бобровое море — Кроноцкий залив, а не Берингово море, как трактуют в Интернете) первого нижнекамчатскго заказчика Ивана Поливанова, на восточной Камчатке, откуда ушли укинские казаки Андрея Кутьина, был убит приказчик Верхотуров, в память о котором называется остров, в апреле 1710 года послан на реку «Конпакову» все тот же Андрей Кутьин «в 50 человеках», в 1712 году

сожжен авачинскими камчадалами в балагане вместе со своими товарищами и аманатами (заложниками) вольный атаман Данила Анцыферов, по приказу которого был убит Владимир Атласов, а в следующем году уже против самих авачинцев выступил объединенный военный отряд из 120 казаков и 150 камчадалов, включая верхне- и нижнекамчатских, которые не только разгромили авачинцев, но и принудили их платить ясак, дотла спалив острог, который впоследствии вошел в историю Камчатки под названием Старый Острог.

А в долине реки Камчатки в этот период не было зафиксировано ни одного серьезного конфликта казаков с коренным населением.

Что же произошло, вызвав столь мощный взрыв возмущения, негодования, обиды коренного населения, которое привело к знаменитому Харчинскому бунту 1731 года?

Не будем голословно что-либо утверждать, доверимся мнению человека, который изучал материалы сгоревшего Иркутского архива и потому уже знает, что говорит и пишет.

Итак, слово Александру Степановичу Сгибневу — автору «Исторического очерка главнейших событий в Камчатке. 1650–1855»:

«Тарабукин и Петров (приказчики Камчатки в период деятельности Первой Камчатской экспедиции. — *С.В.*) были снисходительнее к камчадалам, нежели их предшественники. Но несмотря на это, время их управления надолго сохранилось в памяти камчадалов по тем бедствиям, которые пришлось им перенести в эти два года по причинам, не зависящим от прикащиков. Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: “Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел”. Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно “Фортуну”. Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае».

В рассказе о Федоре Харчине и его дяде Голгоче — лидерах Харчинского бунта мы коснемся и других причин этого восстания, которое привело к поголовной резне с обеих враждующих сторон.

Но в центре внимания этого нашего рассказа вождь Камак, который, как и вождь первого по величине острога Кунупочич На-

Друг моего детства — Виктор Гаврилович Кузнецов, потомок легендарного вождя Камака

чика Машурин, не поддержал Харчинский бунт.

Начика Машурин, как мы уже выяснили, был союзником Владимира Атласова еще в первом его походе — именно соплеменники Начики выступили с инициативой, чтобы казаки «дали прикурить» нижнекамчатцам, которые «побивают и грабят» верхнекамчатцев.

Он же был вероятным союзником Никиты Дурынина в его военном походе на авачинских камчадалдов.

Что же касается нижнекамчатцев, то они уже показали, что могут дать достойный отпор казакам, как проучили в свое время Андрея Кутьина «со товарыщи».

И казалось бы, сейчас грех не воспользоваться ситуацией, когда еловские и ключевские камчадалы поголовно вырезают казачьи семьи, пользуясь, что их батьки-казаки находятся на устье реки Камчатки, снаряжая в дальнюю экспедицию бот «Святой Гавриил».

Не воспользовались…

Хотя удар, который могли бы организовать Начика Машурин и Камак, был бы, по всей видимости, уже смертельным для камчатских казаков в Верхнекамчатске и Большерецке.

Не ударили.

Не поддержали Федора Харчина, не поддержали и его дядю — ключевского тойона Голгоча.

Правда, С.П. Крашенинников не был в уверенности по этому поводу: «Не был в остроге подострожный тойон Камак, у которого в присудствии больше ста человек, которые без сумнения в острог убрались бы, но как их русские упредили, то они неутралитет держать стали, а **многие и сверху** (выделено мной. — *С.В.*) приплывали под острог уже сгорелой, думая, что еще цел, но, увидя казаков, как можно убегали».

Но А.С. Зуев приводит другой, более, на мой взгляд, убедительный пример: «Тойон Камакова острожку Шаруч на допросе поведал, что когда “Фетка Харчин с товарыщи дядю ево, Кулу, звали в изьмену, и он де не пошел, и за то де ево застрелили, да брата Шадала скололи и острог их раззорили и сожгли, а жен и детей взяли в полон”».

А что касается слова «сверху» — то это значит с верховий реки Камчатки. А это уже был не камаковский присуд, а машуринский.

Да и как «многие» могли приплывать «сверху» к острогу, когда вслед за харчинцами отправилось сразу несколько карательных отрядов через верховья реки Камчатки в сторону взбунтовавшихся авачинских и западнокамчатских камчадалалов?

Но и здесь все было не так просто, как полагают некоторые из историков и краеведов, изучая эту непростую тему.

Степан Петрович скрупулезно отмечал: «Между тем как Нижней Камчатской острог от иноземцов взят был, и весть пала по Пенжинскому и Восточному морю, то все почти иноземцы изменили, выключая Машурин острог на Камчатке, Кыкчик да Утку, Крутогорово да Облуковну на Пенжинском берегу, да на Восточном море Налачеву, да Островную, да Кроноки, но и те все ждали окончания, кому будет победа, русским или камчадалам, а Машурин острожек и сначала изменил было, ежели б не розговорил ны-

Братья Константин и Петр Гавриловичи Кузнецовы (слева)

нешний тойон оного острожка».

Но вот и другие подробности.

Ичинский тойон Кивря призвал харьюзовских камчадалов уничтожить Большерецкий острог и облуковинских казаков (экипаж судна «Фортуна») погромить, «но как хариузовские иноземцы на Ичю в многолюдстве пришли, и услышали, что казаков на Оглукомине живет многолюдно (человек не более тридцати. — *С.В.*) и осторожно, то они, **осердясь на ичинских иноземцов, их погромили, иных из них побили, а жон и детей в полон побрали, то ж зделали и Сопошной реке иноземам**» (выделено мной. — *С.В.*).

Но и это еще не все: «Между тем авачинские изменники Вахлачь с товарыщи призывали к себе других рек тойнов в помочь, а которые иттить не хотели, на тех **в походы ходили, тойонов убивали, а прочих себе в помочь брали, зато убиты Налачевой реки тойн да Островной тойон**» (выделено мной. — *С.В.*).

Гаврил (так в документе) Константинович Кузнецов с супругой Александрой Ефимовной Мухортовой и детьми — Валей и Витей. Вторая половина 1950-х годов

Я цитирую одного и того же автора – Степана Петровича Крашенинникова, который пишет о том, что камчадалы дожидались, кто кого перебьет, чтобы поддержать сильнейшего, но сам же приводит примеры обратного — даже и перед угрозой смерти жители Пеучева, Налачева, Островного острогов не поддерживали ни Харчина, ни Вахлача.

И неслучайно Вахлачь убивал тойонов — иначе они бы тоже «разговорили» своих соплеменников.

Как «разговорил» своих и тойон Камак – ведь о том, что в сгоревший Нижнекамчатский острог на подмогу харчинцам приплывали и «снизу» С.П. Крашенинников нигде не упоминает.

И вообще в его книге и опубликованных отчетах имя Камака из Пеучева острога встречается всего трижды.

А вот в «Колониальной политике царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» он упоминается пять раз, а в алфавитном списке имен так и записано: «Камак, по крещению Кузнецов Степан, участник восстаний 30-х и 40-х годов».

Ну, что же, пройдемся по этим ссылкам.

На странице 63 просто употреблено распространенное на Камчатке имя Камак. При этом на той же странице в самом начале главы «Причины, цели и ход восстания по показаниям пленных камчадалов» читаем:

«Августа 27 дня прибыли на Ключи к жилищу изменника Дадей и Урила сродниками и посланные от нас служилые люди наперед в легких батах для присмотру и опасности усмотрели изменников в великом собрании и учинилась у них пальба, и мы на ту пальбу пошли в скорости и пришед во близость на остров и стали с ними переговариватца, чтоб они принесли ея императорскому величеству повинну, и (внимание! — *С.В.*) посылали к ним ради призыву Пеучева острогу тойона Колыча…»

Не знаю, почему тойон Пеучева острога назван здесь Колычем, а в другом месте Шаручем, но данный факт говорит сам за себя. О каком нейтралитете (тем более с перепугу!) можно говорить, когда тойон Пеучева острога выступает в данном случае в роли парламентера со стороны русских.

Ссылка на страницу 68 еще более удивляет: о каком участии в восстании идет речь, если при допросе пленного бунтовщика Урила «толмачил Тавачева (Пеучева? — *С.В.*) острогу тоен новокрещенной Стефан Кузнецов».

А далее следуют события заговора о восстании 1746 года, в который, по замыслу, должны были быть втянуты, кроме кам-

Галина Константиновна Кузнецова (в замужестве Медведева) с дочерью Верой. Вторая половина 1950-х годов

чадалов, коряки, чукчи, юкагиры…

На странице 97 «ясачный иноземец» Орлик 13 апреля 1746 года выдает все секреты этого заговора и, в частности, сообщает, что весть о начале восстания Орлику должны передать через тойона Пеучева острога Камака (по крещении Стефана Кузнецова), которому эту весть должен, в свою очередь, передать Керуга.

На допросе же выясняется другое (стр. 101 и 107): Керуга на совещании вождей восстания с Орликом не присутствовал, и никто ничего подобного Керуге не приказывал. «Карымча Черной от большого Начики Корючев родник с партиею чрез Еловку во все остроги для возмущения иноземцов **ехать хотел** (выделено мной. — *С.В.*)», то есть только еще должен был сообщить своим землякам о готовящемся восстании, о котором никто на Камчатке даже еще не знал.

Хотел — да не успел… Тавача Тенивина (тойона Еловского острожка Нефеда Осиповича Лазарева) они тоже считали за своего единомышленника — а оказалось, что все наоборот, поэтому не стоит историкам желаемое выдавать за действительное…

Не вышло ничего и вообще с этим восстанием. И о причинах этого мы расскажем позже.

Но тойона Камака — Степана Алексеевича Кузнецова — советские (да и несоветские тоже) историки, как мы это видели, уже поспешили занести в список участников восстания и 30-х, и 40-х годов…

Вот так мы и создаем легенды.

А что было дальше.

Пеучев острожек по имени вождя Камака стал называться Камаки, село с таким названием просуществовало до середины 1960-х годов, а потом было закрыто, как «неперспективное».

Родовым ядром этого селения были две фамилии — Кузнецовы и Расторгуевы.

Сын Камака — Яков Кузнецов был участником промысловых экспедиций на Алеутские острова, а в 1771 году оказался в команде промышленников тотемского посадского Алексея Чулошникова, взбунтовавшейся против своего хозяина Федоса Холодилова, и примкнул к заговору камчатских ссыльных во главе с участником польской конфедерации уроженцем Словакии Августом Морицем Беньевским.

Он был здесь не один из камчадалов, которые хотели, как и остальные участники Большерецкого бунта 1771 года, отыскать свой остров Счастья, — и, захватив казенный галиот, отправились на поиски своего счастья камчадалы Сидор Красильников, Ефрем Трапезников, Прокопий Попов. И добрались до Китая, откуда уже на французском судне отправились с Беньевским во Францию.

Ефрем Трапезников умрет по пути из Китая в Париж на острове Маврикий в Лурианском госпитале. Попов и Красильников доберутся до Франции и возвратятся в Россию, получив прощение.

Тяжело больной Яков Кузнецов тоже останется в Лурианском госпитале, но выздоровеет и самостоятельно доберется до Франции, где снова войдет в команду Беньевского и отправится с ним завоевывать для Франции Мадагаскар.

Как сложилась его дальнейшая судьба на Мадагаскаре, нам неизвестно.

А на Камчатке линию Кузнецовых продолжил Тимофей Степанович Кузнецов (1781).

У него было двое сыновей — Михаил (1837) и Еразм (1839), дочь Дарья.

Михаил женился на Евдокии Васильевне Клочевой из Харчино, а Дарью взял замуж ее односельчанин Андриан Анисимович Расторгуев, староста (тойон) села Камаки, награжденный в 1891 году медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

Его сын — Степан Андрианович (1858) — был старостой села Камаки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. и «за усердие и распорядительность» по формированию народного ополчения был награжден серебряной медалью «За усердие».

Внук Андриана Анисимовича — Расторгуев Алексей Степанович (1880) — непосредственный участник народного ополчения в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. был награжден Георгиевским крестом 4 степени № 171282.

Шейная серебряная медаль «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава

В народном ополчении был и его брат — Петр Степанович (1881).

Участие в народном ополчении принимали и дети Автонома Анисимовича Расторгуева — Игнатий (1874) и Семен (1885), награжденный серебряной медалью «За усердие».

А также внук Петра Анисимовича — Петр Васильевич Расторгуев, сын которого, Петр Петрович (1912), был участником Великой Отечественной войны, награжден 4 мая 1945 года медалью «За боевые заслуги».

Следующее поколение снова переплетается с односельчанами Расторгуевыми – Константин Гаврилович (1904) женится на Расторгуевой Анисии Ивановне (1907), а Анна Гавриловна выходит замуж за Расторгуева Георгия Георгиевича (1910).

Род камаковских камчадалов Расторгуевых, патриархом которого являлся многодетный Анисим Михайлович (1795), был самым мощным в селе, породнившимся, в свою очередь, со многими старинными родами Камчатки — Соболевыми (Камаки), Ощепковыми (Ушки), Помаскиными (Усть-Камчатск), Голых (Ключи), Никифоровыми (Нижнекамчатск), Чуркиными (Козыревск), Ушаковыми (Ключи), Турнаевыми (Еловка), Бобряковыми (Ключи), Чудиновыми (Ключи), Михайловыми (Ключи), Голых (Камаки), Портнягиными (Нижнекамчатск).

Сын Михаила Тимофеевича Кузнецова Петр (1855) тоже женился на односельчанке — Расторгуевой Анне Романовне (1858).

А его сын Гавриил Петрович (1882) женился на девушке из рода рыльских купцов Выходцевых, осевших в Нижнекамчатске, — Прасковье Федоровне (1885).

У них было четверо детей — Галина Константиновна (1923), вышедшая замуж за Василия Терентьевича Медведева (1916) и подарившая ему пятерых детей — Тамару (Иванову), Владимира, Валентину (Ипатову), Веру (Веремчук) и Татьяну (Стасюк); Гаврил (так писали тогда — с одной «и») Константинович (1926) женился на Александре Ефимовне Махортовой, подарившей ему сына Виктора, дочерей Валентину (Мисереву) и Людмилу (Кирееву); Геннадий Константинович и Майя Константиновна, о судьбе которых мне мало что известно.

Гаврил Константинович Кузнецов, участник войны с Японией 1945 г.

А мое детство и юность в Усть-Камчатске прошло в окружении семей Кузнецовых и Медведевых. Лучшим другом моего детства был Виктор Кузнецов, к сожалению, рано ушедший из жизни.

В 1968 году я впервые побывал в Камаках. Село было пустым — только на отшибе, в лесу стоял дом линейного обходчика Василия Терентьевича Медведева, охотника-промысловика — последнего жителя села, в котором он жил вместе с женой Галиной Константиновной — последним представителем рода Камака в Камаках.

Мы с Виктором ходили по заброшенному селу, заходили в школу, где в классах валялись брошенные второпях учебники и тетради, бродили по пустой улице, заходили в дома, благо все двери были распахнуты настежь, и везде видели следы поспешного бегства — словно людей кто-то подгонял… Валялись игрушки, разбитые тарелки, какое-то тряпье…

После нечто подобное я видел в военных фильмах — когда люди бежали от войны.

Через тридцать лет в здешних местах мы с моим другом, известным дальневосточным кинооператором Геннадием Лысяковым, снимали фильм «Я родом из Японии». На месте, где когда-то было село Камаки, мы увидели только буйные заросли крапивы…

P.S.: А внук Гаврила Константиновича Кузнецова, главного героя нашего фильма «Я родом из Японии», продолжил зарубежное турне своего далекого предка, бежавшего вместе с Беньевским. Дмитрий Мисерев — физик-теоретик, закончивший среднюю школу в Усть-Камчатске, затем учившийся в новосибирском Академгородке, специализировавшийся в Австралии, сейчас занимается новыми научными разработками в Швейцарии…

БРАТЬЯ ХАРЧИНЫ

Харчинский бунт — одна из самых, наверное, исследованных тем в камчатской истории, которой посвятили свои работы десятки авторов разных эпох.

Расследованием бунта занималась специальная следственная комиссия — походная розыскная канцелярия:

«Между тем в Тобольске получили донесение Павлуцкого (от 27-го октября 1732 г.) о бунте, распорядились послать иркутскому вице-губернатору с курьером указ, которым предписывалось для производства следствия о причинах бунта немедленно командировать в Камчатку якутского полка майора Василия Мерлина и с ним отправить: обер-офицера и капральство солдат из якутского же полка (Якутский полк стоял в то время в Селенгинске. — *Авт.*) и, кроме того, сколько нужно команды из Иркутска и Якутска.

…На основании этого распоряжения Мерлин прибыл в Иркутск с прапорщиком Единым, капралом, писарем, барабанщиком и 36 солдатами. В Иркутске в апреле 1733 г. были назначены еще к Мерлину: канцелярист Литвинцев, копиист и заплечный мастер (палач) с инструментами.

Походная розыскная канцелярия — так официально называли эту экспедицию — отправилась весною в Якутск по Лене на досчанниках. В Якутске был назначен помощником к Мерлину только что возвратившийся из Анадырска… майор Павлуцкий и прибавлено к его команде 29 служилых и 30 казаков.

…6-го июля 1733 г. розыскная канцелярия выступила из Якутска на 554 подводах… В сентябре 1733 г. розыскная канцелярия прибыла в Камчатку на боте “Гавриил” и оставалась там для следствия по 1739 год» (А.С. Сгибнев).

Удивительно, но Александр Степанович Сгибнев — автор огромнейшего по размерам и исторической значимости «Очерка главнейших событий в Камчатке 1660–1855» — Харчинскому бунту посвятил совсем немного страниц в своем исследовании:

«С самого начала появления русских в Камчатке камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об огромных поборах, делаемых русскими в Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток, под смертною казнию, а ежели ясачные принесут в почесть волею какую-нибудь мягкую рухлядь, то принимать ее в казну. Коммисарам же и другим лицам прежде ясачного сбора никакими товарами не торговать. Но коммисары не справлялись с указами, а брали себе чащины (камчатское название взятки. — *Авт.*) с каждого иноземца по два и по три места, а за место считался бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полусмерти.

С прибытием же в Камчатку экспедиции Беринга, как видели выше, не облегчилась участь камчадалов, и они только убедились, что пришедшие из европейской России не многим разнятся от своих собратов-сибиряков.

Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедичных материалов. В особенности же от-

личались взяточничеством и жестокостью комиссары Новгородов и Шехурдин и подъячии их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по 3 и 4 лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по 1 1/2 пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять в Нижнекамчатск на свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работ по полугоду».

Все это истинная правда, подтвержденная материалами следствия.

Но мы не находим здесь ответа на главный вопрос — почему именно еловский тойон Федор Харчин и его дядя ключевской тойон Голгоч встали во главе этого — Харчинского — бунта?

Первое упоминание о Федоре Харчине у С.П. Крашенинникова относится, собственно, даже не к нему, а к острогу, тойоном которого он прежде был: «Между озером Кайначем и рекою Еловкою есть камчатской острожек Коанным называемой, в котором до измены бывал тойоном Федор Харчин, главной начальник бунта, по которого казни поручен оной острожек в правление брату его Степану Харчину».

Во времена С. Крашенинникова этот острожек назывался также Усть-Еловским, а впоследствии Харчиным, и был одним из самых маленьких острогов в долине реки Камчатки — 15 «ясачных плательщиков», из которых 4 были «собольниками», а 11 — «лисичниками».

А вот что пишет уже сам Степан Петрович по поводу Харчинского бунта:

«С самого взятия Камчатки по 1733 или 1734 год (то есть до прибытия походной розыскной канцелярии. — *С.В.*) камчадалы каждой платил от себя в год в казну ее императорского величества одного соболя или лисицу, да четыре чащины, то есть четыре соболя или лисицы ясашным зборщикам. С них же летом и осенью збирали юколу, гусей, траву сладкую, кипрей, нерпичьи кожи и прочее, где какой промысел бывает, которое они с прикащиками по себе делили, а у кого чего дать не было, у того детей и жену за чащины бирали, которых держали у себя в холопстве, отчего камчадалам разорение немалое было, и они ясашных зборщиков, не стерпя обид, часто побивали, а в 1728 году (обратим внимание на эту дату. — *С.В.*) вздумали было они и всех русских на Камчатке перевесть, только ждали к тому удобного времени. Начальники той измены ключевские да еловские камчадалы, которые весною 1731 года по всей Камчатке разгуливали, будто по обычаю в гости ездили, а они других рек тойонов к измене подговаривали и подговорили».

Остановимся на этом месте. И сделаем выдох.

Потому что в следующем своем предложении С.П. Крашенинников говорит… об обратном: «А летом того же 1731 году… у них совет был в ключах о измене (в рукописи за-

Село Харчино на реке Еловке, дворов 8, жителей 55, альбом А. Сильницкого

черкнуто “изменять или нет”. — *С.В.*) и побитии русских, но **большая часть иноземцов отложить измену посоветовала. И так разошлись было**» (выделено мной. — *С.В.*).

И вот что на самом деле, согласно сведениям, почерпнутым Крашенинниковым из материалов следствия, произошло, разорвав эту договоренность:

«В то же время закащик Крыков послал толмача Орликова за сбором ягод голубели, которой, пришед на Ключи, стал посылать камчадальских баб неволею по ягоды, что камчадалам **за великую досаду показалось** (выделено мной. — *С.В.*), ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало. Того ради побежали они на Еловку к тойону новокрещеному (*!!!* — С.В.) Федору Харчину и сказали, что Орликов прислан ягод збирать, и им де зборов не переплатить будет ибо де наступают травяные, юкольные и прочие летние зборы…»

И еще раз сделаем большой выдох — и вспомним, что за бОльшие «зборы», «чащины» и «обиды», которые перечисляют Крашенинников со Сгибневым, камчадалы только что здесь же, в Ключах, пришли к согласию не вступать в «измену».

Но…

«…Харчин с товарыщи собравшись поплыл на Ключи и убил вначале ягодного зборщика Орликова да казачью жену, оттуда того же дня поплыл на низ, и по летовьям бывших всех казаков прибил, а приплыв под Нижней острог, сперва зажгли они попов двор, в таком намерении, чтоб служивых людей свободнее и скорее побить, ибо служивые на пожары для отниманья ходить охотники, и как попов сын по обычаю в набат бить бросился, то в него иноземцы на колокольне стрелять стали и жестоко ранили, которой, пришед в ясашную избу, невдолге умер, после того они бывших в остроге служивых людей и казачьих детей, не щадя и малых робят били, также и несколько женского полу, сперва наругався над ними, перекололи, а иных в холопи себе и в наложницы побрали…»

Доктор исторических наук А.С. Зуев, автор одного из самых серьезных исследований Харчинского бунта — «Восполняя белые пятна» — уточняет, что события развивались не совсем так. До нападения на Нижнекамчатск были вырезаны казачьи семьи в верхней от Нижнекамчатска части реки Камчатки — на Еловке, а на реке Крестовой (Белой) начали вырезать… **своих**: «…у него произошло столкновение с людьми тойона Хобина Харучепова. Если верить весьма скупому показанию сына Хобина — Кашее, Харчин стал “призывать” Хобина “изменить и служилых людей и Нижней Камчадалской острог раззорить”. На это Кана, еще один сын Хобина, якобы спросил: “для чего де вы такое злое дело хотите делать”. Тогда сторонники Харчина Ханея Иурин “заколол до смерти” Кану, а Далач “ударил в голову” Кашею и “проломил в двух местах”. Изменниками был также ранен зять Хобина Харуч, “и ево Какшу (Кашею. — *А.З.*) и с отцом своим взяли с собою в ызмену в неволю”».

А теперь давайте посмотрим на поведение повстанцев после их поражения в Нижнекамчатске и пленения Федора Харчина:

«…ключевской тойон Голгочь (который, собственно, и был главным виновником случившегося. — *С.В.*) побежал вверх по Камчатке в человеках в 10 и, пришед на Козыревскую, погромил того острожка иноземцов, многих из них с собою взял неволею, оттуда пошел он на Шапину реку и тамошним иноземцам великие разорения сделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол, но его Верхнего острога казаки и бывших с ним на Козыревской реке назад бежавшего убили».

А вот и любопытное уточнение С. Крашенинникова:

«А Голгочь по погромлении камчатских острожков на реке Козыревской и на Шапиной за то, что его жители не хотели идти к нему в сообщение, убит от них при своем оттуда возвращении».

И еще более любопытное сообщение Карла фон Дитмара, полученное им от самих камчадалов:

«Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Первым пунктом В.Ф. Мерлину — руководителю походной розыскной канцелярии, майору Якутского полка — предписывалось следующее:

«Воров и заводчиков Федьку Харчина с братом Степкою, дядею их Голгоча; бывшего служилого Родиона Зырянова с женою и сыном его Никитою и затем (зятем? — *С.В.*) Антошкою и прочих заводчиков, оковав руки и ноги, содержать под крепким карауломъ» (А.С. Сгибнев).

То есть, судя по этому распоряжению, первоначальная версия Харчинского бунта была не совсем такой, какой ее представляет Степан Петрович Крашенинников и последующие историки?

Оказывается, «заводчиками» бунта, помимо еловских и ключевских камчадалов, были еще и камчатские служилые люди?

Но ни у Крашенинникова, ни у Сгибнева, ни у Зуева об этом ни слова.

По приговору розыскной канцелярии в Нижнекамчатске был повешен казачий сын Никита Родихин (Зуев почему-то относит его к камчадалам).

До приговора не дожила его мать — Офимия Радихина во втором замужестве за казаком Василием Чупровым, в убийстве которого она созналась, за что была пытана огнем и то ли забита до смерти батогами, то ли заколота. Вполне вероятно, что Никита был соучастником убийства своего отчима. Антошка, зять, тоже был бит кнутом.

О Родионе Зырянове вообще больше нет никаких упоминаний. Хотя вся эта группа рассматривается наравне с главными «заводчиками» восстания — братьями Харчиными и их дядей Голгочем.

У Степана Харчина, как сообщает А.С. Сгибнев, было «иноземческое имя» Аяхаруч, что позволяет предположить, что фамилия, полученная братьями при крещении, произошла от родового имени Харуч, как, например, фамилия новокрещенного авачинского тойона Тареина от имени его отца — Тареи.

Как правило, крещение в православие до 1745 года, до прибытия Камчатской Духовной Миссии, осуществлявшей поголовное крещение, больше напоминало акт братания — в своем большинстве новокрещенными становились тойоны или их дети, а крестными отцами — казаки-старожилы или приказчики. И у нас еще будет немало случаев в этом убедиться.

И на примере Харчинского бунта мы видим среди крещеных не только братьев Харчиных, но и еловского же тойона Талача — Нефеда Тенивина (его полное имя — Нефед Иосифович Лазарев — крестник первого священника Камчатки отца Иосифа Лазарева).

И вот что любопытно — и Нефед Тенивин, и Степан Харчин, будучи участниками бунта, были следствием **оправданы**.

Хотя есть сомнение в том, что Степан Харчин в действительности был жертвой принуждения и насилия со стороны своего брата.

Давайте еще раз вспомним тот факт, что бунт готовился в 1728 году.

Причина взрыва недовольства камчадалов долины реки Камчатки в тот год известна — помимо обычных повинностей по продовольственному обеспечению казаков на камчадалов Нижнекамчатского присуда, в первую очередь ключевских и еловских, расположенных в самой непосредственной близости от Нижнекамчатского острога, свалилась на голову и плечи еще одна напасть – Первая Камчатская экспедиция, люди в которой тоже нуждались в продовольствии, в теплой одежде, в транспорте.

Этого мало — камчадалы должны были обеспечить еще и продовольственные запасы самой экспедиции для решения ею морских задач, определенных царем Петром.

Цифры известные — именно для решения этой проблемы в 1731 году, когда снова снаряжали в дальний морской поход бот «Святой Гавриил», на реку Уку был послан специальный отряд, чтобы заготовить для экипажа бота «Святой Гавриил» 2000 штук юколы и 1000 рыбин красной (нерки) или кеты.

Командовал отрядом казак Дмитрий Бологов, который одновременно осуществлял здесь и сбор ясака. Толмачем при нем был Степан Харчин.

В верховьях реки Еловки этот отряд был полностью уничтожен. Собранный ясак захватил Степан Харчин.

Балаган с повешенной для вяления рыбой, из фондов ККМГИ

29 августа, уже после разгрома основных сил бунтовщиков, отряд восставших камчадалов был окружен — Степан Харчин и Нефед Тенивин сдались добровольно. Федор Харчин был захвачен в плен хитростью и тут же закован в кандалы. Брат Степан на следствии подчеркивал, что он лично выступал в этом случае в роли миротворца.

Так что многое в этой истории пока так и не нашло своего объяснения: хотя Федор Харчин на допросах упрямо доказывал, что его брат пошел «своею волею» на убийство целой группы служилых людей, возвращавшихся с реки Уки, и захватил казенную пушнину, которую потом раздаривал, в том числе, выдав казенную пушнину и брату Федору, и дяде Голгочу. Но, несмотря на это, начальник походной розыскной канцелярии В.Ф. Мерлин поверил не ему, а самому Степану, и ни он, ни Нефед Тенивин, с которым Степан сдался в плен русским, не понесли никакого наказания. Более того — Степан Харчин был назначен на место своего брата тойоном Усть-Еловского острожка, который с той поры стал называться Харчинским. А Талачь Тенивин (он же новокрещенный Нефед Тенивин) при Крашенинникове был тойоном Верхо-Еловского острожка.

Вполне возможно, что сам факт пленения Федора Харчина был связан с предательством его брата — Степан Харчин на допросах всегда подчеркивал, что, именно поддавшись его просьбам, Федор сдался добровольно, хотя по другой версии (см. Крашенинникова) Федора Харчина просто заманили в ловушку (вполне возможно, организованную не без помощи брата Степана).

Подведем черту: единодушия в период Харчинского бунта у камчадалов по истреблению русских людей на Камчатке не было даже среди ближайших родственников, не говоря уже о родовых кланах.

Обид на русских казаков было неисчислимое множество.

Об этом заявляли все, начиная с тойона Начики Машурина, первым давшим показания о злоупотреблениях верхнекамчатских казаков, которые потом подтверждали и ключевские, и еловские, и большерецкие и авачинские камчадалы.

Об этом писали и Крашенинников, и Стеллер, и Сгибнев, нисколько не преуменьшая степени нанесенных русскими обид…

Но признаем и другое — не вся Камчатка пошла даже в этом случае искоренять русских и русскость, вырезая под корень казачьи семьи, как это произошло в Нижнекамчатске.

«Более того, — цитируем очерк А.С. Зуева «Восполняя белые пятна», — часть ительменов открыто примкнула к русским, поставляя им информацию о передвижении восставших (тойоны: шантальский — Июра, с р. Жупанова — Чороч, с реки Кола — Савачилка, с р. Сопочная — Анет, “лутчей иноземец”» Машурина острожку Чистяк и др.) и участвуя в переговорах с ними (тойон Пеучева острожка Колыч (Камак. — *С.В.*)».

И у него же:

«Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с «походным приказчиком» пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов».

А вот это уже будет полная правда.

И тогда как быть с другим утверждением А.С. Зуева:

«Анализируя действия ительменов в начальный период восстания, надо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, это — хорошая организация восстания. Заговорщикам удалось длительное время хранить в тайне свой замысел, что дает основание говорить о полном единодушии в их рядах и твердой убежденности в правоте своего дела. Людей ненадежных они в свои планы не посвящали. А таковые, судя по разногласиям и даже столкновениям среди ительменов, были. Не исключено, что давала о себе знать «межродовая» вражда. К тому же в целом связи между отдельными острожками были очень непрочными, каждый из них мог иметь свои интересы, в том числе и во взаимоотношениях с русскими».

Здесь Андрей Сергеевич вступает в явное противоречие с утверждением С.П. Крашенинникова, которое цитирует и сам А. Зуев, о том, что в течение 1728–1730 годов еловские и ключевские камчадалы разъезжали по всей Камчатке, **привлекая к участию в бунте жителей других острогов, но получили отказ**.

Конечно, восставшие воспользовались очень удобным моментом для захвата Нижнекамчатского острога — значительная часть нижнекамчатских казаков была задействована на устье реки Камчатки, отправляя в море бот «Святой Гавриил», а другая их часть была в это время на летовьях, — скорее всего, на заготовке рыбы, третья — на заготовке юколы для экипажа «Святого Гавриила».

Это правда.

Были оперативно уничтожены небольшие группы казаков, а затем — перестреляли и тех, кто оставался в самом Нижнекамчатске (тоже очень небольшая группа), кто бросился тушить специально подожженный для этой цели камчадалами церковный двор.

Но что произошло далее — уже после захвата Нижнекамчатского острога?

А вот как раз далее никаких планов у камчадалов и не было.

Их впоследствии придумали за камчадалов историки.

Камчадалы просто спрятались за стенами Нижнекамчатского острога. Сначала,

праздную свою победу, проводя шутовской молебен.

А потом?

А потом камчадалы начали… разбегаться в разные стороны. Некоторые, о которых у нас рассказ впереди, — еще даже до начала штурма.

А вот поведение самих вождей-командиров, которые, если следовать утверждению А.С. Зуева, были замечательными организаторами этого восстания.

Тигил унесся на север — в верховья реки Еловки.

Голгоч отправился вверх по реке Камчатке громить Козыревский и Щапинский острожки, призывая таким образом к боевым действиям своих земляков, пока эти самые земляки не убили его самого.

А Федор Харчин вообще, если верить написанному, бежал в женском платье в неизвестном направлении. А бегал он, как нам сообщают, быстрее оленя, так что его было не догнать. А потом, не без помощи родного брата, угодил в западню…

Так что никакой заранее спланированной организации бунта не было — получилось то, что получилось, когда подвернулся удобный момент. И его могло не быть, если бы Орлик не прибыл с приказом собирать голубель?

А вот «второе обстоятельство», на которое хотел обратить внимание А.С. Зуев, действительно многое объясняет: «Во-вторых, стремление ительменов перенять казачий “стиль” поведения».

Восставшие камчадалы сами хотели стать русскими…:

«Ф. Харчин объявляет себя “комиссаром”, а ительмены облачаются в русские одежды. В этом также можно усмотреть не столько демонстрацию лидерства и банальный грабеж, сколько стремление перенять казачьи атрибутику и символику».

Так что план, если он и был, то весьма простой — перебить казаков и занять их место.

И вероятно, именно поэтому бывшие военные союзники камчатских казаков — еловские и ключевские камчадалы, с помощью которых была покорена вся южная Камчатка, и не могли получить поддержки соседних родов: какой был смысл соседям «менять шило на мыло»?

И потому не было единодушия и духовной связи между восставшими, в том числе даже среди кровных братьев…

БРАТЬЯ ЛАЗУКОВЫ

Ровно через пятнадцать лет после Харчинского бунта история повторилась — участие в антироссийском восстании приняли два брата, принявшие, как и Харчины, православие, — Алексей и Иван Лазуковы.

Любопытен еще один факт — и в случае с братьями Харчиными, и в случае с братьями Лазуковыми история обоих бунтов начинается с одного и того же имени — новокрещенного Орликова (Орлика). Только в последнем случае Петр Орликов, донесший о готовящемся восстании, был крещеным камчадалом Ламахаручевского острога.

Братья Лазуковы были камчуками (камчугами). По одной из версий — детьми, рожденными от чукчанки и камчадалки (или наоборот). Доктор исторических наук А.С. Зуев считает, что они были коряками и Камчуга — это собственное корякское имя Алексея Лазукова. Только в этом случае становится совершенно непонятной отводимая (или приписываемая?) ему роль личного влияния на вождей-камчадалов, как будет непонятен и тот вывод, который делает ниже А.С. Сгибнев.

Но суть даже не в этом. Алексей Лазуков был служилым человеком — толмачем. И уже только по этому факту его участие в восстании расценивалось как государственная измена.

И совершенно неожиданно для всех, в том числе и для современных историков, Алексей Лазуков, будучи одним из официальных предводителей восстания 1746 года, приходит в Нижнекамчатск и… сдается, выдавая все секреты бунта и всех своих единомышленников. И приходит не один — вместе с младшим братом Иваном…

А вот теперь к выводу, который делает А.С. Сгибнев: «…слухи о бунте дошли до Нижнекамчатска. Служилые люди донесли, что главными виновниками возстания камчадалов были: крещеный тоен Ум эвуткхан с крещеными камчадалами, казаками Алексеем и Иваном Лазуковыми. Опасаясь нападения на острог, Хотунцевский составил под своим председательством военный совет из следующих лиц: бывшего в Камчатке для переписи инородцев капитана Завьялова, капрала Лебедева и прикащика нижнекамчатской казенной избы Расторгуева. На совете решено было укрепить острог и усилить караулы. Но 17 мая 1745 г. (1746. — *С.В.*) братья Лазуковы явились сами с повинною в острог и рассказали все планы бунтовщиков. Они предполагали сперва идти на Нижнекамчатский острог тремя партиями: коряки и олюторцы под командою Алексея Лазукова хотели пройти через Столбовский острожек; укинские камчадалы через рр. Озерную и Еловку и паланские и тигильские камчадалы через Тигиль и Еловку. Потом, соединясь под Нижнекамчатском, идти весною 1746 г. по р. Камчатке на Верхнекамчатск и Авачу за экспедиционною артиллериею и затем истребить всех русских в Большерецке. На Нижнекамчатский острог предполагали напасть ночью, архимандрита со свитою убить и православную веру уничтожить на всем полуострове.

Когда Лазуковы отказались от участия в бунте, камчадалы несколько смирились (выделено мной. — С.В.)».

Этому, выделенному мной факту есть два объяснения.

Первое — у Лазукова было исключительное по силе воздействия влияние на камчадалов через их тойонов.

И второе, прямо противоположное, — камчадалы не собирались принимать никакого участия в будущем восстании, которое готовили карагинские коряки и укинские камчадалы.

И вот то, что было на самом деле.

Орлик, тот самый крещеный камчадал Ламахаручевского острога, который на словах поддержал предложение об участии в заговоре тойона острога на реке Озерной Хотомначика и его родника Керуги (в крещении Семена Минюхина), узнал, что на Юмгиной реке у тойона Умьевушки (впоследствии Дранки) были убиты русские казаки. Убивали их «четверо олюторов, Карагинский тоен и Алексей с братом Лазуковым».

Связь карагинцев с камчадалами **должен был** осуществить Карымча Черный. А именно: «…к прочем де тоенам, а имянно Пеучева острога к Камаку, по крещении Стефану Кузнецову, с Уки реки от Начики, по крещении Ивана Колегова для призывания онаго Камака во общее согласие послан де будет того ж острога иноземец Карымча Черной, а по крещении Алексей Тихонов сын Антипин».

Должен был. А вот что было на самом деле.

28 апреля 1746 года была записана «сказка» еловского тойна Тавача Тенивина – Нефеда Осипова сына Лазарева — крестника первого камчатского священника Иосифа Лазарева.

Это был известный по событиям 1731 года Нефед Тенивин, который был оправдан по делу о Харчинском бунте.

В 1746 году он был захвачен восставшими коряками, которые на его глазах убили нескольких камчадалов. Попытались убить и его самого, но Нефеда защитил тот самый Карымча Черный.

А теперь вдумайтесь в реалии тех дней: коряками убиты еловские камчадалы, хотя **по планам тех же карагинцев** (если такие планы в действительности были?) **два из трех своих ударов они должны были нанести, двигаясь по реке Еловке**, полагая (или будучи уверенными в том), что Тавач, вождь Верхо-Еловского острожка, и Степан

Харчин, вождь Усть-Еловского острожка, их единомышленники.

И конечно же, на допросе братьев Лузуковых был задан вопрос и в отношении позиции Степана Харчина, второго тойона с реки Еловки. И вот ответ Лазукова: «Тоена Харчина в остроге у Умьевушки я не видал, и чтоб он с нами ж хотел в измену итти, от него не слыхал. Токмо Умьевушкин холоп Кулеч сказывал мне, тако ж и брат мой слышал от него ж Кулеча, мне сказывал же, что **будто бы** (выделено мной. — *С.В.*) оной тоен Харчин ему, Кулечу (холопу?! — *С.В.*), говорил: пускай де Умьевушка с родниками изменит прежде, а я де после того изменить готов».

Так что на самом деле Лазуков — **«вождь камчадалов»** — ни с одним из камчадальских тойнов не виделся, не общался и не вводил их в курс своих будущих планов об измене.

Да и были ли на самом деле эти планы?

И вот вам еще один пример.

Якобы «рассчитывая» на поддержку камчадалов, коряки в это же самое время, когда «вызревает» заговор, нападают на соседний камчадальский острожек на реке Столбовой, убивают 19 мужчин и женщин, а

«Межплеменная война», худ. И.А. Пискунов

20 захватывают в плен. А в дальнейших их планах… — погром камчадальских острожков Ламахаручева, Пекуки, Березников, Тавачева…

Вы что-нибудь понимаете в таком клубке «замыслов» подготовки объединенного корякско-чукотско-камчадальского восстания?

В «сказке», рассказанной чудом спасшимся от смерти тойоном Тавачем, также трудно уловить логику будущих действий корякских повстанцев, но есть в ней такой вот неожиданный поворот событий: готовя нападение на Нижнекамчатск, «…тойон Умьевушка говорил же ему, Нефеду, с товарищем ево: поклонись де отцу архимандриту, он де до нас добр был, а мы это сделали с дурачества по научению Алексея с братом Лазуковых».

Архимандрит — глава Камчатской Духовной Миссии, прибывшей в августе 1745 года на Камчатку, Иоасаф Хотунцевский. Центром миссионерской деятельности стал Нижнекамчатский острог с церковью Успения Пресвятой Богородицы.

Судя по количеству православных имен среди коряков и камчадалов, которые мы назвали, крещение из акта братания, каким оно было прежде, превратилось в массовое (практически поголовное) явление и вызвало реакцию неприятия — особенно среди коряков, поэтому слова Умьевушки (Дранки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова) в этом случае стоит расценивать как насмешку над архимандритом, тем более что в планах восставших одной из целей было искоренение не только русских, но и христианства.

То, что эти слова были сказаны в насмешку, косвенно подтверждает и А.С. Сгибнев:

«Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название антихриста. Пользуясь добротою и скромностию старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетьми до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христианами, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось еще тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить

все прежние обычаи, освященные веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетьми перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции».

Вполне вероятно, что именно эта причина — жестокость Хотунцевского и телесные наказания — была объединяющей идеей протеста для новокрещенных карагинцев, укинцев и самого Алексея Лазукова.

Об этом же говорит и А.С. Зуев в своей статье «Восстание коряков-карагинцев в 1746 г. и братья Лазуковы»:

«Сгибнев же указал, что меры духовенства по принуждению к крещению вызвали сильное недовольство коряков: “Пока духовенство занималось крещением угнетенных и разоренных камчадалов, то все жестокости его выносились безропотно; но когда проповедники со своими насильственными мерами явились для распространения христианства среди коряков, считающих телесное наказание ужаснее смертной казни — то на всех концах полуострова обнаружились новые возмущения, принявшие впоследствие огромные размеры”. А телесное наказание и рукоприкладство, столь привычные для русского человека того времени, для коряков являлось сильным оскорблением. Изучавший жизнь коряков В.И. Иохельсон отмечал: “Для коряков величайшим оскорблением был удар по спине и вообще удар. Оскорбленный жаждал отмщения”. И мы видим, что все руководители восставших карагинцев были крещеными и носили русские имена. Но была ли прямая связь между выступлением карагинцев и их крещением? Думаем, что была.

Но, тем не менее, Умьевушка не только насмешничал, но и говорил о том, что именно братья Лазуковы были идейными вдохновителями этого бунта.

Не отрицал этого и Алексей Лазуков, когда его спросили, был ли он ПЕРВЫМ тоеном в измене. И вот ответ: “Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был”. И ясачных сборщиков убивал: “А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать”».

И далее: «Оной измене и убийству с Умьевушкою я первым возмутителем был и здешней (Нижнекамчатск. — *С.В.*) разгромить совет подавал я, и хотел взять с [А]ратуги реки с горы с северной страны с заднего бастиона на утренней зоре, когда наши русские крепко спят, и хотели, не доезжая до острога вверх по Аратуге реке за 8 верст, во остроге оставить собак для утаения собачьего крику, а сами хотели идти пешком на лыжах, которому нашему совету согласовал Панкары реки тоен Ивашко».

И далее, вынося себе смертный приговор: «В построенных (в Нижнекамчатске. — *С.В.*) домах жить мы хотели, а именно: я, Алексей Лазуков, в новопостроенных покоях отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужеска пола душ господина капитана Дементья Завьялова и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и протчих убить и христианскую веру истребить…»

Но в отношении брата — Ивана Лазукова — позиции Умьевушки и Алексея Лазукова расходятся в диаметрально противоположные стороны.

Вопрос: «Будучи брат твой Иван Лазуков на Панкаре реке в остроге у Ивашки, от насильства твоего в твое согласие отговаривался ль, и ты его тем насильством принуждал ли, и когда он с тобой в измену не пошел, будучи ты в мохоморе, вскоча с копьем, колоть хотел ли».

Ответ: «Прежде убийства ясашных сборщиков приехал я с Умьевушкою на Панкару реку в острог к Ивашке, в котором остроге брат мой родной Иван Лазуков был, и стал я брата своего, ответчи в лес, к измене насильно призывать, на что он от меня многократно отговаривался и в измену идти не хотел. И видя я, что брат мой в измену идти не хочет, вскоча на него с копьем, и хотел заколоть, которого моего брата от смерти отнял олюторский мужик Пичючен, и оной страх брат мой увидевши, в измену идти слово дал. А прежде нашего насильства брат мой Иван о измене ничего не слыхал, и наутро оной мой брат, приехав к Умьевушке в острог, ночевал одну ночь. И при приезде оного ввечеру начали мы с Умьевушкою его, брата моего, вторично насильно призывать, по которому принуждению и по угрожению смертного убивства брат мой в измену пошол и дав слово, что де буду с вами в одном согласии, обратно поехал на Панкару к Ивашке, и жил там дней с пять и после, как мы тех ясашных сборщиков всех убили, оной брат мой Иван обратно к нам к Умьевушке в острог приехал и начал меня бранити всякими непотребными словами, по что де ты так сделал. И после того жили мы в остроге у Умьевушке три недели и советы всякие советывал я с Умьевушкою и с протчими, а брат мой Иван живучи со мною, всегда молчал и совету никакого нам не подавал кроме того что непрестанно меня возбуждал, что от них изменников в Нижней острог бежать, токмо я его не послушал и бежать в Нижней острог не хотел».

А вот допрос самого Ивана. Один из вопросов: «Сообщники ваши камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и

брата твоего Алексея Лазукова камчука командиром намерены ль были».

Ответ: «Оные камчадалы в самом остроге по побитии живущих в нем жить хотели и брата моего камчука атаманом намерены были, и он того сам желал».

Что же в таком случае изменило планы Алексея Лазукова и заставило его не только сдаться властям, но и выдать все планы заговорщиков?

Вопрос: «Из того Умьевушкина острога как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотел ли брат твой Алексей с тобою быть в тот острог или нет».

Ответ: «В бытность нашу на море на льду при ловитве морской нерпы имел намерение обратно брат мой камчук в острог к Умьевушке идти и меня звал, по которому з[о]ву и я с ним идти хотел же, точию во время нашего на том льде сна, по нашествии от земли ветра, тем ветром на оном льде нас отнесло на море и носило целый месяц и принесло к Укинскому носу. И пристав к земле, со оного льду сошли на землю, и брат мой камчук хотел идти обратно к Умьевушке в острог и меня с собою звал, токмо я ево не послушал, пошол сюда в острог. И видя брат мой, что я в острог пошол, то и оной брат мой со мною же не отрекся».

Финал очень странный.

А.С. Зуев объясняет его следующим образом:

«…причина того, что тот отказался от дальнейшего участия в руководстве восстанием заключается в другом. Дело в том, что у коряков, равно как и у соседних ительменов и чукчей, человек, потерявшийся в море, считался ушедшим в “иной мир”, и его не принимали назад в коллектив. По крайней мере, для такого возвращения требовалось пройти ритуал очищения, как бы родиться заново, чтобы стать прежним человеком. Для самого Алексея подобное отношение к морю, после общения с русскими и особенно плавания с Берингом, скорее всего не было актуальным. Но коряки уже не приняли бы его назад, а если бы даже и приняли, то не доверили бы ему роль вождя и перестали бы прислушиваться к его советам. Он стал бы изгоем в корякской среде. Осознание данной перспективы и сподвигло Алексея поддаться на уговоры брата и вернуться к русским. Но какие мотивы двигали им, когда он “сдавал” своих соратников и раскрывал планы восставших, судить невозможно. В любом случае следственная комиссия воспользовалась признаниями Алексея, чтобы сделать из него главного злоумышленника».

Мою же версию о причинах решения Алексея Лазукова сдаться властям Андрей Сергеевич посчитал надуманной:

«С. Вахрин, пытаясь объяснить “странное” поведение А. Лазукова, выдвинул следующую версию: “Лазуков, ослепленный яростью за надругательство над верой своего народа и бесчинства камчатских казаков и русского начальства, возглавляет бунт и начинает боевые действия против русских отрядов по сбору ясака, а потом вдруг идет в Нижнекамчатск — жертвуя самым дорогим, что только у него есть — родным братом, ради того, чтобы остановить кровопролитие, ибо для него, Алексея Лазукова, братья были с обеих враждующих сторон, и он оказался не в состоянии выбрать между ними. Звучит очень красиво, но явно надуманно. Вряд ли подобные ‘шекспировские’ страсти имели место”».

Но жизнь бывает гораздо сложнее шекспировских сюжетов.

Ссылаясь на документы походной розыскной канцелярии, А.С. Зуев сообщает сведения, в которых сам же и сомневается:

«До сих пор в литературе по поводу братьев Лазуковых сообщалось, что они были “камчадалы”. Однако найденные нами документы определенно говорят о том, что они были коряками и к описываемым событиям имели возраст около 40 лет. Иван до 1716 г. жил при упоминавшейся монастырской пу-

«Охота на нерпу», худ. В.И. Зорин, КОКМ

стыне. В 1716 г. он бежал оттуда, так как “монах Яков бил ево плетьми, и от тех де побоев и збежал”. После этого он, переходя с места на место, обитал среди коряков: “в Панкарах (у карагинцев. — *А.З.*).., в оленных коряках и в немирных алюторских иноземцах, а имянно на Илпее и в Култушной и Говенской губах и в Алюторску и во всех алюторских острогах живал”. В 1736 г. он оказался на р. Уке, откуда его с рапортом послал в Нижнекамчатск ефрейтор С. Батуев.

16 апреля того же года (1736. — *С.В.*) он был допрошен майором В. Мерлиным. Во время допроса, рассказывая о себе, Иван упомянул и о своем брате: “а брат мой родной Алексей Лазуков ныне живет на Тигиле реке у ясашных иноземцов у тоена Келлеха”. Обращает на себя внимание тот факт, что Иван в этих документах называется казачьим сыном [РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 527, д. 13, л. 103–104 об.]. Соответственно, такой же статус в 1736 г. имел и Алексей. Но кто был их отец и как он (коряк!) оказался на казачьей службе, неизвестно. Поименование обоих братьев русскими именами свидетельствует, что уже к этому году они были крещеными, хотя во время следствия 1746 г. упоминалось и корякское имя Алексея — Камчюга (у П.В. Громова. — Камчуш)».

Конечно же, сути дела не меняет то, что Андрею Сергеевичу не был известен их отец. В истории Сибири достаточно много фактов, когда «иноземцев» (или «инородцев») принимали на службу и в качестве толмачей, и в качестве служилых людей. И среди них было немало коряков и чукчей.

И оба брата Лазукова на момент корякского восстания были на… службе.

Иван Лазуков состоял при особе руководителя Камчатской Духовной Миссии — архимандрите Иоасафе Хотунцевском и был отпущен архимандритом в корякские острожки по «отпускному письму» по личным делам, как сообщает он сам на допросе.

Алексей Лазуков вообще был официальным переводчиком.

Кстати, идея А.С. Зуева о том, что «море забрало» Лазукова и он таким образом лишился статуса вождя восстания, стал «изгоем» и потому поспешил сдаться, конечно, интересная.

Но как быть с тем, что море уже «забирало» Лазукова, когда он на пакетботе «Святой Петр» мотался, как и на той же льдине, по морю, не ведая, что шторм когда-нибудь выбросит их судно на необитаемый остров, приговорив себя, как и многие на пакетботе, к неминуемой смерти?

Или он прошел впоследствии обряд «очищения», о котором пишет А.С. Зуев, чтобы его коряки признали своим вождем?

А может быть, все проще — брату Ивану удалось за месяц пребывания на этой льдине убедить своего брата в том, что ему нужно сдаться русским, а не воевать против них.

А убедить удалось по той же простой причине — за период зимовки на Командорском острове, где все, кто остался жив, жили здесь в условиях островного братства, заботясь друг от друге, забыв о чинах, сословных и национальных сословиях, о чем пишут и Георг Стеллер, и Свен Ваксель, и сам Андрей Сергеевич Зуев. И Алексей Лазуков был главным кормильцем и спасителем тех из членов экипажа «Святого Петра», кого сломила цинга и кто не мог даже двигаться. И тому были живые свидетели, оставившие в истории свои воспоминания…

И это ведь не шекспировские сюжеты, а жизнь.

И становится понятной причина, почему Алексей Лазуков брал всю вину о восстании и убийстве русских казаков на себя — он защищал таким образом и своих братьев-коряков, расправа с которыми была неминуема, смягчая тем самым им приговоры…

И А.С. Зуев это тоже подтверждает в своих рассуждениях: «…какие мотивы двигали им, когда он “сдавал” своих соратников и раскрывал планы восставших, судить невозможно. В любом случае следственная комиссия воспользовалась признаниями Алексея, чтобы сделать из него главного злоумышленника. Для этого были и определенные основания: ведь с его уходом из лагеря восставших последние не предпринимали более активных действий против русских, ограничившись грабительским налетом на ительменский Столбовской острожек».

«Остается неясной и судьба братьев Лазуковых. Ни один из известных нам документов после 1746 г. о них совершенно не упоминает. Не исключено, что вскоре после ареста они покончили жизнь самоубийством — ведь как известно, суицид среди местных народов был самым распространенным способом ухода от неблагоприятных жизненных обстоятельств», — пишет он же.

Хотя возможно, все было и по-другому.

7 июля 1905 года староста села Воямполка Иван Павлович Лазуков участвовал вместе с тигильскими казаками в захвате японской шхуны, занимавшейся «хищническим» промыслом рыбы в устье реки Воямполки. Вместе с ним принимал участие в народном ополчении его земляк (и, возможно, ро́дник) Гордей Лазуков.

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. «за усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берега» Иван Павлович Лазуков был награжден серебряной медалью.

Известен еще один житель Воямполки — Лазуков Варфоломей Лукич (1881 г. р.), который 17 марта 1935 года был арестован органами НКВД как «социально-вредный элемент» (без указания в деле статьи УК РСФСР) и приговорен к 5 годам лишения свободы. Дальнейшая судьба его неизвестна.

А по метрическим данным в 1889 году родились в Паланской волости, к которой относилась Воямполка, Лазуков Данил Иванович и Лазукова Мария Никифоровна. Это говорит о том, что, судя по отчествам, род Лазуковых в Воямполке был довольно многочисленным.

Являются ли они прямыми потомками братьев Лазуковых, мы не знаем. Но эту фамилию и сегодня мы находим в списках коренных малочисленных народов Севера Камчатки.

ЛЫКОЧ (КОЛЛЕГОВЫ)

С.П. Крашенинников: «…по левую сторону [реки] Камчатки (в двадцати шести верстах ниже устья реки Еловки. — *С.В.*) есть камчатской острожек Пингаушчь, а по русски Каменной, которой бывши прежде сего весьма многолюдным, пришел ныне в толь бедное состояние, что жителей в нем не больше 15 человек осталось. Причина тому собственное их неспокойство: ибо не было ни одного бунта, в котором бы жители сего острога не имели участия».

После С.П. Крашенинников уточнит, что в числе 15 он имел в виду коренных каменцев: «А по переписным книгам объявляется 69 человек, которые однакож из новообъясаченных или из холопства освобожденных после к помянутому острожку приписаны, с тойном не живут или совсем его не знают».

Тойном же при С. Крашенинникове был некий Иван Карбаганов, новокрещенный камчадал, по всей видимости, из недавно назначенных нижнекамчатским приказчиком на эту должность.

Дело в том, что в период Харчинского бунта каменские камчадалы были в союзе с еловскими и ключевскими «изменниками», за что и сильно пострадали.

Правда, А.С. Зуев в своем очерке «Восполняя белые пятна» не совсем верно интерпретирует те цифры, которые обозначил С.П. Крашенинников: «Часть ительменских поселений, по сведениям Крашенинникова, запустела или оказалась на грани исчезновения. В частности, в “острожке Кыллуша” из 45 взрослых мужчин осталось “человек с 12”, в Каменном острожке, где было 69 ясачных плательщиков, “не больше 15 человек осталось”».

Всего, по его же собственным подсчетам, погибло в период нижнекамчатских событий 69 человек (а это и еловские, и ключевские, и каменские, а также убитые самими восставшими камчадалами их земляки из Козыревского, Щапинского, Крестовского и Камаковского острожков).

А вот тойоном у них в этот период был вовсе даже не Иван Карбаганов.

Андрей Сергеевич Зуев только единожды упоминает имя вождя из Каменного острога, но в очень даже любопытной для восстания камчадалов ситуации: «По признанию самого Ф. Харчина, вырвавшись из острога, он спрятался “близ острогу в лесу” и наблюдал за сражением до его конца. Здесь к нему присоединился Ор Тавач, бежавший из острога вместе с тойоном Ликочем (Ливуч, Лювич) еще в ночь с 26 на 27 июля. Затем Федор и Ор Тавач перебрались на другой берег р. Камчатка и “жили на зарешной стороне до отбытия служилых к морю”».

А затем: «После ухода отряда Спешнева из Нижнекамчатского острога Ф. Харчин, Тадея Пурин (он был взят в плен при штурме, но бежал), Ор Тавач и новокрещенный Михаил Катканов (Чарым Камач, или Канач?) сожгли уцелевшие после боя церковь, “государев” двор и две казачьи избы».

По дороге в п. Ключи открывается ошеломительный вид на вулканы во главе с Ключевской сопкой, www.drive2.com

2 ноября 1731 года Федору Харчину был задан вопрос: «Ты, Федор, и с протчими своею братиею о измене согласия было в которых годех, что Нижне Камчадальский острог выжечь, а казаков прибить».

Ответ: «О измене мы согласие имели, что острог выжечь, а казаков прибить, мая девятого дня сего ж 1731 году».

Вопрос: «А с тобою ко оному зломыслию в согласии были тоены кто имяны и которых острогов, и протчая ваша братья иноземцы, коликое вас число имелось быть».

Ответ: «О согласии тоены с нами были от Крестов Ивол, Тавач да Дурига, да Ханея и Хомычев, да ключевские Ханея да Дадея и Урин, да подострожной Хавроткин да Колыч, еловской Валага и Купин да Игил да Лалот, Голгоч, ключевской Налач, Каменного острогу Ливуч, еловской Чаромаш, Колычева брат Гижур и вышеозначенные тоены все с родниками».

Урин (Тадея Иурин), Чаромыш (Черемач Баргачев), Ор Тавач были впоследствии казнены.

В списке тойнов, возглавивших Харчинский бунт, мы находим еще одно знакомое имя — Ливуч (Лювич, Ликоч), тойон Каменного острога, который сбежал из Нижнекамчатска в ночь перед штурмом, опережая трагические события, вместе с Ором Тавачем. И затем, по всей видимости, тоже, как и Ор Тавач, последовал за своим предводителем и, вполне возможно, был в составе того отряда, который сжег первую на Камчатке церковь с приходом в память Николая Мирликийского Чудотворца.

Возможно — потому что более о нем в следственных материалах, на которые ссылаются исследователи, нигде ни слова…

Только Федор Харчин на допросе называет его в числе тех, кто бежал вместе с ним из острога — Голгоч, Урил, Налач, Итту — Налачев брат, Дадея, Тавач, Лювич — «и пошли по Еловке в старые свои жилища»…

Нет этого имени, как имен Нефеда Тенивина и Степана Харчина, и в приговоре походной розыскной канцелярии.

Но все эти три имени встречаются позже в другом месте — в списке тойонов камчатских острогов.

«На Уачьхаче речке, которая от русских Ключами называется, потому что зимою никогда не мерзнет, есть камчатский острожек Кыллуша, которой до измены был весьма знатен и многолюден; но от тойона с подчиненными, которые в 1731 году были в числе главных бунтовщиков, пришел оной а толь жалостное состояние, что от великого множества жителей ныне только человек с 12 в нем числится».

И вновь уточнение: «По переписным книгам 43 человека считается, по той же причине, которая о Каменном острожке объявлена».

А тойоном этого Ключевского острожка был… Ликоч, бывший тойон Каменного острожка…

В 1735 году в Нижнекамчатском остроге, отстроенном уже на новом месте на реке Радуге, был бит кнутом по итогам расследования причин Харчинского бунта казак Евдоким Колегов, который впоследствии стал крестным отцом ключевского тойона Ликоча — Никиты Евдокимовича Колегова (потомки которого стали писать свою фамилию через два «лл», чтобы отличаться от соплеменников).

И вот какая прелюбопытная история: «После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева (сына которого — дьячка Андрея — смертельно ранили камчадалы в 1731 году, предварительно спалив церковный двор, чтобы в огне пожарища перебить казаков и захватить Нижнекамчатский острог. И вполне вероятно, что это могла быть и стрела, пущенная Ликочем. — *С.В.*), вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленность свою любимцем архимандрита Хотунцевского и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья. И уже один из внуков его Михаил священствует на Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на службе церкви» (Прокопий Громов, «Историко-статистическое описание камчатских церквей», Труды Киевской духовной академии, Киев, 1861).

У Григория Никитовича Коллегова было три сына — Михаил, Григорий и Георгий, каждый из которых также пошел по духовной линии.

Дети старшего — Михаила — служили в Ключевской церкви, младший из них, Василий Михайлович, был уже за штатом и крестьянствовал. Он был отцом последнего

священника Нижнекамчатской Успенской церкви Геронтия Васильевича Коллегова, который, в отличие от представителей старшей линии своего рода, не имел духовного образования.

Интересная судьба Михаила Григорьевича Коллегова, сына Григория Григорьевича, пономаря Ключевской Троицкой церкви. Он получил образование в Иркутской духовной семинарии. 26 ноября 1842 года рукоположен в священники и с 1850 года служил в Петропавловском соборе.

Именно он, во главе с настоятелем собора Георгием Ивановичем Логиновым и его братом Александром, под обстрелом англо-французской эскадры, бомбардировавшей укрепления Петропавловского порта перед штурмом, проводили торжественный молебен перед боем. В 1855 году «за оказанный им подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в лето 1854 года в августе месяце Высочайше награжден бархотною фиолетовою скуфеею», в 1856 году награжден наперсным крестом на Владимирской ленте и памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте, которой награждались непосредственные участники сражения за Петропавловск.

Вместе с ним проводил молебен старший брат Геронтия Васильевича Коллегова Моисей Васильевич, выпускник Камчатского духовного училища, дьячок Петропавловского собора, впоследствии священник Дранкинской церкви.

В 1840 году с образованием в Российской империи Камчатской епархии, охватывающей два континента (Аляску с Алеутскими островами в Америке и Камчатку, Чукотку, Курильские острова, Якутию, Охотский край, а впоследствии еще и Приамурье с Приморьем), выпускники духовной семинарии Иркутска, Новоархангельска, Якутска, Благовещенска и духовных училищ распределялись для службы по всей этой огромнейшей территории, утрачивая всякую связь со своей малой родиной и своими родниками (родственниками), о дальнейшей судьбе многих из которых нам сегодня ничего неизвестно.

Когда в Хабаровске, будущем центре Приамурского генерал-губернаторства, был построен первый православный храм, то службу в нем начал прибывший из Николаевска-на-Амуре священник К. Коллегов — вероятно, Ксенофонт Михайлович (1813), выпускник Камчатского духовного училища, сын Михаила Григорьевича, правнук вождя Лыкоча.

А на Камчатке сегодня род потомков Лыкоча — один из крупнейших, объединяющий ключевских и большерецких Коллеговых.

Ключевских — по их исторической родине. В том числе и нижнекамчатских — здесь, как мы уже говорили, последним настоятелем Успенской церкви был Геронтий Васильевич Коллегов, сын ключевского крестьянина Василия Михайловича Коллегова.

Большерецких — по службе брата Василия Михайловича — настоятеля Большерецкой Успенской церкви Григория Михайловича Коллегова, дети которого породнились со многими старинными фамилиями Камчатки — Спешневыми, Логиновыми, Селивановыми, Сторожевскими…

А есть еще и крестники священников Коллеговых — из некогда существовавших на Камчатке сел Харчино и Еловка.

Но возможно, что это не совсем и так — и камчадалов Коллеговых (жителей долины реки Камчатки), и коряков Коллеговых (жителей восточного побережья полуострова) объ-

Храм в Петропавловске, альбом клипера «Разбойник»

Фотография на память: камчадалы Коллеговы, казаки Селивановы, священнослужители Логиновы — одна большая и дружная семья

единяет один и тот же человек — нижнекамчатский казак Евдоким Колегов, участвовавший в крещении и тех, и других, сопровождая архимандрита Камчатского — Иоасафа Хотунцевского в его Духовной Миссии из центра миссионерской деятельности — Успенской церкви Нижнекамчатского острога по «присудственным подострожным» землям. По крайней мере известно, что знаменитого корякского бунтаря тойона (вождя) Умьевушку, впоследствии прозванного Дранкой, официально называли после крещения Стефаном Евдокимовым сыном Колеговым.

Вот так переплелась наша камчатская история в судьбах ее коренных жителей.

АГИШКИН (УВАРОВСКИЕ)

Ичинские камчадалы называли свой острожек Оаут. Во времена С.П. Крашенинникова тойоном Ичинского острожка был Тынешка. «Ясачных» насчитывалось 84 души, из которых 23 были «собольниками», а 61 — «лисичниками».

Ичинский острожек занимал важное военное стратегическое положение задолго до прихода на Камчатку русских, отражая нападения различных племен и народов как с севера, так и с юга.

Вот что можно прочитать у С.П. Крашенинникова: «Господин Стеллер причиною междуусобных браней тамошних народов ненависть же и роскошь объявляет, но с некоторыми особливыми обстоятельствами, которые сообщим здесь в дополнение.

Хотя пишет он, в Камчатке главного начальника прежде и не было, но всяк жил по своей воле; однако две внутренние страсти: ненависть и роскошь причиною были, что камчадалы сами свой покой и мирное житье отвергали и тем время от времени больше умалялись (в рукописи зачеркнуто: пришли в малолюдство. — *С.В.*) и приходили в изнеможение. К неприятельским действиям побуждали их женщины, властолюбие и всякие домовые вещи и уборы. Но чтоб каждой мог неприятелю противиться, то поддавались они старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтоб мщением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепиться в своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть владетелями, отчего наконец последовало одного народа разделение на разные, и учинились многие равносильные стороны».

А теперь будем внимательны: «Сперва начали коряки и от Тигиля вошед в Камчатку следовали западным берегом до Большой реки (соответственно, сформировалась корякско-камчадальская группа кыкша-ай. — *С.В.*). После этого восстали (?! — *С.В.*) шантальцы под предводительством умного и храброго мужа Шандала. А как сей власть свою распространить вознамерился, желая получить ласкою то, что зависело от силы и оружия, то есть чтоб наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска, то сделались паки две стороны, одна у вершин реки Камчатки, которая продолжалась до приходу россиан, а другая в Кроноках, которая простиралась жилищами до самой Лопатки (то есть Курильская землица, территория проживания айнско-камчадальской группы. — *С.В.*). Наконец живущие от Голыгиной реки до Компаковой отпали от жителей Курильской лопатки. И хотя сии люди малочисленнее были, однако всех других превосходили силою, храбростию и разумом, нападали на различные остроги, отводили в плен женской пол и малолетных; ибо мать нынешнего тойона первого Курильского островом, именем Купени, была пленница, родом из Ичинского острожка, которой лопатские жители погромили уже по прибытии россиан в ту сторону, чего ради островские жители ичинских камчадалов почитают за родню свою».

И добавляет: «А сии лопатские жители, или просто курилы, потому были непобедимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарах своих по морю, и отходя с получением корысти без опасности погони, ибо камчадалы морских судов не имеют».

В 1731 году ичинские камчадалы пытались так же, как и многие другие, поучаствовать в бунте, поднятом Федором Харчиным и дядей его Голгочем, но все получилось наоборот: «На побережье Пенжинского (Охотского) моря ительмены с р. Ича убили трех служилых. После этого ичинский тойон Киврю обратился за подмогой к ительменам р. Хайрюзова. Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг “осердились” на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей».

Обратно пленных вернули уже в период расследования причин Харчинского бунта по приказу начальника походной розыскной экспедиции майора В.Ф. Мерлина.

По всей видимости, он же «сместил» с должности тойона и «неблагонадежного» Киврю, хотя по делам следствия — это имя почему-то не проходит. Возможно, он был убит в стычке с хариузовскими камчадалами.

Новый тойон — Агишкин — был крещен. Крестным отцом у него был капрал (до этого казачий сотник) Иван Уваровский, служивший на Камчатке и даже одно время принявший на себя полномочия приказчика.

Его тезка — сын тойона Агишкина — Иван Уваровский был весьма смышленым, быстро освоил грамоту и был назначен архимандритом Иоасафом Хотунцевским в 1747 году учителем в Ичинский молитвенный дом, а в 1758 году епископом Иркутским Софронием был рукоположен в священники и назначен первым настоятелем только что построенной Ичинской Вознесенской церкви.

Но в 1768 году отец Иван Уваровский стал одной из жертв страшной оспенной эпидемии, обрушившейся на Камчатку.

В 1800 году на Камчатку вновь обрушилась оспа. Особенно пострадала та ее часть, которая связывала казачьи центры полуострова: Большерецк — Верхнекамчатск — Нижнекамчатск. Некоторые поселения полностью обезлюдели.

И тогда началось массовое принудительное переселение жителей западного побережья Камчатки — той ее части, которую не затронула эпидемия, — в камчадальские поселения, имеющие важнейшее значение для «каюрной гоньбы» — транспортной связи административных центров полуострова.

Была еще и другая причина переселения — мало кто знает сегодня о том, что камчадалы были участниками многих промысловых экспедиций в Русскую Америку – их наем был для купцов более дешевым, и камчадалы гораздо легче, чем уроженцы России выдерживали суровые испытания голодом и холодом, не страдали от скорбута (цинги). Вот только одно сообщение о событиях, происходивших на острове Уналашка во время ее открытия русскими мореходами:

«По прибытии ж… на остров тамошней народ с первое их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами, которые так же, как и алеутский народ, имея в шестиках укрепленные кости и каменье острые, мечут из досок, и учиня приступ, усилились было всех перебить и ранили Пономарева в правое плечо, Глотова в грудь да в левое плечо, камчедала Игнатъя Уваровского в правую ногу, Стефана Уваровского убили до смерти, а протчих при том господь спас, токмо отбили у них байдару с кормы, с платьей и протчим шкапертом да 2 топора, от которых, едва защищаясь зделанными на судне ис платья и протчаго оставшегося шкаперту и досок щитами, спаслись. И с тем оной народ разбежался. А потом оные, не видя от них отмщения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию мяса и рыбы сушеной трески. Напротиво чего и они Пономарев и Глотов со товарищи что при ком отыскаться могло из мелочей, то есть, от игол, шильцев и протчего, дарили. И при том своем приходе возымели с ними дружеское обхождение они к ним ласку и привет. И возвратили они отбитую ими байдару со всем, что во оной было. И через оную их ласку и привет при таком дружеском их с нами обхождении на означенных двух отысканных островах приведено ими со всеми компанейщиками… в подданство и платеж ясака тамошних народов. А при отправлении с тех островов по добровольному оных народов к подданству склонение, а через Пономарева и Глотова с товарищи к ним ласку и привет, оные желание возъимели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили».

Засада, худ. И.А. Пискунов

В связи с необходимостью поддержать «каюрную гоньбу» камчадалы Уваровские, потомки отца Иоанна, появляются в Апачах, и уже коренные апачинцы — Захар Захарович Уваровский с братом Николаем принимают участие в боевых действиях в период Русско-японской войны в составе Большерецкой дружины, обороняя Камчатку от японцев.

Уваровский Петр за участие в боевых действиях против японцев был награжден серебряной медалью «За усердие».

В 1905 году и староста древнего камчадальского селения Начики (Мышху — у Крашенинникова) Дмитрий Кузьмич Уваровский был награжден серебряной медалью «За усердие» за активную деятельность и «распорядительность» по формированию народного ополчения в период Русско-японской войны. А его отец — в прошлом житель села Авача, в числе лиц, «не участвовавших в сражении, но находившихся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении», был награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов.

Любопытную историю переселения рода Уваровских по линии Кузьмы Семеновича мы обнаружили в архивах.

Кузьма Семенович не был камчадалом — он был крестьянином (его мать была вдовой рядового, служившего прежде в Камчатском гарнизонном батальоне и вполне вероятно, происходившего из казачьего рода Уваровских). Но Кузьма Семенович рано умер, и его вдова в 1867 году вышла замуж за камчадала Николая Варфоломеевича Елагина, переселенного из села Авача в село Коряки, куда перебралась и Мария Яковлевна Уваровская с детьми. Так авачинские Уваровские тоже стали камчадалами.

И далее.

Ревизская сказка о 13-й народной переписи камчадалов Начикинского селения Петропавловского округа Приморской области января 30-го дня 1890 г.

Дмитрий Кузьмич Уваровский — 34 года (поселен до переписи 1880 года). Сыновья его: Иван — 11 лет; Николай — 3 года; брат его Семен — 32 года; жена Дмитрия Уваровского Софья Тимофеевна — 30 лет. Дочери его: Ульяна — 7 лет; Мария — 1 год. Жена Семена Александра Прохоровна — 22 года. Дочери его: Александра — 3 года; Анна — 9 месяцев.

Но были и другие истории переселения: например, Иван Тимофеевич Уваровский (1823), уроженец с. Ича, сначала был переселен в селение Коряки и награжден, как и Кузьма Семенович, бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов, а позже переселен в Начики. Так сошлись здесь две линии Уваровских.

Но и в Иче родовая фамилия Уваровских тоже сохранилась.

В числе ичинских ополченцев был Егор Михайлович Уваровский.

А след еще одного из потомков тойона Агишкина — брата Егора — Христофора Михайловича Уваровского (1887) — пропал в 1932 году, когда он Тройкой ПП ОГПУ ДВК был приговорен по сфальсифицированному чекистами «Тигильскому делу» к трем годам лишения свободы. И хотя в 1959 году Христофор Михайлович был реабилитирован, «сведений о дальнейшей его судьбе нет», как сообщают те, кто занимается поиском жертв политических репрессий 1930-х годов.

А теперь расскажем то, что нам известно о человеке, который оставил на Камчатке свою фамилию.

Сотник Иван Федоров сын Уваровский происходил из якутских казаков. Его отец, судя по фамилии, был из многочисленных польско-литовских военнопленных, сосланных в Сибирь и оставленных здесь на службе. Судя же по выслуге сына — стал казачьим сотником, то есть обер-офицером, — его отец служил в чине сына боярского. Как правило, чинопроизводство в казачестве производилось не только по личным заслугам, но и по заслугам, и по чинам отцов и дедов.

Первые сведения об Иване Федоровиче мы находим в материалах Якутской приказной избы за 1706 год — в это время он был еще рядовым казаком десятой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Затем следует 1718 год, когда Уваровский уже заметно вырос в казачьих чинах: были назначены «прикащиками из детей боярских: в Большерецк Василий Качалов, в Нижнекамчатск Иван Уваровский (Уваровский был последний прикащик в Нижнем; после него назначались уже туда коммисары, подчиненные Большерецку) и в Верхний Поротов» (А.С. Сгибнев).

Следующая из имеющихся в нашем распоряжении исторических записей об Иване Уваровском относится к событиям, предшествовавшим Харчинскому бунту: «Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому Михаилу Шехурдину; а Верхнекамчатск Ивану Уваровскому, от которого в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков, а Большерецк — Кузьма Олесов. Иван Шестаков выехал из Камчатки в 1730 г., Новгородов, Уваровский и Шехурдин в 1731 г.».

Новгородова и Шехурдина привезли потом обратно в кандалах. Ивана Новогородова повесили, а Михаила Шехурдина били кнутом за злоупотребления, ставшие при-

чиной бунта камчадалов. Что интересно, Уваровский по делу о Харчинском бунте не проходил…

А вот и последняя запись: Иван Федорович недолгое время (с 5 февраля 1744 года) управлял всей Камчаткой: «принял управление капрал Уваровский, который сдал должность в октябре 1744 г. прибывшему в Камчатку новому командиру капитану Лебедеву».

В 1748 году мы встречаем имена Михаила и Матвея Ивановичей Уваровских в списке якутских казаков, в 1761 году в этих же списках видим имя сына боярского Михаила Михайловича Уваровского…

ТОНУ (СПЕШНЕВЫ)

«Гыг река прозвана от казаков Воровскою, для того что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и лестью побивали ясашных зборщиков.

…При реке Гыг от устья верстах в 20 есть камчатской острожек одного имени с рекою.

…Строения в нем 1 юрта, 28 балаганов, ясашных иноземцов 30 человек, в том числе 8 человек собольников да лисишников 22, тойон новокрещен Петр, иноземческим именем Тону».

В другом месте С.П. Крашенинников уточняет имя вождя — Тоначь.

Фамилия новокрещенного тойона Петра не указана, но вполне вероятно, исходя из тенденции крещения-братания, эта фамилия была Спешнев.

И мы, если даже ошибемся, то ошибемся не очень сильно, потому что эта фамилия была главной в острожке, а потом в селении Воровском на протяжении двух последующих веков.

Кто такой в истории Камчатки Спешнев?

Это был дворянин, судостроитель, корабельный мастер, точнее «ботовых дел подмастерье», прибывший на Северо-Восток России в составе экспедиции Афанасия Шестакова — Дмитрия Павлуцкого. И это был еще человек, который в самое ответственное для Камчатки время, связанное с Харчинским бунтом, принял вместе с геодезистом Михаилом Гвоздевым управление краем, восстановил здесь порядок и занялся строительством Нижнекамчатского острога на реке Радугеа.

Его появление на западном побережье Камчатки было связано в 1729/30 гг. с трагедией двух построенных им судов — бот «Восточный Гавриил» разбился у берегов Камчатки, а бот «Лев» был захвачен и сожжен ямскими коряками.

Степан Петрович Крашенинников, скрупулезно отмечавший в своей книге «Описание земли Камчатки» все важные события в истории нашего полуострова, не прошел мимо и того факта, что первыми русскими крестниками становились именно тойоны — вожди, а их крестными становились в то время первые руководители края — Мерлин, Павлуцкий, казачий пятидесятник Атласов, сын камчатского Ермака…

Поэтому и появление фамилии Спешневых в селе Воровском было совершенно неслучайным.

У нас нет сегодня на руках доказательств того, что именно Тавачь (Тону) и стал первым Спешневым в Соболево.

Мы знаем другое — все Спешневы из села Воровского (Мономахово, Соболево) имеют своими родоначальниками двух Степанов. Степана Старшего. И Степана Младшего.

Возможно, что это один и тот же род.

Это первое.

И второе — родовое старшинство, то есть избрание тойона (вождя), а впоследствии старосты села, попеременно переходило от потомков Степана Старшего к потомкам Степана Младшего и наоборот.

И, наконец, третье.

Долгое время в селе Воровском фамилия Спешневых была единственной.

И уж если Спешневы внутри своего рода не вступали в перекрестные браки (хотя такие факты и наблюдаются), то их общей родней выступали те камчадальские аборигенные и старожильческие семьи, с которыми они породнились.

Возьмем для примера только одну семью — детей Ивана Александровича Спешнева (1815 г. р.):

Спешнев Василий Иванович (1847), ж. (с 1870) Павлуцкая Елена Васильевна (1846), дочь Крутогоровского камчадала Василия Павлуцкого.

Спешнев Прокопий Иванович (1864 – 22.06.1911), ж. (с 1872) Борисова Варвара Петровна (1854), дочь камчадала с. Крутогорово Борисова Петра Ивановича.

Спешнева Мария Ивановна (16.01.1867), м. (с 1892) Петров Гавриил Аристархович (1861), с. Облуковина.

Спешнева Агриппина Ивановна (1870), с. Воровское, м. (с 03.02.1891) Усов Василий Васильевич (1865), сын баталера 27-го флотского экипажа, Петропавловский порт.

Спешнева Евдокия Ивановна (1873), м. 1 (с 13.01.1893) Спешнев Анкудин (Анкидин) Михайлович (1853 – 18.07.1906), с. Воровское, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., погиб на р. Унушка 18.07.1906 г., м. 2 (с 15.07.1907) Черных Иван Васильевич (1874 – 05.03.1911), петропавловский мещанин.

Если же исходить из того, что общая численность населения Камчатской области до

революции не превышала десяти тысяч человек, то вряд ли найдется хоть одна старинная камчатская фамилия, которая, если не прямо, то косвенно, через другую родню, не была бы родственной Спешневым.

Историей своего села и своего рода одним из первых начал заниматься Федор Васильевич Спешнев, дед которого, Федор Андреевич Спешнев (1829), в 1875 г. был старостой села Воровского. Кстати, во втором браке он был женат на племяннице Ивана Александровича — Вере Петровне Спешневой.

Федор Васильевич, сын камчадала селения Воровского Василия Федоровича Спешнева и камчадалки села Крутогорово Надежды Михайловны Кильтякиной (Колтакиной) оставил замечательные воспоминания о своем времени, которые в настоящее время опубликованы в различных изданиях. Матерью его детей была Александра Николаевна Ворошилова из семьи камчатских (прежде иркутских, а еще ранее — тверских купцов). И вопросами краеведения начала заниматься его дочь — Елизавета Федоровна (в замужестве Радькова).

И вот одна из перекрестных линий родства: Спешнева Евдокия Януарьевна (04.08.1898 – 10.09.1975), м. Радьков Яков Павлович (1880 – 17.02.1931).

«Яков Павлович Радьков родился в 1880 году в дер. Старый Быхов Могилевской области в Беларуси. Сослан на Камчатку за политические чтения населению в 1909 году. Участвовал в строительстве телеграфной линии Соболево — Петропавловск. Работал учителем до 1922 г. в с. Хайрюзово, затем в с. Облуковино и в с. Русь. Умер в 1931 г. в г. Петропавловске-Камчатском, где и захоронен на старом кладбище на 4-м км».

Его сын — Леонид Яковлевич Радьков — и стал супругом Елизаветы Федоровны Спешневой.

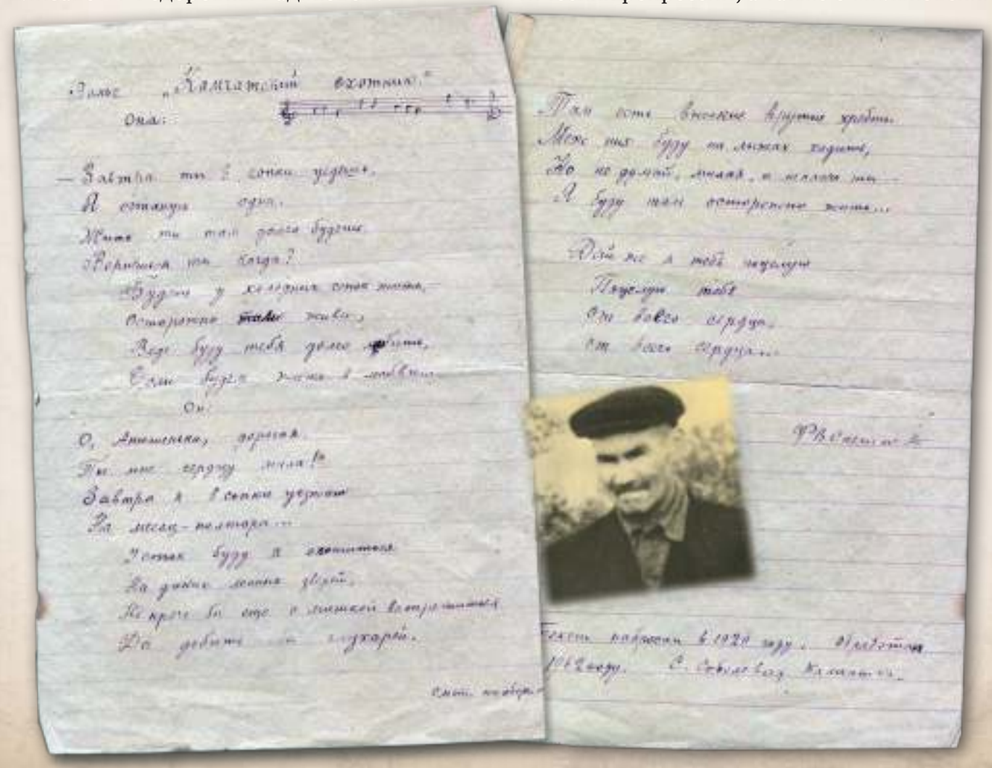
Их дочь — Надежда (в замужестве Лысогор) одной из первых начала сбор материала по родословной своей семьи.

С Елизаветой Федоровной я впервые познакомился в начале 1980-х годов, когда мы с Владимиром Ивановичем Семеновым и Георгием Германовичем Поротовым приехали в Соболево на поиски могилы Максима Ивановича Сотникова — первого инспектора рыбнадзора Камчатки, а в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. командира ополченческой Большерецкой дружины, погибшего 18 июля 1906 году в устье реки Воровской в схватке с японскими браконьерами. Вместе с ним погибли и сопровождавшие его жители села Воровского. Все они были Спешневыми:

Александр Григорьевич (1886), Анкудин Михайлович (1853), Василий Петрович (1867), Гавриил Прокопьевич (1873), Иван Васильевич (1878), Феофан Степанович (1877).

В числе погибших был и Македон Александрович Ворошилов — родной дядя Александры Николаевны Ворошиловой, матери Елизаветы Федоровны Радьковой.

А в Мильково в клубе «Камчадалы» я познакомился с другой замечательной женщиной из рода Спешневых — Лидией Михайловной Трофимчик, которая занималась в те годы вместе со своими коллегами по клубу поиском материалов о жертвах политических репрессий, а также о мильковских

Вальс «Камчатский охотник», автор Федор Васильевич Спешнев

камчадалах — участниках Великой Отечественной войны и Курильского десанта. Но ее поиски вышли далеко за пределы Мильковского района.

А выбор темы не был случайным. В Соболево в годы политических репрессий их кровавой жертвою стала именно семья Василия Федоровича Спешнева.

Петр Васильевич (07.06.1903 – 22.08.1938) был арестован 8 марта 1938 года и приговорен к высшей мере наказания (ВМН)… без предъявления обвинения. Расстрелян.

Его брат, Михаил Васильевич (1906 – ?), отец Лидии Михайловны (род. 18.07.1932 г.), также арестован 8 марта 1838 года и так же без предъявления обвинения приговорен к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1956 году, но судьба его до сих пор неизвестна (по официальной версии умер в 1939 г. в Магадане).

С Федором Васильевичем расправились позже. Вот какой интересный документ был передан мне Надеждой Леонидовной Лысогор:

«Автобиография

Я, Спешнев Федор Васильевич, родился в 1898 году в бывшем селении Воровском – теперь Соболево — Камч. области. Окончил трехклассную церковно-приходскую школу в 1912 году. После этого помогал своим родителям занимавшимся тогда крестьянством сельским хозяйством. В 1914 г. по решению общего сельского собрания меня зачислили на выполнение сельских общественных работ, которых выполнял натурой, а со времен революции меня избирали на собраниях в сельревком, в волостной комитет, в крестком (КОВ), в кооператив, в сельсовет, с 1930–40 гг. летом участвовал на путинах, зимой на пушных охотах, на лесозаготовках. После этого я работал в разных предприятиях рабочим по настоящее время.

Подпись (Ф.В. Спешнев)
28 января 58 г. Соболево

Выписка из протокола №4
Состоявшегося общее колхозное собрание членов колхоза “Пионер Запада” от 26 августа 1950 г.

Присутствовало 58 человек
От Райисполкома тов. Круппа А.И.
От Райкома ВКПб тов. Никифоров Е.С.
Председатель общего собрания Щербаков
При секретаре С*** (неразборчиво, похоже на Симашко)
Член президиума Спешнева В.

Слушали: по второму вопросу о исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича согласно подавшего заявления который охарактеризовал в заявлении что он работал в колхозе с момента войны, как обманным путем, запутал меня бывший предколхоза тов. Сыриков через военную комиссию, а в данный момент, меня держут как собаку на цепи да еще высказывают злостным нарушителем на меня и на мою жену, что мы будто укрываемся в колхозе.

Постановили: Общее колхозное собрание постановили: Исключить из членов колхоза “Пионер Запада” Спешнева Федора Васильевича за систематический не выход на работу и не выполнение рыболовецкого Устава. И утвердить решения правления колхоза от 25 августа о исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича.

Изъять усадебный участок Спешнева Ф.В. и запретить выпас скота на колхозной земле и заготовку сена, а также исключить из членов его жену Спешнева Александра Николаевна за систематические не выполнения выработанных т/дней.

Копия верна Секретарь к-за (подпись Сим….)
15 сентября 50 г.

Тов. прокурору Соболевского района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева.

Заявление.

В последних числах августа и первых числах сентября с. г. на заседании райисполкома, на заседании правления к-за <колхоза> “П.З.” <Пионер Запада> и на собрании колхоза, как и председатель колхоза Круппа, так и председатель колхоза “П.З.” Иванченко обвиняли меня в том, что будто бы я скрывался в колхозе от войны, что будто бы я нигде не хотел работать, что я одеваюсь в готовую советскую одежду и обувь, что я очень хитрый, что мои дети ходят в готовую школу учиться, что мы и мои дети ходим в готовое кино, что я строю будто бы второй дом, что я делаю много батов (лодок), что я ем готовый советский хлеб…

Я отвечаю на эти обвинения: я не скрывался в колхозе во время войны, но тогда был такой военный период и забронированный я работал в колхозе, но так как председатели колхоза часто менялись, что не хотели со мной считаться об увольнении меня из колхоза, что и вылилось сейчас большой скандал.

Работал я до этого в рыбкоопе и союзпушнине, как охотником. Работал ежемесячно, сколько хватало сил, за что и должен был одеваться в готовую одежду и обувь, но нагим ходить я не должен, т. к. считаюсь гражданином СССР. Хитростью я никогда не думал заниматься. Это те хитрецы, которые вступают в колхоз и ни одного дня не работают в колхозе, и так уходят из колхоза без шума и скандала и наравне с другими пользуются приусадебными участками и выпасом скота в колхозе. Школа, которая стоит в

Елизавета Федоровна Радькова (Спешнева), зслуженный учитель РСФСР

Соболево сейчас — я участник постройки этой школы: лесу строительного я сам заготовлял и возил на своих собачках, а летом сплавлял по реке батом (на лодке) и был членом строительной комиссии по постройке этой школы. Здесь труда я положил немало.

Второго дома я не строю и не думаю строить, а только хочу отремонтировать старый домик, для чего потребовалось сделать новое основание до окон. Также бат (лодку) сделал только лишь один для своего употребления по речке. Весь вышеуказанный лес на постройки себе я выкупал в лесничестве и имею на это лесорубочные билеты.

Кино и хлебом пользуемся постольку, поскольку я с самого начала революции и по настоящее время трудился на благо родины и ежегодно отдавал деньги на подписку государственных займов на развитие нашего государства и укрепление мощи от внешних врагов.

Все вышеизложенные выпады на меня я принимаю за оскорбление меня от предрайисполкома Крупа и предколхоза Иванченко. В чем я прошу т. Прокурор принять к разбору моей жалобы.

Ф.В. Спешнев (подпись)
4-го сентября 1950 г. с. Соболево.

Тов. прокурору Собол. Района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева.

Заявление.

Я, Спешнев Федор Васильевич, 1898 года рождения, даю пояснения о том, что я членом в колхозе “П.З.” <Пионер Запада> не был. Детей у меня 8 чел. Из них один в армии, трое на службе по учреждениям, двое ходят в школу, один глухонемой. До войны работал в рыбкоопе и в союзпушнине по заготовкам пушнины. А во время войны проходила мобилизация в колхоз под личную роспись. В том числе был я и моя старшая дочь, бывшая студенткой педучилища г. Петропавловска <Е.Ф. Радькова> После первой мобилизации я снова возвратился на прежнюю работу, т. е. в рыбкооп. И в 1943 году был вторично мобилизован в колхоз и проработал до февраля 1950 г. В первые годы приходилось работать ловцом, не имея спецовки, в американских ботинках и с тех пор страдаю ногами: ревматизмом и судорогами на ногах. За этот период я несколько раз пытался уйти на прежнюю работу, т. к. не являлся членом колхоза, хотел оформить документами, писал заявление (председателю Панову). Но получал отказ. Просил отпуск на 20 дней на ремонт дома, но мое заявление не разбиралось и правление даже не знало об этом. В июне 49 г. у меня случилось несчастье: пала корова дойная. Так как без своей коровы с детьми было жить тяжело, мы решили попросить в колхозе взаимообразно деньги на покупку коровы. Но в этой просьбе тоже отказали. В то время другие колхозники часто получали взаимную и безвозвратную помощь денежную. А во время войны материал (одежда) распределялся по организациям, и здесь при выделении ордеров мне все доставалось хуже, а иногда и вовсе забывали включать в список. А я в ловецкой бригаде, как опытный ловец, и выполнял на море и на реке ответственные и порой опасные для жизни поручения. Но у нас в колхозе считались лучшими только те, кто больше о себе говорит сам, но это не в моем характере. Находясь на положении пасынка в колхозе, я, учитывая свои года и здоровье, решил уйти из колхоза, и считал находиться в таком положении унизительным и оскорбительным. Я подал заявление в правление об уходе из колхоза. Правда я написал заявление грубо и считаю себя ви-

новным. Но правление вместо того, чтобы удовлетворить мою просьбу об уходе из колхоза, они стали создавать дело вплоть до изъятия всего приусадебного участка с отобратием огорода с картофелем, оставив мне самую незначительную долю с картофелем, не считаясь с моими детьми и даже с Конституцией СССР. Я присутствовал на заседании Райисполкома, на заседании правления в колхозе и на общем собрании колхоза, где стоял вопрос обо мне в последних числах августа и первых числах сентября. Но я не выступал, так как не умею высказываться на собраниях. Я излагаю свои мысли письменно.

Ф.В. Спешнев.
4-го сентября 1950 г.
с. Соболево»

На фронтах Великой Отечественной войны погибли Спешнев Афанасий Петрович, Спеснев (Спешнев) Владимир Калистратович (1924 – 24.03.1945), Владимир Алистархович Спешнев (1923).

18 августа 1945 года погибли, освобождая от японцев остров Шумшу, Александр Январович и Николай Николаевич Спешневы, а в составе Курильского десанта был целый «взвод» Спешневых: Александр Кирилович, Василий Николаевич, Геннадий Петрович, Илья Борисович, Константин Васильевич, Ливерий Федорович (сын Федора Васильевича и брат Елизаветы Федоровны), Максим Степанович, Николай Борисович, Николай Лукич (медаль «За отвагу»), Петр Николаевич.

На фронт, как правило, уходили самые молодые — многие из которых, погибая, еще не успели жениться и продолжить свой род.

И, как это нередко случается, — в обилии родственных имен постепенно угасала память о павших героях, тускнели, забывались и терялись родственные связи, иссыхали корни родовой памяти…

Не мог смириться с этим родовым беспамятством Федор Васильевич Спешнев, бережно, по крупицам собирая и сохраняя то, что он должен был оставить в наследие своим потомкам.

И его племянница, Лидия Михайловна, в замужестве Трофимчик, пошла далее всех своих родственников — она начала создавать родословную летопись родного села, собирая по крупинкам материал о каждом из его старожилов.

Но в центре ее родословной, конечно же, был род Спешневых.

Сегодня и нами собран огромный материал об истории этой уникальной камчатской фамилии. Создана поколенная роспись рода от Степана Старшего и Степана Младшего. Изданы две книги «Камчадалы — защитники Отечества» и «Летопись Великой Победы. Камчадалы — защитники Отечества». Вышел двухтомник «Тайны камчатских имен» и альбом «Тайны камчатских имен. Курильцы, камчадалы, тунгусы».

И в каждой этой книге есть свои главы об истории фамилии Спешневых.

Но вот что удивительно. Мы предложили 18 июля (по старому стилю) + 13 дней (31 июля по новому стилю) — это трагическая дата гибели Спешневых в устье реки Воровской в 1906 году — обозначить в Календаре камчатских фамилий как День Спешневых. В этот День мы хотели собрать в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» вместе тех Спешневых — потомков вождя Тонача (Тону) — кто хочет знать, чтить и сохранять историю своего рода.

Но ничего из этого не вышло…

ШКЕНЮГА (ПАВЛУЦКИЕ)

«Тахлюатынум острожек… в нем строения 2 юрты, 39 балаганов, одно зимовье, да баня, ясашных 43 человека, в том числе собольников 21, лисишников 22; тойон новокрещеной Иван Павлуцкой, иноземческим именем Шкенюга».

Острожек располагался на реке Тылуса, которую казаки прозвали Крутогорова.

Дмитрий Иванович Павлуцкий, крестный отец Шкенюги, более известен как «конкистадор Чукотки». На Камчатке был вторым лицом в походной розыскной канцелярии, прибывшей на Камчатку, чтобы расследовать причины Харчинского бунта и проводившей розыск виновных с 1733 по 1739 год.

На Камчатке он был использован в более «мирных» целях, чем на Чукотке, — возглавлял казачество и начал (еще до прибытия студента Степана Крашенинникова) производить первые опыты по распространению среди камчадалов земледелия и скотоводства. При нем на Камчатку прибыла первая пара крупного рогатого скота.

Дмитрий Павлуцкий был потомком польского военнопленного шляхтича Яна (Ивана) Павлуцкого, сосланного в Сибирь и сделавшего здесь неплохую карьеру в чинах детей боярских. А внук польского ссыльного стал офицером Сибирского драгунского полка и был направлен в экспедицию казачьего головы Афанасия Шестакова командовать приданными Шестакову регулярными военными силами. Мало кому известно, что племянница Дмитрия Ивановича Павлуцкого была женой Степана Петровича Крашенинникова.

После завершения розыскных дел и приведения приговора в исполнение Дмитрий

Павлуцкий в 1739–1742 годах был даже воеводой в Якутске, но потом (как говорят, в результате каких-то интриг или злоупотреблений, а может быть, ему не могли простить смерть казачьего головы Афанасия Шестакова, которому он в свое время не пришел на помощь) отправлен снова в далекий Анадырский острог. Это было ссылкой.

Дмитрий Иванович, будучи представителем польских кровей, был человеком достаточно жестким и весьма конфликтным, не признающим над собой никаких авторитетов. И известен не только его конфликт с Афанасием Шестаковым, закончившийся весьма трагично для задуманной Шестаковым экспедиции. Вот еще один пример: «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностию».

В Анадырском остроге Павлуцкий вновь проявил свой характер. Несмотря на возражения подчиненных ему лиц.

И именно эти события легли в основу многочисленных мифов и легенд о сто-(и даже стотридцати-) -летней (с 1641 по 1771 гг.) войне с чукчами, хотя уже в 1753 году, то есть спустя всего шесть лет после гибели Павлуцкого, назначенный на должность «начальника Чукотки» вообще предлагал уйти с Чукотки: «В 1753 г. Пленеснер донес Соймонову о бесполезности Анадырского острога. В рапорте своем по этому предмету он между прочим писал, что с 1710 по 1764 год с инородцев, причисленных к этому острогу, взято в казну ясаку на 29 152 руб. 4 коп., а расходов на содержание острога с 1713 г. по 1764 г. произведено 478 148 руб. 2 коп. Кроме того, на провиант израсходовано 539 246 р. 71 к. и на доставку провианта и проезд служащих 841 760 руб. 78 коп., не говоря уже о тех лишениях и нуждах, которые приходилось переносить служащим в остроге! Например, в 1744 и 1759 годах умерло с голоду 95 человек служащих и несколько человек частных лиц. О покорении же чукоч нельзя и думать, потому что они разбросаны на огромном пространстве северо-восточного угла Сибири».

И что вы думаете: война продолжилась? Вот что пишет все тот же А.С. Сгибнев:

«На Пересыпкина была возложена Пленеснером и перевозка команды в Ижигу. В 1768 г. он отправил туда 53 человека, а 15-го ноября 1769 г. с письменными делами, артиллерийскими припасами и другими вещами выступил из острога сам, с 38 человеками команды, на собаках и оленях, нанятых у коряк, оставив в остроге для охранения церкви священника Трифанова с 51 челов. команды. Но когда 30-го марта 1770 г. получено было разрешение на счет упразднения анадырской церкви, остававшийся в остроге прапорщик Перевенский выжег острог и с остальною командою и церковной утварью отправился также в Ижигу на 62 нартах. Таким образом был уничтожен Анадырский острог, не принесший во время своего существования никакой пользы».

Дмитрий Иванович Павлуцкий с таким «радением» взялся за «усмирение чукоч» и был настолько для них действительно опасен, что и спустя столетия о нем слагают легенды, как о «конкистадоре (конквистадоре) Чукотки».

Но вернемся к нашим героям.

Как показывают документы, побратался с Павлуцким — вторым официальным на период действия походной розыскной канцелярии лицом Камчатки — не только тойон Шкенюга. Эта фамилия появляется в нескольких других поселениях западного побережья Камчатки (Колпаково, Ича) — ведь здесь рядом, в Облуковино, первоначально и размещалась канцелярия, а потом она переведена в Нижнекамчатский острог. И здесь поначалу «закреплялись» та-

Мария Васильевна Павлуцкая, народная мастерица. Ковран, январь 1987 г., фото В. Кравченко

ким образом — через крещение – добрососедские отношения с теми из вождей, кто не поддержал Харчинский бунт.

Прошли годы…

А фамильные следы остались.

Так, например, в период Русско-японской войны в составе Ичинской дружины был уроженец села Сопочная Григорий (возможно, Егор) Павлуцкий.

В годы политических репрессий дважды был арестован уроженец села Ича Венедикт Иннокентьевич Павлуцкий (1878) — в 1932 году по известному на Камчатке «Тигильскому делу» он был приговорен «на срок предварительного заключения». Но в 1935 году его приговорили уже к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1959 году.

В 1995 году краевед Нина Юрьевна Толман записала интересный свой разговор с Михаилом Алексеевичем Павлуцким:

«Я родился в Сопочном в 1954 г. Дедушка: Павлуцкий Иов Егорович, а бабушка родилась в Хайрюзово, Красноярова Евдокия Егоровна. Конечно же, она потом Павлуцкой была. Мама Павлуцкая Матрена Иовна родилась в Сопочном в 1916 г. Сестра моя Суздалова Нелля, ее все знают – поэтесса, брат Павел. Я работал в колхозе “Красный Октябрь” до армии. Потом на Чукотке служил в радиотехнических войсках. И снова в колхозе работал, пять лет в связи. Стишки я еще в интернате начал сочинять. А песню поют мою здесь, по-моему, нравится ковранцам. Спою я ее тебе. “Гуси Севера” она называется:

Гуси с севера снова на юг улетают,
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают:
Крик печальный несется над тундрой седой.

Где-то там, далеко, на далекой чужбине
Обретут до весны тишину и покой.
Но настанет весна и опять эти птицы
Понесутся на крыльях к отчизне родной.

Листья желтые в воздухе долго кружатся
Ветер северный дует стужей тугой.
Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.

Гуси с севера снова на юг улетают,
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.

Михаил Алексеевич Павлуцкий — младший брат Нэли Дмитриевны Суздаловой, камчатской поэтессы.

В газете «Камчатская правда» за 21 июня 1965 года были опубликованы интересные сведения:

«Сказочник Иов Егорович Павлуцкий — охотник, кавалер многих трудовых наград. В 1925 году получил медаль Совета Народных Комиссаров “Охотнику — ударнику комзага”. В 1939, 1945 и 1948 гг. — медали “За трудовое отличие”, “За доблестный труд в ВОВ”, значок “Отличник охотничьего промысла”. Его отец — Егор Васильевич, вынужден был уйти от хозяина из села в тундру. Детство прошло в охоте и заработке — сдавали пушнину в Тигиле. В один год умерли отец и мать. Пришел в Сопочное. В числе первых вступил в колхоз “Ительмен”, возглавил бригаду охотников. Затем переехал в Ковран в колхоз “Красный Октябрь”. Дочь — Анастасия Иовна была зам. председателя сельсовета. Дети — рыбаки Степан и Дмитрий. Внучка — Нэля Дмитриевна Суздалова».

То есть Егор Васильевич не был коренным жителем села Сопочная — и вполне возможно, что он был уроженцем Ичи, где было много Павлуцких.

Фамилия Суздаловых, тоже пришедшая в здешние места во время крещения от якутского казака Суздалова, закрепилась в двух селениях на северо-западе полуострова — Лесная и Утхолок.

И Суздаловы тоже значительно пострадали в годы политических репрессий.

Прокопий Егорович Суздалов (1889), уроженец села Утхолок, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., был расстрелян в 1932 году по приговору Тройки ОГПУ. Ему предъявили обвинение по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Он был председателем охото-рыболовецкого колхоза.

Его сын, Дмитрий Прокопьевич Суздалов (1917), расстрелян 28 января 1938 года по приговору Тройки НКВД без предъявления какого-либо обвинения. Он был заведующим избой-читальней в родном селе.

Анастасия Ерохина в газете «Камчатский край» в свое время опубликовала замечательную статью, посвященную поэтессе Нэле Дмитриевне Суздаловой:

«В ее сердце — камчатская тундра, крики чаек, оленеводы, охотники, рыбаки, запах толкуши и юколы. В ее песнях давние напевы, живущие на Камчатке с древнейших времен. Любовь к тундре и культуре родного ительменского народа, камчатская писательница, поэтесса Нэля Суздалова пронесла через всю жизнь, рассказывая о Камчатке, родном селе, своем народе в стихах, рассказах, сказках.

Будущая поэтесса родилась на севере Камчатки, в Тигильском районе, закончила 7 классов в ительменском селе Сопочное, которое сейчас уже перестало существовать. Творческие способности проявились у девочки очень рано. “Когда я пошла в школу, — рассказывает Нэля Дмитриевна, — мой дед, Иов Егорович, охотник, уезжая на промысел, оставлял мне задания. Я должна была прочи-

Ительменская поэтесса Нэля Суздалова, худ. В.В. Санакоев

тать несколько сказок, а потом пересказать их ему, когда он вернется. Но я ленилась и не успевала всего прочесть. Тогда, когда дедушка возвращался домой, я начинала сама выдумывать сказки и рассказывать их на ходу. Дедушка меня очень хвалил".

Все детство будущей писательницы прошло среди ительменов. Она жила в месте, напоенном их культурой, традиционными песнями, танцами. Ложась спать и просыпаясь на летнем балагане или в юрте, она слышала голоса взрослых, говорящих по-ительменски. Этот язык и ей стал родным. Это место оставило в воспоминаниях писательницы много светлых воспоминаний — две речки Сузваль (Сопочное) и Хиккиль (Россошено), вулкан Бабушка вспоминаются ею с теплотой.

После школы Нэля Дмитриевна уехала в Биробиджан, где закончила культпросвет училище, чтобы потом вновь вернуться на Камчатку. Важный этап ее жизни — работа в "Красной яранге", передвижном клубе, периодически навещающем кочующих по тундре оленеводов. Хрупкая молодая девушка наравне с мужчинами ездила на лыжах зимой, а летом — на лошадях от одной оленеводческой бригады к другой, борясь с метелями, холодом, преодолевая немалые расстояния. Кем только ни пришлось быть Нэле Дмитриевне для оленеводов — киномехаником, лектором, почтальоном, библиотекарем, фельдшером, швеей! Встречи с оленеводами в тундре сыграли огромную роль в ее творчестве, остались в памяти и вылились на бумагу в виде коротких рассказов-зарисовок, дневниковых записей заведующей "Красной ярангой".

Эти и другие рассказы, сказки и стихи вошли в три сборника писательницы — "Те собачьи упряжки умчались", "Встречи в тундре", "Огненная шаманка". Сюжеты сказок Суздаловой и реальны, и выдуманы. Некоторые случаи, например, сюжет "Сузваль", одной из самых известных сказок писательницы, ее "визитной карточки", рассказал ей дед.

Нэля Дмитриевна является создателем и главным вдохновителем национального семейного ительменского ансамбля "Пимчах" ("Огонек"), в котором, кроме нее, пели и танцевали ее дочь Вероника, внучки Анастасия, Дарья и внук Иван. Ансамбль был постоянным участником всех праздников и торжеств Камчатской области, выступал у оленеводов Быстринского района, в Анавгае, Эссо, Милькове. "Пимчах" знали и в Москве и за рубежом — на Украине и в Японии, где он участвовал в фестивалях и являлся их лауреатом. Сейчас семейный ансамбль распался, внуки Нэли Дмитриевны выросли, двое из уже них получили высшее образование, а младшая внучка Дарья сейчас готовится к поступлению в университет. Одна-

ко любовь к ительменской культуре, музыке осталась в их сердцах и сердцах жителей Камчатки навсегда.

Сегодня Нэля Дмитриевна является лауреатом литературной премии им. Георгия Поротова, лауреатом и участником многих конкурсов и фестивалей. В этом году, в День России, она была награждена памятной медалью “Патриот России” за большой вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Сегодня Нэля Дмитриевна часто встречается с дошкольниками, школьниками, студентами. Проводит игры, конкурсы, беседы, импровизированные концерты, воспитывающие любовь к родному краю, артистичность. “Я так счастлива, что дети и молодежь меня понимают! — говорит Нэля Дмитриевна. — Во время каждой встречи я вижу по глазам ребят, что не зря все это затеяла!”. У писательницы дома хранится множество альбомов, в которые вложены записки с пожеланиями от ее слушателей. “Спасибо за то, что делаете. Ваши стихи лечат душу”, — написано в одном из многих посланий от камчатской молодежи.

Нэля Дмитриевна почти все свои стихи перекладывает на музыку и поет. И неудивительно — ее стихи очень музыкальны, особенно те, что написаны на ительменском языке. Этот язык отличается чрезвычайной мелодичностью. “Говорить на нем очень сложно, а петь нет, — отмечает Нэля Дмитриевна. — Ительмены вообще очень музыкальный народ, почти у всех от рождения великолепный голос и слух. Приезжие русские ученые удивлялись тому, как у людей, живущих вне цивилизации, могут рождаться такие мелодии. Древние ительменские песни очень красивы, и музыкальные инструменты этого народа очень разнообразны — среди них есть и такой, что по своему звучанию очень напоминает скрипку. Музыкальная культура ительменов уникальна — они слышали музыку ветра, чаек, гусей, моря. Это необходимо сохранить”.

Несмотря на то, что в этом году Нэля Дмитриевна отпраздновала 40-летний творческий юбилей, творческий путь камчатской писательницы делает новый поворот. В начале 2000-х годов Нэля Дмитриевна стала истовой православной христианкой. По словам поэтессы, духовная жизнь очень важна для человека, и не прав тот, кто закрывает на это глаза. После прихода Суздаловой в храм ее стихотворения и песни наполнились христианскими мотивами, ее вдохновляют труды отцов церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Но неизбывными остаются и старые мотивы — Север с детства глубоко вошел в душу Нэли Дмитриевны и пропитал всю ее жизнь и творчество запахом тундры. Он наделил ее особыми качествами северного человека, о которых однажды рассуждал Ваччако, один из героев рассказов камчатской писательницы: “Наш народ такой — он как бы восполняет недостатки тундры. Она сурова, люди — добры”.

А завершим мы эту историю стихами Нэли Дмитриевны:

…Появиться в долине Сузвая,
В царстве речек и горных орлов,
В тишине вековой замирая,
Улыбнуться от счастья без слов.
Как же так, оказаться без хлеба,
Солнца родины, скрытого мглой?..
И молюсь я вулканам и небу:
— Земли предков, останьтесь со мной!»

«Тундра цветет», худ. В.А. Шохин

КУПХА (АТЛАСОВЫ)

«В 24 верстах от Тылусы (Крутогорова) следует Шеагачь знатная речка, которая просто Оглукоминою именуется и течет из станового хребта, из под горы Схануган то есть поршень. Сия речка пала устьем в одну нутренную губу с помянутою Тылусу. Вверху ее устья верстах в 30 находится камчатской острожек Такаут, в котором проежжающие на Камчатку к переезду за хребет обыкновенно приготовляются, ибо по сей речке обыкновенная туда дорога, а ездят вверх по ней до вершины, от вершины переехав становой хребет опускаются на вершины впадающей в Камчатку реки Кыргена, от Кыргена вверх по Камчатке до Верхнего острога, а расстояния от острожка Такаута до станового хребта пустым местом 110 верст, а от хребта до Верхнего Камчатского острога 65 верст».

В официальных книгах острожек Такаут назывался Оглукоминским. По одной из версий — по имени тойона Оглукомы.

Степан Петрович Крашенинников сообщал: «Строения в нем 1 юрта большая, 2 малые да 30 балаганов, ясашных иноземцов 48 человек, в том числе собольников 17 да лисишников 31; тойон новокрещен Иван Атласов, иноземческим именем Купха».

Мы уже говорили о том, что до 1745 года, когда началось в результате деятельности Камчатской Духовной Миссии массовое крещение камчадалов в православие, это таинство носило более символический характер — характер братания (или замирения) русской администрации с тойонами крупнейших камчатских острогов.

Крестным отцом Купхи, по всей видимости, был пятидесятник Иван Владимирович Атласов, сын камчатского Ермака, который в те годы служил на Камчатке.

Облуковинский острог имел в те годы стратегическое значение, связывая северо-запад Камчатки с ее центральной частью, но в середине 1760-х годов произошло коренное изменение:

«В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилось через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Гаталы, Малку, Апачу и Пущино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу

Анастасия Ивановна Атласова, фото М.Я. Жилина

их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропитание и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли» (А.С. Сгибнев).

Он же сообщает и подробности: «В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецке казенное судно “Св. Павел”, на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле».

«…Оспа похитила камчадалов мужескаго пола, имевших более 18 лет, 1736, малолетних 676, женскаго пола 2358 душ, а всего 5767, и, кроме того, заезжих людей 315 человек».

В 1799/1800 годах в связи с расселением на Камчатке Сомовского полка (впоследствии Камчатского гарнизонного батальона) — «оспенное поветрие» или «гнилая горячка» вновь обрушились на Камчатку, унеся тысячи жизней: «…в зиму 1799 и 1800 годов болезнь похитила 1682 человек туземцев обоего пола, а с русскими более 2000 человек».

Основной удар эпидемии пришелся по самой густонаселенной части полуострова — бассейнам рек Авача, Большая и Камчатка.

Чтобы восстановить транспортную связь («каюрную гоньбу») между административными центрами Камчатки — Большерецким, Верхнекамчатским, Нижнекамчатским, Петропавловским (Гаванью) острогами — авачинских камчадалов переселили в Коряки, Начики, Ганалы, а часть западнокамчатских камчадалов — в бассейн рек Большая и Камчатка.

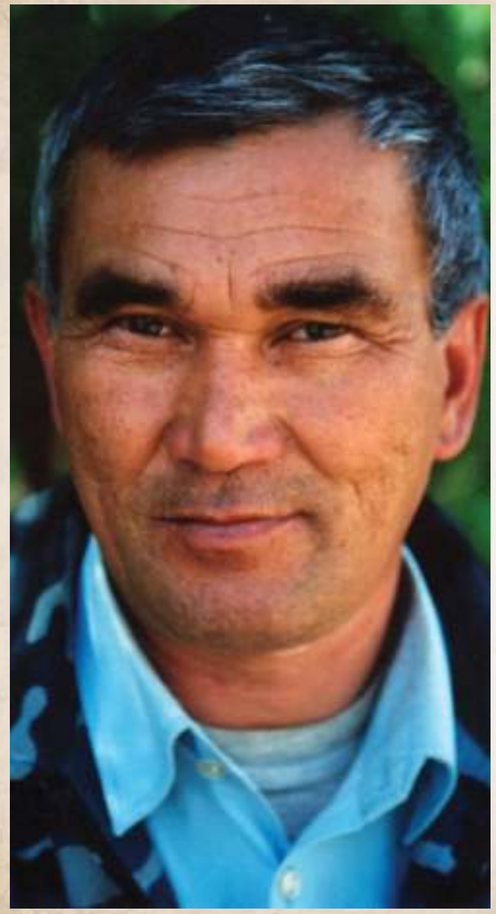
Вот какими удивительными бывают повороты судьбы — камчадал селения Шаромы Иван Каллистович Атласов (1885), потомок западнокамчатских камчадалов Атласовых, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., будучи в народном ополчении, бил японцев в составе Облуковинской дружины.

В семье долгое время (а может быть, и до сих пор) хранится легенда, связывающая эту семью с камчатским Ермаком:

«Наш дедушка Иван Каллистович Атласов был потомком Владимира Атласова, осваивавшего во главе казаков из Якутска нашу Камчатку. Отец его — Каллист Иванович — еще участвовал в обороне Петропавловска в 1854 году в рядах народного ополчения. Сам же Иван Каллистович был ополченцем против японцев в 1904 году. В мирное время они, как и всякие камчадалы, охотились и рыбачили. В 1922 году Иван Каллистович был проводником в партизанском отряде Трошина, организованном Илларионом Рябиковым. А в начале тридцатых годов Иван Каллистович стал первым председателем колхоза «Новая деревня» в Шаромах. Умер он уже в Ганалах в 1946 году. Его жена Акулина Филаретовна Нечаева. Тоже камчадалка. У них было десять детей. Один из них — Иннокентий Иванович Атласов — наш отец. Год рождения: 1925. Служил на действительной военной службе. После демобилизации работал в колхозе им. Крупской сопровождающим почты, в колхозе им. 1 Мая, т. к. он женился на Елене Ивановне Абакумовой — дочери И.П. Абаку-

Ительменка Акулина Ивановна Атласова, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Петр Иннокентьевич Атласов

мова, жившей в Малках и работавшей в колхозе. Умер И.И. Атласов в 1958 году. Елена Ивановна жива и активно трудится, восстанавливая Малки. Мы их дети: Атласов Иван Иннокентьевич — 1952 г. Атласов Михаил Иннокентьевич — 1956 г. Атласов Петр Иннокентьевич — 1958 г.

28.12.1993 г.».

18 августа 1945 года Иннокентий Иванович (1926) и его брат Филарет Иванович (1917) Атласовы в составе Курильского десанта участвовали в последнем сражении Второй мировой войны на острове Шумшу, возвращая России ее Курильские острова.

ПИНИЧ (ВОЛКОВЫ И ЕЛАГИНЫ)

На реке Авача у тойона Пинича 9 «ясачных плательщиков».

Эту запись Степан Петрович Крашенинников сделал в седьмой главе «Описания земли Камчатки» и больше ни разу нигде не упомянул ни острог, ни тойона.

Впрочем, может быть, не совсем так. Валерий Быкасов в своем историческом исследовании «Поездки С.П. Крашенинникова по Камчатке» («Вопросы истории Камчатки», 3-й выпуск, П-К, 2007), ссылаясь на Степана Петровича, дает новое определение исторического положения села Коряки:

«Кстати, о реке Коонам (Корякской) и поселке Корякском. Если верить С.П. Крашенинникову (а не верить ему оснований нет), то нынешний поселок Центральные Коряки к корякам, некогда обитавшим в долине реки Авачи, никакого отношения не имеет. Ибо, как пишет исследователь, “верстах в 8 ниже устья Коонам пала в Авачу с севера Имашху речка, над которою живут Коряки. Они были прежде оленными, но по отогнании оленей их неприятелями учинились сидячими и поселились на объявленном месте…”

Но единственной рекой, которая в Авачу впадает с севера в 8 верстах или в 16 км (верста — русская мера длины, равная 500 саженей или 1,0668 км. До XX в. существовала межевая верста в 1000 саженей — 2,1336 км, употреблявшаяся для межевания и определения расстояний между населенными пунктами…) от устья реки Корякской, является река Пиначевская.

Вот и получается, что подлинный корякский острожек (который, судя по Крашенинникову, именовался Имашху) располагался не возле устья нынешней реки Корякской (а значит, добавлю, и современное название этой реки не соответствует исторической истине), а возле устья реки Пиначевской».

Но есть и другая историческая истина — река Пиначевская (Пиничевская, Пимичевская или Пиначева, Пиничева, Пимичева) – своим названием обязана тойону Пиничу, о чем свидетельствует все тот же С.П. Крашенинников.

И там же: «Ниже речки Имашху верстах в 6 течет в Авачу с той же стороны Кокуива речка, от которой неподалеку стоит Намакшин острожек.

От Кокуивы следуя вниз по Аваче до Уавы речки версты с три, от Уавы до Кашхачи с версту, от Кашхачи до Кааннажик-Шхачи версты с 3, а оттуда до усть Авачи верст с десять. Уавва течет с южной стороны, а прочие с северу».

17 верст или 34 километра до устья — острожек тойона Намакши Кыттынан, который, по всей видимости, по имени нового тойона Пинича и стал Пиничевым. Других поселений С.П. Крашенинников не называет.

А коряки, кстати, о чем не написал В. Быкасов, но о чем сообщает С.П. Крашенинников: «…они в родство не вступают с соседьми, но женятся и замуж выдают все в своем роду».

А потом этот корякский род с Авачи исчезает. Может быть, его истребили и сами авачинцы, которые не очень-то любили принимать на своей земле чужаков.

Вот один из примеров.

«Того же году (1712. — *С.В.*) в генваре месяце Данило Анцыферов (большерецкий

Этнодеревня в Пиначево

приказчик, вольный или “воровской” атаман, по приказу которого был убит Владимир Атласов. — *С.В.*) отправил на реку Опалу и в Курильскую лопатку на курильских мужиков служивого Ивана Козыревского с 30 человеками, а сам вскоре после него в 20 человеках пошел на Авачу реку.

Авачинские иноземцы, уведав о походе Данила Анцыферова на свою землю, зделали к прибытию его крепкой балаган и потайную дверь, которая бы сверху опущалась. И как оной Анцыферов к ним приехал, то они его приняли честно и обещались ясак платить и дали ему в аманаты лутчих мужиков.

А понеже построенный обманной балаган всех прочих был пространнее и лутче, то Данило Анцыферов со всеми служивыми выбрал себе оной балаган, которой иноземцы следующей ночи зажгли, а при зажигании вызывали они аманатов, чтоб как возможно к ним вышли, а они на то ответствовали, что их служивые не выпускают, и чтоб они начатое дело совершили, не жалея их, только б де неприятели их служивые згорели. И так в нем все служивые без остатку згорели».

Вот такая история.

Но эта история имела продолжение.

Оказывается, в память о своем родственнике, принявшем смерть от огня, имя Огонь — Брюмчь (Брюмка) — на западной Камчатке и Пангыч (Пинич, Пиныч) — на юге — давали детям. В данном конкретном случае — будущим тойонам Брюмке и Пиничу. Один из вулканов на юге полуострова носит характерное имя, которое ему дали камчадалы, — Кихпиныч или «Огненная река». Так что мы вряд ли ошибаемся.

Те страшные эпидемии, обрушившиеся на Камчатку, о которых мы рассказывали в предыдущей главе, сказались и на судьбе авачинских камчадалов.

Последняя эпидемия зацепила и авачинцев — в Петропавловской гавани разместились две из пяти рот Камчатского гарнизонного батальона, нижние чины которого и завезли заразную болезнь на полуостров.

Но с 1812 года Петропавловский порт стал официальной столицей Камчатки, и поэтому в срочном порядке потребовалось налаживать транспортную линию из Гавани (как называли в то время Петропавловск) до Начикинской развилки дорог, ведущих в Большерецкий, а также в Верхне- и Нижнекамчатский остроги.

И в последующие годы мы видим, что авачинские камчадалы постепенно переселяются в Коряки, Начики и Ганалы, а в селении Авачинском размещаются на жительство отставные казаки, а затем крестьяне и ссыльные.

Но, тем не менее, основываясь на данных 1813 года, мы можем назвать фамилии авачинских камчадалов:

Степан Яковлевич Слободчиков (1768), его сын Фотий (1785) и внук Григорий (1800).

Тимофей (1776) и Леонтий (1789) Ивановичи и Федор Тимофеевич (1810) Елагины.

Кирика (1775) и Семен (1787) Федоровичи Остафьевы.

Иван Савин Вешняков (1781).

Захар Силин Волков (1797) с братьями Алексеем (1801) и Николаем (1804).

Многодетный Никита Никитин Табарин (1789), по всей видимости, усыновивший сыновей и дочерей своей жены Варвары Степановны, которая была его на 18 лет старше, — Ксенофонта (1799), Евдокию (1800), Ксению (1804) и Марфу (1805).

Братья Григорий (1787) и Семен (1790) Филипповичи Коростелевы (последний с сыном Николаем, которому был год от роду).

Вот и весь список.

Точно известно, что одним из казаков, участвовавших в крещении гаванских камчадалов, был Вешняков. Но эта фамилия впоследствии не сохранилась.

Известен в истории Камчатки и факт братания (или примирения) через крещение руководителей Камчатки с местными тойонами, о чем мы уже не раз рассказывали.

Вулкан Кихпиныч, представляющий собой два сросшихся слоистых вулкана, находится на территории знаменитого Кроноцкого заповедника, prigorod.info

Мартын Шпанберг, например, не будучи православным, стал крестным отцом одного из северокурильских тойонов.

Поэтому Иван Елагин, строитель Петропавловского порта, также мог выступить в подобной роли, как и Алексей Чириков (эта фамилия тоже встречается среди новокрещенных камчадалов в 18-м столетии, как и фамилия Дмитрия Овцына — еще одного из участников Второй Камчатской экспедиции).

Также доподлинно известно, что первыми Гаванским священниками при походной Богородско-Рождественской церкви Второй Камчатской экспедиции были братья Волковы — Филипп и Михаил.

Кстати, камчадал Василий (возможно, тоже сын Силы) Волков (1781 г. р.) был в 1813 году тойоном в селении Корякском.

Иван Захарович Волков в 1855 году примет участие в эвакуации Петропавловского порта и будет награжден памятной медалью. Его племянник Михаил Николаевич, переведенный на жительство в селение Малка, также, как и дядя, примет участие в эвакуации порта и получит соответствующую награду. А его женой станет одна из внучек многодетного Табарина — Анилина Ивановна (1841). Участие в эвакуации примут также и другие малкинские племянники — Роман и Семен Волковы.

Тотемы, фото М. Логинова

Участие в народном ополчении в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. примут малкинские Волковы — Федор Михайлович (1886) и Захарий Евфимович (1885).

Трое Елагиных — Андрей (1816), Иван (1822), Тимофей Филиппович (1821) из Ганал, Николай (1825) и Гаврило (1836) Варфоломеевичи Елагины из Коряк также приняли участие в эвакуации Петропавловского порта и были награждены бронзовыми медалями. А вдова Николая Варфоломеевича Елагина в 1867 году выходит замуж за начикинского камчадала Ивана Никитича... Табарина. Вот так сплетались родовые авачинские ветви.

И снова переселение: Филипп Андреевич Елагин (1847 г. р.) был переведен на новое место жительства из Ганальского селения в Пущинское (указ от 2 декабря 1880 года). Его сын — Андрей Филиппович (1881) примет участие в народном ополчении в 1904–1905 гг.

Вера Иннокентьевна Ковейник (из рода Елагиных-Слободчиковых), худ. В.М. Говоров

И снова Табарины — Иван Никитич (1826), камчадал Начикинского селения, узнав о вторжении англо-французской эскадры, в качестве добровольца-охотника примет вместе со своими земляками самое непосредственное участие в сражении и будет отмечен медалью на Георгиевской ленте как участник обороны Петропавловского порта.

НАШАК (ЧУРКИНЫ)

«...на правом берегу Камчатки есть иноземческой острожек, Кырген называемой, строения в нем одна юрта, 8 балаганов, ясашных иноземцов 7 человек, в том числе собольник 4 человека. Тойон называется Нашак» (С.П. Крашенинников «Описание земли Камчатки».

Это единственное упоминание об остроге Кырген и его тойоне в книге «Описание земли Камчатки», изданной в 1949 году с приложением многочисленных писем и рапортов студента Крашенинникова.

Знать не знал, ведать не ведал Степан Петрович, что роду тойона Нашака выпадет стать одним из крупнейших родов центральной Камчатки и вобрать в свой род многочисленные женские ответвления практически всей южной Камчатки.

Одним из четырех известных нам казаков, принявших участие в крещении камчадалов острожка Кырген, был якутский казак Чуркин.

История образования сибирских казачьих фамилий изобилует примерами прямой их связи с различными топонимами — названиями сел, деревень, городов. В этом же ряду и целый ряд гидронимов — названий рек, ставших родовым именем Пинегиных, Пинежаниных, Енисейских...

Вполне возможно, что и фамилия казаков Чуркиных образовалась по той же причине. Впрочем, судите сами: «Путь из Мангазеи на Лену лежал по Нижней Тунгуске и по притоку Тите; далее волоком переходили на реку Чурку, впадающую в реку Чона — приток Вилюя, по которому и выходили на Лену. Путь из Енисейска шел сначала вверх по Верхней Тунгуске до устья Илима, по которому следовали до впадения в него реки Идермы. Здесь находился так называемый “Ленский волок”, ведший казаков к верховью реки Муки; следуя по этой реке, они попадали в реку Купа, а затем в реку Кута — приток Лены».

Эта фамилия, принадлежавшая енисейским казакам, является очень известной в истории географических открытий.

Еще Г. Миллер в своей «Истории Сибири» (правда, с ошибкой) отмечал: «...в 7143 (1635) г. в Якутск возвратились отпущенные Галкиным на Алдан служилые люди во главе

с Федором Чиркиным (Чуркиным. — *С.В.*); они поставили небольшой острог в устье реки Камнуны, среди каталинских тунгусов, покорили их князца Даваню и взяли в аманаты его сына. Это было сделано десятью человеками. Они привезли с собой два сорока соболей ясаку. С тех пор в течение многих лет в устье Камнуны было ясачное зимовье».

Жизнь же его, как и у многих сибирских землепроходцев и мореходов, закончилась трагически: «В 1640 году из Якутска на Оленек был послан пятидесятник Федор Чюрка. Дойдя до устья Лены, Чюрка неожиданно изменил направление и поплыл на реку Индигирку. Через год торговые люди Епифан Волынкин с товарищами рассказал о судьбе экспедиции Чюрки: его суда разбросало по морю, а сам вожак безвестно погиб. Почти одновременно с Чюркой пытались проплыть к Индигирке на двух кочах промышленные люди Вижемцев и Тверяков. Между Яной и Индигиркой их суда сильным ветром выбросило на кошку (мель) и разбило. Промышленники решили идти в "новую землицу" на нартах, но, не доезжая до Индигирского зимовья, небольшой их отряд (12 человек) попал в засаду к юкагирам и был весь истреблен».

М.И. Белов добавляет информацию в его биографию: «О походе Федора Чюрки известно, что летом 1641 г. на одном коче он вышел с устья Лены на Индигирку. По сообщению Елисея Юрьева Бузы, Чюрке удалось пройти к востоку от реки Яны. Настоящий документ сообщает о том, что Чюрке не удалось дойти к месту назначения. Его коч потерпел крушение где-то между Яной и Святым Носом. Место крушения коча Чюрки казаки прозвали "Чюркин розбой". Мы полагаем, что крушение произошло у мыса Чуркина, который с тех пор и носит это имя. Мыс Чуркин расположен на юго-восточном побережье моря Лаптевых, невысок, но обрывист. К востоку от мыса идет неширокий пролив, отделяющий полуостров от обширной отмели. По всей вероятности, коч Федора Чюрки выбросило на эту отмель. Об енисейском пятидесятнике Федоре Чюрке (или Чюркине) известно немного.

1636 г. он был послан из Ленского острога вверх по Алдану "для прииску новых землиц". На реке Гономе он выстроил острожек и привел в русское подданство кочевавшие поблизости эвенские племена. В следующем году Чюрка вернулся в якутский острог и с тех пор непрерывно служил на Лене».

В официальных же документах бывший енисейский стрелец (а впоследствии якутский казачий пятидесятник) именовался несколько иначе — Чюрочка Федор Васильев сын (в истории же — и Чурка, и Чуркин).

Казаки Чуркины служили в Тобольске, в Енисейске и Якутске.

На Камчатке в начале 18-го столетия отмечен казак Алексей Чюркин (вполне вероятно, что уроженец Тобольска), который примкнул к бунту верхнекамчатских казаков Константина Кыргызова, разграбивших Нижнекамчатский острог, за что все участники бунта (а «заводчиками» в нем были тобольские казаки) были строго наказаны:

«…на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом

1972 год — по следам похода отряда красноармейцев Григория Чубарова 1922 г., с. Кирганик, беседа со старожилом села

орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

В 1748 году мы находим имя Алексея Чуркина в списках верхнекамчатских разночинцев — то есть людей, лишенных казачьего сословия.

Семейство Чуркиных, из архива В.С. Игнатьева

Но на казачьей службе в качестве толмача отмечен в это же время другой Чуркин — Андрей, по всей видимости, Алексеев сын. Он служил переводчиком в научном отряде Степана Петровича Крашенинникова. А его брат, или может быть, сын, Василий Чуркин — «человек казачьего звания» — был первым церковнослужителем в Верхнекамчатске при молитвенном доме во времена деятельности Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского.

И совершенно неслучайно именно в этот период фамилия Чуркиных появляется у камчадалов селения Кирганик — их крестным отцом, по всей видимости, и был Василий Чуркин.

Елена Павловна Абрамова, муж которой, Евгений Юрьевич, происходит из рода Чуркиных, провела огромную работу по созданию родословной и выяснила, что Чуркины из Кирганика и Чуркины из Козыревска — это представители одного рода. Козыревск во время эпидемии 1799/1800 гг. обезлюдел, и сюда подселили и камчадалов, и русских крестьян из разных мест. Но, чтобы не изменять статуса аборигенного населенного пункта, русские крестьяне из сел Ключи и Кресты на период своей долголетней «командировки» переводились в разряд «камчадалов», а по возвращении — снова становились русскими крестьянами. Сохранились документы, которые подтверждают такую административную метаморфозу.

Впрочем, к началу 19-го столетия жители русских и камчадальских селений уже представляли собой единую семью народов Камчатки, поэтому, если по сути, то никакой «метаморфозы» и не было.

Да и за примерами далеко ходить не надо.

Староста села Козыревск Гаврила Иванович Чуркин (1828) был женат на дочери крестьянина из с. Ключи Ушаковой Александре Федоровне. Его брат — Андрей Иванович (1834) — на дочери крестьянина из села Мильково Подкорытовой Вассе Яковлевне. Чуркин Венедикт Флегонтович (1859) — на дочери крестьянина из с. Кресты Ольге Кречетовой.

Сыновья Андрея Ивановича Чуркина продолжили эту традицию:

Михаил Андреевич (1854) женился на дочери ключевского крестьянина Штинниковой Анастасии Иоакинфовне (1852); Петр Андреевич (1857) — на дочери крестьянина из с. Кресты Кречетовой Анастасии Петровне (1868); их сестра Стефанида Андреевна вышла замуж за ключевского крестьянина Михаила Георгиевича Ушакова (1864).

А вот какое национальное «разноцветье» получилось в семья Якова Ивановича Чуркина:

Ирина Яковлевна (1877) стала женой ключевского жителя Александра Васильевича Брагина; Константин Яковлевич взял в жены Агафью Николаевну Ушакову из Ключей, Георгий Яковлевич — Ушакову Акилину Спиридоновну, Петр Яковлевич — Ушакову Анну Васильевну; Гликерия Яковлевна вышла замуж за потомка вождя Лыкоча Коллегова Василия Васильевича, который также к тому времени числился уже в ключевских крестьянах.

И далее:

Чуркин Константин Афанасьевич (1873) женился на дочери мильковского крестьянина Плотниковой Феоктисте Ферапонтовне (1878), а его сестра Екатерина Афанасьевна (1879) вышла замуж за потомка верхнекамчатского казака, а теперь крестьянина Василия Ивановича Нечаева (1877).

Чуркина Агрипина Федоровна (1886) стала матерью мильковских крестьян Поповых — детей Ефима Антиповича.

Чуркина Сиглитикия Федоровна (1898) вышла замуж за мильковского крестьянина Николая Ионовича Михайлова (1892).

Чуркина Мария Кириаковна (1889) стала женой Семена Алексеевича Потапова (1888), а Кесарий Кириакович (1896) женился на Пинигиной Феодоре Матвеевне (1901).

И как вот сейчас трансформировать всех этих Чуркиных по «национальному» признаку?

Из архива В.С. Игнатьева — Чуркины разных поколений

А если мы коснемся вообще родовых фамилий, с которыми Чуркины слились за 18-й и 19-й столетия, то вряд ли найдется человек, который сможет утверждать, что камчадалы аборигены и камчадалы «русской крови» — это не одна семья народов Камчатки.

Итак, приступим в соответствии с хронологией: Ушаковы (Ключи), Овцыны (Щапино), Черных (Козыревск), Подкорытовы (Мильково), Пермяковы (Кирганик), Елагины (Ганалы), Кречетовы (Ключи), Садовниковы (Толбачик, переселенцы из с. Сопочная), Жировиковы (Ушки), Штинниковы (Ключи), Кречетовы (Кресты), Расторгуевы (Камаки), Варгановы (Ушки), Чурины (Харчино), Мерлины (Щапино), Брагины (Ключи), Коллеговы (Ключи), Бобряковы (Машура), Плотниковы (Мильково), Нечаевы (Верхнекамчатск), Беляевы (Шаромы), Поповы (Мильково), Красильниковы (Мильково), Михайловы (Мильково), Потаповы (Машура), Пинигины (Мильково), Атласовы (Шаромы), Клочевы (Ушки), Чудиновы (Ключи), Бушуевы (Толбачик), Толман (Мильково)...

И это только малая часть тех брачных «перекрестий», что нам удалось собрать по семейным союзам Чуркиных.

Василий Иванович Чуркин в 1855 году вместе со своими родником Герасимом Чуркиным откликнулись на призыв военного

Из архива В.С. Игнатьева — Чуркины разных поколений

губернатора Камчатки В.С. Завойко защищать Камчатку от «супостата» и прибыли в Петропавловский порт в числе 250 добровольцев-камчадалов.

Спустя полвека племянник Василия Ивановича Иннокентий Андреевич Чуркин и его односельчанин из Козыревска Петр Яковлевич Чуркин приняли участие в обороне Камчатки от японцев в составе народного ополчения.

«Гоше-связисту» — фронтовику Георгию Петровичу Чуркину — посвятил свое стихотворение замечательный камчатский поэт Георгий Германович Поротов.

На фронтах Великой Отечественной войны погиб в 1943 году Афанасий Константинович Чуркин.

18 августа 1945 года погиб во время проведения Курильской десантной операции Константин (отчество, к сожалению, так и не выяснено) Чуркин. Он похоронен на острове Шумшу.

В Харбине, на братском кладбище, похоронен участник Маньчжурской операции по освобождению от японских захватчиков Китая и Кореи Чуркин Петр Карпович (1922).

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены Чуркин Павел Кирьякович, Чуркин Петр Емельянович, Чуркин Полуэкт Федорович.

Сегодня многочисленные потомки камчадалов Чуркиных разлетелись по всей стране.

Мы с Еленой Павловной Абрамовой задумывали создать «Камчатскую родословную книгу. Род Чуркиных», но пока из этого ничего не вышло.

К сожалению, повторяется одна и та же закономерность — чем крупнее род камчадалов, тем слабее в нем межродовые и внутрисемейные духовные связи...

Есть, конечно, и исключения.

Но это... исключения.

Георгий Поротов. «Гоша-связист»

Зловещею тучей закрыт горизонт.
И Гоша-связист попросился на фронт.
Пылится дорога. Мешок за спиной.
За сопками скрылся Кирганик родной.

Дорога связиста – ей нету конца.
Он просит в письме дорогого отца:
«Мне выпала длинная, папа, стезя,
Пришлите покрепче на фронт торбаса».

Он в Польше закончил свой огненный путь,
Награды легли на солдатскую грудь.
Спасенные люди далекой земли
Ему, камчадалу, цветы принесли,

И спели бойцу на родном языке
О польской красавице Висле-реке.
Был солнечный день. Небосклон голубой.
Ту песню-подарок увез он домой.

Шли годы. О Висле забылось давно.
Девятого мая смотрел он кино.
И снова дорога, и снова бои.
В атаку кидаются парни свои.

Увидел себя он сквозь огненный вал.
Не вынесло сердце, и Гоша упал...
А где-то гремело «ура» вдалеке,
И пели связисту о Висле-реке.

Георгий Петрович Чуркин

БЕКЕРЕВЫ–БЕККЕРЕВЫ

Двойной вариант написания этой фамилии словно водораздел определяет то русло, что отошло к корякам и то, что осталось у камчадалов (ительменов).

По Исповедальной росписи 1893 года все Бекеревы (Бекиревы) считались камчадалами, но в 1926 году советские этнографы переквалифицировали весь северный камчатский этнос на свой лад и внесли свой орфографический вклад: именно тогда ительмены (слово «камчадалы» с 1926 года по «научному» обоснованию этих этнографов утратило право быть названием коренного этноса Камчатки, который, за исключением ительменов Тигильского района, был исключен из списков коренных народов СССР) стали писаться Беккеревыми.

Фамилия явно немецкая. В переводе — «пекарь». Каким образом, каким историческим ветром занесло эту немецкую фамилию в корякские дали?

А история такова.

Владимир Владимирович Атласов, будучи уже в чине казачьего головы, возвращаясь из Москвы, согласно царскому указу, набрал в сибирской столице того времени — городе Тобольске — 50 казачьих детей из лучших семей, готовых к несению казачьей службы и дальним походам.

Эти тобольские казачьи дети должны были стать основой камчатских гарнизонов — то есть первыми русскими поселенцами, патриархами будущих старожильческих родов.

Но откуда же взялись немцы в далекой от Германии Сибири?

Вот это уже известно. Начиная со времен Ермака в составе русских казаков были представители самых разных народов, чаще все литвины (белорусы) и черкасы (запорожцы), которые в период военных действий Московского государства с Речью Посполитой (объединяющей Королевство Польши и Великое княжество Литовское и Русское), а также с Ливонией (Прибалтикой) попадали в плен и переходили на службу к русскому царю или отправлялись в дальнюю сибирскую ссылку, где либо верстались в казаки, либо превращались в землепашцев-крестьян.

Юшка Бекер, по одним данным «немчин», по другим «литвин» (по всей видимости, немецкий наемник в армии Речи Посполитой) в 1626 году был пешим казаком Тобольского гарнизона с годовым окладом в шесть рублей.

Его сыновья Вакула и Данила, будучи в казаках «литовского» списка, получали натуральное жалованье 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли и деньгами 6 с полтиной рублей в год.

В казаках литовского списка был еще и Иван Юрьев сын Бекер (вероятно, старший сын Юшки), так как он, в отличие от братьев, будучи тоже в казаках «литовского» списка получал ежегодно 9 четей ржи, 5 четей овса и два пуда соли.

Имеются сведения и о дальнейшей истории этого рода.

Вот, например, информация за 1710 год: «Двор купленой конного казака Василья Иванова сына прозвище Бекирева сказал себе 36 у него жена Орина Софронова дочь 35 дети сыновья Прокофей 5 лет Михайло полугоду дочери девки Марфа 17 Катерина 12 Наталья 3 лет с ним-ж живет мать ево вдова Василиса Савина дочь умершаго казака Ивановская жена Бекирева сказала себе 60 лет у нее сын Иван Иванов сын Бекирев 24 лет и ныне он на службе великого государя в салдатех».

А вот сведения об одном из камчатских казаков Бекеревых, прежде служившего в Тобольске: «…Качаловой улицой по праву ж от Федосеева переулка… жена конного казака Кирила Бекерева».

Тобольск 1711 год. Рисунок из «Хорографической книги Сибири» Семена Ремизова

Почему об одном из?

Потому что их было двое — Кирилл и Лазарь. Это были либо братья, либо отец и сын, так как в Верхнекамчатском остроге у них был свой дом.

Вот что писал по этому поводу Степан Петрович Крашенинников:

«По отбытии его служивых человек с 20, между которыми главные были Данило Анцыферов, Харитон Березин, Иван Козыревской, Григорей Шибанко, Алексей Постников удумали его Миронова убить, и как он, Миронов, в 1711 году генваря в последних числах в Верхней Камчатской острог из Нижнего воротился, то его за полверсты, не допустя до острогу, служивые бунтовщики встретили и из них Харитон Березин его, Миронова, ножем зарезал. В то время, как помянутые бунтовщики служивые Данило Анцыферов с товарищи Осипа Миронова убили, был в Верхнем остроге бывшей прикащик Петр Чириков, которого они также убить хотели, но он несколько времени у них упросил, чтоб богу помолиться, на что оные бунтовщики и склонились и отдали его на поруки жителям Верхнего острогу служивым людям Лазарю и Кирилу Бекеревым, и приказали им, чтоб его хранили, а сами, прибрав к себе многое число служивых, с которыми обещалися они прикащичьи животы разделить, пошли в Нижней Камчатской острог, где был в то время бывшей прикащик Володимер Атласов».

АО «Колхоз имени Бекерева», рыбоперерабатывающий комплекс в долине реки Ука, впадающей в Берингово море. Колхоз ведет промысел на данной территории с 1930 года

Впоследствии, убив и сына боярского Петра Чирикова, семьдесят пять казаков, поделив «пожитки» убитых камчатских приказчиков, ушли на реку Большую, восстановив сожженный камчадалами Большерецкий острог.

Бекеревы в эту команду по какой-то не известной нам причине не попали.

И остались этим недовольны.

Как и другие верхнекамчатские казаки, которым не досталось никакой доли от захваченного «трофея».

Как выяснилось позже, ядром этих недовольных были тобольские казачьи дети во главе с Константином Киргизовым, которые решились ограбить своих соседей — казаков Нижнекамчатского острога. В составе этой банды грабителей оказались и Бекеревы — Кирилл и Лазарь.

Вполне вероятно, что Кирилл Бекерев, конный тобольский казак, был «годовальщиком» — то есть командированным на какой-то срок службы на Камчатке, почему в Тобольске и проживала его жена, — но участие в бунте лишило его права на возвращение: «…тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

И разумеется, это наказание оборачивалось для бунтовщиков вечной ссылкой.

Кто из Бекеревых завел семью на Камчатке, мы не знаем.

Известно другое. Мы возьмем цитату из очерка А.С. Зуева «Восполняя белые пятна. Из истории русско-ительменских отношений», в которой рассматриваются последствия знаменитого Харчинского бунта. На этот раз события разворачиваются не в долине реки Камчатки, а на северо-западном побережье полуострова:

«Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако, узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг “осердились” на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей».

Стоит обратить внимание на два факта — взаимоотношение между коренными

племенами ительменов, с одной стороны, и, с другой, — на появление фамилии Бекеревых в здешних местах — на западной Камчатке.

Ибо на восточном побережье эта фамилия также присутствовала среди коренного (крещеного) населения. Вот еще один любопытный документ, в котором мы также обращаем внимание читателей на два факта — на присутствие фамилии Бекеревых в здешних уже местах, с одной стороны, и на факты межплеменной резни, с другой…

«1764 году октября 25 дня по указу ея императорского величества правительствующий Сенат слушав присланных из нижеозначенных мест доношений, а именно из Иркуцкой канцелярии.

Втораго — августа 28, третьяго — сентября 3-го 1747, а четвертого — маия 9 числ[а] 1748 годов со мнениями о учинении таковым же содержащимся в Охоцке ясашным корякам и такого ж, как выше явствует, наказания за нижеследующие их вины… 1) Теневу, Ниях-ке, Марке, Хажигытте, Тенехке, Ингате, Куте, Мыкынтыкане, итого осьми человекам за намерение их к измене и к побитию руских людей, из коих двое тогда умерли, о чем и особо представлено, 2) Чингину да Пишиге за учинение ими измены и за злоумышления к побитию руских людей происки, 3) камчадалам и олюторам Экче, Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашного сбору служилых и новокрещеных десяти ж человек, да корякам же новокрещеным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семену и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семену Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взятье в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важный злодейственныя вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещенным Петру Эрангиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывесть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак».

Впоследствии эта фамилия в различных вариантах ее написания утвердилась и на западном, (Седанка, Кахтана) и на восточном (Ивашка) побережьях нашего полуострова.

В период Русско-японской войны среди народных ополченцев были отмечены жители Седанки — Бекеров Михаил Федорович (1881) и Бекеров Феофан, и Кахтаны — Бекеров Прокопий.

Полуект Федорович Беккеров, уроженец Седанки, в 1933 году проживал в селе Воямполка, был членом оленеводческого совхоза «Восход», 16 апреля 1933 года арестован ОГПУ и приговрен к трем годам лишения свободы, в 1957 году реабилитирован.

В годы Великой Отечественной войны на Северном фронте сражался сержант Василий Полуектович Беккеров.

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждены жители села Ивашка Георгий Игнатьевич и Архип Федорович Бекеревы.

Но на этом история этой камчатской фамилии не заканчивается. Хотя, нужно это отметить, материала очень мало. Вот что сообщает Википедия.

Георгий Игнатьевич Бекерев (20 декабря 1911, с. Дранка, Корякский район, Камчатская область, Российская империя – 14 мая 1959) — советский партийный и государственный деятель, председатель исполкома Корякского окружного Совета (1953–1959).

Родился в семье рыбака и охотника. Вскоре семья переехала в село Ука. В 1923 г. родители вступили в рыболовецкую артель. Трудовую деятельность он начал с 14 лет в колхозе им. Левченко.

С 1931 г. учился в Петропавловск-Камчатском педагогическом техникуме. В 1948 г. окончил Хабаровскую партийную школу.

Член ВКП(б) с 1942 г.

В 1936–1943 гг. — заведующий Карагинским районным отделом торговли.

В 1943 г. был утвержден председателем исполнительного комитета Карагинского районного Совета Корякского национального округа.

В 1950–1953 гг. — второй секретарь Корякского окружного комитета ВКП(б).

С 1953 г. — председатель исполнительного комитета Корякского окружного Совета. Внес значительный вклад в развитие всех отраслей народного хозяйства Корякского округа, особенно в становление сельскохозяйственного производства.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР 3-го и 4-го созывов.

Награжден орденами Ленина и «Знаком Почета».

Его именем назван рыболовецкий колхоз в селе Ивашка и улица в поселке Палана — столице Корякии.

Василий Полуэктович Беккеров (15 марта 1917, с. Седанка, Камчатская область, Российская империя – 29 мая 1986) — советский партийный и государственный деятель, председатель Корякского окрисполкома (1959–1971).

В 1940–1941 гг. проходил обучение в Ленинградском институте народов Севера, затем — в Хабаровской краевой партийной школе. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС (заочно).

1935–1940 гг. — учитель в с. Воямполка.

1941–1947 гг. — в РККФ — Военно-морском флоте, служил на Северном флоте, освоил ввоинскую специальность рулевого. Сопровождал транспорты, направляющиеся от берегов Великобритании в Мурманск. Был награжден боевыми орденами и медалями.

1952 г. — секретарь Карагинского районного комитета ВКП(б) — КПСС (Корякский национальный округ).

1959–1971 гг. — председатель исполнительного комитета Корякского окружного Совета.

1971–1972 гг. — руководитель Группы народностей Севера исполнительного комитета Камчатского областного Совета.

Был награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знаком Почета», медалью «За трудовую доблесть».

Успенская (Беккерева) Валентина Ивановна (23.10.1941–05.08.2004). Родилась в с. Седанка Оседлая Тигильского района. С 1985 по 1987 г. работала председателем исполкома Корякского окружного Совета народных депутатов.

Впоследствии она возглавляла отдел по народностям Севера Камчатского облисполкома, была организатором и первым редактором газеты «Абориген Камчатки».

Очень хотелось бы надеяться, что этот разговор об истории фамилии Беккеревых-Бекеревых будет продолжен…

КРИВОГОРНИЦЫНЫ

Такие самобытные фамилии рождались, как правило, в вольной Запорожской Сечи — Жадная Брага, Кривая Горница, Много Грешный...

Запорожские казаки в составе регулярных и иррегулярных войск Великого княжества Литовского (Русского), а затем конфедерации Речи Посполитой, участвовали в многочисленных боевых столкновениях и войнах с Великим Московским княжеством, Московским царством и Российской империей.

Поэтому немало черкасов (запорожцев) и литвинов (белорусов) было в числе военнопленных, отправляемых в Сибирь, где их записывали либо в землепашцев крестьян, либо в служилые люди — в сибирское казачество.

Но был и мирный исход и литвинов, и запорожцев в Россию — в связи с насильственным введением католичества не только простолюдины покидали территорию Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но и потомки великих князей — Гедиминовичи — переходили на службу к Московскому великому князю.

Поэтому совершенно неслучайно в отряде Ермака Тимофеевича, прорубившего дорогу в Сибирь, были не только выходцы с Русского Севера, но и литвины, и черкасы.

Город Березов, в именном списке служилых людей которого мы впервые обнаруживаем фамилию Кривогорницыных, был построен в 1593 году как форпост России на Севере Западной Сибири (в настоящее время районный центр Ханты-Мансийского автономного округа). Здесь был довольно крупный (по тем временам) казачий гарнизон — порядка 300 служилых людей, которые, с потерей стратегического значения Березова в связи с тем, что границы Российской империи в Сибири стремительно уходили на восток и на юг, постепенно переводились в другие места Сибири.

В 1632 году в списке рядовых стрельцов города Енисейска — восточного форпоста того времени — мы находим имя Григория Яковлева сына Кривогорницына. А именно березовские казаки строили в 1618–1619 годах Енисейский острог.

В 1639 году в связи с образованием самостоятельного Якутского — нового, самого восточного — воеводства Сибири сюда во главе с первым якутским воеводой Петром Петровичем Головиным был направлен большой отряд казаков из Тобольска (225 человек), Березова (50 человек) и Енисейска (100 человек).

И в документах Якутской приказной избы, датированных 1642 годом, мы находим имя Григория Яковлева сына Кривогорницына, бывшего енисейского стрельца, перешедшего на службу в Якутск.

Документы той поры сообщают нам любопытные подробности.

В 1648 году Григорий Яковлев Кривогорницын обращается с челобитной к царю: «...бьет челом холоп твой Якутцкого остьрогу служилой человек Гришка Яковлев Кривогорницын. В прошлом государь, во 147-м (1639) году в старом Якуцком остроге купил я холоп твой из войска погромную девку имя Лаглоя. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, в Якутцком остроге ту купленую мою девку в православную христианскую веру привести, молитву дать и крестить».

Но жена Григория Яковлевича Ульянка вместо «Глойки» (Лаглои), которую разрешено было крестить, привела «якуцкую девку Кысыкайку», которую и крестили с именем Анюта. «И за то Гришкина жена Кривогорницына Ульянка бита батогами и крещеная девка Анютка отдана ей на время: как ее спросят и ее поставить в съезжей избе».

Что мы узнаем из этой истории?

То, что семья казаков была одной из первых семейных пар Якутского воеводства. «Пальму первенства» держал бывший енисейский (а впоследствии тоже якутский) казак, десятник Семен Тимофеев сын Чуфарист, который первым женился на коренной жительнице Якутии. Возможно, вторым был Семен Иванов сын Дежнев, у которого в этом браке родился сын Любим. У Григория Яковлевича и Ульяны родился сын Степан.

Но истории с «бабами» воевода Головин не забыл:

1643 г. сентября 7. — Указ царя Михаила Федоровича в Олекомской (Олекминский. — *С.В.*) острог Ваське Юрьеву.

«Лета 7152 году, сентября в 7 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, паметь в Олекомской острог служивому человеку Васке Юрьеву.

Писано к тебе преже в прошлом во 151 году, а велено тебе за государевою ясашною казною прислать толмача Добрынку, и ты воровством Добрынку не прислал, а прислал государеву казну с плутами с Мартьюшевым, да с Оксенком и казну государеву привезли за твоею печатью, а казна государева худа перед прошлым годом в полы ценою не будет, и соболи мало не все драные и без хвостов и вешнеки и недособоли. Да ты ж, мужик страдник, делаешь все самовольством своим не по указу, и указных паметей не слушаешь; и ныне ты без указу прислал

в Якуцкой острог, да в прошлом во 151-м году в Якуцком остроге сыскалась воровство и измена воеводы Матфея Глебова, да дьяка Еуфимья Филатова, что оне воровали, Якутов научали государевых людей побивати и ясак государев полной давать не велели и по зимовьем к вам, служивым людем, приказывали ко многим государева ясаку в Якуцкой острог присылати полново не велели, и добрые соболи из ясаку выбирати велели себе, и то ты сделал казну ты какову прислал худу, знатно, что по их воровскому наученью.

И перед прошлым годом 150-м твоего — же збору и прошлово 151 году, чего в цене не дойдет у ясачных и у поминочных соболей, и то доправят в государеву казну на тебе. А пишешь ты с казною о целовальнике, а в прошлом году во 150-м, ты — же государеву казну збирал без целовальника, а казна государева добра была.

Да ты — же, мужик, воровством своим, ходя с Якутами собольми торговать, поволил служивым людем баб имать и держать у себя, да и себе ты призвал баб-же; и целовальник к государеве казне будет.

А тебе-бы, мужик, не так делать, как в прошлом году, казна от тебя государева ноне збирать с великим раденьем с прибавкою и соболи имать добрые, а драных соболей и вешних и недособолей и без хвостов в государев ясак не имати. А Гришки Кривогорницына жену ево с Якутами не спущать, а баб бы тебе всех отпустить некрещеных в улус, а приходить тем бабам к острогу не велеть

К сей памети государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать новые Сибирские земли. что на великой реке Лене приложил стольник и воевода Петр Петрович Головин».

В 1661 году казаки, отец и сын, Григорий и Степан Кривогорницыны в числе других казаков Якутского воеводства подписывают царю челобитную о недостаточном денежном и хлебном жаловании для проживания в этих северных краях и поиска новых земель и новых «ясачных плательщиков»…

Вот только один из нюансов, который кажется нам весьма современным и актуальным:

«А как приехали на Лену торговые люди с медными деньгами, и воевода Лаврентей Обухов мимо твоего, великого государя, указу и грамоты поволил им хлеб купить. И они на те медные деньги на Лене в-Ылимском остроге все хлеб и запасы рожь по 20-ти алтын и по 7-ми гривен выкупили. А те хлебные запасы торговые и промышленые люди привезли в Якуцкой острог и продают самою дорогою ценою — пуд муки по рублю, а ржи по 20-ти по шти алтын по 4 деньги и то с великою крепостью. Да те же торговые люди в нынешнем во 171-м году, приплыв весною в Якуцкой острог, выкупили у якуцких жилецких людей кожи дубленые и сырые яловичьи, и ролдуги, и половинки лосинные, а свои руские товары обутки, чарки и на чулки сукна белые, и холсты, и иные всякие нам, холопям твоим, продают самою большою дорогою ценою перед своею покупкою впятеро и вшестеро и больши — чарки по 2 рубли, сукна белово аршин по 20-ти алтын и з гривной по 20-ти, холсту хрящу аршин по 10-ти алтын и гривной по 10-ти, а тонкой холст в 20 алтын и больши, и то с великою крепостью на друг. А просят у нас, холопей твоих, за те свои товары серебряных денег, гоня нас, холопей твоих, в великую нужю. И нам, великий государь, от той их дорогой запертой продажи на твою, великого государя, службу иттить стало не в чем и не с чем, одежишка и обутчишков купить стало не в мочь, наги и боси».

Григорий Яковлевич не сделал большой карьеры на якутской казачьей службе, оста-

Село Кихчих — родовое гнездо камчатских Кривогорницыных. Колхозная страда…

ваясь долгие годы рядовым казаком и поднявшись лишь до десятника.

Но это только на первый взгляд.

В 1663 году, например, он был приказчиком на реке Оленке и собирал здесь ясак.

Настоящую карьеру сделал его сын — Степан Григорьевич Кривогорницын.

В 1671–1672 годах он — второе лицо при сотнике Третьяке Смирнягине, собирающим ясак по Майскому зимовью.

В 1684 году — сборщик ясака по Патомскому зимовью в чине казачьего пятидесятника, затем по Оленскому зимовью.

В 1690 году сын боярский (поверстан в 1688 году) Степан Григорьевич Кривогорницын приказчик Верхнего Вилюйского зимовья, в 1693 году — приказчик Жиганска.

А следующие сведения о Кривогорницыных мы находим только через полвека — это был один из трех походов, предпринятых «конкистадором Чукотки» Дмитрием Павлуцким (запись воспоминаний участников за 1763 год):

«В 741-м году февраля 4-го числа выступили они из Анадырской крепости в поход для поиску и искоренения немирных чюкоч с бывшим майором Павлуцким, то всего было тогда регулярных и нерегулярных служителей 400 человек.

Отправились из Анадырска на оленях в сайках чрез реку Анадырь против крепости и ехали по болоту на восток до реки Майна, куда и приехали в шестой день и перешли Майн но льду, оттуда чрез каменья мимо вострой сопки, и вышед повыше Чекаева урочища к устью протоки Кривой, от которой переехали Анадырь и шли болотом ровным местом и безлесным и вышли на реку Черную, и перешед оную, шли болотом же, а сколько дней, того не упомнят, потому же безлесными местами чрез реки Алгинку и Черную вышли на реку Нерпечью, где и нашли след кочующих чюкоч, вниз по реке Нерпечей, за которыми в то ж время был командирован сотник Кривогорницын с казаками с небольшою командою. Из оных чюкоч мужеского полу трех да женского двух побили, из них взят был один для показывания их жилых мест.

А потом, отошед от той реки Нерпечей по таковому ж болоту до реки Поперешной, перешли в шесть дней к губе Ночен, кою переехали в одну ночь по льду и нашли у камня, называемого Серце, живущих тут чюкоч в десяти юртах, например; человек со сто, которые чюкчи были побиты, точию из оных один ушел пешком, где и уведомились чрез взятых тогда пленников о живущих подле того ж каменю Серца чюкчах в трех юртах, куда и командирован был вышеписанной же сотник Кривогорницын в тридцати человеках, коим бывших в тех юртах чюкоч мужиков четырех да женского полу шесть человек побито, но из них один ушел на оленях. Откуда оной Кривогорницын с тою командою и возвратился обратно, где для ожидания оставшаго назади обоза стояли недели две, откуда по пришествии того обоза поехали ж промежду гористыми и каменистыми местами до реки Епочио, кою переехав, пошли такими ж гористыми и каменистыми до рек Чимгана, Курупку и до губы Юрупку, где стояли три дни, при коем месте и пойман из чюкоч один. А после онаго на другой день тех же чюкоч наехало немалое число для недопущения их в свою землицу и, когда усмотри их те чюкчи в довольном числе людей, то уехали обратно. Оттуда означенную губу Юрупку переехали по льду в одну ночь, с которой выехали на реку Гизянг, а от оной и к другой губе Силеге и по край моря к губе ж Мечинг и к камню Меченгу, которой протянулся в море мысом, а сколько дней по оному ехали, того не упомнят.

И приехали к губе ж, называемой Тенях, от которой шли до губы ж Хуматам, где и остановились лагирем и стояли за обождением командированных за поиском чюкоч сотника Бутусина и толмача Якова Осипова с командами и, обождав от оных известия, следовали до речки Ночана и по ней шли вверх, от коей, отворотя следованием вправо до речек Покоечи, Иттей и отворотя вправо, шли до речки ж Ставы, подле которой вправе стоит каменная сопка, названием Метевин, и оттуда чрез речки Итыночан до Начелты, оттуда чрез речку ж Аванды, кои течение имеют в губу Хуматан, а от той губы дошли до губы ж Анахыя, то есть Белое море, с коего места уже команда оскудела пищею, подле которую губу по левую сторону шли чрез речки Апаха, Ехони, Пехеткина и чрез речки Нуттен, Чагнум, Ечу, оттуду чрез же вышеписанную речку Епочу по вершине и оттоль до речки Кукуна, от коей шли вверх и перешли по вершине ж и оттоль чрез хрепты и дошли до вершины Черной реки и по оной вниз до Виски, называемой юкагирской, где и остановились лагирем для лову сетьми рыбы и отправления по той реке Черной к сплаву на реку Анадырь в коженных байдарах сотника Бутусина с половиной утрудившейся от голоду командой, коя была и отправлена.

А от той Черной чрез болотныя и гористыя места вышли на реку Анадырь, на урочище, называемое Родионово, куда и прибыл посланной в Анадырск для приплаву судов ясаул Петр, один с командою на пяти судах, из коих отправлено на Чекаево для подъему бывшей там при сотнике команды три судна, при котором урочище Родионове стояли за обожданием у урочища Чекае-

ва от помянутого командированного по Черной реке сотника Бутусина о состоянии команды известия осмнадцать дней и, по получении известия, следовали вверх по реке Анадырю на двух судах и прибыли в Анадырскую крепость 28 ч[исла] сентября того ж 744 году.

Предъявленная же Чюкоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху, нету. И те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих коженых юртах, а огонь зимою во оных бываит посредине таким подобием: кладут мелкой тальник, также оленьи сухие рога и кости и облевают нерпичьим, китовым и моржовым жиром да и кроме того имеют в пологах. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу, едят мясо оленье и рыбу, также нерпу и протчих морских зверей, сырое и мерзлое и всякое из земли коренье, которую нерпу и морских зверей получают те оленные чюкчи от сидячих около моря чюкоч, и то их, чюкоцкое, между самыми узкими каменьями житие за неимением лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хужее быть может.

Что же принадлежит до сидячих около моря и вокруг тех оленных живущих чюкоч, то у оных есть юрты, выкопанные в земли, деревянные, а лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припаиках и ездят на собаках.

А во всю их в той Чюкоцкой землице бытность, за неимением никаковых лесов, крайнюю от великих морозов претерпевали нужду, а где около речек упоминаемой мелкой тальничек, которого вышиною не более одной четверти, найден бывал, то оной, также и растущей по каменьям мох собирали и мехами роздували и тем себе пищу варили, а наконец по недостатку съестных припасов крайней голод претерпевали,

также что и в здешнюю Анадырскую крепость они с предписанною командою едва выттить могли, а вся та земля Чюкоцкая в округлость не более полторы тысячи верст».

В некоторых источниках упоминается имя сотника Кривогорницына — Семен и якобы принадлежащая ему фраза в отношении чукотских событий: «Наши казаки воисты дома, а в виду неприятеля трусливы; теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям?»

Эти слова касаются последнего боя той самой «чукотской войны» (которая по словам современных «историков» продолжалась 130 лет — а на самом деле это был очень короткий срок военных действий, связанный с попыткой реабилитации бывшего воеводы Якутска Дмитрия Павлуцкого, сосланного на далекую Чукотку в 1742 году):

«12 марта 1747 года на берегу реки Майн (Мэйнывээм — по-чукотски “большая река”, правый приток Анадыри), совсем близко по северным меркам от Анадырского острога, крупный отряд чукчей, напав на коряков, взял в плен 8 человек и угнал 7 оленьих табунов. Среди угнанных оленей были и предназначенные для прокорма гарнизона Анадырского острога.

В тот же день, узнав о нападении, майор Павлуцкий бросился в погоню. Собирались экстренно, вышли в ночь на 13 марта — 97 русских и 35 коряков на всех собачьих и оленьих упряжках, которые удалось собрать в остроге, пошли по следу чукчей. За ними пешим порядком выступили те, кому не хватило упряжек — 202 солдата и казака под командованием сотника Алексея Котковского.

Чукчей настигли утром 14 марта там, где в Майн впадает речка. Здесь на горе, ныне известной как Юкагирская сопка, отряд Павлуцкого и обнаружил грабителей — их оказалась целая армия, почти 600 чукотских воинов в костяной броне.

Павлуцкий, не смотря на такое неравенство в силах, приказал готовиться к атаке. В русском отряде возник короткий спор — часть казаков и корякские “князцы” просили майора дождаться идущие следом две сотни Котковского, другие считали, что надо атаковать, пока чукчи не ушли и не растворились в бескрайних снегах Чукотки. Позднейшее расследование Сената Российской империи зафиксировало прозвучавшие в те минуты слова казачьего сотника Семена Кривогорницына: “Наши казаки воисты дома, а в виду неприятеля трусливы; теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям?”

Похоже, Павлуцкий и его люди за последние годы устали от многомесячных и бесплодных попыток искать “настоящих людей” посреди безжизненной тундры. Здесь и сейчас противника не надо было искать — основные ударные силы чукотских родов наконец стояли перед ними в полной боевой готовности. И 97 русских атаковали 600 врагов.

Люди Павлуцкого шли вверх по сопке. Сильный ветер бросал в лицо русским колючий весенний снег, “что неприятелю много способствовало”. Чукчи атаковали с горы — казаки и солдаты дали залп из ружей и единственной имевшейся при отряде небольшой железной пушки. Уже опытные в боях с русскими чукчи упали в снег, большая часть картечи и пуль просвистели над их головами. На второй залп у русских времени уже не осталось — несшаяся с горы масса костяной брони ударила в их отряд.

Началась рукопашная схватка. Сразу же сказалось численное преимущество чукчей, но опытные бойцы Павлуцкого, уступая противнику в численности минимум в пять раз, дрались умело и упорно. По воспоминаниям выживших, свалка была такой плотной, “что неприятель у россиян ружья, копья, а россиане у неприятеля луки и копья ж отнимали руками и оборонялись ножами”.

Русский отряд с боем и большими потерями, включая командира, отступил к подножию Юкагирской сопки, где укрылся от атак чукотских воинов за укреплениями, наспех построенными из саней. Позднее от пленных чукчей узнали подробности гибели майора Павлуцкого — при отступлении отряда он долго отбивался в окружении врагов, рубя саблей костяные наконечники их копий. Чукчи пытались расстреливать его из луков почти в упор, но майор в стальной кольчуге и шлеме был только ранен. С трудом чукчи свалили его арканами и добили ударом костяного копья в горло.

Битва продолжалась, пока на горизонте не появились несколько десятков передовых человек из шедшего следом отряда сотника Котковского. Завидев спешащее к русским подкрепление, чукчи тут же прекратили атаки и на оленьих упряжках скрылись за горизонтом.

Подошедший отряд Котковского не мог их преследовать, так как чукчи угнали у местных коряков почти всех оленей. Русским осталось лишь собрать тела павших и подсчитать потери, которые по меркам Крайнего Севера были чрезвычайно велики: из 97 человек отряда Павлуцкого погибло 41, в том числе командир и два казачьих сотника. Из 35 участвовавших в бою союзных коряков погибло 11. Один казак попал в плен. Потери чукотских воинов остались неизвестными, поскольку они увезли с собой всех своих убитых и раненных» (https://dv.land/spec/chukot-wars-1).

Чукчи. Охота на моржа, худ. И.А. Пискунов

Одним из этих сотников, погибших в последнем сражении Павлуцкого, вероятно, и был Семен (Степанович?) Кривогорницын, который и предложил вступить в бой, не дожидаясь подкрепления...

В 1748 году в списках якутских казаков значатся Дмитрий Кривогорницын и два Ивана — один из которых «Большей».

Река Кихчик считается родовым местом камчадалов Кривогорницыных. И это так, если говорить о XIX – начале XX столетий.

Но это не так, если говорить об истории XVIII века.

Степан Петрович Крашенинников описывал несколько поселений на реке, которую камчадалы называли Хчукыг, а русские переиначили в Кыкчик.

В устье реки был острожек Чаапынган или Нижне-Кыкчикский. «Строения в нем 1 юрта, 26 балаганов; ясашных и ноземцов 33 человека, в том числе собольников 13, лисишников 20; тойон называется Шемкоучь».

Верстах в трех выше Нижне-Кыкчикского острожка был расположен второй — Кыгынумт или «Кычынумют (Акангышев острожек)... строения в нем 29 балаганов; ясашных иноземцов 21 человек, в том числе 10 собольников, 11 лисишников; тойон Акабты».

И третий острожек — Чачамжу в верстах в восьми от предыдущего. «Строения в нем 7 балаганов, ясашных 7 человек, 3 собольника да 4 лисишников; лутчей мужик Тыкылкоз».

Главным был острожек Чаапыган, «а прочие под ведением его состоят».

Соответственно, и верховным вождем реки был тойон Шемкоуч.

Камчадалы бассейна реки Кихчик были лояльны по отношению к русским казакам и участвовали вместе с казаками в кара-

тельной экспедиции 1731 года: «Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с “походным приказчиком” пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов».

Эта карательная экспедиция действовала с особой жестокостью, за что иркутский (а прежде селенгинский) пятидесятник Андрей Штинников был повешен по приговору походной розыскной экспедиции.

В 1740-х годах в Кихчике появляются русские фамилии, полученные камчадалами при крещении: Елагины, Карымовы, Наумовы…

Но история камчатских Кривогорницыных — коренных камчадалов — начинается не с Кихчика, как это было принято считать, а с Ичи.

Именно Ичинский острог был центральным поселением русских на северо-западном побережье Камчатки в первой половине 18-го столетия, где располагались казаки, а также часто зимовали члены экипажей судов, осуществлявших доставку людей и продовольствия из Охотска в Большерецкий острог. Здесь, в Иче, был открыт молитвенный дом, а затем построена и единственная тогда на северо-западе Камчатки церковь, первым священником которой в 1758 году стал сын ичинского тойона Агишкина Иван Уваровский. И поэтому совершенно неудивительно, что именно в здешних местах первые из камчадалов, которые принимали крещение в честь примирения с русскими (то есть совершали, по сути, не таинство крещения, а факт братания, ибо крещение первое время проходило еще без священника и было «мирским», то есть не полным) и получали фамилии казачьих командиров — пятидесятника

Кривогорницыны: последний общий снимок в селе Кихчик

Ивана Атласова, сотника Семена Кривогорницына, сотника Ивана Уваровского.

Коренное изменение произошло после эпидемии 1799–1800 гг., когда обезлюдели поселения камчадалов, расположенных вблизи Большерецкого, Верхнекамчатского, Нижнекамчатского острогов и Петропавловского порта.

Именно тогда ичинские камчадалы Кривогорницыны были переселены на новое постоянное место жительства в селение Кихчик, которое и стало их новой малой родиной.

По архивным данным, в 1812 году в Кихчике проживали трое братьев Кривогорницыных — Петр (1791), Никифор (1802) и Венедикт (1808) Васильевичи Кривогорницыны и Илларион Кривогорницын, отчество которого пока не установлено (возможно, четвертый брат, возможно, просто родственник).

Но в истории Камчатки свой след оставили только две линии – линия Венедикта Васильевича и линия Иллариона Кривогорницыных.

Но брачные связи этих двух родов были довольно обширны. Хотя нам удалось установить только часть брачных союзов Кривогорницыных, их география охватывает практически все западное побережье полуострова и значительную часть местных родов: Вагины (Колпаково), Заевы (Кихчик), Артемьевы (Колпаково), Слободчиковы (Кихчик), Борисовы (Крутогорово), Соболевы (Облуковина), Яцкие (Коль), Новограбленные (Коль), Уксусниковы (Кихчик).

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. жители села Кихчик так же, как и

Крайние слева и справа — Анатолий и Алексей Илларионовичи, в центре их племянник Геннадий Юрьевич — Кривогорницыны

Супруги Де — Лукерья Павловна (Кривогорницына) и Николай Де Ен Гук

представители других сел побережья, выставили своих ополченцев для отражения японских «хищников».

Это были Кривогорницын Илларион Илларионович (1868) и Кривогорницын Илья Ионович (1877), внук Венедикта Васильевича, которые были в составе Облуковинской дружины.

А 18 августа 1945 года представители рода Кривогорницыных были в составе Курильского десанта: сын Павла Ионовича, правнук Венедикта Васильевича, — Эммануил Павлович Кривогорницын (1927) и внук Николая Илларионовича — Андрей Гаврилович Кривогорницын (1925), награжденный медалью «За боевые заслуги».

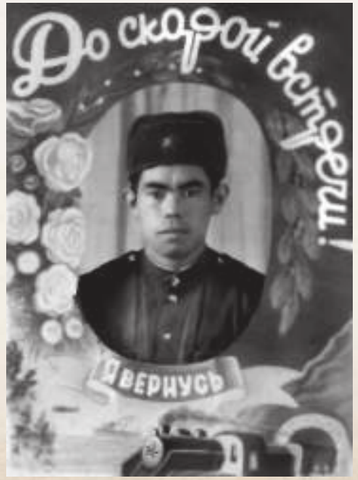
А вот какова дальнейшая история села, написанная нашими современниками: «...на ее берегу в 1926 году появились первые палатки жителей рыбацкого поселка Кихчик. Позднее, подальше от морского берега, были построены шесть утепленных бараков и семь домов барачного типа. В них селились сезонные рабочие. Много было неудобств, не было больницы, почты. В самом поселке был рыбокомбинат №44, а в 1929 году его переоборудовали, переоснастили, он стал четвертым государственным по счету рыбоконсервным заводом на Камчатке и получил такой же номер — четыре. К кихчинскому поселковому совету относились поселки Речной (время возникновения 1932 год) и Ближний (1938 год), расположенные на реке Кихчик. В 1935 году из кихчинского комбината отделился и стал самостоятельным Пымтинский рыбозавод.

...В 1936 году развернулось строительство жилья, производственных помещений. Использовалась местная береза, тополь. Древесину сплавляли по реке Кихчик. Образовывались улицы. В 1967 году их было десять, и каждая имела собственное имя. Вдоль улиц шпалерами тянулся штакетник, появлялись бетонные тротуары, цветы. Решена проблема колодцев, на улицах появлялись водоразборные колонки, а у многих жителей были установлены насосы в домах. В центре поселка выросло большое, светлое здание управления комбината. Были построены холодильники, механическая мастерская, электростанция, добротная баня, прачечная, детский сад и ясли на 130 мест, гостиница, библиотека, магазины. К услугам населения — клуб и типовая школа на 400 мест».

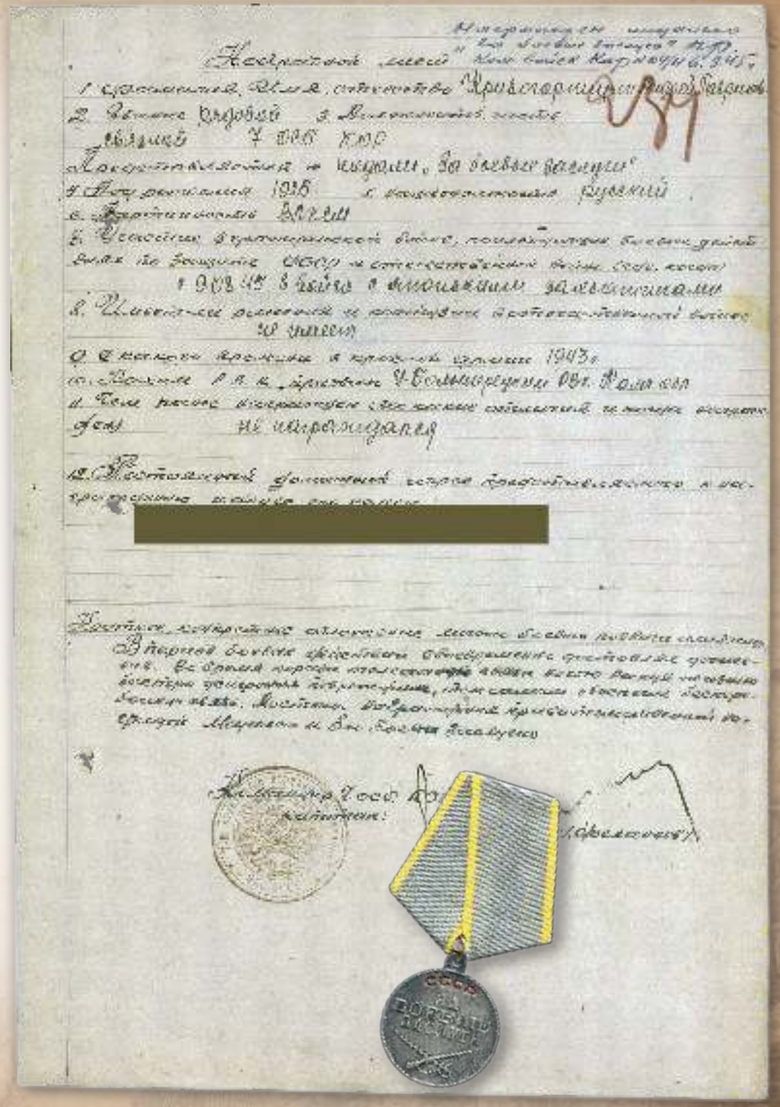
А затем случилась трагедия — в результате японской дрифтерной экспансии, когда на границе территориальных вод СССР японцы выставили такое количество плавающих (дрифтерных) сетей, которые

Татьяна Илларионовна Кривогорницына

Юрий Илларионович Кривогорницын (1955 г.)

перекрывали миграционные пути лососей в родные реки, подходы рыбы в камчатские реки резко сократились — и так продолжалось в течение двух десятков лет.

И вот он итог: «…наступил 1968 год. Вопрос о закрытии Кихчика стал ребром…. Не стало судов и рыболовецких сейнеров, рыбокомбинат стал убыточным хозяйством, сначала его сделали рыбной базой Октябрьского рыбокомбината, а в 1972 году совсем закрыли…»

ОСЬМИНИНЫ

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века» нет ни одного упоминания этой казачьей фамилии, которая оставила свой след на Камчатке при крещении аборигенов полуострова — камчадалов.

Это случилось в 1745 году. Крестником стал житель острожка Кирганик. Следовательно, Осьминин был казаком из Верхнекамчатского острога, в присуд которого входил этот острожек Кырген, который русские переиначили в Кирганик.

Фамилия довольно простая: Осьминин – это восьмой сын в многодетной семье.

Довольно нередкая русская фамилия в череде Первушиных, Вторушиных, Третьяковых, Пятковых, Шестаковых, Семухиных…

Кирганик был вполне благополучным острогом, когда в 1768 году на Камчатку обрушилось первое оспенное поветрие.

Вот что произошло в описании А.С. Сгибнева: «В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецк казенное судно “Св. Павел”, на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле».

Иван Филиппович (слева)
и Екатерина Гергиевна Осьминины

Жители Кирганика, по всей видимости, избежали этой смертельной опасности, так как в дальнейшем мы видим появление кирганикских фамилий Осьмининых, Пановых, Пермяковых, Чуркиных в самых разных поселениях Камчатки.

В частности, родоначальником Осьмининых в селе Коряки стал Филипп Кириллович Осьминин (1801 г. р.), а в Ганалах — Петр (отчество неизвестно) Осьминин.

Дети Филиппа Кирилловича — Иван (1828) и Павел (1837) в 1855 году по призыву губернатора Камчатской области генерал-майора В.С. Завойко прибыли оборонять Петропавловский порт и участвовали в эвакуации его гарнизона.

Братья были награждены бронзовыми медалями на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг.

В период Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг. староста села Ко-

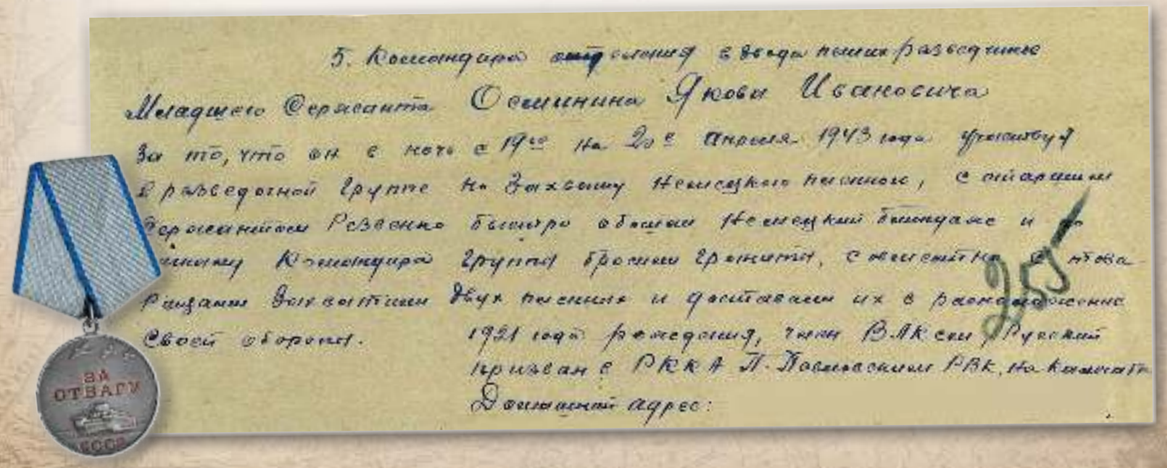
Доцент кафедры «Иностранные языки» КГТУ
Ольга Агафангеловна Фурс (Осьминина) со своими студентами

ряки Филипп Павлович Осьминин был награжден серебряной медалью «За усердие» — «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов», то есть за активное участие в создании народного ополчения из жителей села Коряки.

Непосредственно в боевых действиях отличился его брат Иван Павлович: «Участвовал при отражении японцев против с. Явино 6 июня, на реке Апале 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно» (ЦГА ДВ ф. 1044, оп. 1, д. 11). За что и стал первым в семье Георгиевским кавалером (крест 4-й степени № 171300).

27 сентября 1940 года поступил на службу в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии Яков Иванович Осминин (так, без мягкого знака писали его фамилию в армии). В 1943 году он, будучи в звании младшего сержанта командовал взводом пешей разведки 1081 стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии 70-й армии Центрального фронта.

Его боевая фронтовая награда — медаль «За отвагу»: «За то, что он в ночь с 19-го на 20-е апреля 1943 года участвуя в разведочной группе по захвату немецкого пленного, с старшим сержантом Резенко быстро обошли немецкий блиндаж и по сигналу командира группы бросили гранаты, совместно с товарищами захватили двух пленных и доставили их в распоряжение своей обороны».

Пленные эти были настолько важными, что всю группу представили к награждению медалями «За отвагу».

Племянник Якова Ивановича — Василий Павлович Осьминин, будучи участником Курильского десанта, погиб на острове Шумшу 18 августа 1945 года.

Яков Иванович Осьминин

Участниками Курильского десанта были также Осьминин Петр Павлович (орден Отечественной войны в 1985 г.) и Осьминин Иван Алексеевич (племянник Якова Ивановича — сын его брата Алексея Павловича), который был награжден медалью «За боевые заслуги»:

Петр Павлович Осьминин

Наградить «Заместителя ком. отделения 3 пуль. роты мл. серж. Осьминина Ивана Алексеевича. За сохранение мат. части оружия при высадке с десантного корабля в трудных условиях и участия в бою за высоту ...171,0».

Для тех, кому неизвестно, в каких условиях совершалось десантирование основной группы Курильского десанта, сообщаем подробности.

Сначала — в полной тишине под естественным прикрытием тумана — была высажена штурмовая группа, состоящая из полковых разведчиков, пограничников и морских пехотинцев.

Но при отходе десантные корабли были обнаружены противником, и последующая высадка десанта происходила под прицельным кинжальным огнем японцев — и артиллерии, и пулеметов.

Поэтому десантные корабли производили высадку солдат и матросов на довольно большом удалении от берега и на больших глубинах. Красноармейцы были при полном боевом снаряжении, многие из камчадалов не умели плавать. Помимо боевого снаряжения красноармейцы несли на своих плечах тяжелые части от пулеметов и минометов. И это, повторяем, под кинжальным огнем японцев, у которых была пристрелена каждая точка.

В море, не добравшись до берега, погибли очень многие. Потери подсчитываются и по сей день.

Поэтому тот факт, что Иван Алексеевич не только добрался до берега, но и добрался с пулеметом, который обеспечил прорыв на высоту 171,0, был оценен командованием столь высоко.

Но вернемся к трудовым будням.

Племянник полкового разведчика Якова Ивановича Осьминина Георгий.

Вот его трудовая биография:

Осьминин Георгий Иванович (23.07.1935). Капитан дальнего плавания.

1954 — закончил ШУКС малого плавания в Петропавловске-Камчатском. Направлен в УТФ (тралфлот).

1956 — получает рабочий диплом ШМП, № 158/56 от 20.12.1956 года и назначается 2-м помощником капитана СРТ-300 «Коршун».

1959 — старший помощник капитана СРТ-300 «Орел».

1960 — получает рабочий диплом капитана малого плавания и назначается капитаном СРТ-300 «Северянин».

1962 — заканчивает УКК Камчатрыбпрома на штурмана дальнего плавания.

1963 — получает рабочий диплом ШДП, № 811/22 от 9.02.1963 во Владивостокском рыбном порту и назначается капитаном СРТ-300 «Калыгирь».

И в конечном итоге он — капитан дальнего плавания, капитан-директор большого морозильного траулера (БМРТ), кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Капитан дальнего плавания Георгий Иванович Осьминин с дочерью Ларисой

ШАМАЕВЫ (ШЕМАЕВЫ)

Шамаевы (Шемаевы) – по сути дела, первая камчатская фамилия из числа ее старожилов.

Вот что мы узнаем о первом из Шамаевых, прибывшем на Камчатку в отряде Тимофея Родионовича Кобелева — первого официального приказчика, назначенного якутским воеводой.

«Иван Шамаев в допросе сказал: в прошлом де в 700 году посылан он Иван в Камчадальской острог для ясачного сбору с прикащиком Тимофеем Кобелевым. И шли они с Анадыря до Пенжины на оленях и на собаках, и поделав на Пенжине в море суды, и шли подле Камчацкой Нос морем в судах до пустого острога; и теми де судами море не пропустило. И от того де острогу ходили они на оленных на неясашных Коряк, и погромили оленей, и на тех оленях поднялись через хребты на Камчатку. А против Пенжинского де устья он Иван и никто никакова острова сами не видали и ни от кого не слыхали. А с Камчатки де он Иван посылан был на Пенжинское море с служилыми людми для ясачного сбору, и против де реки Харьюзовы камень голец видеть, а на матерой или остров, того де он не ведает; а и у иноземцов де они о том спрашивали, и те де иноземцы им сказывали, что они у того камени не бывали и людей никаких не знают. А идучи де он с Камчатки с отписки один, видел против Караги реки в море значится остров, и на том де острову Иван Голыгин с товарищи, трое человек, в байдарах для проведывания к иноземцом ездили; а грести де до того острова в байдарах день; и на том де острову они людей видели и ясаку просили; и те де люди им Ивану Голыгину ясаку не дали; а вдаль де они на тот остров за малолюдством ходить не смели, и боясь их иноземцов, воротились назад. А после де его Ивана на том острову руские люди никто не бывали, и много ль на том острову людей, про то подлинно никто не ведает. А в Ковымском де и в Ленском устье он Иван не бывал и никакова острова не знает и от людей не слыхал. На подлинном пишет тако: к сей сказке Иван Шамаев руку приложил» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Книга вторая. 1885 г. Петербург).

Обратим внимание на последнюю строчку — «руку приложил». То есть, Иван Шамаев был человеком грамотным. В архивных материалах по Якутску за 1720 год имеется запись, из которой мы узнаем, что Иванов Шамаевых в истории Камчатки было двое. Отец и сын: «Во дворе пономарь Семен Иванов сын Шамаев… брат ево родной Иван дватцати шести лет и он Иван послан Великого государя на службу на Камчатку в прошлом в 718-м году».

И тоже, как и отец, Иван Иванович был человеком грамотным. Потому неслучайно в 1724 году на нем был остановлен выбор: «Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран Степан Трифанов; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан Андрей Жирков, которому дан в помощь Афанасий Жирков, для письма Иван Шамаев, мореход Невейца и 21 человек казаков».

В 1719 году приказчик Нижнекамчатского острога Иван Уваровский упоминает казака Ивана Шемаева в связи с разборками по пушному делу Петриловского-Козыревского и посылает казака Шемаева со своим рапортом к якутскому воеводе Ельчину.

В 1761 году в именных списках казаков г. Якутска был отмечен Иван Алексеев сын Шамаев — но, по всей видимости, это был уже внук.

Вполне вероятно, что другой его внук, но уже записанный как Шемаев, отметился в документах, датированных 1745–1747 гг. и посвященных событиям в корякской земле: «И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, **Прокопей Шемаев**, Никифор Солдатов, Алексей Тарабыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили».

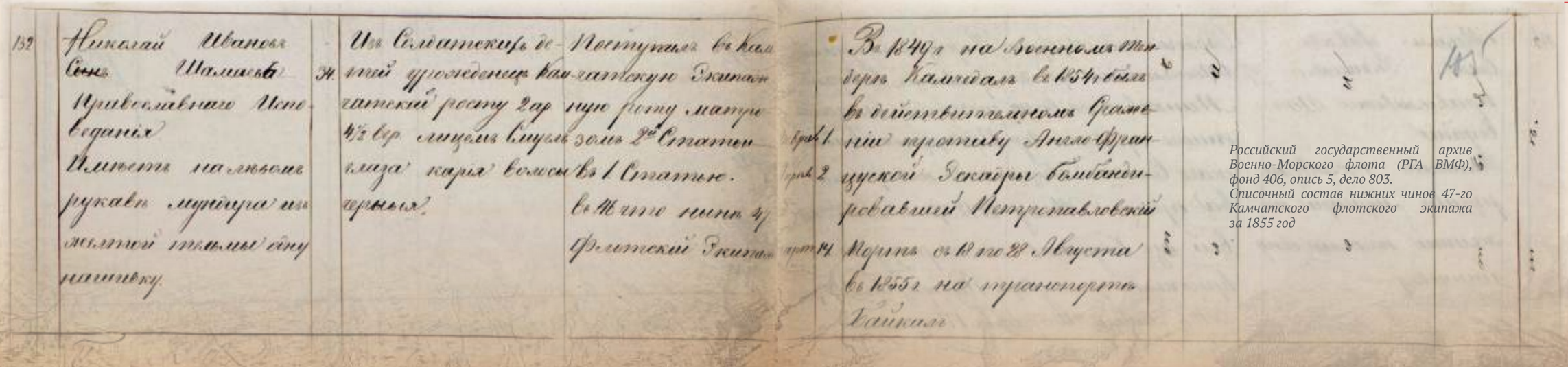
А вот и продолжение: «И жили они, Потапов с товарыщи, в Акланском остроге до июня месяца, а того де месяца июня 746 году приехав из Анадырска, сотник Алексей Котковской и увез с собою в Анадырск означенного Пермякова в трех человеках, а у них оставил при команде солдата Ивана Сокуева, которой Сокуев в том Акланском остроге определен был закащиком и жил июля до 8 числа и пошел с командою из Акланского острогу по реке Аклану вниз и в разстоянии от их острогу версты с четыре промышлять рыбу, а в остроге де рыбных промыслов не бывает, токмо промышляют в самую осень. И взяли с собою и взятого от изменников с Ягачи вышеупоминаемого аманата, да другова аманата Акланского острогу, для того де что их в остроге пропитать было тогда нечим, а для обережи острогу оставил ево, Потапова, да служилых Козь-

Штурм острога, худ. И.А. Пискунов

му Короткова, Бориса, а чьих прозванием сказать не упомнит, Никифора Солд[ат]ова, Алексея Тарабыкина, и вышеозначенной де взятой от изменников ягачинских аманат от помянутого Сокуева убежал, то де оной Сокуев, оставя у промыслу четырех человек: **Прокопья Шемаева**, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилева, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошел в лодках искать оного аманата вниз по реке Аклану к морю и, отошед де например верст с сорок, постречал на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да еще три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарыщи, росказал.

То де они и за неимением у них никакого пропитания, и что им в том остроге шести человекам спастись никак невозможно, пороховую казну в двух малых флягах, например весом в обоих один пуд, закопали в остроге в одном углу от жилья далее, да одну пушку малую и оружье закопали в онбаре под мост, а денежной де казны в том Акланском остроге не было, а присланные жалованные дачи деньги все употреблены были еще в бытности сержанта Енисейского в дачю служилым, взяв [с] собою образ Николая чюдотворца на цке шестеришной да псалтырь следованную старую и, выступя из острогу, пошли тундрою в Анадырск и, отшед от Акланска ден десять, вышли на реку Черную и за обдержащим их гладом далее итти уже мочи не возымели и зимовали на той реке Черной, а пропитание имели промышлением связанною из пестрединной рубахи сетью рыбою кетою, да зимою промышляли крупашек. И из них вышеозначенной Короткой да Борис, а чьих прозванием не знает, с той реки Черной по выпаду первого снегу пошли в Анадырской острог, а он де, Потапов, да Крымской, Колесов и Солдатов на той реке Черной, как выше показано, и зимовал и в марте месяце 747 году с той реки Черной пошли они, Потапов с товарищи, в Анадырской острог и того ж де марта месяца вышли в Анадырск. То де из ушедших от них прежде Короткой вышел в Анадырск, а товарищ его Борис, не дошед до Анадырска, помер голодом, а ушедших де с побоища Сокуева в 746 году прибыли до них в Анадырск охоцкой команды Сте-

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803.
Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

пан Беляев да партовщиков Гилев, Соболев, Зеленовской, ... 4, Зуев, а Прокопей Шамаев да Иван Черной утерялись без вести». Но род Шамаевых (Шемаевых) не прервался. В 1830 году в Якутском казачьем полку служили: Шамаев Алексей 1-й — казак, первая сотня; Шамаев Алексей 2-й — казак, вторая сотня; Шамаев Андрей — казак, первая сотня; Шамаев Борис — урядник сверх комплекта, вторая сотня; Шамаев Иван — казак, первая сотня; Шамаев Петр — казак, первая сотня; Шамаев Феодор — пятидесятник, первая сотня

В 1855 и в 1877 гг. Н. Шамаев был атаманом якутских казаков.

Родоначальником камчатского и поныне существующего рода казаков Шамаевых и Шемаевых был один и тот же человек:

Шамаев Иван Амосович (1785), казак Нижнекамчатской казачьей команды, 1812 г.; в 1820 г. урядник Нижнекамчаской казачьей команды; в 1836 г. частный командир Нижнекамчатской казачьей команды; 1831 г., Тигильская крепость, отставной чиновник 14 класса; в 1846 г. отставной чиновник 14 класса, живет в с. Халактырка.

Он был дважды женат.

А вот его дети:

Шемаев Павел Иванович (1821 – до 1870), с. Тигиль, 1850 г., казак; Шамаев Николай Иванович (1821), уроженец Камчатки, из солдатских детей, матрос 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г.; Шамаев Ферапонт Иванович (1825), матрос 2 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г.; Шемаева Анна Ивановна (1834); Шемаев Валериан Иванович (1835), уроженец Камчатки, из солдатских детей, матрос 47-го флотского экипажа, в 1855 году на транспорте «Двина» участвовал в сражении в заливе Де-Кастри; Шемаев Иосиф Иванович (1837), петропавловский казак, ж. (с 1864) Дурынина (в дев. Слободчикова) Стефанида Петровна (1825), вдова камчадала с. Корякское Филиппа Спиридоновича Дурынина, погибшего при обороне Петропавловского порта в 1854 г.; Шемаев Петр Иванович (1841); Шемаева Параскева Ивановна (1842).

Внуки Ивана Амосовича приняли участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Иван Павлович (1848); Лука Павлович (1850), которые в некоторых документах записаны как Ивовичи.

А также правнуки: Павел Андреевич (1871); Павел Иванович (1885).

А в годы Великой Отечественной войны пропал без вести на одном из фронтов уроженец села Хайрюзово Николай Семенович Шемаев (1922 г.р.), призванный Тигильским РВК в 1943 году.

МУТОВИНЫ

Первоначально, и мы находим множество этому подтверждений, эта фамилия звучала несколько по-иному — Мутовкин.

Вполне вероятно, что кто-то из предков — носителей этой фамилии — был поваром-кашеваром в дальних походах, ведь мутовка, как и шумовка, — это кухонные, поварские, принадлежности.

Самое раннее упоминание этой фамилии относится к 1605 году — в составе гарнизона Тюменской крепости был пашенный крестьянин Григорий Андреев сын Мутовкин, а в 1610 году Андрей Мутовкин (отец или сын Григория, неизвестно) получил воеводскую грамоту на провоз в Соликамск сибирских товаров — в основном это была пушнина. То есть пушнина — как промысел и как торговля — выступали как первостепенный элемент интересов и деятельности не только промышленных, служилых и торговых людей, но и сибирских крестьян.

Один из Мутовкиных поведал нам и историю появления в Сибири братьев Хабаровых — сначала на Мангазее, а потом на Енисее:

«Промышленой человек Власко Яковлев Мутовкин, Соли Вычегодцкой посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью: Били де челом у Соли Вычегодцкие воеводе Ивану Семеновичю Лодыженскому на него, Микифорка, в долгу в ево, Ярафейкове. И тот де Микифорко положил в суде перед Ивана Семеновича Лодыженсково деловую. И должником де в его, Ярафейкове, долгу отказал: правити на нем, на Микифорке, за него, Ярафейка, долгу не велел. А живет де он, Ярофейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А Микифорко де живет в Усольском уезде Соли Вычегодцкие в деревне на Ленивице. А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, пошли с Енисейсково волоку в прошлом во 136 [1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом в 137 [1628–1629] году вместе ли, или он, Микифор, один промышлял, тово не ведаю».

В 1655 году Филка Мутовкин был в числе стрельцов Мангазеи «на холостом окладе».

А в конце 18-го столетия в составе Туруханской казачьей команды (а Туруханск, если кто не помнит, прежде назывался Новой Мангазеей и был построен на реке Турухан в двух километрах от ее впадения в Енисей) насчитывался добрый десяток казаков Мутовкиных, начиная с капрала:

«Алексей Федоров сын Мутовкин — 33 г, из казачьих детей, с 1 генваря (1)779 — казак, с 26 генваря 799 — капралом, грамоте умеет, в походах не бывал, под следствием

не бывал, женат, находится за сбором ясака».

И продолжая казаками:

«Корнила Мартынов сын Мутовкин — 52 г, из казачьих детей, с 25 октября 754 г. — казаком, грамоте умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Василий Алексеев сын Мутовкин — 44 г, из казачьих детей, с 12 февраля 762 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Дмитрий Федоров сын Мутовкин — 38 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Иван Тимофеев сын Мутовкин — 37 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Алексей Алексеев сын Мутовкин — 37 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Михайло Корнилов сын Мутовкин — 17 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост.

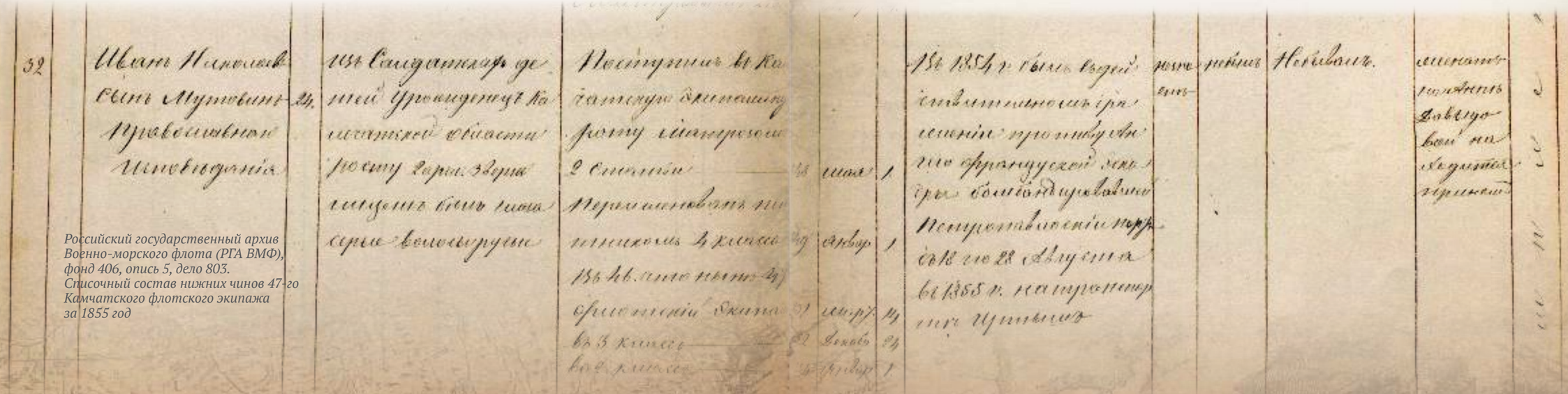
Федор Дмитриев сын Мутовкин — 18 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост.

Харлам Алексеев сын Мутовкин — 16 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится при команде».

В 1700 году, перед формированием команды Владимира Атласова для постоянной службы на Камчатке из казачьих детей Тобольска, мы находим в переписи Тобольского уезда в Ялуторовской слободе семью Мутовкиных: «Двор а в нем драгун Дмитрей Прокопьев Мутовкин сказал себе от роду 57 лет у него жена Анна 56 лет у них три сына Матвей 15 лет Федор 12 лет Иван 8 лет».

В этом перечне только те дети, которые оставались при отце — а те же, кто был зачислен на службу, уже жили самостоятельной жизнью, проходили уже по другим спискам и служили там, куда их посылали. Могло ли в одной семье быть два Ивана. Могло быть даже три — Больший, Средний и Меньший.

Почему столь большая вероятность, что Иван Мутовкин, ставший Мутовиным, прибыл на Камчатку из Тобольска.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Во-первых, аналогов фамилии Мутовин мы в Сибири 17-го столетия не отыскали.

Во-вторых, именно тобольские казачьи дети, зачисленные в отряд Атласова, были наиболее подготовленными к казачьей службе, были связаны казачьими традициями и были способны командовать казачьими отрядами. Правда, не всегда удачно.

1714 год: «Ясачный сборщик служилый Иван Мутовин ходил на первый Курильский остров для “призыву” бежавшего туда с Лопатки “изменника” Ликушки с “родниками”. Ликушка платить ясак отказался, заперся в острожке и оказал сопротивление. Служилые были отбиты и бежали назад на р. Большую, еле уйдя от погони».

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Наградной Лист

1. Фамилия, имя, отчество Мутовин Егорье Павлович

2. Звание старший сержант 3. должность, часть начальник связи 5 стр

представляется к награде ордена «Отечественная война»

4. Год рождения 1920 5. национальность

6. партийность, стаж беспартийный

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых

занятиях СССР в отечественной войне (где, когда)

8. Имеет ли ранения, контузии в Отечественной войне

1942, на 3-Р, в октябре на 3-Р 9. Служил в Красной Армии

10. Каким ВКП призван Усть-Камчатский РВК, Камчатской обл, Ноябрьского

11. Чем ранее награжден не награжден.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награжде-

нию и адрес его семьи

Краткое, конкретное изложение личного бое-

вого подвига или заслуг:

Старший сержант Мутовин Е. П. с начала [illegible] в боях по защите Отечества, [illegible]

[illegible] отличился [illegible] по уничтожению живой силы на НП командира дивизии Мельгуй

[illegible] отстаивая Беларусь района НП, сбрав с [illegible] [illegible]

[illegible] Беларусь. Во время [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоенов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина…»

Казачьи дети, рожденные от камчадалок, не только свободно владели местными диалектами, но и исполняли при своих отцах роль разведчиков-осведомителей, донося о возможных бунтах и заговорах своих родников-камчадалов.

Так было и на этот раз: тарьинские камчадалы (проживавшие на противоположной от гавани святых апостолов Петра и Павла стороне Авачинской бухты) намеревались уничтожить отряд Витуса Беринга, о чем своевременно узнал толмач Мутовин и довел эту информацию по команде до старшего офицера.

Виктор Александрович Мутовин

И вот какие предложения по урегулированию новых возможных конфликтов с аборигенами вносят руководители Второй Камчатской экспедиции:

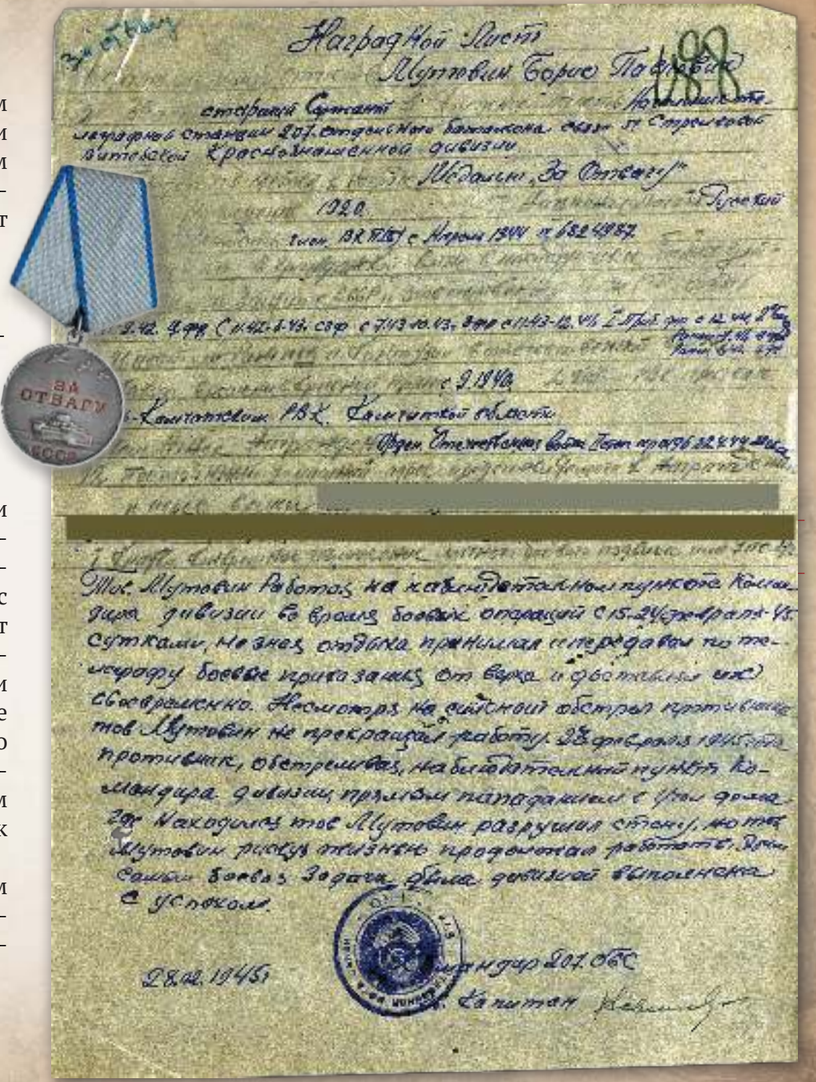
«А для недопущения до таких же их замерзелых впредь поступок и пресечения, в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог по общему разсмотрению вашему, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли…»

«…казаков и протчих служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли, но понеже хотя и не безызвестно, что от тамошних казаков и от протчих служилых людей камчадалом бывают обиды, точию чтоб они, казаки, и протчие служилые люди, согласны были с камчадалами к бунту и к разорению тамошних камчацких острогов, того в нашу там бытность никогда не видно было, но все тамошния остроги и ясашныя камчадалы под державою ея императорского величества содержатца ими».

Чириков, правда, возражал:

«…по нашему мнению, от перемешки и переводу казаков служилых и протчих русских людей тамошних жителей из острога в острог удержания камчадалом от злого намерения, тако ж и им, казакам и протчим руским людем, от непотребных их поступок, удержания ж не может воспоследствовать, но токмо им, казакам, служилым и протчим руским людем, от того переводу крайнее будет разорение, для того что многие живут в острогах, кто где поселился издавна, домами, и всякой на своем месте по тамошнему обыкновению рыбными и протчими к пропитанию своему домовными заводами уже обзаводились; и ежли их переводить с места на место — а острог от острога, как уже известно, расстоянием отстоят далеко, и пути трудный, — то им, кроме того что домы свои оставят, но и в переездах их со всеми домашними своими и с протчим немалое отягощение и убыток будет».

Но решение, с которым Алексей Чириков не был согласен, было все-таки принято.

Все авачинские камчадалы были переселены в село Авача, расположенное в устье одноименной реки.

А камчатские казаки в значительной своей части к 1748 году были выведены из казачьего сословия и переведены в разночинцы, а потом часть из них была вновь принята на службу, но с переводом в другие гарнизоны. Верхнекамчатский острог вообще потерял статус казачьего острога и стал обыкновенным селом, а бывшие верхнекамчатские казаки переведены в пашенные крестьяне. Позже, через полвека, нечто подобное произойдет и с Нижнекамчатским, а затем и с Большерецким острогами. Часть нижнекамчатских казаков будет переведена в Усть-Приморск (Усть-Камчатск), а оставшиеся в Нижнекамчатске потомки казаков станут либо государственными крестьянами, либо мещанами. А большерецкие казаки (в первую очередь матросы из казачьих детей, обслуживающие морские транспортные суда) перейдут на службу в Петропавловский порт.

Вполне вероятно, что кроме Алексея, у Ивана Мутовина (судя по их возрасту) были еще сыновья — Гаврила, Фотий а также, возможно, Анисим (в других документах Лаврентий), о существовании которых мы узнаем из архивных документов. Хотя, возможно, что это были уже его внуки.

В XIX веке Мутовины служили в казаках Камчатской казачьей команды и в матросах сначала Петропавловской экипажной роты, а потом в составе 46-го (впоследствии 47-го) Камчатского флотского экипажа, который в 1855 году был переведен в Николаевск-на-Амуре.

Вот тогда и произошло первое разделение этого большого камчатского рода: часть Мутовиных осталась на Камчатке, а другая часть — в Приамурье.

Герой России, летчик-испытатель — Олег Евгеньевич Мутовин

А второе случилось в следующем столетии: «Мой отец, Мутовин Иван Петрович, родился в с. Усть-Камчатск в многодетной бедной семье. И его усыновили Гарднер Иннокентий Константинович и Агния Васильевна. Оттуда он и стал Гарднер Иваном Иннокентьевичем», — сообщение Валерия Гарднер.

Сегодня довольно сложно разобраться в иерархии рода Мутовиных, но мы все-таки попытаемся кое-что выяснить.

У Петра Владимировича Мутовина в двух браках было одиннадцать детей. Иван Петрович был самым младшим. А одним из самых старших, матерью которого была Мария Антиповна Савинская, — Георгий Петрович Мутовин (17.08.1913), который был женат на Лонгиновой Доминике (Домне) Николаевне (во втором браке — Брек). За ним следовала Агриппина Петровна (23.06.1916), вышедшая замуж за Павла Захаровича Греченина. Судьба остальных детей, к сожалению, нам пока неизвестна.

Валерий Гарднер сообщил и подробности: «Мой отец, Гарднер Иван Иннокентьевич, родился в с. Усть-Камчатск в 1924 г. На Камчатке кончил педучилище и в конце 1940-х гг. поступил в Хабаровский пединститут по специальности “русский и литература”. В институте познакомился с моей матерью, так как мать не захотела ехать на Камчатку, остался в Хабаровском крае, потом вызвал с Камчатки свою мать Агнию Васильевну. Про своего отца он рассказывал, что в 30-х гг. его забрали и больше ничего о нем неизвестно. Я на пенсии, но еще работаю в охране, трое детей, один внук. Сын и младшая дочь еще студенты».

Его сестра Людмила Гарднер в настоящее время является редактором отдела очерка и публицистики журнала «Дальний Восток».

А внук Георгия Петровича — Олег Евгеньевич Мутовин — покоряет небесные просторы России, будучи летчиком-испытателем, Героем России.

НОВОГРАБЛЕННЫЕ – НОВОГРАБЕНОВЫ

У фамилий, в основе образования которых лежит прозвище, всегда есть какая-то занятная история. Так, например, томский казак Василий Мухосран был из беглых вологодских крестьян, «прозванным столь “непригоже” за свой вздорный характер», что даже «воровские» томские казаки, участники бунта 1648 года стеснялись писать его фамильное прозвище в челобитной на имя царя и придумывали различные варианты — то Мухуплев (Мухоплев), то Сухоплев, Мухостран, Мухоклеван и, наконец, остановились на Ваське Сапожнике.

За участие в этом бунте Мухосран под именем Мухоплев был сослан в Якутск.

А другие его потомки — под оригинальной фамилией Мусохрановых — служили в гарнизоне Кузнецкого острога.

Мы неслучайно вспомнили эту томскую историю — товарищем по бунту и последующему наказанию Мухоплева за участие в этом бунте был Иван Владимирцев.

Томские историки восстановили его биографию: «Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казаков в составе отряда В. Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла “воровская” съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допущен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и со-

Педагог, естествоиспытатель, гласный Петропавловской думы П.Т. Новограбленов. 1920-е годы

слан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан».

Володимерец — это было географическое имя Ивана Давыдовича как уроженца города Владимира.

Прозвище же у него было — Новограбленой (об этом сообщает Н.Н. Оглоблин в своем очерке «Томский бунт 1637–1638 годов. (Очерк из жизни XVII века)»: «28 января 1638 года, Андрей Губа и Иван Володимерец (его же прозвище – Новограбленой) “в Сибирском приказе объявились” и подали

В центре П.Т. Новограбленов

начальным людям приказа 6 челобитных от имени томских служилых людей (700 человек) жилецких и ясачных людей».

А вот и причина, почему у Володимерца появилось такое прозвище.

Якутский воевода Петр Головин в Енисейске поймал Ивана Володимерца на незаконной торговле запретным «богомерзким зельем» — табаком. Это и был новый вид грабежа — приучать к зелью курильщиков и использовать их слабость для своего обогащения. «Все началось с того, что табак был случайно обнаружен у ссыльного человека Тимошки Метелки, который привез его из Маковского острожка. Метелка во всем повинился и без утайки сообщил, что купил этот табак у енисейского казака Ивашки Володимерца, — полфунта на шесть рублей с полтиною. Володимерец, вернувшийся к тому времени в Енисейск, на допросе у Головина тоже отрицать ничего не стал, сказал, что табак он отнял в Тобольске, где незадолго до этого находился, говоря современным языком, в служебной командировке, у казака Богдашки Выходцева.

Воевода не стал связываться с разбирательством в Тобольске, решив дело на месте по своему усмотрению, — “как Бог вразумил”: полученные Володимерцем за табак деньги были изъяты в казну, а сам он и покупатель Метелка приговорены к физическому наказанию. Воевода “велел их бить кнутом по торгам до тюрьмы нещадно”, т. е. протащить по самым людным местам Енисейска с публичным бичеванием. Табак велел сжечь».

Но на этом дело не закончилось: «Приведенный к воеводам Кулик сознался в предъявленных ему обвинениях и, в свою очередь, указал источник поступления табака: дал ему тот табак, — “пяди з две сырцу” (примерно 150–160 граммов), уже упоминавшийся Володимерец. Причем одну пядь Кулик купил у Володимерцева до наказания его кнутом, а другую — после.

В отличие от Володимерца, енисейский палач продавал табак уже не мелким оптом, а в розницу. Табак он тер и реализовывал разовыми порциями, — “бумашками”, “по гривне за бумашку”. Покупателей было двое — Котлов и Сулеш. Причем Сулеш сознался, что одну “бумашку” он взял у Кулика даром и “для бедности” своей продал ее Котлову.

Головин пришел к заключению, что главным виновником всего происшедшего был Володимерец, как доставивший табак в Енисейск. Поскольку он продолжил торговать табаком и после наказания кнутом, его вновь доставили к воеводе и теперь уже подвергли пытке, в ходе которой он сознался, что после наказания кнутом у него

оставалось еще с полторы пяди табаку (примерно 120 граммов), который он и отдал палачу».

Но и это еще не все. По итогам следствия в Енисейске были найдены и другие курильщики и распространители табака: «По решению Головина изъятый у Булдакова табак был сожжен на торговой площади Енисейска. Все виновные оштрафованы на два рубля четыре алтына и полторы деньги, при этом Володимерец и Кулик оштрафованы в двойном размере. Кроме того, с них взяли поручные записи, что им “впредь не воровать, — табаку самим не пить и никому не продавать”».

Таким образом, в результате проведенного якутским воеводой расследования было выявлено двенадцать человек, занимавшихся потреблением и распространением табака, и путь его проникновения в Енисейский острог. В процессе расследования практически все обвиняемые притерпели физическое воздействие — побывали на дыбе, причем трое — Кулик, Сулеш и Чухчерем не менее трех раз. О пытке Котлова и Волка архивные источники напрямую не упоминают, но, принимая во внимание методы допроса в XVII веке, сомнительно, что они смогли ее избежать. Без пытки были допрошены первые упоминаемые в расследовании табатчики — Метелка и Володимерец, но их наказали кнутом. Казна же пополнилась на 32 рубля 12 копеек — штраф и конфискованная «выручка».

Почему я столь подробно останавливаюсь на таком ничтожном в современном понимании эпизоде.

Да только потому, что смуту в Томском городе в 1648 году разожгли в этот раз люди, которые и занимались различного рода злоупотреблениями «корысти ради» — грабя местное население действительно новыми методами — через винокурение, зернь, кости, карты, бордели…

Степан Володимерцев, участник Томского бунта, был пасынком Ивана Давыдовича.

Был еще один томский вариант: «Новограбленой Сенка Трофимов, пеший казак десятка В.А. Капустина. В 1625 г. продал пушнины на 7 руб. 4 гривны».

Но Матюшка Иванов сын Новограбленой, имя которого мы находим в «Переписной книге служилых людей Енисейского уезда» за 1669 (7177) год вполне может быть сыном (судя по отчеству) именно Ивана Давыдовича.

Енисейские казаки регулярно пополняли составы пред- и забайкальских гарнизонов Нерчинска, Иркутска, Селенгинска.

И действительно в «Имянной окладной книге служилых людей Нерчинска и остро-

гов» за 1699–1700 гг. мы находим имя Ивана Новограбленого. Это был рядовой казак с годовым окладом «7 рублев с четью».

А в 1730-х годах на Камчатке появляется иркутский служилый человек Матвей Новограбленный с братом Василием, которым было поручено собирать ясак в Большерецке (Матвей) и в Верхнекамчатске (Василий).

Зная о казачьей традиции передавать старшему сыну имя деда или отца, можно предположить, что енисейский казак Матюшка Иванов Новограбленный, который мог служить в Нерчинске, Селенгинске или Иркутске, приходился родней иркутскому казаку Матвею Новограбленному, о котором сообщает Прокопий Громов в своей книге «Историко-статистическое описание Камчатских церквей» (1861): «К сему же времени (1731–1741 гг. — *С.В.*) относится озарение христианством островов Курильских. Некто из Иркутска сын боярский Матвей Новограбленный, собирая, по следам Козыревского, ясак с Курильцов, в 1740 году, через дозволенное мирянину крещение собрал в церковь Христову 122 души сих простодушных островитян, и выдал им свидетельство на десятилетнюю льготу от платежа ясака».

«Следы» деятельности и его брата — подъячего (писаря) Василия Новограбленного остались в истории: «1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и

Калиста Васильевна Новограбленова

собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики

Выпуск педучилища

в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках».

В 1735 году в Верхнекамчатском остроге по итогам деятельности походной розыскной канцелярии о злоупотреблениях камчатских казаков Василий Новограбленный был бит кнутом.

Матвей Новограбленный был, оказывается, еще и «покруче» своего брата: «Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копье, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьем и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, ростая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды…»

Но и ему в 1735 году в Большерецком остроге были «выписаны», как и брату, кнуты…

Матвей Новограбленный вошел в отечественную историю прежде всего как человек, который первым среди русских сообщил о возможности установления торговых отношений с Японией: «…в 1744 году сборщик ясака Матвей Новограбленный привез с острова Маканруши известие. Получил он его от курильца (айна) Камуарюии, возвратившегося с острова Симушира и сообщившего о том, “что живущий на острове Кунашире, на мысе, обращенном к о. Матмаю (Матцмай, Матсмай — остров Хоккайдо), знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не дозволяли бы ближним курильцам торговать ими по мелочам”».

А еще раньше он сделал любопытный подарок студенту С.П. Крашенинникову, который «…первым попытался собирать подлинники документов из загадочной “страны Нипон”, изредка попадавших на Камчатку при крушениях японских судов или же через Курильские острова от тамошних туземцев. В августе 1738 г. он сообщал: “В остроге Большерецком подарил мне обретающийся здесь иркутский сын боярской Матвей Новограбленной книжку на четверте листа незнаемым языком писанную, которая состоит из листов 73. Оная книжка местами по краям объедена, а взята она на японской же бусе”».

Вполне вероятно, что камчатская родословная линия казаков Новограбленных идет именно от сына боярского Матвея Новограбленного — по крайней мере, эта родословная ветвь начинается с Мирона Новограбленного и его сыновей, которые служили

унтер-офицерами (то есть в прежнем казачьем чиноизмерении — детьми боярскими) — Иван Миронович (1768 г. р.) и Роман Миронович (1770). Это, судя по возрасту, было уже третье поколение рода Новограбленных, внуки братьев Василия и Матвея.

А в дальнейшем нам известна только линия Ивана Мироновича, у которого было шестеро детей: Елена (1805), Давид (1807), Сергей (1813), Харитон (он же Харлампий, 1817), Аверкий (1819), Иван (1823).

Самым известным из них был Харитон Новограбленный: «…Х.И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году — командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и “находился при береге в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства”. Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке — своей родине» (А.И. Алексеев, «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г., стр. 253–254).

Есть и другие сведения: Новограбленный Харитон Иванович «в 1839 г. марсовый матрос, в 1843 г. квартирмейстер, в 1845 г. приказом начальника Камчатки “за пьянство, буйство и разные безпорядки в роте”, разжалован из квартирмейстеров в матрозы во 2-ю статью». Но потом вновь прошел все ступени и в 1854 году был уже боцманом — то есть моряком он был отменным.

Александр Иванович, вероятно, ошибался в главном — у нас нет никаких фактов, подтверждающих возвращение Харитона Ивановича на Камчатку, да и должность его — командира бота — была весьма востребована в Николаевске-на-Амуре в период после Петропавловской обороны и освоения морского прибрежья Приамурья и Приморья.

По всей видимости, в Николаевск в период эвакуации Петропавловского порта в 1855 году вместе с отцом отбыла с Камчатки и семья Аверкия Ивановича Новограбленного и других его братьев.

На Камчатке осталась только семья унтер-офицера Иннокентия Давыдовича Новограбленного, который был тяжело ранен в период обороны Петропавловского порта и оставлен на Камчатке. У нас нет точных данных о смерти Иннокентия Давыдовича,

Павел Николаевич Новограбленнов, ККОМ

но в метрических книгах Петропавловского собора, начиная с 1860 года, следует запись о рождении дочери Александры (в замужестве Корневой), о том, что она «дочь унтер-офицерской вдовы Анисии Иосифовны Новограбленной».

То есть и последующие дети, в том числе и Трифон Иннокентьевич, — дети вдовы Анисии Иосифовны (Анны Осиповны) Новограбленной и не известных нам отцов.

И вполне вероятно, что именно по этой причине, чтобы отделить себя от казаков Новограбленных, Трифон Иннокентьевич и посчитал для себя возможным исправить родовую казачью фамилию Новограбленный на более благозвучную мещанскую Новограбленов, с которой уже эта семья и вошла в камчатскую историю.

И настоящей гордостью всей камчатской семьи народов стал первый в истории полуострова ученый — представитель коренной и старожильческой Камчатки — Прокопий Трифонович Новограбленов.

Он прожил очень короткую жизнь — родился в 1892, расстрелян в 1934…

Что интересно: в огромной (даже по тому времени) семье — 15 детей, Трифон Иннокентьевич сумел всем своим детям

Павел Николаевич Новограбленнов, ККОМ

дать образование — окончить двух- (позже четырех-) классное начальное училище, выпускники которого впоследствии, после окончания педагогических курсов, сами могли работать учителями.

Но Прокопию Трифоновичу удалось закончить и Учительский институт в Томске, получив высшее образование.

На Камчатку он вернулся в 1918 году и за последующие пятнадцать лет сумел сделать столько полезных для Камчатки дел и научных открытий, которые позволили потомкам поставить его имя в один ряд с такими именами, как Крашенинников, Стеллер, Дитмар, Комаров, Арсеньев…

Ведет он и большую общественно-политическую работу — избран в Петропавловскую городскую думу.

8 октября 1926 года он создает Общество изучения Камчатки, которое принимает устав Русского Географического общества.

Уважаемым человеком был и его брат — Иван Трифонович Новограбленов — в 1917 году участник Всероссийского Поместного Собора по особому постановлению Собора как мирянин от Камчатского викариатства.

Именно это — общественная значимость братьев Новограбленовых — определило их дальнейшую судьбу — органы ГПУ избрали именно их в роли главарей повстанческой диверсионной прояпонской организации «Автономная Камчатка», замышляющих вооруженный захват власти на полуострове и переход Камчатки под протекторат Японии.

И вот этот трагический семейный список жертв политических репрессий: Новограбленов Василий Трифонович (1906), расстрелян; Новограбленов Иван Трифонович (1889), расстрелян; Новограбленов Иннокентий Трифонович (1905), расстрелян; Новограбленов Прокопий Трифонович (1892), расстрелян; Новограбленов Павел Трифонович (1907), 10 лет тюрьмы.

Но Новограбленовы продолжали оставаться патриотами. В годы Великой Отечественной войны на полях сражений погибла в фашистском концлагере Новограбленова Елена Ивановна, погиб ее брат Юрий, пропал без вести Константин Прокопьевич Новограбленов.

Участие в боях приняли Игорь Прокопьевич Новограбленов, Гертруда Александровна Горбачева (дочь Ирины Трифоновны Новограбленовой, сотрудник «Смерш») и Глуховецкий Владимир Владимирович (сын Анны Трифоновны Новограбленовой).

Сегодня следы многих представителей этой семьи Новограбленных — Новограбленовых затерялись на просторах нашей огромной страны. Возможно, кто-то и откликнется…

ТОМСКИЕ

Высшей солдатской наградой царской России был знак отличия военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия.

По итогам обороны Петропавловского порта 1854 года к этой награде было представлено трое уроженцев Камчатки. Двое Георгиевских кавалеров — пятидесятник Алексей Степанович Карандашев и боцман Иван Иванович Шестаков — получили свои награды.

Третьим был пятидесятник Александр Никифорович Томский.

В проекте приказа генерал-майора Василия Степановича Завойко, губернатора Камчатской области и командира Петропавловского порта, были такие строки о пяти наградах, которые он выделил из восемнадцати имеющихся в его распоряжении знаков святого Георгия «для отличившихся в моих глазах».

Пятым в этом списке был Александр Никифорович:

«5) Пятид. Томский — будучи легко ранен, при граде пуль не отшел от пушки, и когда фитиль потух, то он, как (зачеркнуто — слышно) говорят, угольем выпалил в придувку. — Требуется подтверждение, кто именно видел это».

Высшая солдатская награда царской России — знак отличия военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия

Свидетелей, по всей видимости не нашлось, — и пятидесятник Александр Никифорович Томский не стал третьим камчатским Георгиевским кавалером, хотя, судя по этой информации, казачий пятидесятник Томский командовал одной из пушек. Казаки, как известно, охраняли тыловые позиции порта со стороны Култучного озера и остановили продвижение англо-французского десанта, попытавшегося прорваться в город, обойдя Никольскую сопку.

Что мы знаем о Томском и Томских?

Пятидесятник Томский в 1853 году был переведен на Камчатку из Гижигинской казачьей сотни. Но сам он был уроженцем Камчатки (родился в 1826 году), из унтер-офицерских детей (его отец — Никифор Дмитриевич Томский — был урядником Петропавловской казачьей команды). 10 января 1843 года Александр был верстан в казаки, 1 марта 1848 года произведен в урядники, а 5 октября 1854 года — в пятидесятники (приказ же В.С. Завойко был от 5 марта 1855, и поэтому весьма странно, что до этого времени не были выяснены обстоятельства боя и опрошены свидетели, а позже в списках награжденных знаком военного отличия появляются имена, о которых вообще не упоминается в приказе Завойко — в частности люди, которые на период награждения служат уже в 27-м Амурском флотском экипаже, созданном на основе 47-го (на период обороны Петропавловского порта 46-го) Камчатского флотского экипажа).

То есть была проведена какая-то рокировка среди награжденных, о подвигах которых на настоящий момент мы ничего не знаем.

Но вернемся к Томским.

Фамилия эта очень даже любопытная. На первый взгляд — ничего удивительного как раз и нет: Томский – значит уроженец Томска, второго по значимости города-крепости Сибири XVI–XVIII веков.

Но если мы откроем биобиблиографический словарь «Служилые люди Сибири», то казаков с такой фамилией найдем даже в «златокипящей» Мангазее.

Самым известным из представителей Томских был на Камчатке Данила Анцыферов Томский, уроженец города Томска, возглавивший на Камчатке бунт против приказчиков Мирона Липина, Петра Чирикова и Владимира Атласова, впоследствии один из первооткрывателей северных Курильских островов.

В 1712 году он был сожжен живьем вместе со всем своим отрядом, авачинскими камчадалами.

Вместе с ним сгорели Сергей и Дмитрий Иванов сын Томские.

Иван Томский в этот период также служил на Камчатке. Он был из числа казаков, которых набирал для своего второго похода на Камчатку, возвращаясь из Москвы, казачий голова Владимир Владимирович Атласов.

Иван был участником грабежа купеческих дощаников на реке Ангаре, организованного Атласовым, который впоследствии послал Ивана в Якутск с отпискою к жене. «С этою отпискою Вл. Атласов прислал в Якутск своих казаков — Павла Журавлева и Ивана Томскаго, которых воеводы “роспрашивали” и “пытали” про грабеж Белозерова, и “с пытки” они сказали, что “грабили” Белозерова “по повеленью Володимера Отласова: поневолил-де их всех казачьих детей грабить он Володимер, по наученью Афонь-

ки Поповцова (и) Сергушки Михайлова, и буде бы-де они не послушали — и Володимер-де хотел их рубить сабляю. А зделу-де им доставалось — сту человекам — по 8 подставов камок (и) по 7 тюней китаек на человека, а Володимер — де взял себе грабленого живота против всех их ста человек другую половину”».

Возможно, это тот самый Иван Корнилов сын Томский, который в 1706 году числился в одиннадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Мы знаем, что после розыска по делу о грабеже на реке Ангаре часть атласовских казаков (не участвовавших в разбое) была отправлена на Камчатку в составе отряда камчатского приказчика Михаила Зиновьевича Многогрешного.

Что же касается Ивана Томского, то мы нашли некоторые подробности о его прибытии на полуостров: «Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собаках 4 месяца, и отдал те указные памяти Василью Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Васильем Колесовым с товарищи».

В архивных материалах по Якутску за 1720 год есть интересная запись: «...в том же дворе живут служивой Иван Томской и он послан Великого государя на службу в Оходцкой острог а по скаске жены ево ему Ивану тритцеть лет...»

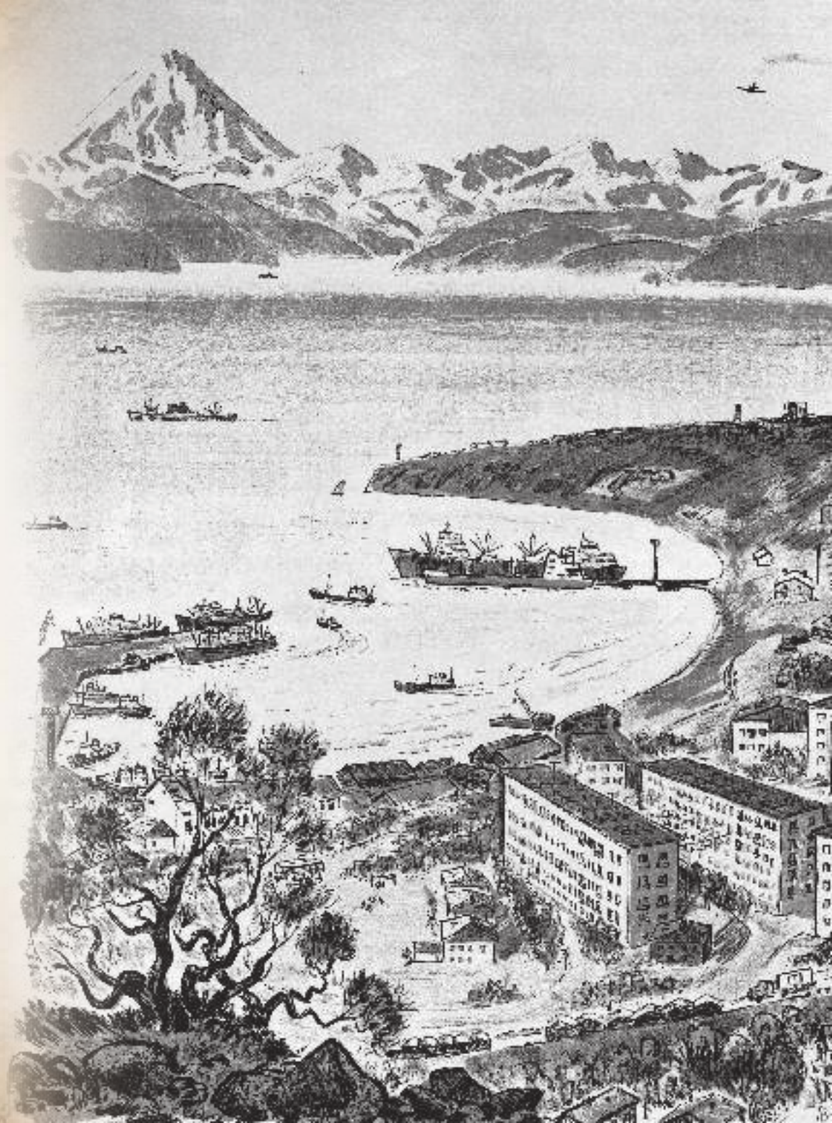
В 1730 году мы находим имя Ивана Томского в списках экипажа бота «Восточный Гавриил», который потерпел крушение у берегов Западной Камчатки.

Но на этом список камчатских первопоселенцев Томских не заканчивается.

В период бунта и убийства камчатских казаков в Верхнекамчатске служил Алексей Томский, который не примкнул к бунтовщикам и, вполне вероятно, оказался в списке тех семидесяти казаков, которые за такой же поступок в награду были произведены из пеших казаков в конные.

Но свои Томские были также и в Якутске — и могли позже оставить свой родовой след на полуострове.

Мы знаем якутского казачьего десятника Григория Томского, который в разное время был приказчиком разных зимовий и острогов Якутского воеводства: Омолонского зимовья (1688), Анадырского острога в 1691 году, Верхоянского зимовья (декабрь 1692). Вот более подробная архивная запись о нем: «Гришка Федоров Томской в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой казачей оклад». И по именным спискам казаков Якутского казачьего полка за 1706 год мы находим, что в одиннадцатой пятидесятне служил Степан Григорьев сын Томский, а в четырнадцатой — Василий Григорьев сын (убит на Камчатке в 1707 году).

А.Ф. Винокуров,
колхоз им. В.И. Ленина, 1974 г. ККМГИ

Вполне возможно, что Дмитрий Егорович Томский (1761 года рождения), с которого начинается официальная поколенная роспись камчатского рода Томских, является представителем именно якутских Томских. Об этом говорит, по всей видимости, унаследованный чин урядника, в котором проходил службу его сын Никифор Дмитриевич (1791), а затем и внук — Александр Никифорович, который, как нам думается, произведен в пятидесятники в награду вместо заслуженного им Георгиевского креста, а дважды за один подвиг не награждают.

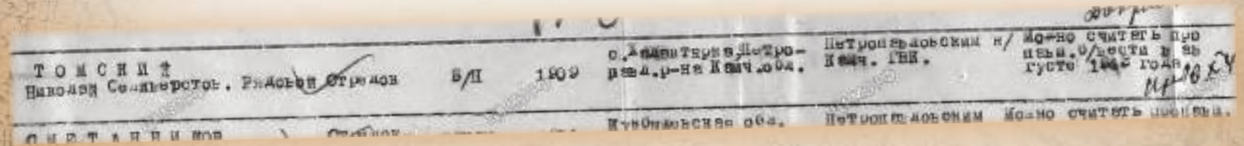
Урядником, кстати, был и старший брат Александра — Егор Никифорович (1809), тоже участник обороны Петропавловского порта, а младший – Иван Никифорович (1827) — был, как и Александр, пятидесятником и в 1856 году служил на Сахалине.

А в казачьих чинах в то время производились либо по наследственному принципу (верстали — по старшинству в семье — в «убылое отцово место»), либо за военные заслуги, в награду.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке отметились двое из Томских — льготный казак Иван Иванович Томский из Сероглазки и Варнава Алексеевич Томский из Усть-Камчатска.

А в период социалистического строительства руководителем небольшой рыболовецкой артели в селе Сероглазка стал Николай Томский (отчество, к сожалению, пока неизвестно), который, конечно же, и предполагать тогда не мог, какую неожиданную мощь обретет эта артель в 1960 году, объединившись с соседними рыболовецкими артелями Авачинской бухты и превратившись в крупнейший рыболовецкий колхоз Союза Советских Социалистических Республик — имени Владимира Ильича Ленина, в настоящее время — крупнейший рыболовецкий колхоз России, сохранивший и свое имя, и свои трудовые традиции, и историческую память…

А его тезка, уроженец села Халактырка Николай Селиверстович Томский, рядовой красноармеец, пропал без вести в боях с фашистами в августе 1943 года, о чем было сообщено жене — Томской Татьяне Степановне…

Источник информации: ЦАМО. Фонд ист. информации: 58. Опись ист. информации: 977520. Дело ист. информации: 531

ТОЛСТИХИНЫ

В Интернете можно найти список сибиряков Толстихиных, которые принимали участие в Первой мировой войне.

По этим данным легко просчитывается и возможное родовое гнездо камчатских казаков Толстихиных, прежде приписанных к Гижигинской крепости, служилый состав которой (и военный, и казачий) пополнялся из Иркутска, Нерчинска, Селенгинска.

Итак:

Толстихин Василий — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ, Подсосенская волость, деревня Шадрина.

Толстихин Леонтий — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ, Кольцовская волость, село Медведице.

Толстихин Назар Тимофеевич — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Красноярский округ, деревня Погорельская.

Толстихин Павел Михайлович — Томская губерния, Мариинский уезд.

Толстихин Павел — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ.

Толстихин Петр Семенович — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губер-

Казак Толстихин. Из альбома Б. Дыбовского

ния, Ачинский округ, Подсосенская волость, деревня Топлоки.

Толстихин Роман Исаакович — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Минусинский округ, Никольской волости.

Помимо этого, известно, что в Первую мировую войну в Камчатском пехотном полку служил и один из наших камчатских Толстихиных.

Вот свидетельство:

«Камчатский листок», 22 сентября 1917 г.

«Господин редактор! Обращаемся с великой просьбой к Вам и в Вашем лице ко всем землякам-камчадалам высылать нашу родную газету "Камчатский листок", нам так страстно хочется знать, что делается в настоящее время на нашей Камчатке в дни переустройства всей нашей жизни. Письма мы получаем очень редко, которые идут до нас 3–4 месяца. Если найдете возможным удовлетворить нашу просьбу, то вышлите, начиная с начала текущего года. Будем надеяться, что земляки не откажут нам. Адрес: действующая армия, 44 пехотный Камчатский полк, штабная команда, Нестору Толстихину.

С почтением: камчатские казаки Нестор Толстихин, Феодосий Павлов, Михаил Помазкин».

Правда, и на Камчатке, и в России в целом, немногие сегодня слышали о существовании в российской армии Камчатского полка, последними свидетелями героического прошлого которого и были наши земляки, так как в январе 1918 года полк был расформирован.

Нет, этот полк первоначально не создавался на Камчатке и к Камчатке не имел (помимо своего названия) никакого отношения — только в период Первой мировой войны камчатские казаки (чисто символически) несли службу при штабе полка.

16 августа 1806 года 44-й Камчатский мушкетерский полк был сформирован из прежде существовавшего Екатеринбургского мушкетерского полка — одной гренадерской и 3-х мушкетерских рот.

Штаб-квартирой полка был определен город Луцк.

В этот же день из Селенгинского мушкетерского полка был сформирован 43-й Охотский мушкетерский полк.

Переименование носило чисто символический и патриотический характер — Российскую армию представляли все регионы страны.

В 1811 году оба мушкетерских полка переименованы в пехотные полки.

Камчатский пехотный полк принимал участие в различных военных событиях Отечественной войны 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов. Но в храме

Христа Спасителя в Галерее Воинской Славы особо отмечено следующее:

«Сражение при Ла-Ротьере
20 января (1 февраля) 1814 года

Командовавшие войсками: Главнокомандующий Генерал от Инфантерии Граф Барклай де-Толли и Генерал от Инфантерии Барон Остен-Сакен.

Участвовавшие войска: Гренадерские полки: Графа Аракчеева, Астраханский, Екатеринославский, Кексгольмский, Киевский, Малороссийский, Московский, Перновский, С.-Петербургский, Сибирский, Таврический и Фанагорийский; пехотные полки: Апшеронский, Архангелогородский, Белостокский, Виленский, Витебский, Владимирский, Днепровский, Камчатский, Козловский, Колыванский, Костромский, Крымский, Куринский, Либавский, Московский, Нашебургский, Одесский, Охотский, Псковский, Ряжский, Севский, Симбирский, Софийский, Тамбовский, Тарнопольский, Якутский и Ярославский; егерские полки: 8, 10, 11, 12, 22, 28, 32, 38, 39, 49 и 50; драгунские полки: Кинбурнский, Курляндский, Смоленский и Тверский; гусарские полки: Александрийский, Ахтырский, Белорусский и Мариу польский; Донские казаки; волонтерный казачий полк Барона Боде и 2-й Калмыцкий полк; батарейные роты: №№ 10, 13, 18, 32 и 34; легкие роты: №№ 24, 28, 29, 35 и 52; конная рота № 18.

Выбыло из строя нижних чинов около 4000.

Отличились: Генерал от Инфантерии Граф Барклай де-Толли, Генерал от Инфантерии Барон Остен-Сакен, Генерал-Лейтенант Граф Ливен, Генерал-Майоры: Панчулидзев 2-й, Ставицкий, Васильчиков 2-й, Талызин, Удом, Уманец и Никитин, Капитан Логинов, Штабс-Капитан Берг, Поручик Храпачев и Прапорщик Липранди.

Получили отличие: пехотные полки: Белостокский, Днепровский, Камчатский, 11 и 39 егерские полки».

Сражение при деревне Ла-Ротьер было вторым крупнейшим заграничным разгромом войск Наполеона после сражения под Лейпцигом в октябре 1813 года, в котором Камчатский пехотный полк также участвовал в составе корпуса барона Сакена.

В 1828–1829 годах полк принимает участие в русско-турецкой войне и награжден специальным знаком «За отличие», который размещался на головных уборах военнослужащих.

Но высшее военное испытание выпало на долю Камчатского пехотного полка в годы Крымской войны во время героической обороны Севастополя.

Об этом было много написано. Поэтому мы приведем только две цитаты.

Мраморные доски в Галерее Воинской Славы храма Христа Спасителя (г. Москва)

Из «Севастопольских воспоминаний артиллерийского офицера» Е.Р. Ершова, СПб, 1858 г.

«Как я уже сказал, тихо было в Севастополе, но это была тишь перед бурей. 24 мая (1855 г.) пришлось мне побывать на Камчатском люнете и редутах: Селенгинском и Волынском. А потому и сделаю небольшой очерк о сказанных укреплениях пред рассказом о буре, разыгравшейся у них в этом месяце.

Заложение Камчатского люнета, произведенное в то время, когда сильные неприятельские батареи занимали все главнейшие высоты, окружающие Корабельную сторону, поистине должно почитаться чудом инженерного искусства и доблести наших войск.

Сознавая всю важность этого укрепления, неприятель громил его беспрерывно.

Наружный вид Камчатского люнета — “Камчатки”, как его прозвали — был действительно грозен. Оба длинных боковых фаса, изрезанные глубокими, издалека черневшимися амбразурами, постоянно сверкали молниями, посылая в ответ неприятелю свои меткие выстрелы. Амбразуры переднего фаса угрюмо молчали. Выглядывавшие из них дула орудий, казалось, ждали момента, когда появятся перед ними из ближайшей неприятельской траншеи штурмовые колонны, чтобы встретить их картечью.

Постоянный туман порохового дыма, расстилавшийся над люнетом высоко воронками, взбрасываемая земля от бесчисленного множества лопающихся неприятельских бомб и гранат, синеватые дымки неугомонной перестрелки из ложементов, полукругом раскинувшихся впереди у подошвы холма, — все придавало этому укреплению грозный, боевой вид.

Внутренность Камчатки была пересечена высокими, циклопической постройки траверзами, с трудом, однако, ослаблявшими перекрестной огонь осадных батарей. Картина непрерывавшейся деятельности внутри этого укрепления представлялась взорам во всякое время дня и ночи: переменяли подбитые лафеты, настилали платформы, таскали лес на блиндажи и погреба, носили землю на траверзы, на вал и на банкеты, чинили амбразуры и мерлоны; словом, здесь всюду обычно кипела та же деятельность, как на бастионах во время бомбардирования.

Сообщение люнета с Корабельной стороной было устроено в тылу его.

От заднего конца правого фаса шла глубокая траншея, опускавшаяся с холма в каменные ломки, которыми достигла лощины, расстилавшейся впереди куртины между бастионами Корнилова (Малаховым курганом) и № 2-м. По этой лощине можно было

достигнуть выхода в сказанной куртине, так называемой “Рогатке”.

Вправо и влево от люнета протягивались глубокие наши траншеи. Первая шла почти до докового оврага; вторая же, по направлению к Килен-балке. В этой последней была расположена наша 4-х орудийная батарея для противодействия неприятельским траншейным батареям, направленным на люнет. Впереди укрепления в виде полукруга раскидывались наши ложементы, соединенные траншеей.

…Положение редутов Селенгинского и Волынского, окруженных подобно Камчатскому люнету постоянной огненной бурей было тем более критическое, что при слабом своем вооружении, сравнительно с громившими его неприятельскими батареями, они были предоставлены почти одной собственной обороне.

Батареи северной стороны и бастион № 2-й хотя и могли действовать по черным редутам и вообще на Сапун-гору, но по значительному расстоянию нельзя было надеяться на успешное действие их артиллерии.

Еще в апреле неприятельские работы против наших редутов значительно усилились. Сильные батареи с трех сторон обложили их, но, приводя в порядок свое вооружение, не открывали еще огня. Сознавая слабость наших редутов сравнительно с окружающими их осадными батареями, можно было также сознать близкий конец упорной, геройской обороны этих передовых укреплений.

Наступила минута, когда храбрость должна была уступить силе.

В три часа пополудни 25-го мая усиленная канонада загремела против Корабельной стороны. Самый сильный огонь неприятеля сосредоточен был против передовых наших укреплений. Сначала люнет и редуты отвечали смелой и частой пальбою, но через несколько часов выстрелы их стали реже, и, наконец, к вечеру замолкли совершенно. Без преувеличения можно сказать, что тучи чугуна врывались в амбразуры, врезывались в мерлоны, срывая и засыпая их.

Подобное бомбардирование продолжалось всю ночь.

Никакие сверхъестественные усилия не могли в течение ночи исправить все сделанные и беспрестанно возобновляемые повреждения.

Утро 26-го мая озарило лишь одни развалины передовых наших укреплений. Брустверов в обоих редутов и даже в Камчатском люнете почти не существовало. Это были просто нагроможденные в беспорядке кучи земли, досок, брусьев и всякой всячины. Платформы были разбиваемы бомбами, бросаемыми неприятелем с ожесточением. Подбитая по большей части артиллерия сброшена с места и до половины засыпана землею. Гарнизон, не имевший, как говорится, свободной минуты, чтобы вздохнуть, кое-где лепился за уцелевшими остатками вала; о банкетах нечего и говорить!

Неприятель непрерывно продолжал бомбардирование этих развалин.

С полудня, однако, оно, было, поутихло, но часа через два возобновилось с новой силой.

Перед вечером, часов в шесть с половиною, начался штурм сказанных редутов и люнета.

Понятно, что сопротивление многочисленному врагу было невозможно; храбрость должна была уступить силе.

Отражение ночного штурма защитниками Камчатского люнета. Масло, худ. И.М. Прянишников, 1871–1872 гг. Альбом «Эпизоды Севастопольской жизни 1854–1855 годов»

Три французские дивизии при двух батальонах стрелков, кроме резервов и охотников от всех полков Франции, бросились теперь на штурм.

Сам Пелисье находился в траншее ниже редута Виктории. Преследуя слабые остатки гарнизона наших передовых укреплений, неприятель захватил находившуюся в тылу редутов небольшую Забалканскую (Колокольцева) батарею и увлеченный успехом бросился через Килен-балку на Корабельную сторону.

Бастион № 1-й, возвышавшийся на крутизне над самым почти киленбалковским мостом, почему и мог действовать по неприятельским колоннам за Килен-балку, но не мог обстреливать картечью самого моста. Уже несколько зуавов перебежало мост, еще момент – и неприятель ворвался бы на 1-й бастион. Но в эту минуту из-за бастиона вылетела легкая № 5-го батарея 11-й бригады, спустилась с высоты и картечью отбросила неприятеля с моста. В то же время, с другой стороны на рейде, явился пароход Владимир и открыл губительный огонь по неприятелю. Подоспевшие наши батальоны бросились через мост, ударили в штыки на французов и заставили их отступить.

Забалканская батарея взята была нами с бою.

Генерал-лейтенант Хрулев, вследствие различных обстоятельств, вновь назначенный начальником левой половины оборонительной линии, но получивший это назначение только за час с небольшим до нападения неприятеля на люнет и редуты, находился, однако, уже на Корабельной стороне и принимал начальствование.

Ординарец генерала прапорщик Сикорский только что успел прибыть на Корнилова бастион для занятия помещения генералу, который намеревался прибыть сюда вслед за ним, как неприятель повел уже штурм.

Генерал-майор Заливкин принес большую пользу в это время своими энергическими распоряжениями. Несмотря на томившую его болезнь, с трудом позволявшую ему ходить, он при первой вести о штурме, чтоб не терять времени, поскакал на неоседланной лошади к резервам и направил их к оборонительной линии.

При первом известии о нападении неприятеля Хрулев поспешно прискакал на место действия и с подоспевшими резервами лично повел войска в штыки и отбил Камчатский люнет, но вскоре вновь нахлынули целые толпы упорного неприятеля.

Уже смеркалось. Наши, видя необходимость уступить превосходным силам неприятеля, отодвинулись от люнета, два раза переходившего из рук в руки.

Адмирал Нахимов, верхом приехавший на Камчатский люнет за несколько минут до его штурма, не успел, обойдя укрепление, проехать до половины траншеи, соединяющей люнет с Корабельною стороною, как неприятель повел штурм. Услыхавши выстрелы, залпом раздавшиеся из небольшого числа уцелевших орудий люнета, адмирал вернулся на штурмуемое укрепление и в общей свалке едва не был взят в плен. По обыкновению на нем были эполеты и орден св. Георгия 2-го класса. Матросы едва выручили своего отца-адмирала, бросившись на неприятеля с банниками и ганшпигами, которые уносили они с прочей принадлежностью от заклепанных орудий люнета.

Французы в жару минутного своего успеха дорвались, было, даже до самого Малахова кургана, но все подобные смельчаки уже не вернулись назад.

Англичане, которые должны были занять ложементы (L'ouvrage des carrirs) у каменоломни впереди 3-го бастиона, соревнуясь с французами, безумно бросившимися на Малахов курган, кинулись на 3-й бастион (Grand Redan) и потерпели такую же участь, как и французы».

Командовал Камчатским полком генерал-майор Иван Петрович Голев. Вот что писал о нем военный писатель Петр Владимирович Алабин, служивший в Камчатском егерском полку с 1845 по 1853 год и лично принимавший участие в обороне Севастополя:

«Скажу только, что он принадлежал к числу тех 4000 наших героев, которые, в ночь с 14 на 15 сентября 1829 года, под начальством Гейсмара, разбили и уничтожили двадцатишеститысячный отряд турок, под Быйлештами. Довольно будет, если я прибавлю, что в Восточную войну 1853–56 годов Голев командовал Камчатским егерским полком.

Слава, которую составил себе Камчатский полк в Севастополе, известна не только военным, но каждому, кого интересует история России.

Все ли, однако, помнят событие, доказавшее, что в свое командование полком, Голев успел вдохнуть в него тот истинно геройский дух, под наитием которого солдаты не знают невозможного, тот дух, что приводит их к великим подвигам?

Известно, что 27 августа 1855 года мы имели единственный путь отступления из Севастополя — мост через бухту.

Ключом этого отступления для войск левой половины оборонительной линии был 3-й бастион. Перейди этот бастион в руки неприятеля, и большей части армии сева-

стопольских защитников предстояло “лечь костьми”, — так как русские армии не сдаются!

Великое значение 3-го бастиона знали союзники, и потому для взятия его пошла вся армия англичан, пошла и… взяла бастион!..

Враг уже торжествовал неслыханную победу, но она была вырвана у него из рук штыками Камчатцев.

Роты Камчатского полка ударили с фланга на англичан, занявших уже бастион, опрокинули их в ров и удержали бастион до прибытия резервов. Два раза, затем, англичане

Феоктист Георгиевич и Мария Семеновна Толстихины с детьми

возобновляли штурм бастиона, но, завалив своими трупами его ров, бастиона не взяли.

3-й бастион остался за нами и севастопольцы левой половины оборонительной линии были спасены, — путь отступления им был обеспечен!

Подвиг Камчатцев достойно оценят историки Севастопольской обороны, но достойнейшую оценку этот подвиг нашел в своем Верховном, Венценосном Вожде.

Государь Император, на смотру 11-й пехотной дивизии, на Инкерманских высотах, в ноябре 1855 года, изволил, перед фронтом войск, спросить главнокомандующего: “Отчего представляется на смотру только один батальон Камчатского полка?”

Главнокомандующий доложил, что полк, за огромною убылью офицеров и солдат в Севастополе, переформирован из четырехбатальонного состава в два батальона, из которых один находится на аванпостах.

Тогда Государь, обращаясь к войскам, изволил сказать громогласно:

“Один батальон Камчатцев — четырех стоит!”

Для справки. Камчатский полк вступил в Севастополь, имея: штабс-офицеров — 3, обер-офицеров — 45, нижних чинов — 2983. Во время пребывания в Севастополе на укомплектование оного поступило нижних чинов — 772. Следовательно, полк имел в Севастополе — 3755 человек. В Севастополе полк потерял: убитыми и умершими от ран штабс-офицеров — 4, обер-офицеров — 23; ранеными: штабс-офицеров — 3, обер-офицеров — 24; контуженными: штабс-офицеров — 1, обер-офицеров — 8; без вести пропавшими: обер-офицеров — 1; т. е. всего 64. Нижних чинов: убитыми — 488, ранеными — 1943, контуженными — 1052, без вести пропавшими — 32, итого — 3515. Если из полка еще могло быть сформировано 2 батальона, то потому, что раненые и контуженные, по выздоровлении, возвращались к своему месту».

Что интересно, командовал Камчатским люнетом морской офицер — лейтенант 39-го флотского экипажа Черноморского флота Василий Егорович Лазарев, из дворян Херсонской губернии.

«С 5.03.1855 г. находился в рядах защитников передового укрепления Корниловского бастиона — Камчатского люнета, с 21 марта — исполнял обязанности его командира. Под непрерывным разрушительным огнем французской артиллерии Лазареву удалось подавить несколько батарей противника.

26.04.1855 г. Походная Дума Георгиевских кавалеров удостоила Лазарева ордена Св. Георгия 4-й ст. Награждение Высочайше утверждено 11.05.1855 г.

Свято-Никольский храм
на братском кладбище в Севастополе

Внесен в Вечный список кавалеров ордена Св. Георгия 4-й ст. под № 9603.

24.06.1855 г. после выхода из Севастопольского морского госпиталя назначен “исполнять должность начальника артиллерии 4-го отделения”. В день штурма 27.08.1855 г. был ранен на Малаховом кургане пулей в правый бок навылет, попал в плен. Вернулся в Россию в конце января 1856 г. За отличие в конце обороны Севастополя произведен в капитан-лейтенанты».

Умер контр-адмирал Василий Егорович Лазарев 5 сентября 1882 года и похоронен на братском кладбище Севастополя, где покоится прах нижних чинов Камчатского пехотного полка.

Это им, героям обороны Севастополя, посвятил свои стихи наш замечательный поэт Афанасий Фет:

Севастопольское братское кладбище

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь Отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат…
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись — все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен.
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен.
Что им завидовать грешно…

В честь столетней годовщины 44-го Камчатского пехотного полка в 1906 году он был награжден полковым Георгиевским знаменем с надписью: «В вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказанных в 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах» и «1806–1906».

Одним из последних командиров Камчатского пехотного полка до начала Первой мировой войны был в годы гражданской войны командующий (в 1919 году) Добровольческой белогвардейской армии Владимир Зенонович Май-Маевский.

Гражданская война разорвала не только экономические, исторические, культурные, но и родовые связи россиян.

И сегодня даже эти — кровные — связи восстанавливаются с огромным трудом.

Когда полыхало огненное зарево сражений над Малаховым курганом и Сапун-горой в Севастополе, когда солдаты и офицеры Камчатского пехотного полка показывали миру чудеса героизма русских воинов, в это же самое время казаки, солдаты, матросы, офицеры и охотники-добровольцы отражали на Камчатке удар англо-французской эскадры, нацеленный на Петропавловский порт — форпост России в Тихом океане.

Среди сражавшихся был и бывший гижигинский казак, пятидесятник Василий Яковлевич Толстихин (1814), переведенный в 1852 году на службу в Камчатскую казачью команду. Вместе с ним служил и принимал участие в обороне Петропавловского порта брат — казак Николай Яковлевич Толстихин.

Братья Толстихины и являются родоначальниками всех многочисленных камчатских Толстихиных.

Сын Василия Яковлевича — Иннокентий Васильевич Толстихин — был казачьим урядником. Этот же чин впоследствии был и у сына Иннокентия Васильевича — Петра Иннокентьевича — первого Георгиевского кавалера в камчатском роду Толстихиных, который в период Русско-японской войны в 1904 году организовал оборону бобровых лежбищ на мысе Лопатка от японских «хищников». Приказом от 29 октября 1905 года он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени №171307.

Начальник Петропавловского округа Антон Петрович Сильницкий, получив известие о начале Русско-японской войны 1904–1905 гг., призвал жителей Камчатки создать народное ополчение, чтобы отразить любое посягательство японцев на Камчатку.

Были сформированы народные дружины, которые выставили посты в местах возможной высадки японцев. К сожалению, история боевых действий народных дружин на Камчатке еще мало изучена, хотя царь Николай II очень высоко оценил значение камчатского народного ополчения в том, что Камчатка по итогам проигранной Россией войны с Японией осталась во владении Российской империи. Более тридцати героев были отмечены Георгиевскими крестами, многие — серебряными медалями «За усердие», все ополченцы были награждены памятными медалями.

Среди участников народного ополчения Толстихин Афанасий Иннокентьевич (1863) — отец Нестора Афанасьевича Толстихина, служившего в 44-м Камчатском пехотном полку; Толстихин Василий Иннокентьевич (1874), Толстихин Григорий Васильевич (1864), Толстихин Константин Михайлович.

На Камчатке не было кровавых событий гражданской войны — лишь их отголоски, когда красноармейские отряды, победив белую армию на материке, добивали пытавшихся схорониться на диком Севере белогвардейцев. Партизанские красные отряды носили на Камчатке более декоративный, нежели боевой характер. Да и белогвардейцы дислоцировались лишь какое-то время в Петропавловске (потом ушли за границу) и (небольшими группами) на севере Охотско-Камчатского края — в Тигиле, Гижиге, Наяхане…

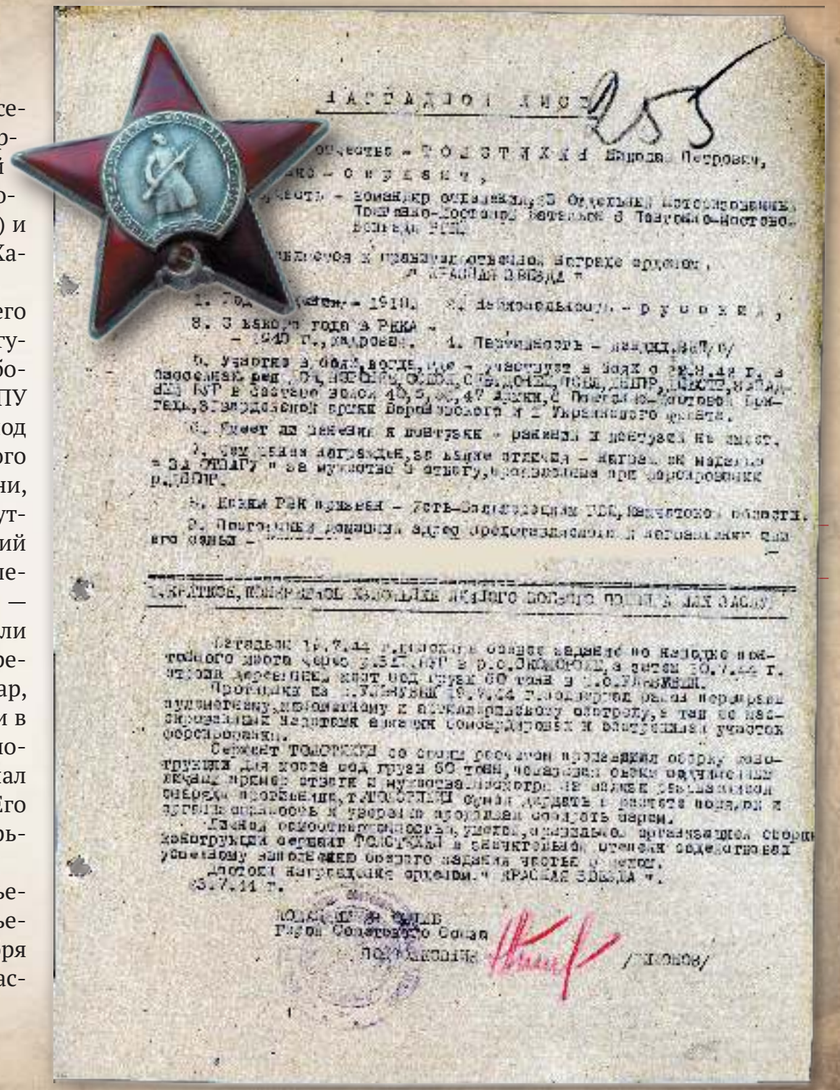
Но в период политических репрессий 1930-х годов коренная и старожильческая Камчатка (всего десять тысяч человек на весь полуостров) в полной мере испытала на себе, что такое «классовая ненависть», потому что первая политическая провокация — «Тигильское дело» — ударила именно по коренной и старожильческой Камчатке на севере полуострова, а вслед за ней — Дело «Автономная Камчатка» — на юге…

Нестор Афанасьевич Толстихин (1894), участник Первой мировой войны, был арестован 3 марта 1934 года и как «социально вредный элемент» (без указания в деле статьи Уголовного кодекса) лишен права проживания в 39 режимных местностях бессрочно. Умер в ссылке, в Красноярском крае.

Но он не был в числе первых арестантов — 30 июля 1931 года был арестован (статья 58-11 УК РСФСР) семидесятитрехлетний Георгиевский кавалер, бывший казачий урядник Петр Иннокентьевич Толстихин (1858) и отправлен на следствие в Хабаровск.

И читаем далее (от чего холодеет в сердце): в августе 1932 года (то есть более чем через год!) ПП ОГПУ ДВК освобождает его из-под стражи ввиду «преклонного возраста, тяжелой болезни, малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершенного преступления» (только вдумайтесь — из Тигиля в Хабаровск везли «под ружьем» человека, прекрасно понимая, что он стар, тяжело болен и, главное, ни в чем не виновен). Петр Иннокентьевич «безвестно пропал по дороге на Камчатку». Его просто выбросили из тюрьмы на улицу…

Брат Петра Иннокентьевича — Василий Иннокентьевич — арестован 9 октября 1937 года. Приговорен к рас-

стрелу без предъявления обвинения. Приговор приведен в исполнение 25 мая 1938 года.

Петр Петрович Толстихин (1902), сын Петра Иннокентьевича, был арестован в 1937 году. Он был помощником начальника отделения связи в Тигиле. Ему тоже не предъявляли никакого обвинения. Так же, как и дядю, расстреляли в тот же день.

Брат Нестора Афанасьевича — Иннокентий — был арестован в день великого юбилея — 20-летия Октябрьской революции — и приговорен к 10 годам лишения свободы.

Толстихина Николая Михайловича из колпаковской ветви этого казачьего рода арестовали 9 апреля 1933 года по делу «Автономная Камчатка» и приговорили к 3 годам лишения свободы.

Трое из внуков патриархов носили родовое имя Василий: Василий Иннокентьевич, Василий Михайлович, Василий Григорьевич.

И правнук — Василий Афанасьевич, брат Нестора.

И мы вновь говорим о героической странице этой старинной камчатской (а точнее, сибирской) казачьей семьи.

Посмотрите, сколько Васильевичей принимало участие в боевых действиях (первая цифра показывает семейную связь, вторая – количество братьев) .

1/1 Толстихин Альбион Васильевич (1926), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

2/1 Толстихин Анатолий Васильевич, с. Колпаково — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

1/2 Толстихин Василий Васильевич (1923), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

4/1 Толстихин Георгий Васильевич (1912), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны.

4/2 Толстихин (Толстыхин) Григорий Васильевич (1915), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За боевые заслуги» (07.06. 1945).

3/1 Толстихин Иван Васильевич (1918 – 12.10.1942), с. Колпаково — участник Великой Отечественной войны.

3/2 Толстихин Михаил Васильевич (1915 – 08.02.1945), с. Тигиль – участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За отвагу» (19.02.1945), похоронен: Восточная Пруссия, Кенигсбергский окр., м. Повунден, могила № 52.

4/3 Толстихин Модест Васильевич (1921 – 06.03.1944), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, похоронен: Калининская обл., Пустошкинский р-н, Алушковский с/с, д. Алушково, северо-западнее, 1 км, лес.

Но это ведь далеко не полный список:

Толстихин Анатолий Феоктистович (1926) — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (06.09.1945).

Толстихин Георгий Николаевич, с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (24.09.1945).

Толстихин Григорий Николаевич (1922), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (24.09.1945).

Толстихин Иннокентий Николаевич (1917), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За боевые заслуги» (29.08.1945).

Толстихин Николай Петрович (1918), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За отвагу» (21.10.1943), орденом Красной Звезды (20.07.1944), орденом Отечественной войны II степени (16.04. 1945).

Толстихин Павел Петрович (1914–1943), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, младший лейтенант.

Непростая судьба была у потомков героев обороны Петропавловского порта и Русско-японской войны.

Родовым гнездом для многих из них было село Облуковина, сегодня уже не существующее. И я не знаю, проживают ли ны-

Юрий Феоктистович Толстихин

нешние потомки Толстихиных на Камчатке или избрали, как многие другие коренные камчадалы, местом постоянного проживания для своей семьи материк?

Возможно, они расскажут о себе сами…

КРЫЖАНОВСКИЕ

Об истории появления этой фамилии на Камчатке нам известно не много. В «Камчатской родословной книге» род Крыжановских начинается с Гавриила Николаевича Крыжановского — зауряд-хорунжего, командира Тигильской дружины в период Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг.

Обратим внимание на следующий факт: «Чин “зауряд-хорунжего” давался вахмистрам и урядникам за боевые отличия. На погонах хорунжего они имели “на верху” погона, поперек его, нашивки того звания, из которого они были произведены в офицерский чин».

Гавриил Николаевич Крыжановский был произведен в этот чин за боевые действия на реке Воямполке, где была уничтожена «хищническая» японская шхуна. Его помощник — Павел Иосифович Юшин — был удостоен за эти же воинские отличия боевой награды – получил Георгиевский крест 4-й степени.

Отцом Гавриила Николаевича, как нам удалось выяснить, был Николай Спиридонович Крыжановский (1790 г.р.), урядник Тигильской казачьей команды, чин которого унаследовал Гаврила Николаевич.

Углубляясь в прошлое, мы обнаруживаем два взаимосвязанных пути появления этой фамилии на Камчатке — якутскую и иркутскую.

А если копнуть еще глубже, то история рода казаков Крыжановских напрямую связана с Запорожской Сечью — в первой половине XVII века Федор Крыжановский дал начало запорожской ветви генеральной старшины Запорожских казаков Крыжановских. В Генеральную старшину и число полковников войска Малороссийского до 1764 г. входили (по алфавиту): Гоголи, Зеленские, Кравченко, Крыжановские, Мазепа, Максимовичи, Маркевичи, Павлюки.

Полковник Антон Степанович Крыжановский в период гетманства Кирилла Разумовского (1747–1764 гг.) участвовал в реформе казачьих войск, судебной реформе, программе обязательного обучения казацких детей. В 1775 г. после ликвидации Запорожской Сечи российскими войсками по манифесту Екатерины Великой запорожское войско привел под Одессу Крыжановский, где и основал еще одну малороссийскую Крыжановку. Впоследствии из этих — бывших запорожских — казаков возникло черноморское и кубанское казачество, и Крыжановские служили поколениями в царской армии. Известен генерал Кубанского казачьего войска Федор Григорьевич Крыжановский, который после революции стал председателем Кубанского Правительства.

Сибирские казаки Крыжановские — это бывшие военнопленные черкасы (запорожцы), сражавшиеся на стороне Речи Посполитой вместе с поляками и литвинами (белорусами). В 1661 году в Якутск был сослан Казимерко Крыжановский, которому «велено служить в пеших казаках». Приняв право-

Берестецкая битва. Худ. А.О. Орльонов. Сражение между армией Речи Посполитой и казацко-крымским войском, 1651 год

Герб Московии

славие (и получив за это денежное вознаграждение в 1665 году), Казимир стал Юрием.

В том же 1665 году Юрий Крыжановский был отправлен в Борогонскую волость, чтобы привлечь к суду якута Боркока, но… сам был жестоко избит якутами.

Это делу чести не помешало — грамотный, смышленый, дерзкий черкашенин быстро продвигался по служебной лестнице и уже в 1667 году, будучи в чине сына боярского, назначен приказчиком для сбора ясака, и на этом поприще он проявил себя в полную свою силу. Но об этом чуть позже.

Герб Речи Посполитой

В 1666 году в Якутске объявляется еще один «литвин» Крыжановский — Ян, ставший Иваном. «Он в 1655 г. был “взят на бою в Борисове” и в 1662 г. сослан в Якутск “с своею братьею с польскими людьми” служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом» (Ф.Г. Сафронов).

Сохранился уникальный документ «Отписка якутского воеводы Ивана Приклонского в Сибирский приказ о службе ленского сына боярского Ивана Крыжановского», датированный 1680–1681 годами.

Этот документ интересен не только биографическими, но и историческими подробностями и сведениями о той далекой эпохе, о которой мы сегодня имеем весьма скудное представление. Челобитная состоит из двух совершенно неравных частей. Неравных не по количеству знаков, а по наличию в этих частях достоверной информации.

Итак, часть первая.

«Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу… холоп твой Ивашко Приклонской челом бьет. В твоей великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича… грамоте писано ко мне холопу твоему: в прошлом де в 188 (1680) году бил челом тебе великому государю и великому князю Федору Алексеевичу… ленской сын боярской Иван Крыжановской: в прошлом де 163-м (1655) году жил он Иван в Польше и взят на бою в Борисове и послан к Москве, а с Москвы послан в Сибирь в Якутцкой, а в Якутцком де велено служить в детех боярских с ево братьею шляхтою, а твоего великого государя жалованья оклад учинен ему малой, денег 10 руб., хлеба 8 четь ржи, овса тож, 3 пуда соли; а в Якутцком де служил он Иван тебе великому государю 25 лет; и во 176-м (1668) году прислана в Сибирь в Якутцкой твоя великого государя грамота, велено их вязней (военнопленных. — *С.В.*) взять к Москве и велено им твое великого государя милостивое слово сказать, будет хто из них вязней похочет вечно тебе великому государю служить, и им велено подавать челобитные; и он, Иван, помня кресно целованье и твою великого государя милость, бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому; а которые его братья шляхта били челом тебе великому государю служить в вечное холопство по сибирским городам, и те взысканы твоим государевым жалованьем к окладам их деньгами и хлебом и солью, и годовые оклады учинены большие, а иные де из малых чинов верстаны в дети боярские; а он Иван перед своею братьею оскорблен; и будучи ему в таком дальном безхлебном городе таким малым окладом з женою и з детьми прокормитца не возможно; а детей у него 4 сына, Петрушка 20-ти лет, Васька 14-ти лет, и сын де ево Петрушка послан на твою великого государя службу на Вилюй в 184-м (1676) году для твоего великого государя ясачного сбору, а в твою великого государя службу не поверстаны; да в прошлых де годех посылан он Иван для твоего великого государя ясачного сбору в розные волости и в зимовья, и будучи на твоих великого государя службах в розных ясачных волостях и в зимовьях собрал твоего великого государя ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же с ясачных людей 64 сорока 35 соболей, лисицу чернобурую, 3 лисицы сиводушчатых, 500 лисиц красных, да вновь приискал неясачных якутов 61-го человека, а твоего великого государя ясаку с них взял 30 соболей, 37 лисиц красных; да в прошлом же 188-м (1680) году били челом тебе великому государю ленские ясачные князцы Мазары Бозеков и все ясачные Верховилюйского зимовья якуты, чтоб ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком для твоего великого государя ясачного соболиного сбору, а он де Иван служит тебе великому государю многие годы и твою великого государя соболину казны сбирает без недобору и служилых людей и их якутов и тунгусов не обидит и не грабит и налог не чинит; и по твоему великого государя указу велено ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком до твоего великого государя указу, и по чему он в том Верховилюйском зимовье служилых людей ведать и твой великого государя ясак збирать с ясачных людей дать ему Ивану в Якуцком наказ; да детям ево Пе-

тру да Василью велеть твою великого государя службу служить по Якутцкому в детех боярских, а твоего великого государя жалованья оклады им учинены на Москве из выбылого умершего ленского сына боярского из Ондреева окладу Булыгина: Петру денег 7 руб, хлеба 6 чети ржи, овса тож, 2 пуда с четью соли, а Василью денег 6 руб., хлеба 5 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли; и с теми з денежными и и с хлебными и соляными оклады велено их написать в окладные именные книги и твою великого государя службу служить в Якутцком и твое великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье давать им по вся годы по окладом их з детьми боярскими вряд».

Подведем итоги: Иван Крыжановский — замечательный служилый человек, который принес своей новой родине солидный вклад в государственную казну; сын боярский без пороков и изъянов — не казнокрад, не грабитель, не притеснитель малых народов и пользующийся их уважением и доверием. Но это еще и человек, несправедливо обиженный государством, живущий в тяжелых материальных условиях....

Часть вторая. В которой раскрывается иная сущность сына боярского Ивана Крыжановского.

«И в прошлом, великий государь, во 170-м (1662) году по твоему великого государя указу и по грамоте послан он Иван в Якутцкой со своей братьею с польскими людьми, а велено ему в Якутцком быть в детех боярских, и он Иван с своею братьею в Якутцкой во 170-м году не бывал, а жил он Иван в Енисейску по своей воли в посаде и женат был в Енисейску у посацкого человека на дочери. И во 174-м (1666) году он Иван с тестем своим с Савкою казанцом в Якутцкой приехал и писался енисейским посадцким человеком, и в том же 174-м году он Иван в Якутцком с тестем своим Савкою откупил квасную баню и держал за собою на откупу два годы. И во 176-м (1668) по твоему великого государя и по грамоте, что он Иван бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому и приверстан в дети боярские. И во 177-м (1669) году посылан он Иван для ясачного сбору на Маю в Верхнее зимовье, и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 9 сороков 5 соболей, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку с ясачных тунгусов, которые были у ясачного платежу, 3-х сороков 7 соболей. Да во 178-м (1670) он же Иван посылан был в Жиганское зимовье для ясачного сбору и собрал твоего великого государя ясаку 9 сороков 33 соболи, а не добрал он Иван в том зимовье на ясачных тунгусах и якутах твоего великого государя ясаку на 178-й и на прошлые годы дву сороков 26-ти соболей да 24-х лисиц красных; да во 181-м (1673) году он же Иван посылан был зимним путем из Якутцкого для ясачного збору в ясачные в розные волости в Борогонскую и в Дубчинскую и в Успетцкую и в Чиринтейскую и приискал вновь якутов 30 человек, а взял он Иван с тех новоприискных якутов твоего великого государя ясаку 2 соболи 28 лисиц красных, а не добрал в тех волостях он Иван с ясачных якутов, с которых

Собранная пушнина в городе Петропавловске-Камчатском, ККМГИ

якутов он Иван твой великого государя ясак имал, опричь тех, которых он Иван сыскать не мог, на 181-й и на прошлые годы 27 сороков 8 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 11 лисиц сиводушчатых, 414 лисиц красных; да во 182-м году посылан был он же Иван на Вилюй в Верхнее зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 15 сороков 25 соболей, 50 лисиц красных, а не добрал он Иван в том Вилюйском зимовье твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 18 соболей, 10 лисиц красных; да во 184-м (1676) году посылан был он же Иван в Олексинский острожек для ясачного збору и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 8 сороков 15 соболей, а не добрал он Иван в том Олекминском острошке твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 32 соболя; и будучи он Иван в том Олекминском острожке, вино себя курил. Да во 187-м (1679) году посылан был он же Иван на Вилюй в Среднее зимовье и собрал твоего великого государя ясаку 4 сорока соболей, 338 лисиц красных, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку в том Вилюйском в Среднем зимовье на ясачных тунгусах и якутах на 187-й и на прошлые годы 12 сороков 26 соболей, лисица сиводушчатая, 532 лисицы красных. И будучи он Иван в том Вилюйском зимовьи, вино на себя курил же; и всего он Иван в тех волостях и зимовьях не добрал твоего великого государя ясаку и поминков 52 сорока 37 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 12 лисиц сиводушчатых, 980 лисиц красных. Да он же Иван во 186-м (1678) году, будучи на Чичюйском волоку на приказе, на воеводу на Фому Бибикова и на себя вино курил, и ныне, будучи в Якутцком с твоею великого государя з денежною казною, на Чичюйском вино курил же. И за те ево Ивановы винные куренья по твоему великого государя указу велел я холоп твой на нем Иване доправить пени 40 руб. И я холоп твой по твоему великого государя указу и по грамоте ево Ивана на Вилюй в Верхнее зимовье для твоего великого государя ясачного збору не отпустил для того, что он Иван бил челом тебе великому государю на Москве ложно и сказал, что де он служил тебе великому государю по Якутцкому 25 лет и собрал твой великогго государя ясак с прибылью, и сына своего Василья сказал 14-ти лет; а он Иван в Якутцком служит тебе великому государю 13 лет и в твоем великого государя ясаке учинил великий недобор и сын ево Васька 7-ми лет, а не 14-ти лет и служить тебе великому государю службы сыну ево Ваське за малыми летами некому. Да и для того ево Ивана холоп я твой не отпустил, что он Иван, будучи на твоих великого государя службах, во многих местах вина курил. И о том ево Иванове ложном челобитие и в верстанье сына ево Васьки что ты великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич … мне холопу своему укажешь».

И вот какие выводы следуют: от службы многие годы уклонялся, выдавая себя за посадского человека. «План» по сбору ясака систематически не выполнял. И наврал царю о своем четырнадцатилетнем Ваське, которому на самом деле исполнилось лишь семь лет.

Из двадцати пяти лет, действительно проведенных Яном — Иваном Андреевым сыном Крыжановском (1629 года рождения) в Сибири, он двенадцать лет казачьей службы избегал, занимаясь со своим тестем бизнесом, и потому, попав в плен в 1655 году, «в дети боярские верстан он в пр. во 176 (1668) г. по грам. при окольничем и воеводе при князе Иване Петровиче Борятинском; а оклад ему учинен: ден. 10 руб., хлеба 4 чети с осм. и с полтретником ржи, 4 чети овса, 3 пуда соли; …а к службе у него лошадь, ружья пищаль, сабля; а по осмотру болезни на нем нет…»

А вот причина «нерадения» Ивана Крыжановского на службе по сбору для царя-батюшки ясака: «При сыске в Якутске тобольского дворянина Ф. Качанова в начале 1690-х гг. выяснилось, что сборщик И. Крижеповский в воеводство М.О. Кровкова вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей». Иван Андреевич весьма усердно работал на свою семью.

А сыновей у него действительно на ту пору было четверо, позже пятеро: (по данным за 1682 год указаны): Васька 6 лет (1676), Андрюшка 5 лет (1677), Федька 3 лет (1679). А по данным за 1706 год, в Якутском казачьем полку во второй пятидесятне служил в казаках Кирила (Кипрюшка) Иванов сын Крыжаноский (1681) — один из «поскребышей» Ивана Андреевича.

Кроме него мы находим в этот же период в Якутске в казачьих именных списках пятидесятника Тихона (уж не Юрьевича ли?) Крыжановского (девятая пятидесятня) и рядового казака Крыжановского Федора Ивановича (пятнадцатая пятидесятня), а в 1748 году — казака Креженевского Максима Андреевича (вероятно, сын Андрея Ивановича, который 29 июня 1691 года верстан в пешую казачью службу, а в 1706 году служил в девятой пятидесятне) и Василия Яковлевича (эта линия нам пока неизвестна, возможно, что это тоже линия Юрьевичей).

Челобитная воеводы Поклонского особой роли не сыграла и никак не отразилась на служебной карьере Крыжановского:

Сбор ясака на Сугларе. Худ. Г.Я. Красильников

в 1684–1685 гг. Иван Андреевич собирает ясак по Вилюйскому Верхнему зимовью, а в 1686–1687 — по Охотскому острогу — а это присуд был в те годы самым прибыльным.

Умер Иван Андреевич Крыжановский в Якутске в 1706 году.

Кто-то из историков упомянул, что Казимир и Ян Крыжановские были братьями. По крайней мере, вполне вероятно, что они были из одного шляхетского рода. Но Юрий (Казимир) Крыжановский был фигурой более крупной в том пушном бизнесе, который процветал в те годы в Якутии.

Вот только список розыскных дел по фактам злоупотреблений властью со стороны сына боярского Юрия Крыжановского.

«Дело о винокурении Петра Ярышкина, Юрия Крыжановского с товарищами на Киренге» (без даты).

«Дело по извету якутских служилых людей сына боярского Мих. Краснояра и сотника казачьего Лариона Трофимова об обмене соболей из ясачного сбора на собственных соболей низкого качества воеводой Андреем Барнешлевым и сыном боярским Юрием Крыжановским с целью присвоения ясачных соболей».

«Дело по челобитным служилых людей Семена Епишева с товарищами на сына боярского Юрия Крыжановского, отобравшего у них выданное им перед отправкой на службу в Охотский острог жалование в 7184 (1675–1676) г. и отдавшего его в качестве взятки воеводе А.А. Барнешлеву».

А вот и объяснение причин этой алчности со стороны Юрия Крыжановского:

«Государев сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665–1666 годах в Восточную Сибирь “всех воевод… неправды и плутости сыскать”, выявил, что за назначение ясачными сборщиками якутские воеводы брали с приказчиков по 300 рублей, подьячих и толмачей — по 40 рублей, с рядовых казаков — по 6 рублей. Еще более безотрадную картину обнаружил другой государев сыщик Федор Качанов, приехавший в Якутск в конце XVII века. Оказалось, что взятки за посылки в ясачные волости поднялись до астрономических сумм: от 100 до 1200 рублей. Чем доходнее была “ясачная волость”, тем выше был “окуп” (например, Ю. Крыжановский за назначение приказчиком в Охотск дал воеводе А. Барнешлеву 1000 рублей). По подсчетам сыщика, якутские воеводы во второй половине 1660-х годов одного “окупу” от ясачных сборщиков получали до 6–7 тысяч рублей ежегодно, “оприч того, что из волостей приезжают и приносят собольми и иною мягкою рухлядью”. За 1694–1699 годы якутские воеводы в общей сложности получили только с приказчиков, по разным подсчетам, от 14 до 17 тысяч рублей».

Чем закончился для Юрия Крыжановского и его сотоварища сына боярского Петра Ярыжкина этот охотский эпизод?

Ведь понятное дело, похищенное жалованье казаков и собственный денежный долг (по кабальным записям) нужно и можно было вернуть только пушниной — той самой, что идет сверх государственного ясака.

А у Юрия Крыжановского был накоплен уже богатый опыт: «Так, посланный воеводой Барнешлевым в Зашиверский острог — сын боярский Юрий Крыжановский “иноземцам обиды и налоги чинил и приведя к себе во двор иноземцев брал у них лучших соболей по 10, 7 и 6 штук, а меньше пяти не брал”... Он же “жен и дочерей к себе на постелю у них у ясачных тунгусов, для блуднаго воровства имел” и угрожая кнутами в холопство жен и детей брал и иных крестил своими приметами».

А вот итог: «В 1677 г., в начале декабря, оленные эвены Годниканского рода напали на Охотский острог. Они «пошли валом на приступ, и сына боярского Юрия Крыжановского за острожком во дворе обсадили, и у избы окна выбили, и под стену огня склали, и в казачьи дворишки засели, и из дворишек в острог стрелять учали (начали), и стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров». То есть осада велась по всем правилам военной науки. Казаки, видя, что в осаде им не отбиться и слыша крики командира острога Крыжановского о помощи, несмотря на малолюдство решили выйти «из острожку на вылазку драться с ними Тунгусами».

Сражение продолжалось с утра и до вечера, когда казаки еле отбились от эвенов. Но снять осаду не удалось. Днем и ночью казаки караулили на башне и стене. Выйти из острога за дровами и за рыбой они не могли, не рискуя быть подстреленными. В такой обстановке Крыжановский обратился за помощью в Якутск к воеводе, чтобы он «наскоро» послал на выручку в Охотский острог казаков, «пороху и свинцу и мушкетов и куяков (доспехи), чтобы нам, сидячи в Охотском, голодною смертию не помереть и побитым не быть». Страдали от этой осады и голода и аманаты, несколько из них померло.

Но причину восстания в Якутском воеводстве выяснили довольно быстро. Эвены подали туда многочисленные жалобы с описанием вымогательств и насилия, совершенных командирами Охотского острога Крыжановским, Бибиковым, Пущиным, Ярышкиным. В расспросном листе звена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: «имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносити по соболю...» А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и «родников его... три лисицы черных себе, а не в ясак великому государю». Бибиков при сборе ясака занимался «погромами», а у недоимщиков «...иных носы резал».

1681 год: «В августе, по жалобе приезжих охотских тунгусов — ясачных людей, производилось следствие над бывшими охотскими ясачными сборщиками, боярскими детьми Петром Ярыжкиным и Юрием Крыжановским. Они обвинялись в том, что «воровали, преж великих государей сбору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены, мимо ясачныя избы, ясачных людей с ясачными соболями пущали к себе избы, и у себя в избах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи, и с теми переменными худыми соболями отсылали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в казне великий недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили, и сами великим государем изменили». За это воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе «биты на козле кнутом, и в проводку, и животы их все взяты на великих государей» и сосланы с женами и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу «и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено».

Оба были сосланы в пешую казачью службу в Баргузинский острог. Но уже через несколько лет Юрий Крыжановский был иркутским сыном боярским и весьма успешно занимался торговлей с Китаем.

У нас нет никаких сведений о семье иркутского сына боярского Юрия Крыжановского, хотя известно, что для службы на Камчатке казаки набирались не только из Якутска, но и из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

Поэтому вопрос о том, к какой из ветвей — якутской или иркутской — принадлежат камчатские казаки Крыжановские, пока остается открытым.

ПАДЕРИНЫ

Это настоящая северная фамилия: падера — «сильная буря с вихрем, иногда с дождем или снегом».

Первые известия о сибирских землепроходцах Падериных датированы 1632 годом.

«Сотник Петр Бекетов был следующим на Усть-Кутском зимовье. Он прибыл туда

осенью 1630 года с двумя десятками казаков. Дальше своих предшественников поднялся он по Лене, достигнув устья реки Аной, чуть-чуть не дойдя до истока Лены в Байкальском хребте (совсем рядом с Байкалом, еще не известным тогда казакам). Бекетов впервые прошел по верхней Лене с полтысячи верст. Его отряд сошел на берег в бурятской земле, но встретил сопротивление. Построив укрепление, оставил в нем вооруженную группу из девяти казаков во главе с Андреем Дубиной. Сам же спустился до устья реки Куленги. Попытался покорить бурят, кочевавших со своими стадами, по Лено-Ангарскому плато, но встретил такой отпор, что пришлось спешно на бурятских конях ретироваться на верхнюю Лену, за Куленгу, где жили дружелюбные эвенки.

Потом зимовали в устье Куты, а весной отправились вниз по Лене. В том месте, где великая река изворачивается гигантской излучиной, уже осенью 1632 года поставил Бекетов Якутский острог. Место он выбрал неудачно: не учел, что в половодье оно подвержено затоплению. Через десять лет острог перенесли ниже по течению на пятнадцать верст. Там возник город Якутск, сделавшийся на два столетия основной базой дальнейших походов землепроходцев по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, к Северному Ледовитому и Тихому океанам.

Девять казаков во главе с Иваном Падериным Бекетов отправил к устью Лены. Они дошли до моря, и Иван Падерин стал первым русским, проплывшим почти по всей Лене — около четырех с половиной тысяч километров».

И самые первые сведения о первооткрывателе Камчатки также связаны с промышленником-землепроходцем Никитой Падерой: «Вместе с промышленным человеком Никитой Падерой хаживал Камчатой на соболиный промысел. Однажды побывали они на притоках Индигирки, которые стали с тех пор называться Падерихой и Камчаткой» (Кусков В. «Камчатские были», Петропавловск-Камчатский, 1970 г., стр. 6).

Самые первые казаки Падерины пришли в Якутск (а затем, возможно, и на Камчатку) из Березова:

«Березовские казаки. Оклад денег пятидесятником по 6 рублев с четью рядовым по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да 4 чети овса да пол 2 пуда соли. Павлик Падерин в его место Патрачко Ондреев сын Кайгородец в верхоленском в Братцком острожке».

Впрочем, в 1685 году в списках нерчинских казаков мы находим Дмитрия Паде-

Николай Иванович Падерин

рина — а формирование Камчатского гарнизонного батальона шло именно в тех местах: в Нерчинске и Иркутске, часть служилых людей которого после расформирования батальона остались либо служить на Камчатке, либо стали «военнопоселенцами».

Постоянным местом жительства для казаков Падериных стал Север Камчатки — Гижигинская крепость и бухта барона Корфа.

О том, как жил город Гижигинск в конце XIX – начале XX века, сообщает в своей «Лоции» известный гидрограф Б.В. Давыдов: «Селение производит унылое впечатление. Дома в большинстве плохие и низкие: многие из них имеют крыши из древесной коры. При домах есть маленькие пристройки, но амбаров мало, а огородов совсем нет. Все постройки сооружены так скверно, что крыши протекают даже в лучших домах, а сквозь щели в стенах зимою наносит снег…»

А этот случай был особым и напрямую связан с нашими героями.

В последнюю зиму девятнадцатого столетия в Гижиге от вспышки кори из шестисот жителей умерло 160 человек. Достаточно подробно ужасы той зимы описал Антон Сильницкий в своих записках.

«В эту зиму, с конца декабря 1899 года и по апрель 1900 года, Гижигинский край посетила эпидемия кори. Эта эпидемия, завезенная из Камчатки торгующим Федором Косыгиным, не страшная в городах, где есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различныя предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще, приняла в далекой Гижиге угрожающие размеры, и картина бедствия населения от кори, в общем, такова.

Зима 1899–1900 года была в Гижиге лютая, холодная. Пурга свистела неделями. Снегу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снегом, из-под котораго торчали лишь крыши домов, а перед дверями, занесенными сугробами, вырывались в снегу тоннели, которые служили для входа и выхода людей. Болезнь началась 27-го декабря 1899 года, причем первым заболел зауряд-сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 года вследствие осложнений кори отдал Богу душу. Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели. Болели целыя семьи, так что дома оставались неотапливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминок. Смертность приняла такие размеры, что 12-го января 1900 года в один

день умерло четырнадцать человек, а затем не проходило того дня, чтобы не было в Гижиге четырех-восьми смертей. О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трех домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов. Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми. Так, например, в семье гижигинскаго казака Беломойнова 10-го января умер глава семьи, сам Беломойнов. Вечером того же дня его жена стала мучиться родами, и ей Бог дал сына, но только появился на свет новый гижигинец, как его мать, ослабленная родами, заболела корью, нашедшей для себя настолько благоприятную почву, что 11-го января к вечеру родильница умерла, а новорожденный так и не дождался следующаго дня: он замерз в ночь с 10-го на 11-е января. Племянник Беломойнова, также больной, 11-го января в полдень, пытался затопить каминок, но он с лучинкой в руках так и свалился у каминка, не успевши его затопить. И вот картина, когда здоровые заглянули в дом Беломойнова: племянник с лучинкой в руках лежит мертвым при входе у каминка, немного дальше лежит мертвый глава семейства, казак Беломойнов, а на кровати лежит мертвая его жена, а с нею рядом, кое-как завернутый в кухлянку лежит новорожденный. Но не вся семья вымерла: на другой кровати маялся без сознания мальчик одиннадцати лет. Его голова горит, а ноги отмерзли (впоследствии этот мальчик все-таки умер, причем причину его смерти гижигинцы объясняют тем, что отмороженныя ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнейшия повреждения организма, окончившияся смертью мальчика).

Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно, а про Беломойнова я разсказал не в виде исключения, а для иллюстрации картины бедствия, постигшаго Гижигу в зиму 1899—1900 годов. Вот при таких-то тяжелых условиях самоотверженно послужили бедствующему населению два лица: помощник начальника Гижигинской округи Анкудинов (бывший начальник округи статский советник Пржевалинский также заболел корью. Он, положим, оправился от этой болезни, но летом 1900 года все-таки умер, причем причина его смерти, как мы слышали, имеет большую связь с корью), бывший помощником Н.Л. Гондатти в Анадырском крае, и г. Янковский, сын нашего конноза-водчика. Эти два лица, будучи в числе во-

Сергей Падерин, «Мэнго»

семнадцати, которых пощадила эпидемия, поработали с конца декабря 1899 года по апрель 1900 года так, как могут работать люди возлюбившее ближняго больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словах, а на деле. Они разделили Гижигу на участки и привлекли всех здоровых к уходу за больными, а уход был нужен вот какой. Корь, постигшая Гижигинский край, осложнялась чрезвычайным разстройством желудка, и вот здоровый, подавая помощь больной семье, прежде всего, должен был вынести в покойницкую трупы, затем обмыть больных от экскрементов, затем принести дров, затопить каминок, сварить какую-нибудь еду, а затем уже ухаживать собственно за больным: ставить ему клизмы, компрессы, давать лекарства и прочее. А как много было больных, как много приходилось выносить трупов, обмывать прикованнаго к смертному одру больного необычайным поносом, как вообще трудно приходилось здоровым и, главным образом, Анкудинову и Янковскому, про то говорят цифры, которыя мы вновь повторим: населения шестьсот душ, из них здоровых в самый разгар болезни восемнадцать человек. Число смертей, главным образом за январь — сто шестьдесят человек. Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1300 руб., причем купец Брагин, лежа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: “Зертвую тысячу рублей”, а другие — кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1 300 руб. пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их.

Эпидемия стала ослабевать с середины февраля, а в марте уже стали выпадать по два дня подряд, обходившиеся без случаев смерти, а к концу марта многие повыздоровели, и общи-

ми силами были выкопаны две братских могилы, в которыя и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов. В наружном виде Гижиге остались следы описаннаго бедствия: навесы из-под рыбных вешал остались без крыш, ибо таковыя употреблены на топку каминков, да семь домов стоят заколоченными: их обитатели умерли все до единаго и покоятся в общей братской могиле… Много осталось сирот, много таких, у которых в нетопленной несколько дней подряд хате при температуре до минус сорока восьми градусов по Реомюру отмерзли ноги, руки, нос… Следы эпидемии, словом, были заметны и в мою бытность в Гижиге спустя полтора года. Много лет пройдет, когда гижигинцы станут забывать постигшее их бедствие, но, полагаем, не забудут они Анкудинова, Янковскаго и других гижигинцев, которые в дни бедствия поработали, как истинные христиане.

Свирепствовала корь и среди гижигинских, анадырских и, частию, охотских инородцев, много их умерло, но сколько именно и как, вообще, протекала эпидемия в инородческих стойбищах — про то знает один лишь Всеведущий Бог».

А вот и продолжение этой истории:

«Я позволил взять из Гижиги на свою личную ответственность мальчика, казачьего сына Ивана Падерина 11 лет, дабы выработать из этого мальчика будущего интеллигента Гижиги, которому были бы дороги интересы его далекой и бедствующей родины. Этого мальчика мне удалось определить в приготовительный класс хабаровского реального училища. Падерин учится не дурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо он до приезда в Хабаровск кроме тундры да пустынного гористого взморья его далекой родины ничего не видал, и даже те многие понятия, которые упоминаются в детских книжках для чтения, Падерину совершенно неизвестны. Вывозя Падерина из Гижиги, я далек был от мысли благодетельствовать этого мальчика, но я считал и считаю его тем орудием, при помощи которого с течением времени можно будет воздействовать на быт и экономическое благосостояние Гижигинского края. Падерин, по моему мнению, имеет право на благотворительность правительства: его дед и отец, природные гижигинские казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года, прослужили верой и правдой, получая за свою службу всего 36 руб. в год, да солдатский паек. Исходя из этого положения, я рассчитываю, что начальство хабаровского реального училища окажет свою милость и вывезенному мною из Гижиги малолетнему казаку, наряду с теми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу их отцов». (А.П. Сильницкий)

А это из воспоминаний писателя-миссионера, впоследствии епископа Камчатского, Нестора (Анисимова):

«Вместе с коряками на ездовых собаках я отправился с Чукотки в селение Гижигу. Когда большая часть пути нами была пройдена и до Гижиги оставалось ехать около пяти часов, я, с согласия моих спутников-эвенов, отдал все, что было у нас съестного и для людей, и для собак, обитателям одной из последних юрт на нашем пути: ведь приближались к своему дому, где все есть. Стояла ясная, тихая погода, не предвещавшая ничего опасного для нашего последнего небольшого перехода.

Но неожиданно для нас начался снег с ветром, перешедший в неистовый буран; вскоре нас занесло так, что не стало видно ни зги. Собаки поджали хвосты и остановились, залепленные снегом, жутко завывая. Мы сперва не теряли бодрого расположения духа, так как были уверены в том, что буран к утру пройдет и мы тронемся в дальнейший путь на Гижигу. Но… пришлось просидеть на месте восемь суток!

И люди и собаки страдали от голода. Сначала коряки строгали тонкую стружку дерева “тальник” — “яый” и ели, но это нисколько не утоляло голод. Древесная стружка со снегом не могла быть нормальным питанием. Тогда эвены начали убивать наиболее истощенных из своих ездовых собак. Это была единственная возможность спасти остаток собак от голода, да и эвены жадно ели сырое мясо. Они уговаривали и меня есть собаку, но я предпочел жевать нерпичий ремень с отвратительным запахом жира, хотя это нисколько не утоляло голод. Только отчаяние вынуждало меня пытаться насытиться таким способом.

На исходе пятого дня нашего сидения под снегом неожиданно блеснул светлый луч спасения. Оставшиеся в живых собаки выбрались из-под снега и радостно, весело завыли хором. Мы объяснили это тем, что либо медведь близко, либо иной зверь, не ожидая ничего другого во время бурана.

Но вдруг к нам подъехали две собачьи нарты, и находившиеся при мне эвены закричали:

— Приехал Ванька, казак Падерин!

Потеряв от голода самообладание, я выбрался из-под снега и взмолился, обращаясь к приехавшему казаку:

— Дай, Христа ради, хлеба!

Казак степенно улыбнулся и сказал:

— Погоди, батюшка, прежде благослови меня… я ведь с тобой два года не встречался. Благослови, а уж потом я тебе хлебушка дам.

Русский священник в рясе из оленьей шкуры, Гижига. Раскрашенное фото

Но в этот момент смертельной опасности от голода я забыл слова Христовой истины: не о едином хлебе человек жив будет, но всяким Божиим словом, исходящим из уст Его (Мф. 4, 4).

И я страдальчески продолжал просить:

— Нет, дай хлеба!..

После того как я, опомнившись, благословил Падерина, с его помощью была укреплена нартами палатка, куда меня с опухшими ногами втащили к костру. Мы были накормлены похлебкой с юколой, хлебом и чаем. Падерин растер мои окоченевшие больные ноги, чем значительно облегчил страдания.

Наше вынужденное сидение под снегом продолжалось с 24 января по 1 февраля. А 31 января я, собравшись с силами, полулежа в брезентовом плаще, отслужил благодарственный молебен о нашем спасении, при этом казак Падерин был певчим. После богослужения и искренней молитвы мы все как-то преобразились: настроение было светлое, радостное, праздничное, бодрое. Я, благодарный Падерину за спасение, восхищался его самоотверженностью и недоумевал, как он мог в такой буран подъехать к нам.

Как выяснилось, Падерин со своими спутниками ехал из Гижигинска. Ураган застиг его недалеко от нас, а так как ветер был для них попутный, собаки, на которых они ехали, учуяли близость нашего месторасположения и, напрягая силы, притащили своих седоков к нам. Мы вместе пробыли еще трое суток, и я искренно говорил, что в этой сооруженной общими силами палатке согласен остаться на все время. Затем наступила ясная погода, и мы двинулись дальше».

А вот и самая первая встреча Нестора в Гижигинске: «Свое служение я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова, у берегов Охотского моря. Это небольшое, но по Камчатским масштабам очень важное селение на реке Гижиге стало центром моей первоначальной миссионерской деятельности. С большими трудностями добирался я туда. С парохода пересел на катер и миль 20 проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой. Лодку тянули собаки. Затем я пересел на полудикую лошадь. Летом в Камчатской области местами передвижение возможно только на лодках или верхом на лошади. Зимой лошадей отпускали в тундру на подножный корм, а весной их приходилось ловить арканами и снова приручать.

На другой же день после прибытия в глухое селение пришел ко мне камчадал и радостно произнес:

— Наконец у нас свой свясенник! Батюска, я просу тебя, доделай мой бабе ребенка!

Недоумевая, я стал возражать. Но он в ответ выразил недовольство: “Какой же ты батюска, если не знаесь своей обязанности”, — и уже в гневе повторил свою просьбу и в заключение сказал:

— Такого батюску нам не надо!

На мое счастье наш разговор услышала старушка, жена камчатского казака Падерина, у которых я остановился, и пояснила:

— Не сердитесь, батюшка, этот камчадал по своему понятию просит вас о следующем: из-за долгого отсутствия священника родившийся в его семье ребенок был окрещен повивальной бабкой с наречением ему имени, а ваш приезд обрадовал его, он просит вас завершить крещение младенца миропомазанием…

Второй подобный случай меня уже кое-чему научил. Один из камчадалов обратился как-то ко мне:

— Батюшка, дай моей бабе сорок!

Я уже понял, что он просит в сороковой день дать матери младенца положенную молитву. Впоследствии я научился их понимать».

История сохранила несколько имен Иванов Падериных:

Падерин Иван Степанович (1887), Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК. Арест: 1933.12.09, камчадал. Безработный, житель: Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК.

Арест: 1933.04.07. Арест. Охотско-Колымским ПО ОГПУ. Осужд. 1933.12.05 тройка при ПП ОГПУ по ДВК. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 1933.12.09. Место расстрела: г. Николаевск-на-Амуре. Реаб. 1989.10.18 по заключению Военной прокуратуры КДВО, основание: по Указу ПВС СССР от 1989.01.16 (Книга памяти Хабаровского края).

Правда, на сайте «Камчадалы.ру» появилось сообщение еще об одном Иване Падерине: «Я, Алла Ивановна (по отцу Падерина), мне 60 лет. По просьбе моей внучки я пишу историю семьи. Но вот по линии отца у меня совсем нет данных о родне. Его звали Падерин Иван Иванович. Год рождения примерно 1900–1915. В 1946–1949 г. был на Украине, Кривой Рог. Единственное, что еще мне помнится — улыбка. На Камчатке у него было 20 пар ездовых собак. Так как многие боятся просьб о помощи, то сразу оговорюсь, что мне ничего и ни от кого не нужно. Я вполне себе живу хорошо. Заранее благодарна за внимание».

В 1907 г. в Гижиге служили Степан Георгиевич (Егорович) Падерин, управляющий Гижигинской казачьей командой, хорунжий, и Иван Георгиевич Падерин, его брат, казачий пятидесятник (возможно, Иван Георгиевич, отец Ивана Ивановича Падерина, которого разыскивает его дочь Алла Ивановна).

В 1930-е — «расстрельные» — годы не стало еще одного Ивана Падерина:

Падерин Иван Александрович, 1901 г. р., место рождения: ДВК, русский, арестован в 1935 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989 (Книга памяти Магаданской обл.).

Как и других Падериных:

Падерин Ефим Александрович, 1892 г. р., место рождения: ДВК, русский, арестован в 1938 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989.

Падерин Григорий Дейча (1881), Камчатская обл., Гижигинский (Пенжинского) р-н, с. Гижига, арестован 1937.12.22, русский, образование: сельская школа, б/п, работал в своем хозяйстве, житель: нац. окр., Анадырский р-н, с. Усть-Белая, Чукотского. Арест: 1937.09.21. Осужд. 1937.11.28 Тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 1937.12.22. Реаб. 1989.06.20. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. (База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.).

Конечно же, вы обратили внимание на необычное отчество Григория Падерина.

И вот что еще мы находим в старых документах: Падерин Дей Андреевич, писарь, 1812, 30 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

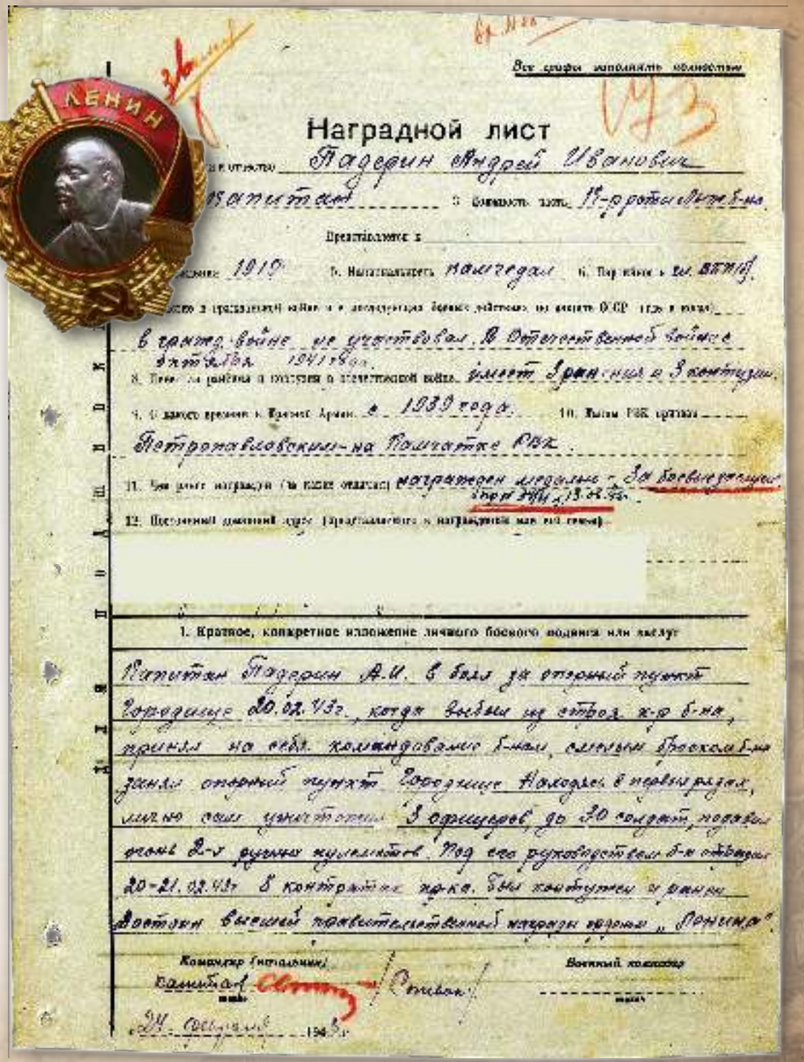
И становится понятным, что только имя Дей могло образовать такое необычное отчество — Дейча, а Падерины в свое время служили не только на севере Камчатки.

Но Дей — это не только необычное имя, но и сама история, связанная с этим именем и историей рода гижигинских казаков Падериных, тоже совершенно необычна.

В документах за 1856 год в графе «Из какого состояния» — то есть история происхождения — у гижигинского пятидесятника Егора Падерина записано «из военно-поселенческих детей». Хотя в другом документе — «из обер-офицерских детей».

И это неслучайно. Такая же запись — «из военно-поселенческих детей» — есть только у одного камчатского казака — Иева (Иова) Константинова.

Как правило, если казак низкого происхождения — не

Падерина Анна Мефодьевна

из обер-офицерских или унтер-офицерских детей — то у него в обычной жизни (исключающей военные подвиги) не было никакой перспективы продвинуться по карьерной лестнице: казачьи чины передавались по наследству.

А Падерин Дей Дмитриевич был обер-офицером: писарь Камчатского гарнизонного батальона в Нижнекамчатске в 1812 г.; Петропавловский порт, 1835 г., казначей, титулярный советник.

Егора Деевича Падерина в 1822 году и звали... Егор Дмитриевич Константинов — он приходился родным братом казаку Иову Дмитриевичу Константинову. Их отец — Константинов Дмитрий Семенович (1772 г. р.) после расформирования Камчатского гарнизонного батальона в 1813 году остался на Камчатке в качестве военнопоселенца. У него было пятеро детей — Иов (1816), Ксения (1818), Лев (1820), Егор и Прокопий (1828). Отцу — Дмитрию Семеновичу — было тогда уже под 60 лет.

Причину усыновления одного из Константиновых и почему Деем Дмитриевичем Падериным был выбран именно Егор, мы уже, вероятно, никогда не узнаем.

Но факт этого усыновления известен, и он, безусловно, изменил судьбу этой — военнопоселенческой — ветви рода Константиновых, так как теперь Егор Деевич был уже сыном обер-офицера и, соответственно, по служебной линии продвигался совершенно другими темпами.

И вот его послужной список: произведен в урядники 30 марта 1852 г.; 2 июня 1852 г. произведен в пятидесятники. На тендере «Камчадал» в 1853 году отправлен в Гижигу, с 25 июня 1864 г. управляющий Гижигинской казачьей командой, зауряд-хорунжий.

В 1856 году у них с женой Елизаветой Александровной было четверо детей: Дей (1844), Анастасия (1847), Степан (1849, впоследствии хорунжий), Андрей (1855). В 1858 году родился Иван Егорович, впоследствии гижигинский пятидесятник. В 1860 — Николай, а в 1863 — Александр.

То есть все камчатские Падерины, как мы теперь знаем, из одного родового гнезда.

Но история на этом не завершается. В годы Великой Отечественной войны многочисленными боевыми наградами были отмечены подвиги потомка казаков Падериных-Константиновых Андрея Падерина.

И вот его первая награда — медаль «За боевые заслуги», врученная старшему лейтенанту, командиру взвода пешей разведки Андрею Ивановичу Падерину 13 июня 1942 года.

«Тов. Падерин вступил в бой командиром взвода пешей разведки. С первых же дней боев тов. Падерин проявил героизм, смелость и отвагу. Тов. Падерин со своим взводом 16 раз ходил в разведку принося ценные донесения и без единой потери возвращался в часть. Во время боев тов. Падерин сам лично уничтожил до 40 фашистов, броском гранаты вывел из строя расчет ручного пулемета и захватил его. Во время разведки тов. Падерин часто попадал в окружение, но выходил без единой потери, уничтожив при этом до 10 фашистов. В бою под селом Черемошна т. Падерину было поручено командовать ротой. С этой задачей тов. Падерин справился на отлично. 8.2.42 г. тов. Падерин со своим взводом вступил в бой против 80 немцев. В этой схватке тов. Падерин уничтожил огневую точку противника. По выздоровлении после контузии т. Падерин был выдвинут на должность заместителя командира батальона».

15 марта 1943 года капитану Падерину вручена очередная награда — орден Красной Звезды (своим командиром он был представлен к награждению орденом Ленина).

«Капитан Падерин А.И. в боях за опорный пункт Городище 20.02.43 г., когда выбыл из строя к-р б-на, принял на себя командование б-ном, смелым броском б-на занял опорный пункт Городище. Находясь в первых рядах, лично сам уничтожил 3 офицеров, до 30 солдат, подавил огонь 2-х руч-

ных пулеметов. Под его руководством б-н отразил 20-21.02.43 г. 8 контратак пр-ка. Был контужен и ранен».

6 апреля 1985 года ветеран Великой Отечественной войны Андрей Иванович Падерин был представлен к награждению орденом Отечественной войны I степени.

УДАЧИНЫ

История камчатских крестьян весьма и весьма занимательная. Удивительно, но Степан Петрович Крашенинников ни слова не говорит о камчатских крестьянах, хотя другие историки пишут о том, что они прибыли примерно в эти же годы с реки Лены из Илимского края.

Карл фон Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатки В.С. Завойко, во время одного из своих путешествий по Камчатке побывал в селении Ключи и встретился здесь с одним из самых старых жителей этого поселения.

И вот какую историю рассказал ему потомок вологодского купца-промышленника (он умер от цинги на одном из островов Алеутской гряды, будучи участником Секретной правительственной экспедиции Креницына-Левашева) и дочки камчатского казака и коренной камчадалки Алексей Иванович Удачин:

«Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачиным, воспоминания которого уходили в очень давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь еще играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и, главным образом, вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда

Летописец истории родов камчадалов долины реки Камчатки Виктор Николаевич Чекмарев с супругой Людмилой Николаевной из рода Удачиных

населенных исключительно камчадалами и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доставивший печальную весть на суда, собравшиеся у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли вверх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвел страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина с материнской стороны, приобретший печальную известность казак Никифор Колыгов, также был приговорен к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. **В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а еще более с берегов Лены, так что с 1740 года это чисто русская деревня.** Нижнекамчатск был также немедленно восстановлен, но не на прежнем месте, а немного ниже по реке, где стоит и теперь, т. е. при впадении Ратуги в Камчатку. Удачин еще очень хорошо помнил новопостроенную крепость. Поселение было окружено очень прочным частоколом с воротами и дверьми, в амбразурах были поставлены пушки, и вообще крепость была сильно укреплена. Старая крепость, по словам Удачина, также была очень сильна и взята лишь хитростью. Камчадалы зажгли один из домов в предместье, и русские, ничего не подозревая, выбежали из крепости тушить пожар. Камчадалы воспользовались этим моментом, в большом числе вышли из засады, напали на русских, перебили их и сожгли деревянное укрепление. В нововыстроенном остроге стояли Успенский собор, Приказ, госпиталь, казарма, дом начальника и еще некоторые другие дома; собственно же частные дома, Никольская церковь и два гостиных двора находились впереди крепости. Торговля здесь процветала, и все товары можно было достать очень дешево. Вообще, благодаря прежде гораздо более многочисленному населению, во всей стране было больше оживления, между тем как теперь она представляется совершенно мертвой. Прежде было также значительно больше и более ценного пушного зверя, а потому сюда притекало больше денег и товаров.

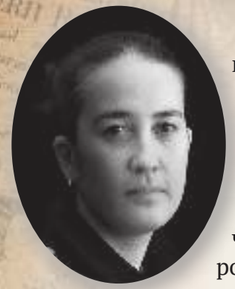
Камчадалы прежде были гораздо более самоуверенны, чем теперь, и нередко в борьбе с русскими обнаруживали черты большой храбрости и самоотвержения. Вооруженные одним холодным оружием, они мужественно выступали против огнестрельного оружия русских, стремясь освободить свою родину от владычества казаков.

По мнению Удачина, камчадалы почти вполне сохранили свою внешность, нравы, обычаи и привычки. Изменилось у них немногое: так, русская изба вытеснила юрту, а христианство — поклонение Кутхе. Последнее изменение, однако, чисто внешнее, потому что у них еще вполне процветают суеверия. Ворон и поныне остается птицею, посвященной Кутхе; и теперь еще, в важных случаях, камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом. На севере, у оседлых коряков, у укинцев, паланцев и олюторцев, вполне открыто еще соблюдается старая вера. Камчадалы нередко отправляются туда, чтобы испросить совета и помощи у тамошних шаманов.

Наконец, Удачин рассказал мне легенду, заслуживающую внимания по некоторым чертам сходства с библейским рассказом о потопе. По этой легенде Камчатка в глубокой древности была залита большим наводнением. Жители ее выстроили себе громадный плот, на котором и спаслись. Впоследствии, после стока воды, плот остановился на вершине хребта Тимаска и остался там. Много лет после того на горе еще были видны обломки этого плота.

Много лет спустя после Мерлина, рассказывал далее Удачин, Правительство перевело из Сибири в Камчатку несколько батальонов солдат под командой генерала Сомова и расквартировало их главным образом в Нижне- и Верхнекамчатске. Самыми населенными и большими камчадальскими деревнями (острогами) по реке Камчатке в то время были Машура и Хапича. Население Хапичи, находившейся между Ключами и Камакой, совершенно вымерло в 1768 г. во время страшной эпидемии оспы, и с той поры этот острог более не существует. На восточном берегу полуострова самыми большими камчадальскими оострогами были Кроноки и Чажма, ныне также совершенно вымершие и безлюдные местности. Такая судьба постигла, впрочем, все поселения восточного берега, от самого южного конца до устья реки Камчатки».

Когда-то под впечатлением книг по истории Камчатки, сказок и мифов народов Севера и я, будучи еще девятиклассником, написал «Легенду о Ключевской сопке», которая впервые была опубликована в усть-камчатской районной газете «Ленинский путь», а впоследствии вошла в очерк о ключевских крестьянах Удачиных, опубликованной уже в моей книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)».

Камчатская поэтесса Жанна Германович, которая живет в Ключах, — облекла эту легенду в самостоятельную поэму об утверждении Любви: ведь мамками всех русских старожилов Камчатки были коренные камчадалки или их дочери и внучки, рожденные в смешанных браках.

ЛЕГЕНДА О КЛЮЧЕВСКОЙ СОПКЕ

По мотивам одноименной легенды С. Вахрина

Часть первая

I

Янтарь истории по праву
Оберегают Листвяги.
Как учинил тойон расправу
Обскажут сляча, топляки.

Игрою искр восстанет древность,
Возжжет фантомы костерок.
И хороводы барельефов
Вплывут в казацкий острожок.

Предстанут горе-персонажи
Не нами привранных легенд,
И опадут личины сажей
В изгибы черно-белых лент.

II

Долина слухами богата,
Как незабудками елань.
Бурлят ключи: «Явилась Атхлах!
Лицом — Венера, станом — лань!»

Шаман сзывает ительменов:
«Гласит пророчество: младой
Прослыть супругою Кыена
И пасть от злобы. Удостой

Потомка племени Медведя
Взаимностью и да узрят,
Как усмиряет норов зверя
Любви знамение — дунат».

Сплетают прочно судьбы духи,
Ведет возлюбленных Арктур.
Но войско туч, свинцом гнетущих,
Видать на подступах… вприщур.

III

Кыен из гордых ительменов,
Хитер, отважен, сердцем чист.
Но росс коварен! Покумекав:
«Ясак безбожникам влачить!»

В остроге житие вольготно:
Казаки молятся «доскам»,
Взимают дань, не чтут охоту,
Лупцуют спины смельчакам.

Худ. В.П. Соколов-Ширшов

«Своим» и нарекли тойона:
Угодник Ашх — торговых дел
Заправский мастер, неуклонно
Пушниной и копейкой богател.

Взрастил сынов, царит в угодьях,
Стращать сородичей мастак:
«Запретны земли! Чур! Не скрою:
Гамулы в озерцах-бадьях

Трапезничают. Своеволья
Не дозволяют духи гор!
Довольствуйтесь, бедняги, хворью,
Казачьей дулей да ярмом!»

День ото дня одолевают
Кыена мыслей табуны.
Приметам счет — неурожаю
Случиться. Опустошены…

IV

Ясачный сбор прожорлив: властью
Припомнены долги дедов.
Христианин припал к распятью…
Кыен клянет временщиков!

Испив отвар целебной чаги,
Пустился паря промышлять
(мехами славилась Камчатка).
Таится зверь. За пядью пядь…

Не пособляет перенога,
Сковал тайгу зловредник-лед.
Не сыщешь живность. Лишь крестовка
Трофеем (пагуба грядет…).

V

Смекнул охотник: «Вождь недаром
Побаски выдумал травить.
Я сыт отменно этим фарсом!»
Сбирается осуществить

Поверку. Сыновья тойона
С добычей знатною не раз
Вертались… Челядь удивленно:
«Знать, духи почитают вас!»

Упряжка мчит Кыена, вскоре
Проглянут пышные леса.
Затмилось солнце. Ливень хвои.
Крестом мелькнувшая лиса….

Супружница обряд свершает:
Не шьет, не стряпает, жилье
Не прибрано. Грусть малахаем
Виски сдавила. Слезы льет…

VI

В то время как… Кыен достигнул
Предел, поправ табу вождя,
Пейзаж мистический возникнул,
А жителями — соболя!

Божеств умилостивил танцем.
Разверзлась бездна, и Туил –
Подземных бурь виновник, агнцем
Козейе юколы спросил:

«За щедроту, Кыен, охотно
Дремотой сопок отплачу!»
Светил трепещутся полотна.
Аборигены Кутха чтут.

Спешить не думает охотник,
Усердно юрту мастерит.
Ни сырь, ни хлад, ни гвалт вороний –
Ей нипочем! Освоен шифр –

Влекут следы, кишит добыча.
Восторгом опьянен Кыен:
«Зверья, как в неводе чавычи!
А юрта – оберег, кремень!»

VII

Кручина овладела парей,
Зовет родимый очажок.
(В остроге толки тарабарят…)
Разлукой с Атхлах изнемог.

Добытчика жена встречает,
Из яств: соленка, тульч… Чайка
С устатку. Счастье распирает:
«Провел вождя наверняка!

Задобрил духов, юрту сладил.
Долги погасим, заживем!
И не останемся внакладе».
Не тут-то было… Ашх-тойон

Прознал о дерзости Кыена,
Топочет, брызгает слюной:
«Как ты осмелился, блаженный,
Попрать запрет?! Так в летний зной

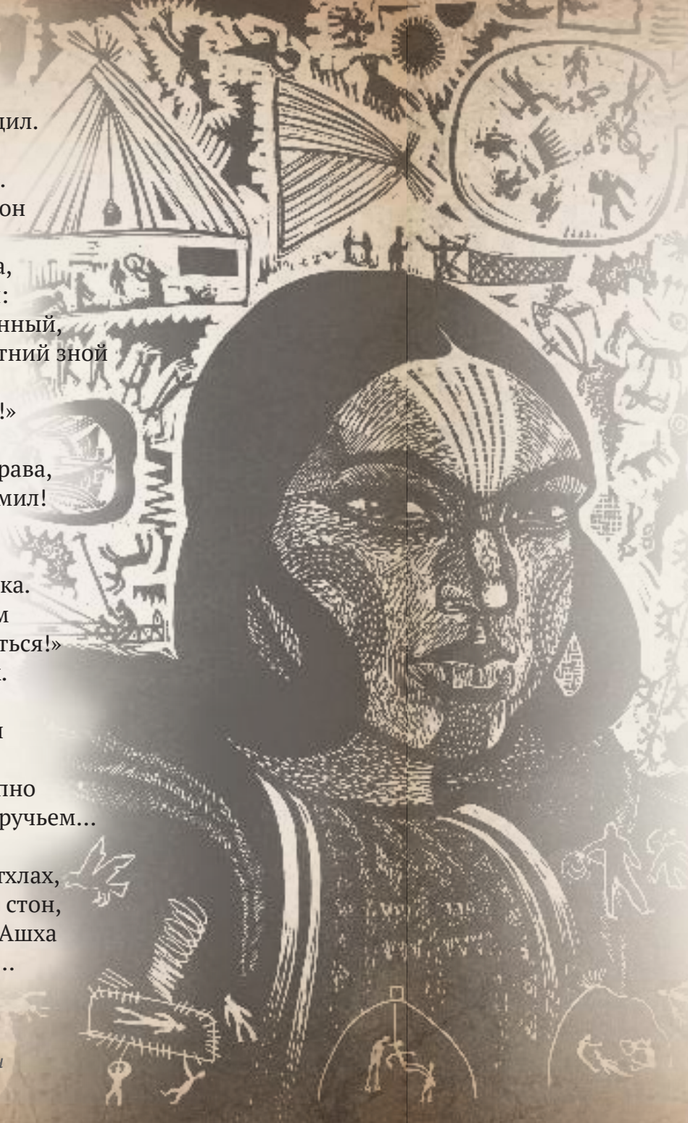
Вознагражу тебя по праву!»
И злобу в сердце затаил…
Для злоречивых смех – отрава,
Смеется Атхлах! Ашх – немил!

VIII

Лососем полнится Камчатка.
«Чавычу видел! – голоском
Пичуга. – Просим столоваться!»
Медведи лакомятся впрок.

Кыен рыбешку в балаганы
И в ледники. И воздает
Хвалу природе. Как внезапно
Вонзился дротик, кровь – ручьем…

Пал ительмен! Из юрты Атхлах,
Заслышав сердцем сердца стон,
К любимому… Но местью Ашха
Поражена! Лес осквернен…

Худ. В.И. Зорин

IX

Отмстил тойон (сбылось предвестье)
Руками подлецов-сынов.
Слагают ительмены песни
Длиною в жизнь…
А жизнь — любовь!

Часть вторая

I

Средь русских и аборигенов
Случались распри. Спасены
Предания, не выцвели легенды,
Звучат напевы старины.

Манит поныне и чарует
Камчатка пламенем судеб.
Поэты образы врачуют,
Графит истории окреп.

Шаманы ведают, что души
Бессмертны, и как знать,
В потомках возродятся предки,
И солнцу бубном воссиять!

II

Отцовским мужеством взлелеян
Охотник Ильпх. Твердит молва:
«Наследник нищего семейства!»
Не знает скромность хвастовства.

Застенчив, богатырской силой
Не наделен. Красноречив.
Средь русских – «ительмен-чудила».
Злословье – заросли крапив.

В остроге важничал приказчик:
«Дочурка Любушка — краса!
Не счесть руки ее просящих.
Очей пленяет бирюза!»

Не ведал он, что Ильпх с Любовью
Мерцаньем звезд обручены.
Тоскливо пенье горловое.
Подсказки посылают сны…

III

Приказчик в новолунье вздумал
В Якутске выдать замуж дочь
За сына воеводы. Шумно
В остроге: «Голодранец, прочь!

Ни рухлядью тебе, ни златом
Не вымолить ее руки.
Отведай кнут! Я дочь просватал!»
Стегают Ильпха казаки…

Взмолилась Любушка, но тщетно…
Влепил пощечину отец!
Упряжка мчится в лес запретный
От всех, от всех…

IV

Нехитрый скарб вместила нарта,
Собак торопят беглецы.
Звенит капель, средина марта,
В речушках плещутся гольцы.

Обманчив лед… Вмиг поглотила
Упряжку бездна полыньи.
Ильпх борется, теряет силы…
Приют завидела вблизи

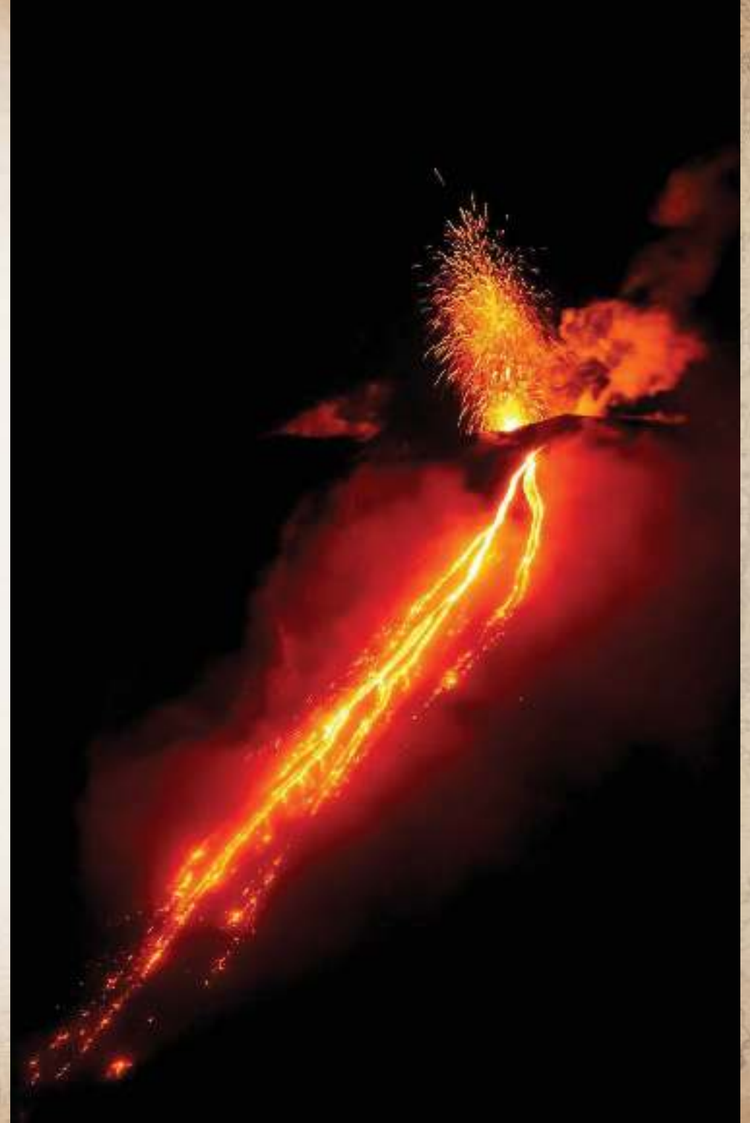
Любимая. Спасеньем юрта
Возникла – колдовство легенд!
(Кыену слава! Слава мудрым!)
Дровишек уйма в очаге.

Напрасны Любушки старанья,
Почил драгой… Охапки дров
В огонь безумная бросает,
А вслед себя, любовь и кров…

V

Не кануть в Лету персонажам,
Не погасить огонь любви!
С тех пор на месте юрты стражем
Пылает сопка и скорбит.

Ключевская сопка, М. Безуглый, @bezumax

Прошли столетия с той героической поры, когда русские промышленники и казаки, преодолевая просторы Тихого океана, осваивали Русскую Америку. Да и Русская Америка давно уже не Русская… И коренные камчадалы потеряли в одночасье свой национальный статус древнейших рыбоедов, который с огромнейшим трудом пытаются восстановить, чтобы получить доступ к рыбе, как основе своего этнического и биологического существования.

И снова хранителем памяти о коренной Камчатке выступает род Удачиных.

Муж Людмилы Николаевны, в девичестве Удачиной, Виктор Николаевич Чекмарев, увлекшись историей своей семьи, изложенной мной в том самом очерке «Удачины», который был опубликован в книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», стал по крупицам восстанавливать родословное древо своей семьи.

Но за двести с лишним лет существования рода Удачиных на Камчатке его представители через брачные союзы влились в единую семью камчатских народов, которые являются по отношению друг к другу, если не ближними, то дальними родственниками обязательно.

Виктор Николаевич сначала прошел по ближнему кругу родственников, большинство из которых состояло в браках с людьми, которые приехали в Ключи уже в советское время и являются представителями всей многонациональной России.

А вот дальний, дореволюционный, круг родственников Удачиных открывал географические просторы Камчатки — невест привозили в Ключи как с ближних (окрестных) сел, так и издалека.

Конечно, первой из ключевских фамилий, представленных в списках родственников, была фамилия крестьян Ушаковых. И вполне вероятно, это первоначально была казачья фамилия.

А вот Рыковы и Кречетовы, вполне вероятно, прибыли с верховий реки Лены в качестве крестьян-переселенцев. Эти два рода были настолько многочисленными, что впоследствии стали не только основателями ключевских выселок — селения Кресты, но и пополнили состав камчадальского населения окрестных сел Ушков и Козыревска. Что интересно, когда их переселяли в камчадальские села, то записывали в камчадалы, а когда они возвращались в Ключи, то снова становились крестьянами. При царе-батюшке на Камчатке не было национальной проблемы — все чиновники прекрасно понимали, что существует единая камчатская семья народов, где русские и камчадалы являются родственниками, и от перемены места обитания их на-

циональная сущность не меняется, ибо все они — камчадалы.

Это только советские этнографы внесли сумятицу и создали неразрешимую проблему, когда в 1926 году все коренное и старожильческое население Камчатки «подмели под одну метлу», сделав русскими…

Юрьевы — это уже, по всей видимости, другая история — дети-сироты солдатской семьи из Камчатского гарнизонного батальона, прибывшего из Иркутска: в 1812 году в Нижнекамчатске среди воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона были братья Юрьевы — Петр Васильевич (11 лет) и Семен Васильевич (16 лет). По документам, относящимся к 1806 году, проходит и Степан Юрьев, тоже из города Нижнекамчатска. Это был Юрьев Степан Васильевич (1789) — впоследствии гренадер Камчатского гарнизонного батальона, Петропавловский порт, 1813 г.; матрос 2 статьи Петропавловской экипажной роты, 1815 г.; «военнопосельщик», Петропавловский порт, 1821 г.

Петр Васильевич Юрьев позже также служит в Петропавловской экипажной роте матросом второй статьи.

А вот кто конкретно был отцом уже ключевских крестьян Василия и Николая, пока остается неизвестным. Возможно, Семен Васильевич, следы которого в истории теряются. Возможно, Петр Васильевич… В Нижнекамчатске у братьев Юрьевых было еще и три сестры — Пелагея, Наталья, Матрена, которые также могли свить семейные гнездышки в Ключах и найти здесь невест для своих братьев.

В истории остался Василий Юрьев (1827–1863), который был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте за участие в эвакуации Петропавловского порта в 1855 году. А также Николай Юрьев, который, собственно, и стал родоначальником ключевских крестьян Юрьевых, с которыми впоследствии породнились и Удачины.

Из казаков, переведенных в крестьянское сословие, вероятно, были и другие ключевские родственники — Штильниковы (Штинниковы), Чудиновы, Курдюмские. Казаки Курдюмские и Чудиновы пришли на Камчатку из Тобольска. Штинниковы — из Селенгинска.

Среди ключевских крестьян были и заштатные потомки первого ключевского священника из коренных камчадалов – сына тойона Лыкоча, о котором мы уже рассказывали. Оставшись за штатом священно- и церковнослужителей, ключевские Коллеговы стали крестьянами. Внучка Григория Михайловича Удачина — Анисия Ивановна — вышла замуж за Фловяна Романовича Коллегова. Потомками священнослужителей являются также ключевские Михайловы и Каргопольцевы.

Самым известным из Удачиных был Григорий Михайлович — кавалер Георгиевского креста 4-й степени за участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Постепенно генеалогические исследования Виктора Николаевича вышли за рамки своей семьи, и благодаря во многом его труду родословные линии его земляков, живших когда-то в давно уже не существующих селах Толбачик, Харчино, Еловка, Кресты, Ушки, Камаки, Нижнекамчатск, восстановлены и опубликованы в «Камчатской родословной книге».

Проводник Ключевской вулканстанции Николай Николаевич Удачин, 1977

СНОВИДОВЫ

Эта фамилия хранит в себе память о том, что Камчатка в 18-м столетии была местом политической ссылки, куда ссылались важнейшие государственные преступники — участники неудавшихся дворцовых заговоров.

Считалось, что с Камчатки ссыльным бежать невозможно. Но в 1771 году взбунтовавшиеся камчатские ссыльные во главе с уроженцем Словакии польским конфедератом Августом Морицем Беньевским и примкнувшими к ним зверопромышленниками и местными уроженцами захватили казенный галиот «Святой Петр» и совершили на нем беспримерное по тому времени плавание до китайского порта Кантон. Приключения барона Бенгоро (Бейпоска, Бенейха, Беньевского), короля Мадагаскара, впоследствии опишут в многочисленных романах...

Но не все ссыльные вступили в заговор и приняли участие в бунте.

Иван Кириакович Сновидов, сержант лейб-гвардии Измайловского полка, был сослан на Камчатку в 1742 году вместе с Петром Матвеевичем Ивашкиным, прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, и Александром Дмитриевичем Турчаниновым, камердинером правительницы Анны Леопольдовны, матери императора Иоанна VI Антоновича, свергнутой с престола гвардейцами Преображенского полка, созданного царем Петром, и провозгласивших императрицей его рожденную вне брака дочь Елизавету Петровну. Не все в аристократическом обществе — в том числе и гвардейцы — были довольны таким поворотом истории. Нашлись и такие, кто заново хотел вернуть на престол малолетнего императора Иоанна VI Антоновича...

«Ивашкин по восшествии на престол... Елизаветы Петровны имел... намерение, чтоб собрав партию ночным временем придти ко дворцу и захватя караул войти в покои и ее Государыню и его высочество умертвить, лейбкомпанию заарестовать, кто будет противиться колоть до смерти...», — писали впоследствии историки.

Что было на самом деле — история утаивает. По прошествии многих-многих лет было затребовано дело Ивашкина, который к тому времени уже более полувека провел в камчатской ссылке. Дела не нашли. Но в справке написали, что преступление было столь важным, что пересмотру его дело не подлежит: «...преступление Ивашкина столь велико и столь важно, что он не токмо помилования, но даже и никакого облегчения во участи своей не заслуживает...» Но все-таки помиловали... через шестьдесят лет. Ивашкин, к тому времени уже совершенно ослепший, предпочел умереть на Камчатке, что и случилось в 1806 году.

Историкам, правда, не бросилась в глаза одна деталь — будучи привлеченным в качестве переводчика для переговоров с прибывшей в Петропавловский порт французской экспедиции Лаперуза, Ивашкин назвался Квашниным. Историки посчитали, что таким образом он скрывал свое истинное лицо. Как мы впоследствии выяснили, он на самом деле слал с французами весточку о себе — о том, что он, Петр Матвеевич Квашнин, крестник императора Петра I, еще жив и здоров...

С Беньевским бежал Александр Дмитриевич Турчанинов, найдя свою смерть в китайском порту Макао (Кантоне).

Иван Кириакович Сновидов умер до событий Большерецкого бунта 1771 года, потому о нем и нет никакой информации, связанной с событиями того времени.

Собственно, и в дворцовом «перевороте» ему выпала совершенно незначительная роль — пустая говорильня за пьяным застольем: «Сновидов в выше назначенном злодейском умысле явился сообщником, пообещался к тому сыскать себе друзей и партию, а притом многие склонные к тому злодейскому намерению слова говорил, и тем Гурчанинова (Турчанинова) поощрял, по принцессе Анне и муже ее, по сыне их принце Иоанне сожалительные слова говорил же».

Сновидовы (Снавидовы) были из псковских бояр. Иван Тарасиевич Сновидов женился на дочери Анны Илларионовны Голенищевой-Кутузовой (родной сестры фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова) и Осипа Петровича Ушакова.

Иван Кириакович Сновидов оказался наиболее приспособленным из всех троих к условиям сибирской ссылки — будучи сослан в Нижнекамчатский острог, откуда начиналось промысловое освоение Русской Америки и куда прибывал многочисленный промышленный люд со всей России, он на

Сновидовы — Иван Федорович и Евдокия Владимировна — с детьми, Володей и Полиной, 1932 г.

устье реки Камчатки создал собственный солеваренный завод и обеспечивал солью население полуострова.

Женился на вдове, усыновив ее ребенка Ивана.

Иван и стал первым носителем камчатской уже фамилии Сновидов.

Родился и свой сын — Захар, который вошел в историю Камчатки как купец Захар Иванович Снафидов. Затем второй — Петр Иванович Снафидов (Сновидов).

Иван Иванович Сновидов стал священником. Вот его история: «Священник Иоанн Сновидов, питомец лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Ивана Кириакова Сновидова, по приговору тайной канцелярии посланного в Камчатку. Об этом сержанте архимандрит Хотунцевский (глава Камчатской Духовной Миссии в 1745 г. — *С.В.*) с особенною хвалою отзывался перед святейшим Синодом, как единственно своими услугами через выварку соли и другими поддержавшем продовольствие миссии в Камчатке; а вскормленника его Иоанна, обучавшегося в нижнекамчатской школе, зачислил в клир в 1765 г. протоиерей Стефан, и через 10 лет послал в Иркутск к рукоположению. Он посвящен в священники 24 ноября 1776 г. к ичинской церкви, где со смерти Уваровского место было праздное. Дети Иоанна Сновидова Петр и Александр священствовали также при сей церкви — по 1843 г.» (Прокопий Громов «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

1937 год. Евдокия Владимировна Сновидова (Корякина) с детьми — Борисом (на руках), Володей, Полиной

Впоследствии представители династии священно- и церковнослужителей Сновидовых несли свою службу в церквях Охотско-Камчатского края, а потом и по всей территории Камчатско-Курильско-Алеутской епархии, охватывающей в XIX столетии земли Русской Америки, Охотско-Камчатского края, Якутии, а впоследствии Приамурья и Приморья.

Например, Петр Андреевич Сновидов (1833) служил в Благовещенской Николаевской церкви, а Сновидов Владимир Семенович (1838) был священником Николаевского Приморского собора, учителем Благовещенского духовного училища.

Судьба священника ожидала и Ивана Федоровича Сновидова (1900), которого нижнекамчатский священник Геронтий Васильевич Коллегов послал учиться во Владивосток. Но наступили послереволюционные советские времена, и вместо духовной семинарии Иван Федорович впоследствии закончил рабфак во Владивостоке и вступил в партию большевиков. Как позже писала в своих воспоминаниях его дочь Людмила Ивановна Солейчук: «Отец мой Сновидов Иван Федорович родился 20 октября 1900 года в Нижне-Камчатске. У нас в родне были священники, а отец был партийным человеком, поэтому нам о своих родственниках почти не рассказывал».

Владимир Иванович Сновидов с дочерью Асей

Может быть, поэтому ему удалось избежать политических репрессий, как «чуждому элементу», потомку «служителей культа», затесавшемуся в ряды воинствующих атеистов-большевиков, как это случилось с его родным братом, председателем Усть-Камчатского райисполкома, умершего 11 декабря 1938 года в следственной тюрьме, почему его имени нет в книге «Памяти жертв политических репрессий», и дальней родней на западном побережье Камчатки: к трем годам лишения свободы был приговорен потомок облуковинских (ичинских) священников Сновидовых Василий Гаврилович Сновидов (1902 г. р.); к пятнадцати годам с лишением гражданских прав на пять лет — Михаил Афанасьевич Сновидов (1878), лишены в 1926 г. избирательных прав бывший «служитель культа» Гавриил Васильевич Сновидов (1870) и Сновидов Нико-

лай Иванович (1866) — бывший псаломщик Гижигинской корякской походной миссионерской церкви в 1893 г., впоследствии священник в с. Облуковино.

В настоящее время исчезли с лица земли родовые поселения Сновидовых — и Нижнекамчатск, и Ича, и Облуковина.

Рассыпались по всей стране родовые семена этой фамилии.

И, к сожалению, когда мы попытались организовать в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» (Камчатка, г. Елизово) День камчатской фамилии Сновидовых, никто из этого рода не откликнулся на наш призыв…

ВЕРЕЩАГИНЫ

Исторически Верещагины были камчатскими казаками. В Сибирь же служилые люди Верещагины пришли разными путями.

Вот, например, что сообщают об истории своего рода томские Верещагины в 1680 году.

Верещагин Афонька Кузьмин: «Отец был на Москве дворовым человеком Никиты Ивановича Романова, а он взят был к великому государю в конюхи, а в прошлых годах сослали с Москвы в Томск по грамоте в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

Верещагин Гришка Омельянов сын: «…отец родился в Томске и был в конной службе, а он родился в Томске и верстан в отцово место при воеводе князе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Верещагин Ивашко Федоров сын: «Родом он… посадского человека сын, в Томск пришел гулящим человеком и поверстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

У якутских Верещагиных история их казачьего рода была иная: в 1672 году Илимскому воеводе С.О. Аничкову пришел указ о присылке в Якутский острог ссыльных людей Акима Верещагина и Алексея Якимова.

В 1681 году мы встречаем имя Екимки Верещагина в списках якутских казаков. А в 1687 году Яким Верещагин записан в казачий женатый оклад — то есть у него образовалась семья.

Камчатская родовая линия казаков Верещагиных начинается с Федора, который служил здесь во времена пребывания на Камчатке С.П. Крашенинникова.

Но в этот период на Камчатку посылали людей из двух мест — Якутска и Иркутска-Нерчинска.

В 1685 году в списках нерчинских казаков мы находим имя десятника Дмитрия Верещагина.

В 1694 году в Итанцинском остроге (построенном в 1679 году в устье реки Итанци, правом притоке реки Селенги) он также служил в десятниках.

В 1700 году в десятниках служит уже его сын Гаврила.

Следующая запись:

«Десятник Гаврило Верещагин и в 707 году умре, а в ево место и в оклад приверстан брат ево родной Иван Верещагин, служит с пашни».

1721 г.: «Десятник Иван Верещагин 54, дети ево сын Гаврила 14, Михайло 12, Фрол 10, да брат ево Иванов Василей 25».

Имени Федора в этом списке нет. Поэтому, возможно, он прибыл на Камчатку из Якутии. И знаем мы о нем только благодаря упоминанию этого имени в книге «Описание земли Камчатки» (1949 г. издания): «И по силе вышеозначенного требования отправлен от Большерецкой приказной избы от закащика Тимофея Гусельникова служивой Федор Верещагин, которому дан ее императорского величества указ, чтоб ему ехать на Авачю, на Налачеву и в Калахтыри для покупки иноземческого платья, о чем ко мне из помянутой приказной избы июня 13 дня прислано известие».

В Большерецком остроге у казака Федора Дмитриевича Верещагина было два сына — Василий и Роман.

В 1745 году на полуострове начала свою деятельность Камчатская Духовная Миссия архимандрита Иоасафа Хотунцевского, который не только занимался миссионерской деятельностью, но и готовил местные кадры церковно- и священнослужителей.

В 1750 году в духовное звание был принят Василий Верещагин.

Преемник архимандрита Хотунцевского на посту главы Миссии Пахомий обратил внимание на другого сына Федора Дмитриевича — Романа, «исходатайствовал увольнение с казачьей службы и лично в 1758 году 13 мая представил в Иркутске к рукоположению в диаконы. Прослужив в этом сане при большерецкой церкви около 10 лет, Роман Верещагин, вторично посланный в Иркутск 14 ноября 1767 года, рукоположен в священники и был первоначально определен к Нижнекамчатской Николаевской церкви, а потом переведен в проповедническую свиту. Временно служил и при паратунской церкви. Умер в Нижнекамчатске 11 апреля 1801 г.».

Но в мировой истории остался известен именно… паратунский священник Роман Федорович Верещагин, благодаря его встрече в Петропавловской гавани с членами экспедиции Джеймса Кука.

Вот что написано в справочном отделе книги «Джеймс Кук. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг.»:

«Священник Роман Федорович Верещагин имеет от роду 44 года и родился в Большерецке. Отец его был русским, мать — камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей, и их, и жену он достойно содержал, получая 80 рублей в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской (Пенжинского берега) и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами. Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки».

Роман Федорович Верещагин (1735–1782) — «священник в Паратунке, личность весьма примечательная. С его отцом “служилым” человеком, летом 1738 г. встречался С.П. Крашенинников. Два сына этого служилого человека, по словам И.Ф. Крузенштерна, “сделали величайшую честь своему состоянию”. Старший, Роман сыграл большую роль в распространении русской культуры на Камчатке и Курильских островах, на которых он неоднократно бывал. Р.Ф. Верещагин в совершенстве владел камчадальским и корякским языками и пользовался у коренных жителей Камчатки “огромным авторитетом”».

Члены экспедиции Джеймса Кука дважды заходили в Петропавловскую гавань. В последнем случае по весьма трагическим обстоятельствам — чтобы предать земле прах мореплавателя Чарльза Кларка, который возглавил экспедицию после гибели Джеймса Кука.

Лейтенант Дж. Барни писал в своем дневнике в 1779 году: «Пятница, 27 августа. Этой ночью прибыл наш старый друг приходской священник из Паратунки Роман Федорович Верещагин и утром посетил капитана Гора. Он отказался хоронить капитана Кларка в Паратунке, ссылаясь на то, что мы не христиане или, по меньшей мере, люди, не приобщенные к греческой церкви, но предложил предать тело земле в том месте, где в будущем году должны построить церковь и где похоронено много русских… Взяв в расчет, что людей этих убедить невозможно, мы согласились… Вечером вырыли могилу у подножия дерева в самой глубине бухты Петра и Павла…»

«…Воскресенье, 29 августа. Между 12 часами и 1 часом тело капитана Кларка было предано земле с воинскими почестями, достойными его ранга по церемониалу, принятому англиканской церковью. С кораблей было дано 12 пушечных выстрелов, и солдаты трижды салютовали из мушкетов у могилы. На погребении присутствовали капитаны, все офицеры обоих кораблей, священник, сержант. В качестве зрителей

Атлас к «Путешествию вокруг света Капитана Крузенштерна»

Так памятник А. Кларку выглядит сегодня

было много русских и большинство наших матросов».

По сообщению самого Романа Федоровича в 1795 году священников Верещагиных было уже трое:

Из Рапорта в Камчатское Духовное Правление Камчатской проповеднической свиты священника Романа Верещагина:

«В прошлом 1795 году 20 числа по данному мне из оного Духовного Правления Его Императорского Величества указу, о следовании через Курильские морские острова к дальним мохнатым курильцам для проповеди слова Божия и крещения по желанию их с данным о проезде моем от Нижнекамчастких городничих дел подорожною, а от земского суда билетом, отправясь исследовать даже до четвертого-надесять острова с патриархальным священником Федором Верещагиным в одной байдаре…»

Вероятно, это был сын Василия Дмитриевича Верещагина, о судьбе которого нам пока ничего неизвестно.

И таким образом, все современные камчатские Верещагины — это потомки Федора Дмитриевича и Романа Федоровича Верещагиных.

Поэтому первое поколение Романовичей всецело отмечено как церковно- и священнослужители:

Верещагин Иоанн Романович (1768), 1808 г., священник Нижнекамчатской Николаевской церкви; 1816 г., священник в Петропавловском порту.

Верещагин Федор Романович (1779), 1808 г., дьячеок в Петропавловском порту в 1808 г.; 1828 г. священник Тигильской Христорождественской церкви; священник Ичинской церкви в 1845 г.; священник Верхнекамчатской Богоявленской церкви.

Верещагин Афанасий Романович (1773), 1808 г., дьячок Тигильской церкви; 1815 г. отставной дьячок Тигильской церкви.

Верещагин Никифор Романович (1782), 1808 г., пономарь Ичинской церкви; дьячок, Петропавловский порт, 1823 г.

В 1840 году образована территориально самая крупная в Российской империи Камчатская епархия, простиравшаяся от Аляски до Якутии. Интересно проследить о перемещении камчатских Верещагиных в период их обучения в семинариях и последующих службах.

Сын Федора Романовича — Иван Федорович: «С 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; с 1835 г. в Иркутской духовной семинарии; в 1850 г. священник Ичинской церкви.

Священнический сын, обучался в Иркутской духовной семинарии. Был учителем в нижнем отделении Якутского духовного училища, в 1851 г. рукопоположен в диаконы по Ситхинскому собору, в 1847 году был экономом в Новоархангельской семинарии, исправлял должность секретаря Новоархангельского духовного правления, в 1848 году рукоположен в священники Ичинской церкви. В память о войне 1854 года награжден наперсным бронзовым крестом на Владимирской ленте и медалью на Андреевской ленте. В 1862 году определен соборным священником и помощником Благочинного Камчатских церквей».

Его братья — Власий и Николай — проходят обучение в Ситхинской духовной семинарии на Аляске.

А вот дети Ивана Романовича Верещагина:

Верещагин Иринарх Иванович (1785–1885), родился в с. Верхнекамчатск, заштатный священник Приморской области Софийского округа с. Циммермановка, церковь Софийской Божьей Матери (ГАХК, ф. И85, оп. 44, д. 55).

Его брат Роман Иванович (1804): «Гижига всегда была тесно связана с Анадырским острогом, в котором в 1746 г. уже действовала церковь. В 1770 г., после ликвидации острога, жители в основном переселились в Гижигу и селения на Колыме, а церковь была разобрана. Вторичное заселение Анадырской крепости гижигинскими промышленными

людьми произошло в начале XIX в. Центром распространения православия в районе бывшего острога с этого периода становится Гижигинская церковь. На базе Гижигинской церкви с 1844 г. стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская походная Благовещенская церковь. В этом же году в Анадырскую часовню, построенную в 1839 г. в селении Майнской промысловой артели, прибыл первый причт, посланный И.Е. Вениаминовым “приобщать к слову Божию чукоч”. Возглавлявший миссию гижигинский священник Роман Иоаннович Верещагин с 1844 по 1849 г. окрестил 225 чукчей. Ему помогал пономарь Иннокентий Иванович Трифонов. Р.И. Верещагин неоднократно выезжал в устье р. Анадырь и принял деятельное участие в строительстве местной часовни. Он известен также тем, что во время голодовок юкагиров кормил их своими припасами. Однако Р.И. Верещагин, по-видимому, допустил серьезные нарушения в работе, так как в 1855 г. был понижен до должности дьячка, а в 1859 г. “запрещен” и отбывал послушание в Якутском монастыре».

Верещагин Иннокентий Федорович (сын Федора Романовича): «Особо следует сказать о миссионере Пуциловского стана в 1891–1895 гг. Иннокентии Федоровиче Верещагине. По отзыву епископа Камчатского Макария, это был “опытный миссионер и хороший учитель”, основательно изучивший корейский язык. 16 марта 1895 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких. Отцу Иннокентию Верещагину в школьной работе “деятельно” помогал псаломщик Александр Иоаннович Петрологинов (из рода камчатских священников Логиновых. — *С.В.*)».

Николай Кириакович Верещагин

Еще один сын Ивана Романовича Верещагина — Иоанн — был священником Мильковской Богоявленской церкви, но в 1843 году был лишен этого сана:

«…утверждаю мнение правления о лишении священства за прелюбодеяние бывшего мильковского священника Иоанна Верещагина» («Творения Иннокентия, митрополита Московского», книга вторая, М., 1887 г., гл. 3, Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 72).

Председатель колхоза «Коммунар» Иннокентий Модестович Верещагин

И вот таким образом в селе Верхнекамчатск появились крестьяне Верещагины, в то время как по всей Камчатке Верещагины по-прежнему представляли один из мощных кланов церковно- и священнослужителей: в Тигиле, Анадыре, Гижиге, Облуковино, Нижнекамчатске, Петропавловске, Благовещенске, Хабаровске, Якутске…

Так, например, сын анадырского псаломщика Федора Ивановича Верещагина — Верещагин Никифор Федорович (1909) был в годы Великой Отечественной войны руководителем оперативной связью Уэлькальского аэропорта, обеспечивающего поставки самолетов с Аляски по ленд-лизу, награжденный 16 июня 1944 года медалью.

У Ивана Ивановича было трое сыновей. Младший — Николай Иванович (1858) — окончил Благовещенскую духовную семинарию. А старшие — Иннокентий и Филарет — крестьянствовали в селе Верхнекамчатск.

Политические репрессии в 1930-х годах коснулись практически всех ветвей этого большого уже не только камчатского (но дальневосточного) рода.

Первый удар пришелся по семье Зиновии Иринарховны Верещагиной (1891), ко-

торая была замужем за Константином Степановичем Телятьевым (1878), осужденным 14.01.1932 г. и приговоренным к 10 годам лишения свободы.

Константин Степанович до революции и после нее работал учителем в церковно-приходской школе села Мильково.

А эта информация, по всей видимости, о его брате Иннокентии Степановиче:

«Род. в 1888 г., с. Средняя Борзя Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской обл., русский, житель с. Кутомара Нерчинско-Заводского р-на Читинской обл. Служил в Белой армии. Красный партизан. Работал в школе, заведующий. Арестован 24 октября 1938 г. Приговорен 5 октября 1940 г. Особым Совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10, 58-13 УК РСФСР к высылке на 5 лет в Казахстан. Реаб. 24 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. Жена Елена Максимовна, дети: Леонид — 1912 (умер 18 сентября 1939 г. в тюрьме), Константин — 1921, Мария — 1921, Екатерина — 1928, Степан — 1931, Алексей — 1936».

В Иркутске был приговорен к 3 годам Телятьев Семен Степанович. «Родился в 1889 г., русский; образование среднее; б/п; зав. нач. школой. Проживал: ст. Селенга Заб. ЖД.

Арестован 6 июня 1931 г. Приговорен: Тройка ПП ОГПУ Восточно-Сибирского кр. 6 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 13. Приговор: 3 года лишения свободы. Реабилитирован 5 февраля 1996 г.».

Обратите внимание на тот факт, что все трое были простыми учителями…

Второго июня 1932 года умер в тюрьме, не выдержав пыток, Верещагин Модест Иннокентьевич (1887) из Верхнекамчатска.

В этом же, 1932, году беда пришла и в семью его старшей сестры Виренеи Иннокентьевны Верещагиной (1875) — был арестован ее муж Всеволод Васильевич Мерлин (1877) из села Машура.

22 августа 1938 года расстрелян (без предъявления обвинения) бывший псаломщик Облуковинской церкви Кириян (Кириак) Васильевич Верещагин (1877), участник обороны Камчатки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

А их дети сражались за Родину в боях с немецкими фашистами и японскими милитаристами.

Николай Кирьякович Верещагин из западнокамчатского села Крутогорово погиб 30 августа 1941 года. Серафим Кирьякович Верещагин был участником Курильского десанта (в 1985 г. награжден орденом Отечественной войны 2 степени), как и Верещагин Иринарх Андреевич, погибший 18 августа 1945 г. на острове Шумшу.

Павел Модестович Верещагин 27 июля 1944 года награжден медалью «За отвагу».

Арсентий Модестович участвовал в Курильском десанте. А Константин и Иннокентий Модестовичи были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Участники Мильковского поискового краеведческого клуба «Камчадалы» установили, что в 1942 году под Сталинградом погиб Славьян Константинович Телятьев. А его брат — Витольд Константинович — в 1985 году за участие во Второй мировой войне награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждены колхозники из Верхнекамчатска: Верещагин Касьян (Кассиан) Иннокентьевич, его дети — Анфиса Касьяновна и Владимир Касьянович, а также Верещагина (в девичестве Зимина) Евдокия Афанасьевна (1894), жена Андрея Иринарховича Верещагина…

Федор Кириакович Верещагин с женой Анной Тимофеевной

ЧЕРНЫХ

Эта фамилия была очень распространенной в Сибири. Практически в каждом гарнизоне городов-крепостей были свои Черные, Черновы и Черных.

Первым же, как ни странно, отметился в Тобольске — сибирской столице, в 1623 году, литвин: «Деревня Шанталыке межах с монастырскими пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный. Пашни пашенные середние земли три чети без третника да перелогу четверть в поле а в дву потому ж а поскотинные земли в логу три десятины».

Позже он пошел на повышение: «…осенью 1628 г. в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения “тобольской литвы и литовского списка казаков”. После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, “излюбя из свое братьи из иноземцев”, выбрали в ротмистры “рядового литвина” Григория Иванова Черного и просили утвердить его

в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром…»

В 1658 году в Якутске отмечен его полный тезка — казак Григорий Иванов сын Черной, который в 1661 году служит вместе со знаменитым Иваном Ерестовым: «Роспись служилым людем, каторые посланы в Якутцкой острог за государевою соболиною казною с сыном боярским с-Ываном Ерастовым: Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломиев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мощильцов, Софонко Симанов, Ивашко Белокопыт, Мишка Коновал».

В это же время в списках якутских казаков отмечен Андрей Иванов Черной (Черных).

Но эти Ивановичи могли быть как тобольскими, так и енисейскими казаками.

Примерно в это же время в Енисейске, в новой Кемской слободе отмечена деревня «служилово человека Ивашка Федорова Черного, у него детей 4 сына Васка 16 женат, Тихонко 15 холост, Куземка 14 женат, Матюшка 12. Земля отведена з братом с Ылейкою на Кеме во 169-м году при воеводе Иване Ржевском».

В 1689 году сын Григория Ивановича Черного Стенка Григорьев сын Черной «сказал родом он города Тоболска у него дети Офонка 20 лет Ивашко болшой осми лет Ивашко меншой пяти лет».

В 1692 году в Якутске служит Мартынко Иванов Черный и два брата Максимко и Алешка (умер от оспы в это году) Богдановы дети Черные.

В Якутске в 1720 году проживал отставной казак Иван Черных шестидесяти лет от роду — то есть 1660 года рождения, возможный отец Мартына и Максима.

В 1706 году в Якутском казачьем полку: Черных Данило Федоров (13-я пятидесятня) Черной Мартын Иванов (13-я пятидесятня: «за заморские реки умре») и, вероятно, его брат Черной Максим Иванов (6-я пятидесятня).

На Камчатку в 1709 году следовал отряд из тобольских и енисейских казаков: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: Иван Нехорошков, Федор Хиценков, Ондрей Залесов, Гаврило Трубачев, Никита Чегус, Яков Нарицын, Василей Толстоухов, Федор Ерофеев, Степан Лапин, Михайло Минозим, Василей Гроцкой, Кирило Черных, Гаврило Истомин, Иван Волков, Михайло Вараксин, Иван Хайлов, и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

Судьба Кирила неизвестна.

Но в 1720-х годах на Камчатку направляют большую группу служилых людей, набранных в Нерчинске, Иркутске и Селенгинске.

Примерно в это же время появляется на полуострове Черной (Черных) Леонтий, ясачный сборник на р. Хайрюзовой, участник подавления бунта камчадалов в 1731 г.

Исходя из того, что старшие дети в казачьих родах, как правило (или нередко), носили имена своих дедов, то и аналог имени Леонтий Черных мы находим тоже в Нерчинске: «Меркурей Леонтьев сын Черных, у него отец Леонтей».

Меркурий Черных в 1721 году записан среди канцелярских людей Нерчинска как «верхотурец казачей сын Меркурей Черных 43 [лет]», то есть 1678 года рождения, и у него, вполне вероятно, был старший сын Леонтий, который был отправлен на Камчатку, как и в последующих годах — братья Андрей (Андриан), Иван и Алексей Черных.

О них же по архивным материалам выясняется: в Нерчинске «1719 году октября в… день Подгородной промышленной (а платит оброк — написано сверху) человек Максим Черных сказал живет он Максим в Нерчинску, женат, своим домом, у него де в доме мужеска полу людей он Максим штидесят лет, у него сыновья Андреян тринатцати лет, Иван десяти лет, Алексей двух лет, а болши де того у него Максима мужеска полу людей нет».

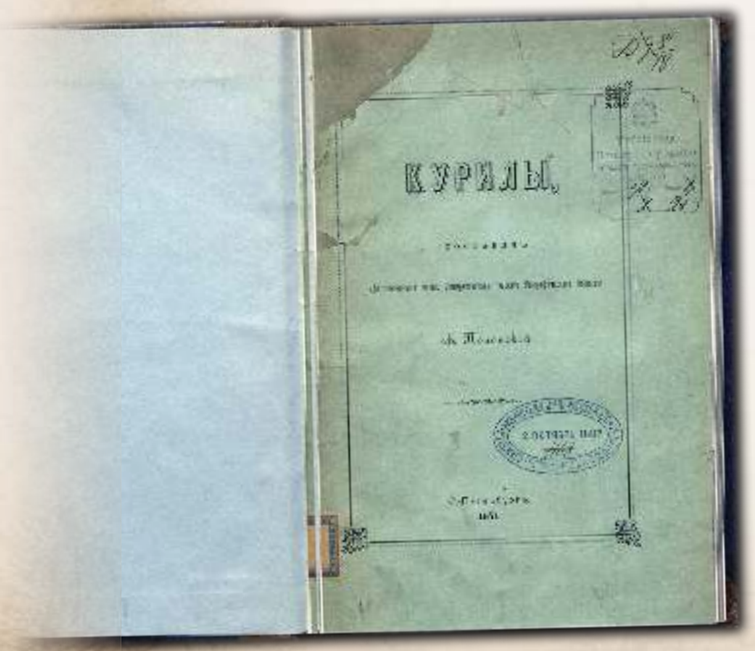
«В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу Малого Канача, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастию, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками».

С.П. Крашенинников: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов».

Позже (допрос 1751 года): «И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарабыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили».

Но в истории Иван Черных (Черной, Черный), к тому времени уже сотник, то есть обер-офицер, останется совсем по другому поводу — в 1766 году он возглавит экспедицию на Южные Курильские острова: «Экспедиция Черного 1766–1769 годов внесла большой вклад в изучение Курильских островов. В течение более ста лет — до самого конца XIX столетия, данные Черного являлись фундаментом знаний россиян о Курильских островах. Он прошел всю Курильскую гряду до севера Итурупа и составил очень подробное и чрезвычайно толковое описание всех посещенных им островов. Исчисление островов Курильской гряды, данное Черным, оставалось неизменным и в XIX веке. “Журнал” Черного лег в основу подробной сводки о Курильских островах, составленной начальником Иркутской навигационной школы — секунд-майором Татариновым (1785). Полностью “Журнал” был опубликован сто лет спустя в статье “Курилы” Александра Полонского (1871). Его работу в 1775 году продолжили Григорий и Василий Шелиховы, в 1777–1779 годах также и Федор Шабалин, Павел Лебедев-Ласточкин, Иван Антипин».

Сведения о том, что за свои злоупотребления на Курильских островах Иван Черных был привлечен к суду и умер во время следствия в Иркутске от оспы, не совпадают с другими историческими фактами — в 1771 году отставной сотник Иван Черных — единственный в Большерецком остроге — встретил бунтовщиков, убивших начальника Камчатки капитана Нилова и захвативших власть в Большерецке, с оружием в руках, за что был арестован бунтовщиками и помещен в местную тюрьму...

Леонтий Черных, будучи впоследствии пятидесятником, активно участвовал в деятельности Камчатской Духовной Миссии, которая прибыла на Камчатку в августе 1745 года.

По всей видимости, это его фамилия и сохранилась среди православных камчадалов Черных на северо-западном побережье Камчатки. Впоследствии она была перенесена, как и многие западнокамчатские фамилии, в центральную часть полуострова, где после двух опустошительных эпидемий 1768 и 1800 годов многие поселения камчадалов обезлюдели.

В этот же период пятидесятник Леонтий Черных близко сошелся с архимандритом Камчатским Иоасафом Хотунцевским, который из числа казачьих детей готовил будущие кадры камчатских церковно- и священнослужителей.

Сын Леонтия — Георгий — стал родоначальником камчатских священников Черных. В 1757 году Георгий Леонтьевич обучался в Большерецкой школе у священника Петра Михайловича Логинова и по ее окончаниюи был зачислен в клир преемником Хотунцевского на посту главы Миссии Пахомием. А 20 января 1771 года в Иркутске он был рукоположен в сан священника епископом Софронием (за 10 дней до его кончины) и был определен священником Большерец-

кой Успенской церкви на место умершего своего учителя Петра Михайловича Логинова, который (по семейной легенде) в апреле 1771 года был отравлен бунтовщиками. И всю оставшуюся жизнь Георгий Леонтьевич служил в этой церкви вплоть до своей кончины 18 мая 1786 года.

У него было пять сыновей. Вот данные о них за 1808 год:

Алексей Георгиевич, священник Большерецкой Успенской церкви; Никита Георгиевич, дьячок Верхнекамчатской Богоявленской церкви; Александр Георгиевич, священник Гаванской Рождественской церкви; Леонтий Георгиевич, священник Тигильской Христорождественской церкви; самый младший — Федор Георгиевич.

Впоследствии в период образования Камчатской епархии, охватывающей территории Российской империи на Востоке от Русской Америки до Якутии и от Чукотки до Приамурья и Приморья, епископ Камчатский Иннокентий распределял камчатские свои кадры по всей территории епархии.

Вот судьба одного из многих Черных:

Черных Алексей Никитич (1824), дьяческий сын, дьячок Верхнекамчатской церкви; дьячок Петропавловского собора в 1854 г., награжден памятной медалью на Георгиевской ленте за участие в обороне Петропавловского порта, в 1861 г. рукоположен в диаконы, г. Николаевск-на-Амуре, храм апостолов Петра и Павла.

А вот судьба детей Леонтия Георгиевича, унаследовавшего имя своего деда:

Черных Иван Леонтьевич (1803), 1845 г., Петропавловский собор, столоначальник Камчатского духовного правления.

Черных Никита Леонтьевич (1806), 1820 г., Петропавловский порт, в 1823 г. окончил Петропавловское духовное училище и в 1829 г. был определен на место дьячка к Охотской Спасо-Преображенской церкви.

Черных Илларион Леонтьевич (1812–1876). В 1845 г. рукоположен в сан священника епископом И. Вениаминовым в г. Ситхе. Направлен в с. Тауйск, где жил с 1846 г. до смерти

9 мая 1846 г. во вновь построенном селении Аян епископа И. Вениаминова встречает священник Тауйской церкви Илларион Черных, который зимовал в Аяне.

«В начале 1850-х гг. в г. Охотск из г. Иркутск прибыл на службу священник Илларион Леонтьевич Черных, который был направлен к Тауйской Покровской церкви, где прослужил 23 года. Тауйцы рассказывали, что в г. Охотск он был сослан за какую-то провинность. И.Л. Черных возглавил работы по восстановлению Тауйской церкви, сгоревшей в 1857 г., пользовался уважением

местных жителей. Более 10 лет священник вел обучение детей в домашней школе при Тауйской Покровской церкви. За многолетнее верное служение церкви и Отечеству Илларион Черных в 1858 г. был награжден бронзовым наперсным крестом. Из-за слабого здоровья И.Л. Черных дважды (в 1865 и 1867 гг.) подавал прошение об увольнении».

Черных Алексей Леонтьевич, дьячок Петропавловского собора в 1854 г.

Черных Александр Леонтьевич (ум. до 1884), псаломщик Паланской церкви.

Другая судьба выпала их брату — Георгию Леонтьевичу — 1820 года рождения, который после окончания Камчатского духовного училища был направлен не в Ново-Архангельск на Аляску в духовную семинарию, а в школу земледелия в Москве, по окончании которой он стал агрономом и прославился своими рекордными урожаями в Форте Росс, в Калифорнии, куда был приглашен руководством Российско-Американской компании.

Сын Георгия Алексеевича — Черных Алексей Георгиевич (1819–1876) — дьякон Петропавловского собора, был участником обороны Петропавловского порта в 1854 г., награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Дочь Ивана Александровича (внучка Александра Георгиевича) — Черных Рахиль Ивановна (1822), была женой боцмана 46-го Камчатского флотского экипажа Павла Васильевича Усова, который вместе с семьей (жена и двое детей) и подчиненными ему матросам, попали в плен к англо-французам в августе 1854 года на грузовом плашкоуте, доставлявшим кирпич в Петропавловский порт из бухты Тарья. Именно благодаря Рахили Ивановне французский адмирал Де-Пуант, командующий эскадрой благосклонно отнесся к семье и освободил их из плена вместе с мужем и племянником — матросом Иваном Киселевым, приняв его за мальчишку.

Сын Алексея Никитича — Черных Петр Алексеевич (1847) — священник Ямской Благовещенской церкви в 1880-е годы, будучи ранее уволенным из духовного звания, в 1872 г. подал прошение о принятии его обратно в духовное звание с определением к Черемховскому приходу и о переводе к Иннокентьевской церкви, где до 1877 г. исполнял должность псаломщика, в 1877 г. подал прошение о рукоположении его в священника, в Ямской церкви служил до 1888 г., а затем переведен в Корякскую миссионерскую походную церковь, с 1894 г. одновременно заведывал и Гижигинским приходом. В Гижиге прослужил до 1907 года.

Другой его сын — Игнатий Алексеевич (1854) — «в 1861 г. обучался в Благовещенском духовном училище. В 1876 г. он окон-

чил полный курс наук по 2 разряду Благовещенской духовной семинарии и "согласно прошению, допущен в Камчатскую Духовную Консисторию к занятиям в качестве вольнонаемного писца", а в 1877 г. определен канцелярским служителем 2 разряда той же Консистории. 18 февраля 1878 г. Преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским рукоположен в диакона, а на следующий день — в священника к домовой крестовой Архиерейской церкви. В марте этого же года был назначен казначеем Камчатского Архиерейского дома. 1 декабря 1879 г. И.А. Черных был переведен к приисковой Николаевской церкви Верхне-Амурской золотопромышленной компании Камчатской епархии и вскоре указом Камчатской Духовной Консистории за № 341 назначен духовником священнослужителей Верхне-Амурского благочиния, а через год — благочинным Верхне-Амурских церквей. В этой должности он состоял до 1886 г., когда был переведен благочинным VII участка церквей Камчатской епархии. В 1891 г. Игнатий Черных был переведен в Амурскую область к вновь открытому приходу Буссеевской церкви, а в 1893 г., согласно собственному прошению, — к Павловской Михайло-Иннокентьевской церкви. И.А. Черных был неоднократно награжден. В 1881 г. "за благочестную жизнь, ревностное исполнение пастырских обязанностей и за благопопечение о благолепии и устройстве храмов Божиих, награжден набедренником", в 1885 г. ко дню Св. Пасхи награжден бархатной фиолетовой скуфьей, в 1896 г. удостоен права ношения серебряной медали на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, а в 1897 г. "удостоен права ношения темно-бронзовой медали на ленте государственных цветов за труды по первой всенародной переписи". В 1894 г. священнику Игнатию Черных была назначена пенсия "за выслугу лет в Камчатской епархии".

В 1900 г. Игнатий Черных был переведен из Благовещенской епархии во Владивостокскую. К этому времени в его семье было 7 детей, в том числе сыновья Иннокентий, 14 лет, и Иван, 11 лет».

Сын Никиты Леонтьевича — Черных Леонтий Никитович — в 1851–1852 гг. пономарь Охотской Спасо-Преображенской церкви, с 1853 по 1856 гг. в Инской Николаевской церкви. «В 1880 г., исправляющий должность псаломщика Ямской Благовещенской церкви переведен в Благовещенский Кафедральный собор, где в 1881 г. был рукоположен в диакона. В 1883 г. из Благовещенского Кафедрального собора он был перемещен к Марковской Покровской церкви на псаломщическую вакансию, а оттуда в 1884 г. к Кумарской. В 1889 г. Леонтий Черных получил свидетельство на почетное гражданство, а в 1896 назначен псаломщиком к Спасской церкви Южно-Уссурийского края и в том же году был уволен».

Дети Георгия Леонтьевича.

Черных Гавриил Георгиевич прибыл в Приохотье с Амура, где выполнял обязанности эконома при Архиерейском доме, в 1865 г. принят в духовное звание и 21 ноября 1865 г. произведен в иподиакона, 10 июля 1868 г. с сыном Иннокентием отбыл в Якутск «для поступления там на службу по епархиальному ведомству».

Дети Иллариона Леонтьевича:

Черных Леонтий Илларионович (1848–1926), псаломщик, затем пономарь в Тауйской церкви (до 1910), за долголетнюю службу его наградили золотой медалью на Аннинской ленте «За усердие».

Черных Иннокентий Илларионович (1842–1885), окончил в 1864 г. семинарию в г. Якутске, а в 1875 г. сменил отца в с. Тауйск, в 1878 г. его перевели в Охотскую Спасо-Преображенскую церковь; 1885 г. священник Софийской Казанской Божьей Матери г. Софийска Приморской области.

Черных Николай Илларионович (1850–1895). Окончил Якутскую духовную семинарию, был священником в с. Тауйске, с. Ола, заведовал и Ямским приходом (1889–1893).

В 1876 году (в год смерти отца) два сына И.Л. Черных, Никодим и Николай, служащие диаконами при Якутской епархии, обратились с прошениями к епископу Якутскому и Вилюйскому Преосвященнейшему Дионисию о переводе их в Камчатскую епархию. Поскольку Камчатская епархия испытывала большой недостаток священников, оба брата были приняты на службу: Николай — священником Тауйской Покровской церкви, на место своего отца, а Никодим — Иньской Николаевской.

14 сентября 1877 г. диакон Николай Черных стал иереем в главном храме Нерукотворного образа Христа Спасителя Якутского Спасского монастыря.

В с. Тауйск Николай Черных прибыл в 1878 г. и прослужил в Покровской церкви до своей трагической гибели в 1895 г. Вместе с Николаем Черных в Тауйской церкви служил его родственник Леонтий Черных. В отсутствии священника в с. Ямск в 1880-х гг. Николай Черных вынужден был одновременно с основной службой заведовать и Ямским приходом.

Если учитывать протяженность территории, которую приходилось обслуживать священнику, удаленность селений и проблемы транспортного сообщения между ними, то можно судить о сложности работы Н.И. Черных. Он и погиб, исполняя свои

священнические обязанности. Выехав 4 декабря 1895 г. с церковным старостой Егором Самсоновым в с. Армань для совершения там богослужения, они провалились с собачьей упряжкой в полынью на р. Тауй и утонули.

Черных Никодим Илларионович (1851). Окончил Иркутскую духовную семинарию и в 1872 г. «определен дьячком к градоякутской Богородской церкви. Посвящен в стихарь 28 марта 1876 г. 6 января 1877 г. рукоположен в диакона и определен на праздное дьяческое место к Намской Предтечевской церкви. Женат. От роду имеет 25 лет. Читает и поет хорошо. Уставу учится. Катехизис знает. Поведения хорошего» [НА РС(Я). Ф. 227. Оп. 2. Д.100. Л. 6 об.]. В 1877 г. Никодим Черных был определен к Иньской Николаевской церкви, где прослужил до середины 1880-х гг., когда Инской приход был присоединен к г. Охотску. Священник был переведен в Охотск и назначен Благочинным Охотских церквей «как пользующийся отличной репутацией за свои истинно пастырские и христианские качества». В 1885 г. священник Охотской церкви, а затем — благочинный Охотских церквей в 1892–1897 гг.

Дети Иннокентия Илларионовича:

Черных Петр Иннокентьевич (родился 21 декабря 1870 в г. Охотске), в 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и назначен псаломщиком в церкви Тихвинской Божьей Матери в с. Шкотово на р. Цемухэ, в 1887 г. переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви, с февраля 1896 г. псаломщик Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, с 1 октября 1890 г. переведен в Удской округ Приморской области и назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви.

Черных Илларион Иннокентьевич (1872). В 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и в июле того же года был назначен Преосвященным Гурием, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским, псаломщиком в церкви Тихвинской Божьей Матери в с. Шкотово на реке Цемухэ. В 1887 г. был переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви. В 1892 г. обратился в епархию с прошением «Об определении его вновь на псаломщическое место и назначении к Григорьевской Свято-Троицкой церкви». С февраля 1896 по июль 1900 г. Петр Черных исполнял должность псаломщика Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, где одновременно безвозмездно исполнял обязанности учителя церковно-приходской школы. С 1 октября 1900 г. он был переведен в Удской округ Приморской области, где назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви «с отнесением должности учителя Мариинской миссионерской школы».

Серапион Леонтьевич и Александра Варлаамовна Черных с семьей

Дети Леонтия Илларионовича.

Черных Иннокентий Леонтьевич, церковнослужитель в крепости Порт-Артур.

«Судьба Серапиона, Серафима и Александра (сыновей Леонтия Илларионовича) после революции сложилась трагически. Серапион Черных родился предположительно в 1873 г. С июня 1893 г. имя отца Серапиона отмечено в метрических книгах Иннокентиевского храма Хабаровска — его штат был переведен во вновь открытый Успенский собор. В этом соборе Серапион прослужил до февраля 1904 г. Проживал с семьей в собственном доме по Лисуновской улице на Артиллерийской горе (ныне пересечение улиц Комсомольской и Ленина) с женой Александрой Варлаамовной. В Хабаровске у них родилось четверо детей: Клавдия, Варлаам, Николай, Софья. Михаил и Зинаида, видимо, появились в Николаевске. В августе 1896 г. в доме отца Серапиона останавливался преосвященный Макарий, епископ Камчатский, который прибыл в Хабаровск для освящения домовой церкви в честь мученика Сергия Римлянина. В 1904 или 1905 г. уже в сане протоирея отец Серапион назначен настоятелем Николаевского собо-

Священномученик Серапион Амурский (Черных)

ра в г. Николаевске-на-Амуре. Во время Первой мировой войны (1914–1916) он участвовал в работе областного отделения Николаевского района и Сахалина Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Комитет занимался благотворительной деятельностью: помощью семьям лиц, призванных на службу. Потом началась революция и гражданская война».

«28–29 февраля 1920 г. Николаевск заняли “лихие эскадроны” приамурских партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. В докладе иеромонаха Никанора (Лепешева), преподавателя Хабаровской духовной семинарии, “Православные аспекты истории создания и становления города Николаевска-на-Амуре”, приводится следующее сообщение: “4 апреля (вариант: 1 марта) 1920 г. принял мученическую кончину протоиерей Серапион Черных, с 1895 г. служивший настоятелем Николаевского собора. Людьми Тряпицына и Лебедевой о. Серапион был спущен под лед в бухте, во время освящения вербы, прямо в облачении. Священномученик Серапион Амурский был прославлен в лике святых Собором РПЦЗ в 1981 г.».

Дети Алексея Леонтьевича.

Черных Никита Алексеевич (1885), с. Тигиль, репрессирован.

Дети Петра Прокопьевича.

Черных Иван Петрович (1882), место рождения: ДВК, камчадал, арестован в 1934 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 13.03.1938, статья: 58, расстрелян 27.03.1938, реабилитирован 11.05.1989.

ЛОГИНОВЫ – АНЖУ

В середине 19-го столетия святитель Иннокентий, апостол Сибири и Америки, рукоположил детей дьячка Большерецкой Успенской церкви Петра Константиновича Логинова в сан церковно- и священнослужителей. Старшему из них — Алексею — он велел с тех пор быть Лонгиновым. А братьям Харлампию, Симеону и Иоанну Логиновым — быть теперь Петрологиновыми.

Это известные истории, и о них мы рассказывали в других своих книгах.

Но на протяжении почти трех столетий, как несут свою службу на Камчатке Логиновы — Лонгиновы — Петрологиновы, случились сотни новых и новых фамильных преобразований, когда дочери из этого рода выходили замуж.

И об одной самой известной из всех историй этой семьи наш рассказ.

Сразу оговоримся, что материал для него собрали не мы. Летописцем этой семьи является Светлана Узлова, которая по крупицам собирает все то, что было унесено в неизвестность Ураганом Великого Государственного Переворота 1917 года и последующей за ней гигантской волной гражданской войны и политических репрессий.

Сын Петра Михайловича Логинова, патриарха этого рода, Иван Петрович Логинов тоже был священником, но за пьянство был разжалован в дьячки.

У него была большая семья. Трое сыновей и три дочери. Сыновья, как и положено, закончив Камчатское духовное училище, стали священниками. Братья — Георгий и Александр — в 1854 году бесстрашно служили молебны под обстрелом артиллерии англо-французской эскадры.

А у сестер, естественно, была другая судьба. Им несказанно повезло: на Камчатке в это время была замечательная женщина — Людмила Ивановна Рикорд, жена начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорда. В российской истории она известна как писательница. А на Камчатке ее знали, как добрейшей души человека, который не мог пройти мимо тех девчонок, которые росли на ее глазах в Петропавловске. И она взялась за их воспитание, превращая в благородных девиц. Ей даже специально доставили из Петербурга на морском корабле рояль, чтобы она приобщала своих воспитанниц к прекрасному.

Но жизнь шла своим чередом. И порядки «старины глубокой» въелись настолько глубоко в провинциальную жизнь Камчатки, что изменить здесь что-либо было чрезвычайно сложно.

Дьячок Иван Петрович не спрашивал о том, какие чувства и к кому испытывают его дочери. Он просто, одну за другой, выдавал их замуж.

Первую — за Петра Федоровича Выходцева — сына рыльского купца Федора Алексеевича Выходцева, комиссионера Российско-Американской компании, с отцом которого вел когда-то какие-то темные дела, будучи еще священником в Нижнекамчатском остроге. Петр Федорович увез семью на Аляску, откуда впоследствии за какие-то уже свои собственные «грехи» был сослан… в Камчатку.

Вторую — также за сына местного купца.

А вот третью…

Здесь случай особый.

В память о Витусе Беринге Джеймс Кук назвал пролив, разделяющий Азию с Америкой, его именем, якобы в благодарность за то, что капитан-командор развеял миф о соединении двух материков. Увы, великий Кук поторопился с выводами — миф этот не был развеян и после того, как не стало в живых и самого Кука, хотя его корабли «Резольюшен» и «Дискавери» в

1778 году проборoздили Берингово море, прошли Берингов пролив и были остановлены льдами лишь у мыса Северного (Шмидта).

...Шел 1820 год. Василий Берх, один из участников первой русской кругосветки, будучи на статской службе в Перми, неожиданно встретил на пороге своего дома странного гостя «в синей фуфайке, лосиных панталонах, с такими же стиблетами и с котомкою за плечами», при этом ни слова не говорящего по-русски.

Это был капитан английского флота Джон Кохрен (John Cochrane), племянник английского адмирала, который шел пешком из Дьеппа (Франция) через Германию и Россию — в Америку, чтобы самолично определить координаты «Шалоцкого (Шелагского) мыса» и установить, сходятся ли все-таки Азия с Америкой. То есть ни Берингу, ни Куку наш герой не поверил.

Василий Берх постарался остудить пыл молодого путешественника: «Убеждаясь нехотя сими доказательствами, — писал Берх об этом удивительном человеке издателю «Сына отечества», — отвечал он: «может быть и так, однако ж я пойду непременно к Шалоцкому мысу».

А затем — на Камчатку, откуда ему непременно нужно будет попасть в Америку и добраться до широты 65-го градуса.

Не слишком ли смел был этот англичанин — в одиночку, пешком, без знания русского языка отправляясь в путешествие через два континента? Под Царским Селом его уже обобрали до нитки русские мужики, а что могло ожидать впереди?

Но при этом нужно не забывать, что, во-первых, до Перми Кохрен все-таки уже

Джон Дундас Кохрен (John D. Cochrane)

добрался. Во-вторых, как выяснилось, у него была исключительная закалка для путешествий такого рода. Первый свой большой поход он совершил во время американской войны: был послан из Квебека для защиты озера Супериор. «Туда и обратно» пешком составило 4000 верст. Затем он пять лет странствовал по Испании и Португалии. Вернувшись в Лондон, просил направить его в Африку для обследования истоков Нигера, но разрешения не получил. Тогда родилась мысль идти в Америку через Россию. За месяц он дошел из Франции в Санкт-Петербург (в этот срок входят и те несколько дней, что он провел в Берлине). В Петербурге, получив разрешение от графа Кочубея, Кохрен тотчас отправился в путь. Говорят, что от Москвы он уже не шел пешком, а ехал, но, судя по его дневнику, большую часть пути до Тобольска («Московский телеграф», 1825, №1) он шел все-таки пешком.

И еще одна немаловажная деталь, заставившая Берха поверить в то, что Джону Кохрену по плечу и не такой поход.

«Капитану Кохрену только 27 лет от рождения, он ростом не велик, но крепок телом и способен к перенесению всяких трудностей. Живши неделю у меня в доме, ел он только за обедом или один раз в 24 часа, да и то весьма умеренно. В последние дни, когда мы с ним короче познакомились, он просил меня велеть ему готовить часть свинины и бефстекс. Телятины он никогда не ест, отказываясь, что она слишком нежна для его желудка. На вопрос: долго ли он может пробыть без пищи? – отвечал г. Кохрен: “в среду (30 июня) удержал меня почетный губернатор Казани отобедать; из дому Его превосходительства поехал я с почтою к вам в Пермь. В субботу (3 июля) пришел я к вам прямо на обед. Что, вы думаете, ел я дорогою? Ничего кроме куска черного хлеба, коим я запил рюмку водки, выпитую в Оханске (от Казани до Оханска 536 верст)”.

Берх поверил в замыслы капитана английского флота и рассказал ему о сообщении сотника Кобелева, датированном еще прошлым веком, о том, что на острове Кинговее, в долине американской реки Хеуверн, живут русские люди, которые читают русские книги, молются иконам и носят бороды. Живут там они издавна, а как попали, никто не знает.

— Рашен? — удивленно переспросил Кохрен. — Если я их найду, то останусь у них зимовать и доставлю вам самое подробное сведение».

С тем и расстались два путешественника, два моряка, один только недавно вернувшийся из Америки, а другой только еще вступающий в Азию, способную преподнести самые неожиданные сюрпризы. И судь-

бы этих двух людей удивительным образом сплетутся между собой.

Сначала отметим, что Кохрен, несмотря на подготовку, закалку и выдержку, не достиг ни одной из поставленных целей, хотя и добрался-таки до Камчатки.

Что же помешало?

Капитан английского флота… влюбился в дочь петропавловского священника и воспитанницу камчатского командира П.И. Рикорда пятнадцатилетнюю Ксению Ивановну Логинову. Об удивительной красоте этой девушки Кохрен узнал еще в Охотске — за время путешествия по Сибири он освоил уже русский язык, по слухам, создал в своем воображении образ такой девушки, что даже изменил маршрут ради того, чтобы хоть раз увидеть ее. Но, скорее всего легенда — многие суда, прежде чем идти во владения Российско-Американской компании на Аляске, заходили в Петропавловский порт. Но факт остается фактом — капитан влюбился, была сыграна свадьба, и летом 1822 года вместе с супругами Рикордами молодая чета Кохрен отправилась в Петербург. А оттуда в Лондон.

Здесь маленькое уточнение: это юное, утонченное благородным воспитанием существо по имени Ксения изволило в это же самое время влюбиться в юного морского офицера, так что в церковь для венчания ее не вели под руки, а несли, так как сама она не желала идти под венец с рыжим англичанином.

Сохранились уникальные воспоминания морского офицера Эразма Стогова об этой свадьбе: «Кокрен влюбился в одну из барышень, воспитанниц Людмилы Ивановны; барышня [Оксинька] была, как и все другие, умненькая и прехорошенькая. После, через двенадцать лет, я видел ее красавицей, барыней высокого тона; но уже не как Кокрен, который умер в Южной Америке, а как жену русского. Людмила Ивановна, выдавая замуж свою воспитанницу, как мать соблюла все обычаи. Пятидесятисемилетняя давность дает мне право рассказать некоторые тогдашние секреты.

Ксения Логинова-Кохре н (Mrs. Cochrane)

Кокрена обручили в доме Петра Ивановича. Как теперь вижу эту сцену: молоденькая, хорошенькая невеста, с распущенными светло-русыми длинными волосами плачет и говорит: “не хочу за Кокрена, а хочу за Повалишина!” Повалишин был очень недурной брюнет. Но обручение совершилось. Лейтенант Саполович и я были шаферами [Кокрена]. Я учил Кокрена отвечать священнику на вопрос: согласен ли пойти и проч. — словом “да, согласен”. Наступил день свадьбы; нам, шаферам навязали на левую руку по огромному банту из пунцовой шелковой ленты. Кокрен в моем новом вицмундире и, кажется, для большего эффекта в эполетах был отправлен в церковь. Невеста была убрана прекрасно.

Когда надобно было и ей отправиться в церковь, [но она не хотела], мы с Сапоновичем взяли ее под локотки и, как легкое перушко, понесли; она не дотронулась даже до земли ножками вплоть до церкви, которая стояла под дорогой, дорога к ней между разгребленными стенами снега была устлана красным сукном и освещалась фальшфейерами. Хор певчих встретил невесту концертом. Для Кокрена все было ново, и он так растерялся, что на вопрос священника, вместо должного ответа, отвечал: “здравствуй, благодарствуй!”.

Священник Иоанн любил говорить наставления. Венчая камчадалов, он, обыкновенно, говорил: “любите друг друга; если ты не будешь верен, то первый медведь тебя погубит; а если ты не будешь любить своего мужа, то он будет несчастлив на охоте, и ты не увидишь платка с золотом на голове своей, и не будет вам чашки чая”. Камчадалов очень трогали эти слова Иоанна. Я так и ждал, что он повторит это заученное наставление и теперь; но речь была сказана приличная.

Возвращаясь из церкви, мы увидели иллюминованные ворота дома начальника: над воротами красовался транспарант, изображающий Гименея, сыплющего из рога изобилия — радости, богатство и всякое счастие на новобрачных. Транспарант писал ссыльнокаторжный, с вырванными ноздрями и клеймами на лице — англичанин Бутлер. Он наказан за фальшивые ассигнации; хорошо образованный, уже старик, но все-таки не выучился говорить по-русски;

мы все его ласкали, давали работу и платили за плохие рисунки.

После обычных — встречи, приветствий и благословений, уселись за ужин. Петр Иванович был всегда готов на острое словцо. Он, обратясь к нам, сказал: “Теперь никто не будет винить Кокрена, что он не обошел кругом света; он обошел не один, а три раза — вокруг аналоя”. Все были веселы, и не могло быть иначе при доброте и радушии хозяев. Молодых проводили в дом капитана Калмыкова; заперли в комнату, а платье и обувь унесли».

Кстати, Эразм Иванович и составил интереснейший портрет первого супруга Ксении Ивановны Логиновой.

Вот их первая встреча: «Рассказ мой должен начаться в Охотске. В один прекрасный день — как начинаются многие рассказы (но в Охотске тем более памятны такие дни, потому что очень редки), в апреле шел я из порта домой по берегу реки Кухтуя. С чахлого льда реки поднялся на берег неизвестный мне человек и стал предо мною. Он был небольшого роста, худощав, одет в дрянной оленьей кухлянке, в изорванных торбасах (обувь), в непозволительно дурном малахае (шапка). Первая мысль — бедный тунгус. Нет — рыжая клином борода, рыжевато-светлые волосы, лицо красное, в веснушках. Нет — не тунгус. Ссыльнокаторжный? Нет — без кандалов. Жителей Охотска знаю всех — это не здешний. На вопрос: кто? — пришелец отвечал: Джон Андрес Дондас Кокрен , пост-капитан, и подал мне бумагу. То был паспорт от русского правительства. Потом в это же время Кокрен посмотрел в находившуюся у него бумажку и произнес фамилии: Повалишина , Берга и мою. Повалишина не было в Охотске; Василий Николаевич Берг был в то время в Перми советником казенной палаты, и мы проездом были его гостями. Маленьким я говорил по-французски, в корпусе забыл и начал учиться по-английски — не выучился; но, однако, кое-как некоторый запас вокабул помог мне пригласить незнакомца к себе.

У Кокрена не было ни одной вещи, кроме надетых на нем, а эти вещи были невозможны для комнаты. У меня на дворе имелась баня, и Джон Андрес Дондас Кокрен, пост-капитан, как говорится в русской сказке, в одно ухо влез, а в другое ухо вылез, — вышел из бани в моем белье, в моем вицмундире; но все-таки вышел не молодцом. Он ни слова не знал по-русски, но говорил на всех языках Европы; я же говорил только по-русски, но знал много слов английских и французских, умел поздороваться по-немецки и, сверх того, помнил слов десяток латинских. Учиться Кокрену по-русски слишком долго; учиться мне какому-нибудь языку — тоже слишком долго; а между тем говорить нам между собою надо. Первая проба говорить вдруг на всех языках довольно изрядно нам удалась, и мы остановились на этом способе, который в короткое время усовершенствовался и дал нам возможность почти без затруднения объясняться даже бойко. Но вот что вышло: мы между собою говорили как на родном языке, а нас никто не понимал. П.И. Рикорд и Людмила Ивановна, зная языки, слушали нас и не понимали ничего, потому что, для какого-то удобства, мы к иностранным словам приделывали русские окончания, у русских слов переделывали ударения; было у нас много слов — составных — русских с иностранными.

Но дело в том, что мы беседовали о всех отвлеченных идеях без малейшего труда; а что не понимали нас, сначала мы этого не замечали, потому что некому было понимать, а привыкнув переучиваться было поздно.

Кокрен был лет 35-ти; очень обходительный и очень любезный для англичанина; любил рассказывать, а рассказов у него было — без конца! Он обошел все государства пешком; знал нравы народов как свои пять пальцев. Как англичанин, он имел необходимость каждый день выпить три [бокала] пунша, кроме того, сего и прочего. Может быть, будет кстати теперь повторить переданный им мне рассказ о причине путешествия его в Охотск . Вот этот рассказ:

“Я только что возвратился из Испании и Португалии, которые я обошел пешком. Однажды в Лондоне, в обществе приятелей зашел горячий разговор о путешествиях и разных затруднениях; так как я обошел всю Европу пешком, то в беседе играл не последнюю роль. К концу вечера было довольно выпито, и были все навеселе; говорили с сожалением и о том, что некуда с интересом путешествовать, что весь земной шар истоптан англичанами. На столе лежали карты с путями путешественников. Один из беседовавших сказал: вот места, никем не посещаемые, и указал путь — Якутск, Колыма, Берингов пролив (ежегодно замерзающий ненадолго), Америка, Фактории компаний и — морем — домой. Разговор оживился, все рассуждали; но находили непреоборимые препятствия — невозможность! У меня было довольно в голове, и я находил возможным совершить это путешествие. Заспорили, я положительно объявил, что этот путь нетрудно пройти пешком; меня поймали на слове, и я дал слово совершить этот путь пешком. На другой день я и желал, чтобы этого вечера не было, но слово дано, исполнить должно! Сделалось известным мое намерение, я был львом дня. Надавали мне писем министры, вельможи,

коммерсанты —в Петербург и Москву. В Петербурге посланник меня представил Государю, он спросил, а я рассказал ему о моем намерении. Государь улыбнулся и сказал:

‘До Иркутска я еще знаю что-нибудь; но далее — мне неизвестно. Желаю вам успеха!’ Это было в начале лета. Чтобы не терять времени, я отправился рано утром. За Царским Селом четыре солдата отняли у меня все, даже сняли с меня платье, оставили фланель и башмаки. Хотели взять паспорт; но я, указав на печать из сургуча, сказал: ‘казен’, и паспорт мне оставили. Пройдя немного, я увидел хороший дом; меня в нем приняли, обласкали и одели, тут я и ночевал. Утром собираюсь идти; все жалели, но я уверял, что обязан идти — это мой долг! Мне предложили, что меня отвезут; я отвечал, что отказаться не имею права, но просить не должен. Так добрался до Иркутска, где давно меня ожидали и вручили мне все мои вещи, отнятые солдатами — славная полиция! Из Иркутска я плыл Леною до Якутска; там, по рекомендательному письму, один купец отправил меня при транспорте своих товаров в Колыму; туда на ярмарку прикочевали разные народы и чукчи с Берингова пролива, которые говорили, что они каждый год ездят на оленях на берег Америки — торговать. На предложение мое взять меня с собою чукчи просили пять сум (около 15 пудов) табаку, а это составляло огромную сумму по тамошним ценам, и, сверх того, чукчи не ручались за мою жизнь, им самим приходится сражаться по окончании торга в Америке. Итак, путешествие мое совершиться не могло. А так как всем начальникам было предписано охранять меня и давать пособия, то колымский исправник, узнав, что я хочу идти пешком [обратно] в Якутск, что, конечно, было невозможно, предложил: не желаю ли я доехать до Охотска с тунгусом. Я охотно согласился, предполагая из Камчатки возвратиться на корабле домой. Тунгус был беден, имел шесть оленей; на одном я ехал верхом. Олени составляли все имущество тунгуса. Питались мы дорогой только тем, что добудет охотою тунгус, его семейство и я; случалось не есть по двое суток. Для тунгусов, как я заметил, это было не лишением, — лисица, белка, заяц, птица — все служило пищею. Недавно я провалился с оленем в речку. Теперь я в теплой комнате, с полным комфортом и все забыл!?”

Да простит мне тень умершего моего приятеля; я имею основание по некоторым словам, сказанным им в минуту откровенности, что не данное слово в дружеской компании, в веселую минуту, было причиною его путешествия, а богатый торговый дом желал иметь подробности о торговле с

чукчами, что за известную сумму и принял на себя Кокрен. Так как Кокрен был — Джон Андрес, то мы и назвали его Иваном Андреевичем. Когда я объяснил ему, что русские, из почтения к отцу, прилагают к своему имени имя отца, то этот обычай очень ему нравился и он был доволен названием Ивана Андреевича».

Кохрен увез молодую жену в Англию.

Здесь они недолго пробыли вместе: поместив Ксению в пансион, Джон уехал в Южную Америку, в Каракас, где ему был поручен надзор за медными рудами. Скоро он привез сюда и жену. И опять недолго они пробыли вместе — летом 1825 года Джон неожиданно умирает. Вдове, госпоже Кохрен, в тот год только-только исполнилось восемнадцать лет. И длинная-длинная дорога предстояла теперь ей. Домой. К родным. Сначала в Англию. А в 1827 году — в Кронштадт, где в то время служил командиром порта Петр Иванович Рикорд, который вместе со своей женой, Людмилой Ивановной, были Ксении вместо родителей.

В Кронштадте и произошла новая удивительная и в то же время закономерная встреча. Петр Федорович Анжу, морской офицер, в 1828 году вернулся в Кронштадт после участия в Наваринском сражении, где за храбрость заслужил Георгиевский крест, и нанес визит командиру порта, с которым его связывала искренняя дружба. Удивляться ли после этого знакомству двух молодых людей?

В тот самый год, когда Джон Кохрен преодолевал сибирские просторы, чтобы закрыть белые пятна Ледовитого моря у границ с Америкой, П.Ф. Анжу возглавил экспедицию к… земле Санникова. В течение двух лет на собачьих нартах или в байдарах русские моряки описывали Новосибирские острова, впервые положили их на карту, а 5 апреля 1821 года отправились на поиски земли, виденной якутом Яковом Санниковым и русским путешественником Матвеем Матвеевичем Геденштромом.

Мороз, ветер, метели, торосы, трещины, полыньи…

«Проходит час, два, день, но впереди ничего не видно, кроме льдов. Но вот с вершины высокого тороса у самой черты горизонта путешественники различают контуры неведомого острова. Еще несколько часов пути, и экспедиция вступит на загадочную таинственную землю Санникова. Чем дальше на северо-запад продвигалась экспедиция, тем яснее вырисовываются контуры неведомой суши. Ошибки не может быть. Можно различить не только горы, но даже отдельные скалы, причудливо окрашенные лучами полярного солнца. Никто не сомневается, что на долю экспедиции выпало вы-

Парадный портрет П.Ф. Анжу

дающееся открытие и все дружно поздравляют друг друга с успехом. Но вот прошел еще час, другой. Солнце переместилось по горизонту. И вместе с изменением освещения лежащий впереди остров стал увеличиваться, распространяться в стороны. Прошло еще немного времени, и экспедиция оказалась как бы в ложбине, зажатой со всех сторон горами. Но не было ни гор, ни земли Санникова. Путешественники оказались жертвой полярного миража. Впереди ничего не видно, кроме причудливых нагромождений ледяных гор». (В.М. Пасецкий, Петр Анжу, М., 1958, стр. 20).

Но Санников дважды «видел землю», причем в разных местах. Поэтому Анжу попытался было предпринять и поиски «второй», но пройти туда не позволили океанские льды. Поэтому сибирский губернатор М.М. Сперанский приказывает П.Ф. Анжу в 1822 году повторить поиски земли. В тот год был открыт (правда, совсем в другой стороне) остров, названный Анжу в честь натуралиста, врача экспедиции Алексея Евдокимовича Фигурина. Земли Санникова обнаружить не удалось… А потому легенды об этой Земле жили еще очень долго — так хотелось надеяться, что она все-таки есть, — и живут по сей день в замечательной книге «Земля Санникова» В.Ф. Обручева, рождая все новых и новых кохренов.

Так что встреча в доме Рикорда вдовы Кохрен и капитан-лейтенанта Анжу удивительна лишь для нашего рассказа. Но естественна их взаимная любовь. 24 октября 1828 года в церкви Морского корпуса в Кронштадте был совершен древний православный обряд — Петр Федорович и Ксения Ивановна стали мужем и женой.

Но удивительное на этом не закончилось. Помните Василия Берха? Того самого, что встречал в Перми Кохрена, а до этого был участником первой русской кругосветки. Возвращаться из Америки, как уже говорилось, ему пришлось через Сибирь. В Кяхте он побывал на сговоре будущего декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля с Поленькой Вонифатьевой. И далее они поедут в Санкт-Петербург вместе. В Твери им будет уготована встреча с принцем Ольденбургским. «…И мог ли тогда воображать, — писал позже в своих “Записках” В.И. Штейнгель, — что сын этой августейшей четы, тогда еще не бывший на свете, через 50 с лишним лет будет благословлять образом моего сына».

Сына декабриста и дочь вице-адмирала Анжу, внучку камчатского священника Логинова… — Людмила Анжу станет женой Вячеслава Штейнгеля.

Сын же Петра Федоровича и Ксении Ивановны — мичман Петр Петрович Анжу примет участие в знаменитом плавании фрегата «Паллада», его именем будет назван один из мысов полуострова Корея.

И еще один штрих для полноты нашей удивительной истории: Василий Берх первым в русской истории расскажет о Большерецком бунте 1771 года. И благодаря ему мы узнаем еще об одном камчатском Логинове, отправившемся на поиски Земли Справедливости… — юнге Иване Логинове.

И еще одна деталь, скорее справка: советские исследователи назвали группу островов в Восточно-Сибирском море, открытую в 1772–1773 годах Я. Санниковым и И. Ляховым, островами Анжу.

Но на этом наша история с фамилиями не заканчивается.

Благодаря Светлане Узловой и ее двоюродному брату Кириллу Шалахину мы узнаем новые интереснейшие подробности из истории рода адмирала Петра Федоровича Анжу.

Другая его дочь — Александра Петровна (1839 – 06.10.1888) — вышла замуж за Владимира Васильевича фон Нотбека (22.04.1825 – 21.09.1894). Кто не знает — это выдающийся теоретик и практик стрелкового и оружейного дела, а также крупнейший организатор оружейного производства в Российской империи XIX века, начальник Императорского Тульского оружейного завода, инспектор стрелковой части в войсках и инспектор оружейных и патронного заводов, генерал от инфантерии, кавалер многочисленных орденов.

Мария Владимировна фон Нотбек (10.04.1868 – 1941) стала женой Гавриила Георгиевича Милеанта (24.03.1864 – 1936): генерал-лейтенант Российской императорской армии; участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, кавалер Золотого оружия. После Октябрьской революции служил в Вооруженных силах Юга России. Затем эмигрировал. Супруги похоронены в Черногории на кладбище в Херце Нова.

Баронесса Мария Вячеславовна Штейнгейль вышла замуж за Николая Аркадьевича Воеводского, дочери которых — Мария и Людмила — поочередно (после смерти Марии в 1912 году) были женами того самого Николая Ивановича Черниловского-Соколова (27.08.1881 – 26.11.1936), который прославился тем, что затопил крейсер «Варяг». 23 февраля 1904 года был награжден орденом Святого Георгия IV класса «В воздаяние геройского подвига, оказанного крейсером 1-го ранга “Варяг” и мореходною канонерскою лодкою “Кореец” в бою 27 янв. 1904 г. с японскою эскадрой».

Людмила Николаевна, как и ее сестра, не дожили до революции 1917 года — Людмила умерла в 1916 году.

А вот роль Николая Ивановича в событиях Гражданской войны весьма и весьма значительная:

март 1917 — член Севастопольского Центрального Военно-исполнительного Комитета от офицеров флота.

Апрель 1917 — подписал опубликованное в газете воззвание офицеров-сторонников демократической республики.

28 июля 1917 — капитан 1-го ранга (старшинство 6 декабря 1913 года).

Август 1917 — начальник Черноморской воздушной дивизии.

Май 1918 — представитель Центрофлота Черного моря на переговорах с командованием наступающих на Севастополь немецких войск.

1918 — произведен в контр-адмиралы гетманом П.П. Скоропадским.

1918 — командующий гетманским флотом.

1918 — начальник штаба официального представителя Морского министерства Украинской державы в Севастополе.

Ноябрь 1918 — Начальник штаба белого Черноморского флота.

Март 1919 — врио начальника Управления снабжения флотом.

Апрель 1919 — эвакуирован в Константинополь.

Через Одессу пробрался в Сибирь на территорию, контролируемую правительством Колчака.

Сентябрь 1919 — во Владивостоке зачислен в списки Морских сил на Дальнем Востоке в чине контр-адмирала.

1 февраля 1920 — командующий Сибирской флотилией (приказ Временного правительства Приморской областной земской управы), одновременно Директор маяков и лоций Тихого океана и командир Владивостокского порта.

26 июля 1921 — отстранен от должности и уволен в отставку с зачислением в резерв Штаба Сибирской флотилии.

1922 — остался во Владивостоке, получил должность начальника Морских сил Дальневосточной республики.

Эмигрировал в Китай, умер в Тяньцзине.

Дети сестер Черниловских-Соколовых тоже оказались за границей — Сергей умер в Греции в 1920, а Николай — в Париже в 2005 году.

Дочь Вячеслава Владимировича Нотбек — Татьяна — родилась в 1931 году в Югославии, умерла в 2004 году в Бразилии. Ее дети — Бехтеевы — проживают в Испании и Бразилии.

Кирилл Игоревич Шалахин, летописец рода адмирала Анжу по мужской линии, родился во Франции.

Вот какова судьба его деда Доможирова Константина Владимировича (1896–1953), женатого на Ксении Петровне Анжу (1905 – 16.05. 1933):

«1-й кадетский корпус, академия Генштаба. Штабс-ротмистр. В Вооруженных силах Юга России, в 1919.07. в штабе 3-го армейского корпуса, младший помощник начальника разведывательного отдела штаба войск Новороссийской области. В Русской Армии в отделе ген.-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле “Сцегед”. Галлиполиец. Осенью 1925 в прикомандировании к Корниловскому полку во Франции».

Трагична оказалась судьба отца и сыновей фон Нотбек.

Отец — фон Нотбек Владимир Владимирович (09.06.1865 – 1921). Мать — Лерхе Александра Карловна (31.09.1866 – 1930).

«Военачальник, генерал-лейтенант (1915). Из потомственных дворян; сын генерала от инфантерии В.В. фон Нотбека. Окончил Пажеский корпус (1885) и Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду (1891). Из корпуса, который он окончил с премией генерал-адъютанта Игнатьева, выпущен 7 августа 1885 г. подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк. После академии переведен в Генштаб. С 28 июля 1892 г. помощник старшего адъютанта, с 10 апреля 1892 г. старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии. С 21 июня 1893 г. помощник старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа; одновременно с октября 1894 г. по октябрь 1895 г. отбывал цензовое командование ротой в лейб-гвардии 1-м стрелковом Его Величества батальоне. С 6 декабря 1898 г. заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Петербургско-Двинского района; в мае–сентябре 1903 г. отбывал цензовое командование батальоном в лейб-гвардии Егерском полку. 6 декабря 1902 г. произведен в полковники. 8 октября 1905 г. назначен командиром 1-го железнодорожного батальона, а 15 сентября 1906 г. — исполняющим должность окружного дежурного генерала штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа (с присвоением звания генерал-майора 13 апреля 1908 утвержден в должности). 31 декабря 1910 г. получил назначение начальником 2-й Финляндской стрелковой бригады.

После начала Первой мировой войны во главе бригады выступил на фронт. За отличие в бою 27 августа 1914 г. у Лыка награжден Георгиевским оружием (приказ 21 мая 1915). Отличился в боях в январе–феврале 1915 г. на Вышковском и Тухлинском направлениях, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (приказ 28 марта 1917), а 23 марта 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты. 12 мая 1915 г. его бригада развернута во 2-ю Финляндскую стрелковую дивизию. 3 июля 1915 г. назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии. После Февральской революции 25 апреля 1917 г. получил в командование VI армейский корпус, входивший в состав 11-й армии. В бою 11 июля в районе Лясковец лично возглавил атаку Туркестанских стрелковых полков, пытаясь остановить наступление немцев. После провала выступления генерала Л.Г. Корнилова 9 сентября назначен командующим 1-й армией вместо замешанного в выступлении генерала Г.М. Ванновского. За боевые отличия во время войны Нотбек был также награжден орденами Св. Анны 1-й степени с мечами (1915), Св. Владимира 2-й степени с мечами (1915), Белого орла с мечами (1916). После Октябрьского переворота в ноябре 1917 г., когда разложение армии достигло предела, оставил командование.

В 1918 г. вступил в РККА, занимал пост военного руководителя Приволжского военного округа. После захвата территории округа частями Чехословацкого корпуса остался у белых, поступил рядовым в русско-чешский полк, участник боев. Впоследствии служил у адмирала А.В. Колчака, 9 марта был зачислен в резерв чинов при штабе Омского военного округа, 31 марта — в резерв офицеров Генштаба. С февраля 1919 г. помощник председателя Чрезвычайной следственной комиссии для выяснения обстоятельств, связанных с нарушением железнодорожного сообщения и телеграфно-телефонной связи в Забайкалье и причастности к ним полковника Семенова. С 15 июня по 18 июля помощник командующего войсками Приамурского военного округа, с 18 июня член военного совещания того же округа. С 23 сентября председатель постоянной думы кавалеров Георгиевского оружия. В январе 1920 г. состоял на учете при управлении коменданта Иркутска. По раз-

Владимир Владимирович фон Нотбек

личным данным, либо был убит (1920), либо умер в Верхнеудинске (1921)».

Сыновья:

Вячеслав Владимирович фон Нотбек (14.11.1893 – 1946).

«Старший сын командира 1-й гвардейской дивизии генерал-лейтенанта Владимира Владимировича фон Нотбека. Родился в Петербурге в 1893 году, окончил 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище и в 1914 году был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк. С 1915 года – в действующей армии. Участвовал во всех боевых делах полка — до его расформирования в 1918 году; дослужился до чина полковника. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После расформирования полка находился в Петрограде, преподавал на военно-экономических курсах РККА; входил в тайное монархическое объединение “Братство белого креста”. При подходе к Петрограду армии Юденича в июне 1919 года примкнул к Белому движению, затем с остатками армии ушел на территорию Эстонии, где несколько месяцев служил рядовым в эстонской армии — русских офицеров в ошалевшей от внезапного обретения независимости Эстонии тогда не жаловали. Вскоре Вячеслав Владимирович стал секретарем монархической организации “Союз верных”. С момента создания Врангелем в 1924 году Российского общевоинского союза (РОВС) Нотбек входил в его эстонский филиал, публиковался в эмигрантском журнале “Часовой”. В 1939 году выехал в Германию, откуда перебрался сначала в Югославию, затем, вероятно, во Францию, где находился центр первого отдела РОВС и общегвардейского объединения. Известно, что с парижским центром он поддерживал самые тесные отношения. 15 марта 1937 года полковник Нотбек был единственным лейб-егерем, приглашенным на торжества л.-гв. Казачьего полка в Париже. Отметим, что трагедия РОВС заключалась в том, что в основе идеологии союза лежал антибольшевизм. Все было логично и просто до начала Великой Отечественной войны. С ее началом оказалось, что продолжение непримиримой борьбы с большевизмом неизбежно вело в лагерь Гитлера. Вступить же в борьбу с нацизмом означало стать невольным союзником Советской власти. В результате РОВС разделился: его части действовали в рядах немецкой армии на Восточном фронте — отдельно от РОА генерала Власова, однако не меньшее число бывших офицеров императорской армии в составе отрядов РОВС боролось с немцами на территории Западной Европы. На какой стороне оказался Вячеслав Владимирович Нотбек — неизвестно. Его дочь смогла сообщить лишь то, что ее отец погиб в 1946 году на территории Германии. Зато удалось выяснить, что два его младших брата погибли, будучи участниками французского Сопротивления» (Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., Русский путь, 2002).

Офицеры Лейб-гвардии Егерского полка у дер. Свинюхи (Галиция), сентябрь 1916 г. Штабс-капитан Вячеслав фон Нотбек третий справа

Владимир Владимирович фон Нотбек (19.09.1895 – 14.08.1956), младший брат Вячеслава.

«1-й кадетский корпус 1911, Павловское военное училище 1913. Капитан л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Подполковник. Эвакуирован 25 янв. 1920 из Одессы. На май 1920 в Югославии. В эмиграции там же, на 10 авг. 1928 в Белграде, член объединения л.-гв. Егерского полка, затем в Бельгии, 1931 командир 1-й роты Русской Стрелковой Дружины в Бельгии».

И было еще два младших брата, вероятно, о которых как о погибших во французском Сопротивлении рассказывала дочь Вячеслава Владимировича фон Нотбека — Михаил (15.06.1897) и Георгий (23.11.1900).

Несколько лет назад Светлана Геннадьевна Узлова познакомила меня в Москве со своим французским родственником Кириллом Игоревичем Шалахиным, который пишет летопись рода адмирала Анжу.

А еще какое-то время спустя в Звенигороде мы встретились со Светланой и ее мамой Ольгой Юрьевной (в девичестве Кашеваровой — это линия сестры генерала Владимира фон Нотбека Ольги Владимировны) с ее камчатскими родственниками —семьей Евгения Филаретовича Лонгинова…

ГЕРОИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

Советские историки, поставив клеймо на Русско-японской войне 1904–1905 гг. как «поражении проклятого царизма», отбросили, как не вписывающееся в их идеологическую догму, события Русско-японской войны на Камчатке, которая только благодаря мужеству и самоотверженности проживающего здесь коренного и старожильческого населения осталась во владении Российской империи, а не перешла, как полувоенный трофей, Стране Восходящего Солнца.

У японцев виды по овладению Камчаткой появляются в 1897 году, когда Русское Товарищество котиковых промыслов, получив, как водится на святой Руси, «первый блин комом» на промысле камчатской царь-рыбы — чавычи, продукция из которой, приготовленная по методу засолки архангельской семги, протухла на полпути в Англию, пригласили японских специалистов, чтобы те разработали необходимые рекомендации для развития на полуострове рыбного промысла.

Японцы были в изумлении от того количества рыбы, которое пришло на нерест в камчатские реки. Японские лососевые реки к этому времени были уже полностью приведены в промысловую негодность, а тут… настоящий лососевый Клондайк.

Японцы тотчас открыли для России свой внутренний рыбный рынок, обеспечили российских рыбопромышленников кредитами, орудиями лова и собственными ловцами, а также транспортом для бесперебойной доставки рыбопродукции в Японию.

Технология же изготовления этой рыбопродукции была самая простая — пласт рыбы засыпался солью и покрывался рогожей, на которую ложился новый пласт, новая соль, новая рогожа… и так бесконечно, пока не вырастала гора соленой рыбы так называемого «сухого посола» (по-японски «бара»).

Рыба находилась под открытым небом, иногда оставаясь в зиму, если не представлялась возможность вывезти ее по окончанию путины, но и эта рыба мгновенно находила своего потребителя среди самого нищего населения Японии. Камчатский лосось здесь кормил всех — и нищих, и самых богатых. Эта рыба была востребована на всех сословных уровнях.

Потому и сразу возник вокруг нее промысловый ажиотаж. И японские браконьеры («хищники», как справедливо их называли на Камчатке) ринулись за камчатским лососем уже в том же 1897 году. Сначала у камчатских берегов появились две-три шхуны, а потом их количество начало расти в геометрической прогрессии.

В.Н. Тюшов, автор книги «По Западной Камчатке», окружной врач:

«…японцы, совершенно ознакомившись с действительным беззащитным положением Камчатки в смысле охраны ее богатств от хищников, несмотря на весь риск плавания в этих водах, в 1898 году появились как на западном, так и на восточном берегу Камчатки в таком значительном множестве, что суда Русского Товарищества, несмотря на дальность расстояния их прохождения от камчатских берегов, то и дело имели случай видеть хищнические японские шхуны».

Японцы работали по упрощенной схеме — быстро, сноровисто и беспощадно.

Высадившись в устье нерестовой реки, выгрузив соль для засолки рыбы и продукты питания для своей промысловой бригады, разбив стан, они перегораживали реку сетями и выгребали все, что в них попадалось. Затем, по окончании путины, соленая рыба загружалась на шхуну, и та уходила либо на Курильские острова, где у японских рыбаков были свои базы, либо сразу в Японию.

Не встречая практически никакого сопротивления местных жителей, а тем более не встречая никакого практического сопротивления со стороны камчатской и дальневосточной власти, японцы год от года наглели все больше и больше. В 1903 году, накануне ожидаемой уже войны с Россией, японская шхуна не побоялась зайти и вести промысел непосредственно в Авачинской бухте.

Начальник Петропавловского округа П. Ошурков, будучи в поездке по Западной Камчатке, попытался было предъявить свои права, но окружившие его японцы были настолько агрессивно настроены, что готовы были его убить, и начальник округа поспешно ретировался, чтобы не довести ситуацию до трагического для себя исхода.

В.Н. Тюшов: «…японцы в 1901 году появились у берегов в такой численности, что по свидетельству судового экипажа парохода “Котик”, на котором в тот раз находился для осмотра западного побережья и Окружной начальник г. Ошкурков, море на расстоянии мили от берега носило множество тел уснувшей горбуши, выкинутой японцами из сетей в море за ненадобностью.

Горбуша самый низкий сорт лососей, всегда выбрасывается (японцами), если есть в изобилии какой-либо другой лосось.

Желая остановить хищнический промысел двух японских шхун, замеченных в реке Облуковиной, окружной начальник хотел было конфисковать как уловленную и засоленную рыбу, так и сами шхуны, но капитаны шхун, напоив и вооружив своих рабочих и команды, не только отказались исполнять требование начальника, но и грозились убить двух русских из Петропавловска, которые в качестве японских же приказчиков оставались на берегу среди японцев и которые спаслись на “Котик” в одном белье, оставив во власти японцев и заработанные деньги, и все свои вещи.

Этот факт открытого сопротивления русским властям и на русской территории, факт нашего, обидного для России, бессилия, был занесен в шканечную книгу “Котика” и передан мне, как таковой, капитаном этого судна г. Щербининым. (Этот факт отмечен и в донесении русского консула в Хакодате своему начальству, причем г. Геденштром заявляет, со слов японцев, проникших и в японскую печать, что в ст. сов. Ошуркова японцы стреляли.)

Впрочем, о нем знал и “Якут” (военный транспорт. — *С.В.*), но никто и ничего не предпринимал, а японцы, погрузивши ценную добычу, благополучно и неспеша вышли из р. Облуковиной с полным грузом».

А вот еще:

«С 1899 г. начался хищнический промысел рыбы японцами по всему побережью Камчатки, и население ее начинает справедливо уже жаловаться на оскудение рек рыбою вследствие перегораживания их в устьях японскими сетями.

Количество рыболовных участков, выбранных на чье-либо русское имя, значительно возрастает, причем и численность на этих участках японцев достигает до двух тысяч человек.

Имея в виду, что японцы сходят на берег с ружьями, понятно то опасение, явившееся как у жителей, так и администрации, что Камчатка при малейшем поводе окажется фактически занятой вооруженной японской силой.

<…> японцы начинают проникаться сознанием своей силы в Камчатке и чувствуют себя здесь хозяевами настолько, что какой-нибудь японец-матрос, подвыпивши, не задумывается кинуться с ножом на капитана-русского, не в потере сознания, но напротив, мотивируя свое нападение тем, что теперь уже должна быть война России с Японией и поэтому японцам следует убивать всякого русского. Такой случай был в Петропавловске в ночь с 18 на 19 июня н. г. (1903 г. — *С.В.*) на шхуне “Бобрик”.

Только тем, что японцы сознают свое превосходство, и можно, мне кажется, объяснить такое явление, как заход шхун в камчатские реки для лова рыбы без каких бы то ни было разрешительных документов, даже в устье Камчатки, пункт, в котором находится несколько человек казаков камчатской команды».

Практически все главные нерестовые реки Камчатки были в летний период перекрыты японцами, которые вели себя, как хозяева, не боясь никого и не стесняясь.

Нужно сказать, что однажды все-таки камчатская власть решилась на некий прорыв. В том же 1903 году, когда умершего П. Ошуркова сменил на посту начальника (теперь уже не округа, а уезда) другой человек, была проведена военными морякам «Манджура» антибраконьерская операция в устье реки Большой, где действовали одновременно экипажи двенадцати японских хищнических шхун. Было арестовано и доставлено во Владивосток около 200 японских браконьеров. И дело закончилось… выговором местному камчатскому начальнику, который посмел дать команду арестовать «мирных» японских рыбаков.

Читаем его собственное признание: «Лично я не был на Большой. А там действовало русское военное судно, имевшее в отношении надзора за промыслами свои инструкции и действовавшее согласно с их велениями.

Но, тем не менее, конфискация шхун, арест японцев… и, главное, посылка во Владивосток особого парохода были записаны мне на новый минус, тем более, что раньше, до меня “на Камчатке все было так тихо, спокойно, а вот теперь черт знает, что делается…”».

Но в то время хотя бы речь шла еще только о «мирных» японцах. А что же будет во время войны?

Как сегодня известно, Русско-японская война была проиграна Россией во многом по причине предательства со стороны не только русского генералитета, но и со стороны русского правительства на Дальнем Востоке, вступившего в, разумеется, неофициальный коррупционный сговор с японцами…

Вот мнение одного из современников той далекой уже эпохи:

«Северное японское рыболовное общество (организующее в Японии промысел камчатского лосося. — *С.В.*) вело даже переговоры о том, чтобы на случай войны камчатские рыбалки были “нейтральными”. Такого рода переговоры велись с начальником Командорских островов, ездившим… в Японию на рыболовную выставку. А Гребницкий был крупною величиною не только на

Командорских островах, но его признавали и на Камчатке. У Гребницкого были связи в Петербурге, были и крупные капиталы в американских и английских банках, нажитые им за тридцатилетнее “управление” командорскими промысловыми миллионными богатствами».

Последствия такого ареста японцев на реке Большой, который сами японцы восприняли как некое романтическое приключение, еще более взбодрил их для будущей промысловой экспансии на Камчатке, оказавшейся на самом деле даже еще более слабой, беспомощной и никому в России не нужной, чем это еще вчера, до ареста, казалось самим японцам.

Это одна сторона медали.

Жители с. Коряки. В центре, судя по наградам, сельский староста Прокопий Терентьевич Дьяконов (1853), который как представитель сельских старшин Камчатки присутствовал на коронации царя Николая Второго в г. Москве в 1896 г.

Но есть и другая, о которой мало кто знает.

А дело было так. В 1875 году после продажи Аляски наши российские дипломаты совершили еще один акт национального предательства — поменяв Южный Сахалин на Курильские острова, они закрыли России выход в Тихий океан. Но на этот факт тогда мало кто обратил внимание. Предательство вскрылось только в годы Великой Отечественной войны, когда из Америки на Камчатку в бухту Ахамтен (ныне Русскую) пошли американские пароходы с военным грузом по ленд-лизу, а путь с Камчатки во Владивосток проходил только по единственному возможному (и самому опасному) маршруту — через Первый, богатый рифами, Курильский пролив — все остальные проливы контролировались японцами.

Курильские острова отходили к Японии не только территориально, но и вместе с проживающим на этих островах населением.

В течение 1875–1878 годов, не получив никакой поддержки от правительства Российской империи, жители Северных Курильских островов — Шумшу и Парамушира — не спрашивая на то ни у кого разрешения, переселились на Камчатку — в исконно курильские поселения Явино и Голыгино, где их предки обитали еще во времена Степана Крашенинникова.

А через почти тридцать лет родился грандиозный военно-стратегический план отторжения Камчатки от России, который обосновывался «необходимостью» защиты интересов и территории проживания на Камчатке своих соотечественников, являющихся де-юре подданными микадо, но, де-факто, проживающими на территории Камчатки.

Смешав де-юре и де-факто и исходя из того, что Камчатку по международному праву нельзя оккупировать, решено было высадить на Камчатке вооруженный десант из отставных унтер-офицеров, которые, так же, де-юре, не были уже военными, а де-факто были профессиональными военными — резервистами.

Командир будущего десанта отставной лейтенант японского императорского флота Сечу Гундзи провел разведку, прожив долгую камчатскую зиму под видом японского доктора в Большерецке, разъезжая по западному побережью полуострова. Выяснилось, что в период летней путины, когда основное население Камчатки занято заготовкой рыбы, западную Камчатку можно пройти в течение одного сезона и принудить ее население признать подданство Японии, начиная с сел Явино и Голыгино.

Поселения коренных жителей расположены друг от друга на очень больших расстояниях (в двести и триста километров), связи между ними никакой нет. Вооружение камчадалов-охотников примитивное, да и самих охотников в период рыбной ловли сложно отвлечь от главного их занятия — заготовки рыбы на зиму и для семьи, и для ездовых собак, без которых не обходится ни одна семья на Камчатке.

В.Н. Тюшов: «России не должно быть безвестным, что на ближайшем к Камчатке острове Шумшу японцы имеют, приблизительно с 95 года (1895. — *С.В*), военно-морской пост под командою лейтенанта флота, посещаемый ежемесячно крейсером. Говорят (слух из Нагасак), что на Шумшу и на Парамушире имеется по батарее и что названный лейтенант провел целую зиму на Камчатке под видом доктора».

Камчадалы — народ не воинственный, покорный власти, так что легко согласятся на японское подданство.

Нужно признать, что расчет был очень грамотный, рассчитанный на высокий результат.

Но вмешалась «нечистая сила».

Начальником Петропавловского уезда в 1903 году был назначен сумасшедший. Я не оговорился — именно сумасшедший. Даже было официальное заключение на этот счет, подписанное окружным врачом и известным ученым господином Тюшовым.

Этим сумасшедшим был бывший военный, а теперь журналист, редактор газеты «Приамурские ведомости», который объездил окраинные русские земли и написал объективные, честные очерки о том состоянии, в котором они находятся. Разумеется, все это было написано в самых черных тонах.

И тогда генерал-губернатор Приамурья предложил журналисту, автору этих критических очерков Антону Петровичу Сильницкому возглавить Петропавловский уезд.

И первые же попытки Антона Петровича радикально изменить жизнь в вверенном ему уезде натолкнулись на мощное сопротивление и со стороны областной — Приморской — власти, и со стороны жителей уездного центра.

Но по порядку.

Первым был арест японских «хищников» в устье реки Большой и последующий за этим выговор со стороны высокого начальства.

А вот и серия последующих действий Сильницкого и противодействия петропавловского общества.

Он попытался ввести на Камчатке «сухой закон» и закрыл местные кабаки, как рассадники пьянства и распутства.

Он прекратил практику купеческого сговора по приобретению ясачной (поступившей от коренного населения) пушнины и ввел пушные аукционы.

И он же вступил в конфликт с местной интеллигенцией, которая во все времена радикально настроена против любой власти.

И Сильницкий, обогнув вроде бы все предыдущие острые углы, уперся лбом в стену, преодолеть которую уже не сумел.

И эта интеллигенция вынесла вердикт — сумасшедший. Доктор В.Н. Тюшов этот вердикт утвердил. О чем, правда, потом жалел. Но дело было сделано — и документ о сумасшествии начальника Петропавловского уезда пошел гулять по инстанциям.

Это было в начале апреля 1904 года.

А в ночь с 22 на 23 апреля ситуация изменилась в корне — казак Николай Пинизин доставил «полетучку» (срочную почту) из Хабаровска — сообщение о войне с Японией.

А далее рассказывает сам Антон Петрович Сильницкий:

«Когда я обдумывал создавшиеся… обстоятельства, я не придумал ничего луч-

Камчатские казаки накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.

шего, как немедленно собрать полный сход петропавловских жителей, не исключая и своих противников.

Сход собрался в восемь часов утра, причем явились на него решительно все, ибо весть о войне распространилась по Петропавловску с быстротою молнии.

Сходу я объявил, что началась война и что, по моему мнению, нам надо ожидать высадки японцев на западном берегу. С моим мнением согласились, причем многие петропавловские старики, на памяти которых происходила знаменитая победоносная защита Петропавловска от соединенной англо-французской эскадры, выразили желание взяться за оружие, чтобы прогонять тех японцев, которые высадятся на наших берегах.

<…> С удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои “враги”, которые протянули мне руки и сказали: “Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело”».

Подчеркнем, что в данном случае Сильницкий говорит только о местных купцах, которые взяли на себя обязательства обеспечить всем необходимым народных ополченцев, записавшихся в боевые дружины. У местной интеллигенции было другое мнение на этот счет — они были за поражение России в этой войне.

Но, слава Богу, эта интеллигенция на Камчатке в то время представляла собой ничтожное меньшинство. А главное — ополченцев было чем вооружить: на складе в Петропавловске находилось четыре тысячи новых берданок и 800 тысяч патронов к ним, подаренных Камчатке высоким начальством в память о 200-летии присоединения полуострова к России. И это подарок оказался как нельзя кстати: «…население, — писал впоследствии А.П. Сильницкий, — между тем, сплошь как один человек охотники, отлично знающие все тропы, а к тому же неподражаемые стрелки. И таких стрелков мы могли набрать не менее двух тысяч, что при местных условиях представляло довольно-таки внушительную силу, особенно при партизанском способе ведения войны».

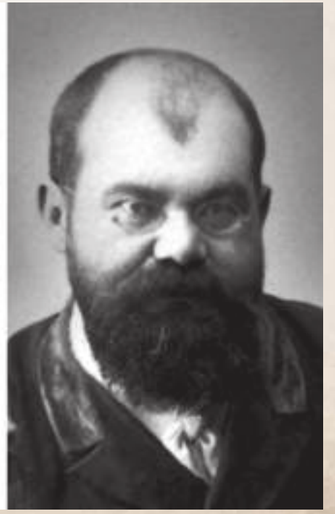
Начальником камчатских дружин был назначен заместитель Сильницкого штабс-капитан Вячеслав Ростиславович Векентьев, из потомственных дворян Владимирской губернии. Начальником Большерецкой дружины, на которую возлагалась особая ответственность за охрану западнокамчатского побережья, унтер-офицер Максим Иванович Сотников, уроженец Тобольска, служивший в 10-м Восточно-Сибирском линейном батальоне и присланный в 1897 году на Камчатку, чтобы обучить местных казаков воинскому строю и владению винтовками Бердана, которые русская армия того времени меняла на более современные и надежные отечественные винтовки Мосина, а потому и освобождала для нерегулярных войск свои оружейные склады.

13 мая 1904 года был дан первый бой. В тот день в устье реки Большой пришла шхуна, чтобы забрать рыбу, засоленную еще в 1903 году, но не вывезенную по причине ареста экипажа русскими моряками с «Манджура».

«13 мая большерецкая застава, — сообщал Сильницкий, — уже имела дело с японцами, причем 13 японцев было убито, а шхуна сожжена. Интересно, между прочим, что большерецкая застава пошла в атаку шхуны, под начальством отставного пятидесятилетнего казака, Александра Селиванова, по старому волжскому способу: “сарынь на кичку”, и при том на простых батах».

В составе отряда Александра Максимовича Селиванова были жители Большерецка Петр Кравченко, Павел Логинов и сын Селиванова Александр, а также прикоман-

Антон Петрович Сильницкий

дированные из Петропавловска Михаил Нагорный (донской казак, прибывший заработать денег на рыбных промыслах), бывший военный (возможно, участник боевых действий в Китае) Ксаверий Бируля и петропавловские казаки, которые направлялись на мыс Лопатку для охраны от японцев бобровых лежбищ во главе с урядником Петром Васильевичем Толстихиным…

А далее пошли уже регулярные сообщения от Максима Сотникова:

«28 июня 1904 г. на р. Апала имел дело с Японской шхуной, которую сжег, команда, оказавшая сопротивление — уничтожена в числе 20 человек; 15 июля взял в плен организатора захвата Камчатки Японского Лейтенанта Гундзю и доктора Ода-Наотаро, высадившихся с вооруженною командою на р. Озерной, 17 июля сделал наступление на передний табор Гундзи, где уничтожил 17 японцев; 9-го августа на р. Воровской имел дело с Японской шхуной, шхуну и команду уничтожил; 13 августа захватил в море 3 японцев, шедших на остров Шумшу в шлюпке, шлюпку и команду японцев уничтожил».

О разгроме японского десанта, высадившегося в устье реки Озерной, Максим Иванович упоминает в своих донесениях очень скромно.

Причина простая — взяв хитростью (заманив в ловушку) в плен командира отряда Сечу Гундзи с сопровождавшими его людьми, дружинники попытались нанести удар и по десанту.

Вот что пишет по этому поводу начальник уезда А.П. Сильницкий, который знал о происходящем с чьих-то чужих слов:

«Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем (на шхуне “Мария”. — *С.В.*), и дружинников, пришедших сухопутьем (Большерецкой дружины. — *С.В.*), наши напали на японский лагерь.

Нападение было неожиданным. Японцы растерялись. Но все же они оказали отчаянное сопротивление. В этом столкновении наших дружин с японским отрядом, высадившимся с острова Шумшу, мы потеряли двух убитыми (на самом деле одного — Ксаверия Бирулю. — *С.В.*) и четырех ранеными. С японской стороны убито и ранено 32 человека.

Такой результат боя с малыми для нас потерями объясняется тем, что наши дружинники напали на японский отряд скрадом, ползком на животах, причем первый залп по японцам они сделали уже почти в черте самого лагеря, поросшего высоким камчатским шаломайником (папоротниковое растение).

Японский начальник Гундзи был взят в плен, японский флаг был сорван, и разбитые японцы бежали на свою шхуну, на которой, пользуясь ветром, и уплыли…»

На самом деле Антону Петровичу рассказали несколько историй о боевых столкновениях лета 1904 года, и он их все сложил в одну общую картину, но вывод был сделан правильный: «…за лето 1904 года на обоих берегах Камчатки… было убито до двухсот человек японцев и сожжено десятка два хищнических шхун».

Но вернемся к японскому десанту.

«Гундзи прибыл на Камчатку и высадился во главе вооруженного даже пушками отряда не только с ведома японского правительства, но даже и с затратами на это дело капиталов, как правительственных, так и национальных. Капиталов первой категории Гудзи получил 500 000 иен и капиталов второй категории 1 000 000 иен» .

То есть сказать, что высадка японского полувоенного десанта на Камчатке была организована по личной инициативе Сечу Гундзи, о которой «не догадывались» в Японии, было бы, мягко говоря, неправдой — эта высадка готовилась с того самого 1895 года, когда на острове Шумшу начала создаваться база для сначала рыбопромысловой, а потом и военной экспансии.

30 мая 1904 года отряд из 150 человек, вооруженных скорострельными винтовками и двумя легкими полевыми пушками, высадился в устье реки Озерной. А еще через несколько дней, захватив село Явино (15 километров к северу от р. Озерной), Гундзи обнародовал свои планы, прибив в этом селе к столбу доску со следующей надписью: «Смысло на этой тын писаних слов: именно это земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогай будут убиты. Командир японской войска Сечи Гундзи».

Но камчатские дружинники не знали еще на тот период, какими реальными силами располагает враг. Нужен был разведчик. Им вызвался быть паратунский житель Егор Ивойловский (в другом написании Евойловский), которому нужно было загладить свою вину перед обществом.

И 12 июля 1904 года на свет рождается это постановление Сотникова:

«Крестьянин селения Паратунских ключей Петропавловского уезда Егор Яковлевич Ивойловский, состоящий под судом по уголовному дело по убийству односельчанина, мещанина Алексея Корнилова, заявил на мой вопрос следующее:

“Я, Егор Ивойловский, считаю себя виновным в убийстве соседа Алексея Корнилова, теперь в виду войны России с Японией я узнал от Вас г. Сотников и других жителей, что на Озерной стоят японские шхуны и пришедшие на них японцы разграбили у явинских жителей все имущество, скота и

проч., угнали жителей в лес с ружейными выстрелами, на Ваше предложение гг. Сотников, Карлсон, Ал. Селиванов и явинский староста Игнатьев узнать неизвестную силу врага на Озерной я искренне и охотно… свое желание итти на Озерную и может, Господь Бог, поможет мне узнать силу оружия и личность врага и вернуться к Вам. Ибо я теперь жалею погубившего мною собрата, так равно жалею, если кого из Вас невинно убьют японцы, почему прошу указать мне место Озерной".

А потому согласно заявления Ивойловского постановил таковое принять за единственный случай узнать силу врага. Личным побыванием желающего Ивойловского в таборе расположения японцев, так как устье Озерной неприступное, открытое место для военных действий с какими-то ни было отрядом, да к тому же, если у них как слышно есть пушки или две, то приглашаю Вас поименованные выше братцы дать Ваши мне свое мнение, которое очень важно, и я искренно принимаю, если будут таковые по

Почетный караул от камчатских казаков. 6 мая 1897 г., крайний справа Максим Иванович Сотников

местным условиям, а потом видно что нам делать».

Явинский староста Игнатьев вызвался идти на разведку вместе с Ивойловским. 13 июля в 5 часов пополудни разведчики возвратились, побывав во вражеском стане. Именно благодаря этим двум людям и удалось заманить Сечу Гундзи (якобы на встречу с бывшими курильскими жителями) и взять его в плен.

16 июля 1904 года был подписан этот исторический приказ:

«По команде, сформированной для защиты селения Явино на р. Озерной. Вчера, т. е. 15 сего июля враг попутал и в 10 час. утра Бог помог нам взять в плен командира вражеского японского стана, называвший себя лейтенантом Гундзи, расположившегося с японским войском на р. Озерной, который разграбил, расхитил и разорил вскоре жителей сел. Явино, находящегося в нем святыню, часовню во имя Св. и. Чудотворца Николая, словом обезобразил все селение, до того, что наверно вам братцы, каждому смотреть на эту картину неприятно. Попытав узнать, спросил пленного командира Гундзю, что он думал, когда граничил нашу Русскую землю, называя ее принадлежащей уже японской империи в селении Явинском на часовне выкинул японский флаг, то он, Гундзи, сказал, что он сие место покорил и на своем месте, сделав укрепление, промышляет рыбу.

Нет, не дадим, братцы, заокружим японцам, чтобы их мерзкая нога стала на нашу Русскую землю и чтобы флаг развивался на нашей святыне; хотя наше вооружение и несравненно слабже, но пойдем, братцы, прикажем им сложить оружие, а нет, то отомстим хищникам японцам. В 11-м часу сегодня двинемся на Озерную возьмем с собою двух пленных японских переводчиков, пусть скажут нам, если они сложат оружие, то возьмем всех в плен, а если не сложат, то ударим с оружием в руках. Команду я разделяю на два взвода, каждый взвод на два отделения; первым взводом будет командывать у. оф. Кузьмин, а вторым казак Ал. Мак. Селиванов. Я, с 1-м взводом пойду к табору японцев, отпущу к ним переводчика, с тем, чтобы японцы сложили оружие и сдались живыми, если что будет замечено в противоположную сторону, то открою огонь, Ал. Мак. Селиванов займет передовую линию дабы не пропустить японцев в главный их отряд, где установлена батарея, рядовые Загайнов и Мишланов с своими отделениями должны остаться в заднем карауле, по кошке их строго должны караулить, чтобы не пробежали японцы, в случае побега останавливать, а не повинующихся стрелять. Братцы, подходя к табору, должна быть ти-

Доска, поставленная на холме в 500 шагах на Норд-ост от Явино, снята М.И. Сотниковым 4 июля 1904 года

шина и спокойствие, трусить и теряться не надо, да и уже тогда поздно.

Храбрецами, братцы, Бог владеет».

Коллегиальное решение о вступлении в бой с японцами принимали: старосты-камчадалы Дмитрий Игнатьев (с. Явино), Иван Бутин (с. Голыгино), Дормидонт Антонов (с. Апача), отставной казак Александр Селиванов и торговец, житель села Явино Северин Карлсон.

Бой был дан. По данным Сотникова, было убито 17 японцев. Из числа ополченцев — убит один — Ксаверий Бируля, который был похоронен неподалеку от места гибели.

А затем было принято совместное решение:

«…против такого превосходства оружия японцев нам невольно придется отступить и оставить Озерную без вторичного нападения, к тому же перед самым выходом на вышеописанную разведку мной получено донесение Нагорного и Колпаковского старосты, что на р.р. Ича и Колпаковой стоит 9-ть хищнических шхун, я решил подобрав оставшееся в целости имущество жителей для перевозки в Голыгино, оставить селение Явино и направиться для защиты северных селений Ича и Колпаковой, от вторжения японских хищников во внутрь селений».

Решение было правильно — обезглавленный десант не предпринял более без своего командира никаких действий, кроме как ведения промысла нерки в реке Озерной, а потом сам покинул эти места.

Впоследствии Максим Сотников сообщал: «В течение лета 1904 года на протяжении от р. Озерной до р. Сопочной, в районе его заведывания обороной, уничтожено 11-ть Японских шхун».

А в Петропавловске в это время происходило нечто совершенно противоположное, о чем, к счастью, дружинники на побережье узнали гораздо позже.

А.П. Сильницкий:

«18-го июля. В разгар нашей борьбы с японцами, в Петропавловск прибыл… американский пароход “Минеола”, на борте которого был и Гребницкий.

…Войдя в управление, Гребницкий обратился к собравшимся со следующими словами:

— Министр внутренних дел телеграфирует мне, что ваш уездный начальник сошел с ума. Это вы, г. С… а потому, как сумасшедшего, я с сего момента устраняю вас от должности уездного начальника…

…Как только я ушел из управления, Гребницкий немедленно распорядился расформировать все камчатские дружины, поснимать с них “бутафорские ополченческие кресты” и сейчас же все “привести на мирное положение”.

Кресты снимались, выставленные мною сторожевые посты упразднялись, книги и всякие вообще дела по дружинам опечатывались, причем всем моим сотрудникам было объявлено привлечение их к суду за участие в разбоях в отношении к мирным японцам, приходившим к нам “ловить рыбу”.

…Когда ему представлялся плененный Гундзи, Гребницкий извинился перед ним на английском языке за произошедшее недоразумение, объясняемое единственно психическим расстройством уездного начальника…»

Но Антон Петрович все-таки вручил Гребницкому под роспись список имен дружинников из пятнадцати человек, которые, по его мнению, должны были бы быть награждены правительством с примечанием:

«Кроме поименованных, заслуживают, казалось бы, награды и те, которые приняли участие в стычках с японцами на реках Большой, Кихчике, Апале и в селе Явинском.

За неимением документов, каковые 18 июля с. г. переданы мною Гребницкому, под его расписку, я не могу, из опасения впасть в ошибку, поименовать отличившихся, но

полагаю, что таковых найдется не менее 25 человек».

К сожалению, в этом списке, который передал Гребницкому начальник Петропавловского уезда, впоследствии (до того как этот документ был найден в архиве) была утрачена первая страница, но, полагаю, что первым номером в этом списке должен был быть указан начальник обороны Камчатки штабс-капитан в отставке Вячеслав Ростиславович Векентьев.

Вторым — Цезарь Эдуардович Жаба. У А.П. Сильницкого отмечены четыре пункта, согласно которым должен быть награжден Цезарь Эдуардович. В найденном нами документе есть только указание на 4-й пункт:

«Шхуна (“Мария”. — *С.В.*) отвезла запасы провизии в с. Явинское для Камчатских ополченцев, действовавших против Сечи Гундзи; в селе Тигиль, для тигильских инородцев и казаков тигильского отряда, и в Гижигу, где люди по имевшимся у уездного начальника сведениям, голодали. Плавание шхуны завершилось при постоянной опасности встретиться не только с вооруженными японскими шхунами, но и с пароходами, вооруженными пушками».

А далее уже по порядку:

«3. Унтер-офицер запаса армии Максим Сотников. 17 мая с.г. был выслан уездным начальником для заведывания обороной устья реки Большой, когда высадились в сел. Явинском японские морские резервисты, до 200 чел., что случилось 10 июня, при 2-х скорострельных орудиях, под начальством лейтенанта японской службы Сечи Гундзи. Сотников принял начальство над ополченцами из соседних селений и большерецкими ополченцами, всего 100 чел., не имея никаких запасов провизии. 29 июня сего года Сотников выступил в поход на селение Явинское, разбил по дороге японцев на реке Апале, сжег их шхуну, причем убито 15 чел. японцев, взято в плен 6.

17 июля Камчатские ополченцы под начальством Сотникова напали на сел. Явинское, где расположились морские резервисты, выкинув японский флаг и водрузив доску с надписью, что “эта земля отныне принадлежит Японии” и что “кто этого не признает будет убит”.

Удар Сотникова на Явино, окончившийся пленением Сечи Гундзи и изгнанием японцев из этого селения, сопровождался боем с потерями: с нашей стороны одного убитым и тремя ранеными и со стороны японцев 17 убитыми.

4. Отставной унтер-офицер Кузьмин. Начальствуя отрядом дружины, посаженным на шхуну “Мария”, выказал отличную храбрость в Явинском бою. Ружейною пулею ранен в шею.

5. Отставной пятидесятник Камчатской казачьей команды Александр Селиванов. При отличной храбрости и распорядительности принял участие в вооруженных стычках с японцами: на реке Большой 15 мая, на реке Апале — 6 июля и в Явинском бою. На р. Большой пошел в атаку японской шхуны на простом бату и лично убил из винчестера 6 японцев, защищавших шхуну ружейным огнем.

6. Подследственный крестьянин Егор Евойловский. Освобожденный уездным начальником из-под стражи, в составе отряда Петропавловской дружины, сел на шхуну “Мария”; когда отряд дружинников, что был на шхуне, соединился с отрядом Сотникова, Егор Евойловский, 13 и 14 июля, с опасностью для жизни, произвел подробную разведку расположения японцев в сел. Явинском и на р. Озерной; участвовал в бою и лично пленил Сечи Гундзи.

7. Донской казак Нагорный. Командуя заставой на реке Кихчик, разбил появившихся здесь японцев, сжег их шхуну; убито 13 чел., взято в плен 2; Нагорный лично разрубил шашкой капитана шхуны, бросившегося на него со штыком.

8. Тигильский казак Моисей Юшин. 13 июня был старшим на посту № 1 вблизи Петропавловского маяка; в этот день было настолько сильное землетрясение, что скала, на которой стоял пост № 1, от подземных ударов трескалась, и огромные ее куски, с грохотом и шумом, падали в море. Люди поста не покинули до тех пор, пока не получили письменного распоряжения уездного начальника.

9. Священник Большерецкого Григорий Коллегов. Воодушевляя отряд Сотникова к борьбе с японскими резервистами, что засели в селе Явинском, изгнали отсюда жителей в горы и леса, 29 июня исповедовал и приобщил Святых Таин весь отряд, отслужил напутственный молебен и в облачении проводил отряд в селение, осеняя его крестом до тех пор, покуда отряд скрылся из виду.

10. Священник села Мильково Иринарх Малахов. Участник событий 1854 года, споспешествовал дружному отклику населения долины реки Камчатки на призыв уездного начальника поголовно встать на защиту родного края от посягательства на оный японцев.

11. Петропавловский городской староста Петр Карякин. Всеми зависящими от него способами споспешествовал быстрому сформированию Петропавловской дружины, ее устройству в отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер войсковой части, с установлением порядка внутренней службы, согласно

воинским уставам. Безоговорочно принял начальствование над дозором, высланным на шлюпках из Петропавловска на мыс Лопатка (Петр Корякин умер 24 октября 1904 г. на Лопатке при охране бобровых лежбищ и был похоронен 29 октября напротив Трех Сестер —РГИА ДВ ф. 1044, оп. 1, д. 11. — *С.В.*).

12. Петропавловский мещанин Карякин. Сопутствовал Векентьеву при организации Камчатского ополчения; будучи выдающимся охотником, споспешествовал первому благополучно проехать по Камчатке при весенней распутице более 2500 верст.

13. Урядник Камчатской казачьей команды Давид Савинский. При сформировании Петропавловской дружины и организации поголовного ополчения страны, успешно исполнял поручения уездного начальника, исполняемые при обыкновенных

Группа камчадальских старост и В.И. Иохельсон. Село Хайрюзово. 1909–1910 гг.

условиях, офицерами, чем много помог общему делу.

14. Русскоподданный, швед по рождению, Северин Карльсон. Хороший мореход и охотник, был проводником шхуны “Мария” при высадке ею дружинников в селение Явинское.

15. Крестьянин Гавриил Подпругин. Отличный знаток Камчатки, советом и делом помогал уездному начальнику при организации застав на устьях рек».

И Сильницкий был, разумеется, прав, что этот список можно было еще значительно расширить — по архивным документам проходят имена участников боевых действий на западном побережье в 1904 году:

крестьянин Алексей Петрович Бречалов, староста села Большерец.

Казак Алексей Черных — брал в плен Гундзи.

Македон Ворошилов — участник событий на рр. Озерная, Опала.

Евст. Панов (Апача) — Озерная, Опала, Воровская.

Староста Василий Спешнев и Григорий Заев — отражение японцев на рр. Колпакова и Воровская.

Урядник Петр Толстихин, мещанин Николай Ворошилов — отражение японцев на устье реки Большой 18 мая 1904 г.

А вот список имен, участвовавших в отражении японцев на рр. Ича и Колпакова 8 июня и 27 июля 1904 г. (РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129): кантонист Григорий Толстихин, мещанин Константин Ворошилов, камчадалы — облуковинский староста Степан Климовский, Галактион Соболев, сын псаломщика Кириак Верещагин, ламут Конок Банакан, колпаковский Григорий Наседкин.

В документах отмечены также особые заслуги по организации местных дружин старостами этих сел: на р. Иче — староста Осип Тескин, на р. Сопочной — староста Василий Волчков, на р. Крутогоровой — староста Семен Трапезников.

В Петербурге, где Гребницкий доложил о «сумасшедшем» поведении начальника Петропавловского уезда и его жителей по отношению к мирным японским рыбакам, эту информацию восприняли совсем даже не так, как предполагал прояпонски настроенный начальник Командорского уезда.

А.П. Сильницкий: «…в Петербурге оценили этот факт патриотизма камчадалов так высоко, что Сотников, например, простой унтер-офицер, был произведен сразу в подпоручики (минуя чин прапорщика. — *С.В.*). Священник села Большерецкого Григорий Коллегов, напутствовавший камчатские дружины в бой с японским отрядом, не имевший решительно никаких наград сразу

получил камилавку. Прочие затем дружинники получили знаки отличия военного ордена, некоторые сразу третьей степени, помимо четвертой».

Но на Камчатке об этом еще ничего не знали. И 10 ноября 1904 года Максим Сотников, начальник Большерецкой дружины, сообщает Векентьеву, командовавшему обороной Камчатки, о своей встрече с новым исполняющим делами начальника Петропавловского уезда:

«12 сентября с.г. я из командировки с западного берега Камчатки в Петропавловск вернулся, где 13-го в 9 часов утра явился к И.Д. Петропавловского уездного начальника г. Павскому, который не выслушав установленным порядком мой словесный рапорт, сидя за столом, закричал на меня “за что ты убивал японцев, они ведь мирные”. Я доложил г. Павскому, что первые японцы пришли в Камчатку, начали грабить мирных жителей до употребления в дело оружия и как не повинующие согласно приказов г. начальника уезда и инструкции г. штабс-капитана Векентьева после возможности были отражаемы не доводя до дальнейших грабежей жителей и издевательств над нашей святыней, за которую должны стоять и нерушимо охранять. На это г. Павский громко говорил, наколачивая по столу, “начальник был сумасшедший и приказы его дурацкие, а Векентьева и тебя повесят, за то что исполнял его приказы, а правительство понесет убытки за уничтоженные вами шхуны” и сказал “можешь идти”.

Представленные мною с Ичи 2 пленных японца, находясь в Петропавловске, пользуясь полнейшей свободой, подготовив еще 2 японцев… в начале августа бежали шлюпкой, которых заметили на Лопатке, что они прошли на Шумшу. Преследование бежавших г. Павским не найдено нужным».

15 июля 1905 года В. Векентьев сообщает А. Сильницкому:

«В конце мая прибыл пароход “Австралия” и на нем Гребницкий…

Чупятов теперь начальник Петропавловской дружины… Кузьмин — начальник облуковинского отряда — георгиевский кавалер, Нагорный — начальник конного отряда, тоже георгиевский кавалер 3 степ.; ст. унтер-оф. Чертов — начальник Большерецкого отряда, георгиевский кавалер 3 ст., Жаба заведывал обороной Западного берега, кавалер Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, и Ваш покорный слуга, начальник обороны, кавалер Св. Станислава 2 ст. с мечами и бантом. И все, дорогой Антон Петрович, благодаря Вам. Искренно сожалею, что Вы отсутствуете, да и не я один… Обнимаю Вас крепко, любящий Вас В. Векентьев.

Гребницкий что-то политикует — мягко стелет».

Но благодаря вмешательству Государя Императора народные дружины в 1905 году вновь выступили на охрану своей границы.

Но и японцы были уже другие — готовые вступить в бой.

И вот, например, что произошло в июле 1905 года в устье реки Опалы (сообщение подпоручика М.И. Сотникова, назначенного приказом начальника обороны Камчатки от 20 апреля 1905 года № 1 начальником Большерецкой дружины).

«10-го утром японцы в 4-х шлюпках съехали всего до 40 человек, обследовавши противника с малым отрядом, 16-ю молодцов, дружинников, в 2 часа дня ударили на японцев, стычка продолжалась с 2-х до 5 часов дня, при чем оказалось 18 японцев было убито на берегу, а остальные пытались бежать шлюпками, которые на баре реки почти все убиты, могли утти лишь в 2-х наполненных водою 7 челов., да и те раненые.

Докладываю Вашему Благородию, что по местным условиям отряд пришлось разделить на два отделения. Я с первым занял самое устье, а вторым Мышланов — залив реки через косу. Во втором отделении бой перешел в рукопашную, хотя дружинников было только 7 человек, а японцев — 18, некоторые из них имели ружья, все японцы — 18 человек бросились на 7 человек дружинников, но через 1 час были сняты, например, 3 японца бросились на дружинника сел. Апача Гаврила Панова, хотели взять ружье, но Панов много уже перенес ударов — ружья не дал, которому молодцевато явился на выручку Иван Осминин, который всех японцев уложил наповал. Панову же японцы успели нанести много ударов, разбили лицо и на правой щеке дали две кровавые царапины ножем, ружье Панова, винчестер 45-70 калибра разбили и на дружинника сел. Явина — Василья Дектерева — 3 японца, которому японцы нанесли одиннадцать ран ножем: 1 на голове, 3 на левой щеке, 1 на левой руке и 6 ран на спине, кроме того кость левой руки ниже локтя повреждена, на выручку Дектяреву подоспел Голыгинский староста Иван Бутин.

Раны Дектярева и царапины Панова тотчас же промыты, и Американским гражданином Г. Гемен-Краинским сделана надлежащая перевязка, все раны Дектярева не опасны».

А 4 сентября 1905 г. пришло еще сообщение от директора первого департамента министерства иностранных дел Гартвига:

«Гребницкий из Сан-Франциско телеграфирует и просит передать: адмиралы Катого Идзуми и Суми бомбардировали Петропавловск 31-го сего августа, думая сделать его базой крейсерства своей эскадры;

разрушены маячные здания, уездное управление, разграблены пороховые склады, убито много обывательского скота, у обывателей отобрано все огнестрельное оружие, раненных и убитых нет; окружной начальник Лех, взяв кассу, женщин и детей, ушел с дружиной внутрь страны. Американское судно “Австралия”, зафрахтованное Камчатским обществом, захвачено в порте с Брюгеном и со мною».

Правда, вскоре Брюгген оказался в Шанхае, а Гребницкий — в Сан-Франциско.

Оно и понятно — для японцев оба были своими.

Добавим к этому, что местные жители Командорских островов во время отсутствия своего высокого начальства также не подпустили ни одну хищническую шхуну к котиковым и бобровым лежбищам на островах Беринга и Медном.

По сообщениям японских источников, за период Русско-японской войны было уничтожено более сорока шхун и убито более трехсот «мирных японцев»…

И я тоже готов подписаться под этими словами историка И.И. Огрызко:

«Тот факт, что Камчатка по Портсмутскому договору осталась за Россией, является огромной заслугой самого населения полуострова, которое в грозный час войны взялось за оружие».

Летом 1906 года японцы, получив очередную поддержку прояпонских сил, снова ринулись на Камчатку. Но теперь, после поражения России, они действовали гораздо наглее, чем прежде:

«25 августа 1906 г.
Военному губернатору
г. Петропавловск Приморской области

18 июля с.г. в 1½ верстах от устья реки Воровской убиты японцами с хищнических рыболовных шхун, стоявших в реке Воровской, командированные… для наблюдения за рыбными промыслами подпоручик запаса Сотников и с ним петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов; крестьянин Приморской области Южно-Уссурийского уезда Борисовской волости Никита Максимович Нечепурной и камчадалы селения Воровского: Александр Григорьевич Спешнев, Анкудин Михайлович Спешнев, Феофан Степанович Спешнев, Сергей Степанович Спешнев, Иван Васильевич Спешнев, Гавриил Степанович Спешнев, а также спасаясь от преследования японцев утонули в реке Воровской камчадалы Василий Петрович Спешнев и Гаврило Прокопьевич Спешнев. Ранены и спаслись камчадалы того же селения Каллист Иннокентьевич Трапезников и Степан Николаевич Спешнев. Оба находятся на излечении в Петропавловске.

Дети Каллиста Иннокентьевича Трапезникова — участник Курильского десанта Коминтерн и ветеран колхозного строительства на Камчатке Георгий (худ. М.И. Семенов)

...16 июля с.г. Сотников прибыл к амбару Камчатского торгово-промышленного общества, расположенного на левом берегу р. Воровской, в расстоянии 1½ версты от устья реки и в самой реке застал японские хищнические рыболовные шхуны, а именно: “Футами-мару”, “Тендомин-мару”, “Хоси-мару”, четвертую, название которой следствием не установлено, и пятую “Хигаси-мару”, стоявшую в море.

Шхуны, стоявшие в реке, ловили неводом рыбу.

Японцы расположились лагерем на другом берегу реки, на косе, примыкающей к морю, выстроили там для себя сараи, а также сложили соль, муку и засоленную японским способом рыбу, примерно около 16 000 штук, пойманную в р. Воровской.

В виду того, что лов рыбы производился японцами без разрешения и хищническим способом... Сотников, руководствуясь параграфом 30 Временных правил для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства, конфисковал у японцев с 16 по 18 июля с.г. два невода, шлюпочный парус, 150 кулей муки, 10 кулей рису и кроме того требовал представления 1000 руб. штрафу в пользу казны за незаконный лов рыбы. Это требование было предъявлено японцам гласно в присутствии Воровского сельского старосты Бориса Спешнева и германского подданного Владимира Стовас.

18 июля означенные деньги были переданы Сотникову с условием разрешения шхунам выйти из реки в море, но несмотря на это Сотников не только не дал разрешения на выход шхун (чувствуете, как следователь — коллежский асессор Садовников — пытается оправдать японцев! — *С.В.*), но узнав, что на косе у японцев осталось еще 13 мешков рису (то есть поняв, что японцы его, мягко говоря, надувают и намереваются вернуться назад, как только Сотников отправится дальше. — *С.В.*), отправил за ними к японцам на двух батах Воровского селения старосту Бориса Спешнева с камчадалами Степаном, Александром, Анкудином, Гавриилом, Феофаном Спешневыми и Каллистом Трапезниковым, а сам с прочими остался у амбара. Было около 3-х часов пополудни. На том берегу, что находился Сотников, собрались человек 12 японцев, среди которых находился японский врач Саки, участвовавший в минувшую войну и бывший в плену во Владивостоке. Саки хорошо говорил по-русски. Подойдя к Сотникову и обращаясь к нему, Саки сказал: “Ну что же, Ваше Высокоблагородие, выпустите Вы наши шхуны” и, получив ответ, что они может быть будут еще арестованы, Саки выхватил из бывшей у него в руках камышовой трости кинжал и насквозь проткнул им Сотникова...

Одновременно с этим по сигналу Саки на другом берегу реки и на косе, где были камчадалы, поехавшие за рисом, началось избиение камчадал... веслами были убиты находившиеся в батах люди за исключением сельского старосты Бориса Спешнева, отделавшегося ушибами, Каллиста Трапезникова и Степана Спешнева, притворившихся мертвыми. Недалеко от Сотникова были убиты Ворошилов и Нечепурной. Последний был убит кинжалом того же доктора Саки... Ворошилов выстрелами из винчестера убил двух японцев...»

Мы приводим в этой книге уникальные документы, прежде нигде и никогда не публиковавшиеся. 5 июня 1905 года все тот же Гребницкий вручал по повелению Всероссийского императора Николая II награды героям обороны Камчатки.

В РГИА ДВ в фонде 702, в деле 2020 мы отыскали справку «О награждении» (к сожалению, не совсем полную), в которой сообщается важная для нас информация о героях обороны Камчатки в 1904 году.

«...2. Цезарь Эдуардович Жаба. Потомственный дворянин Ковельской губернии. Окончил реальное училище. Имеет звание Шкипера Дальнего плавания и Прапорщика запаса пехоты. Около десяти лет служил на коммерческих судах дальнего плавания, в качестве Командира парохода. На Камчатку командирован был Военным Губернатором Приморской области за приемом одной из шхун, конфискованных “Манджуром”, 23 июля 1903 года. В 20 числах октября сказанного года потерпел вблизи Камчатки аварию, вследствие чего остался здесь на зиму. 22 апреля 1904 г. был призван Петропавловским Уездным Начальником в виду войны с Японией на действительную службу. Исполнил следующие поручения: с 22 апреля по конец мая командовал Петропавловской дружиной и, одновременно, ремонтировал шхуну, потерпевшую, как выше замечено, аварию, и на шхуне совершил плавания, поименованные в списке.

4. Отставной унтер-офицер Кузьмин. Служил при топографической съемке. В отставке свыше восьми лет. На Камчатке жил по собственным делам, имея домоводство: собак, скот. Поступил в дружину по собственному желанию и принял Начальство над дружинниками, командированными на шхуне “Мария” в Явино, Тигиль и Гижигу.

5. Отставной казак Александр [Максимович] Селиванов. 55 лет от роду. Имеет медаль на шее “за усердие” на Станиславской ленте.

7. Донской казак [Михаил Трофимович] Нагорный. 25-30 лет от роду. Приехал на

Камчатку в качестве приказчика на рыбные промыслы Зубкова.

8. Моисей Юшин, камчатский казак действительной службы Тигильского отряда.

9. Священник [Григорий Михайлович] Коллегов. Уроженец Камчатки. Семинарского образования не получил. Никаких наград не имеет. Священствует свыше 7 лет.

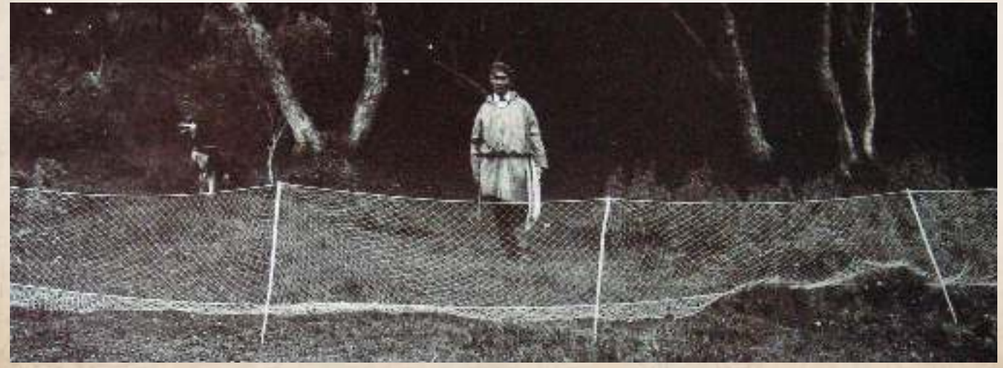
10. Священник Иринарх Малахов. Американский креол по рождению. Воспитывался в Ситхинской Духовной Семинарии, но курса не окончил. Состоит на службе свыше 50 лет. В 1854 году пел, под огнем англо-французской эскадры, молебен в качестве псаломщика. Священник Логинов получил за исправление этого молебна золотой Наперсный крест на Георгиевской ленте. Имеет скуфью, две медали и наперсный крест, установленный для Духовных лиц в память войны 1854–1855 г.г.

11. Корякин Петр. Петропавловский мещанин. Около 10 лет состоял кандидатом по городскому Петропавловскому Старосте. 4-й год — Староста. Имеет нагрудную медаль серебряную, на Станиславской ленте с надписью “За усердие”.

12. Михаил Корякин. Сын городского старосты. 27 лет от роду.

13. Урядник Давид Савинский, 36 лет. Казак Петропавловского отряда.

14. [Северин Карлович] Карлсон. Камчатский торгующий в селении Явинском. В русском подданстве состоит 2-й год. До принятия подданства жил на Камчатке свыше 20 лет.

Петр Корякин, «известный на севере мореход и охотник на всякого зверя», альбом А. Сильницкого

15. Ржевский мещанин Герман Чупятов. Служил рядовым в гвардии. 40 лет от роду».

А затем — по воле императора Николая Второго, очень высоко оценившего значение подвига простых камчадалов, — посыпался на героев обороны Камчатки град орденов и медалей.

10 января 1905 г. г. Хабаровск:

«За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» награждены медалями «За усердие»:

Голыгинский староста Иван Бутин и житель с. Голыгино Семен Сторожев.

Староста с. Явинское Дмитрий Игнатьев.

Староста с. Колпаково Дмитрий Вагин.

Староста с. Корякское Филипп Осьминин.

Староста с. Начикинскогое Дмитрий Уваровский.

Староста с. Крутогоровскогео Петр Трапезников.

Староста с. Карага Коллегов.

Коряк 2-го рода Иван Кырген.

Староста с. Воямпольское Иван Лазуков.

Далее: из телеграммы Пиамурского генерал-губернатора от 19 января 1905 г. за № 142 в Петербург Наместнику Дальнего Востока.

«Достойными награждения стоит признать следующих лиц:

Подследственного по обвинению в убийстве по ревности крестьянина Евойловского, который будучи освобожден от стражи Уездным Начальником и находясь составе отряда, посаженному на шхуну Мария, произвел, опасностью жизни, подробную разведку расположения японцев селения Явино и реке Озерной, участвовал бою и лично пленил Сечу Гундзи. Знаков отличия не имеет.

Казака действительной службы Тигильского отряда Юшина, который, будучи старшим на посту вблизи Петропавловска, не покинул людьми поста, несмотря сильное землетрясение, время которого скала, на котором находился пост, трескался и огромные куски ея грохотом и шумом падали море, пока не получилось соответственное письменное распоряжение Уездного Начальника. Знаков отличия не имеет.

Священника селения Большерецкого Коллегова, который, воодушевляя отряд Сотникова борьбе японцами, исповедывал и приобщал Святых Таинств весь отряд, отслужил напутственный молебен, проводил облачении отряд за селение, осеняя его крестом, пока отряд не скрылся виду. Коллегов священствует свыше семи лет, наград не получал.

Священника селения Мильково Малахова, который споспешествовал дружному отклику населения Камчатки на призыв

Уездного Начальника поголовно встать на защиту родной земли. Малахов, участник событий 1854 года, состоит службе свыше 50 лет; имеет скуфью, две медали и наперсный крест, установленный духовных лиц память Севастопольской кампании.

Петропавловского городского старосту Петра Корякина, который всеми зависящими от него способами содействовал быстрому сформированию Петропавловской дружины, устройству ея отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер воинской части, принял начальствование дозором, высланном шлюпках Петропавловска мыс Лопатку. Около десяти лет состоял кандидатом должность городского старосты, четвертый год старостой. Имеет нагрудные серебряную и золотую медали Станиславской ленте за усердие. Последняя пожалована шестого декабря 1903.

Петропавловского мещанина Михаила Корякина, сына старосты, который сопутствовал Векентьеву при организации Камчатского ополчения и, будучи выдающимся охотником, способствовал благополучному проезду по Камчатке, при весенней распутице, протяжении 2.500 верст. Знаков отличия не имеет.

Урядника Камчатской казачьей команды Савинского, который успешно исполнял при сформировании Петропавловкой дружины и организации поголовного ополчения поручения Уездного Начальника, чем много помог общему делу. Знаков отличия не имеет.

Запасного рядового гвардейской пехоты Чупятова, который, исполняя должность фельдфебеля дружины, был очень полезен общему делу. Знаков отличия не имеет.

Крестьянина Подпругина, который, будучи отличным знатоком Камчатки, помогал Уездному Начальнику советом и делом при организации застав в устьях рек. Знаков отличия не имеет.

...Поименованных лиц полагал бы представить следующим наградам:

Векетьева Станиславу второй мечами, Жабу Станислава третьей мечами, Сотникову первому офицерскому рангу зачислением армейской пехоты, Кузьмина знаку отличия военного ордена четвертой степени, Селиванова тоже третьей степени, Евойловского Высочайшему помилованию, Нагорного знаку отличия военного ордена третьей степени, Юшина серебряной нагрудной медалью Станиславской ленте за усердие, священников Коллегова и Малахова Анны третьей, Петра Корякина серебряной шейной медали Станиславской ленте за усердие, Михаила Корякина, Савинского, Чупятова, Подпругина нагрудными серебряными медалями Станиславской ленте за усердие».

Из письма епископа Владивостокского и Камчатского:

«...честь имею уведомить Ваше Высокопревосходительство, что с моей стороны препятствий к испрошению Высочайшего соизволения на пожалование священникам: с. Большерецкого Григорию Коллегову и с. Мильково Иринарху Малахову орденов Св. Анны третьей степени в поощрение за их содействие в отражении вражеского нападения японцев на Камчатку в минувшем году не встречается» (8 февраля 1905 г.)

«Последовало Высочайшее соизволение о помиловании крестьянина Евойловского обвиненного в убийстве из ревности».

Но это еще далеко не все. Отмечены были и события 1905 года, в том числе и бомбардировка Петропавловска японскими военными крейсерами и уничтожение отрядом Николая Горбунова японских шхун на реке Жупанова. В составе его отряда были:

Николай Горбунов — «был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до р. Жупановой и разбил японских хищников и уничтожил их шхуну».

Прохор Копылов, Илья Третьяков, Александр Черных — «участвовали в экспедиции по охране восточного побережья Камчатки в 1904 г., а в 1905 г. также были в экспедиции с Горбуновым...» Вместе с ними были также Николай Шестаков, Иннокентий Григорьев, Егор Крупенин, Иван Селиванов, Иван Косыгин.

«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области (за 1905 год. — *С.В.*)».

Заведующий обороны Западного берега прапорщик армии Цезарий Эдуардович Жаба. Вероисповедания Римско-Католического, 33 лет от роду — «За умелую распорядительность и труды при сформировании дружин и дальнейшее руководительство ими, благодаря чему дружины успешно защищали устья реки от натиска японских хищнических шхун имея успешные дела с ними». (Награжден в 1905 г. Орденом Св. Станислава 3-й степени с мечом и бантом, представлен к ордену Св. Анны 3-й степени с мечом и бантом.)

Заведующий обороной Восточного берега зауряд-чиновник военного ведомства Арнольд Петрович Яуналькен. Вероисповедания протестанского, 29 лет от роду — «За умелую распорядительность и труды при сформировании дружин и дальнейшее руководительство ими, благодаря чему дружины успешно защищали устья реки от натиска японских хищнических шхун имея успешные дела с ними». (Представлен к чину коллежского регистратора.)

Командир дружины подпоручик Максим Иванович Сотников. Вероисповедания православного, 33 лет — «Имел успешное дело с Явинской шхуной и захвативши ее принужден был сжечь, чтобы не досталась японцам». (Представлен к ордену Св. Станислава 3 ст. с мечом и бантом)

Командир Петропавловской дружины мещанин города Ржева Тверской губернии, запасной рядовой Лейб-Гвардии Измайловского полка Герман Михайлович Чупятов. Вероисповедания православного. 38 лет от роду — «Оказал полную распорядительность при формировании Петропавловской дружины, умело командовал; отправил экспедицию для обозрения берега, которая имела дело со шхуной, уничтожив последнюю. При бомбардировке Петропавловска заботился исключительно о бежавших из города женщинах и детях». (Представлен к званию потомственного почетного гражданина.)

Делопроизводитель штаба обороны Камчатки сын надворного советника Петр Кириллович Берг. Вероисповедания православного. 29 лет — «За усердную полезную службу по возложенному на него делу ведения всей отчетности канцелярии по обороне и за спасение дел дружины во время бомбардировки г. Петропавловска». (Представлен к ордену Св. Станислава 3 ст.)

Урядник Камчатской казачьей команды Давид Давидович Савинский. Вероисповедания православного, 33 лет — «Вынес во время бомбардировки из Управления все денежные книги, гербовые и другие знаки и бобров и в общем по службе неся труды по канцелярии, отличающийся особенным усердием и образцовой честностью». (Имеет с 1905 г. серебряную медаль «За усердие»на Станиславской ленте для ношения груди.) Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Крестьянин Николаевского общества Гавриил Тимофеевич Подпругин, 52 лет — «Во время бомбардировки Петропавловска оставался в городе, обошел все брошенные жителями дома, позапирал их, благодаря чему воспрепятствовал грабежу». (Награжден в 1905 г. серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди.) Представлен к серебряной медали «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на груди.

Бывший староста селения Сероглазка льготный казак Никодим Федорович Попов, 46 лет — «За распорядительность и усердие к службе». Представлен к серебряной медали на Станиславской ленте за усердие, нагрудной.

Староста селения Старый Острог Митрофан Васильевич Бибиков, 53 года от роду — «За распорядительность и труды 1. по охранению и вывозу из Петропавловска казенных припасов в места, где бы японцы не нашли его и 2. По формированию дружины». Представлен к нагрудной серебряной медали «За усердие» на Аннинской ленте.

Старшина селения Ключевского Алексей Николаевич Ушаков, 30 лет — «За выдающуюся и умелую распорядительность и особенное усердие». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Старшина селения Мильково Мартиниан Петрович Бобряков, 40 лет — «За усердие и распорядительность по службе». — То же.

Крестьянин Мильковского селения Николай Федорович Бобряков, 48 лет — «За распорядительность и усердие по командованию конным мильковским отрядом». — То же.

Урядник Камчатской казачьей команды Павел Степанович Львов, 49 лет — «За усердие и распорядительность по службе». — То же.

Петропавловский мещанин Федор Михайлович Коршунов, 38 лет — «При отступлении женщин и детей из Петропавловска во время бомбардировки города бросил свой груз, приготовленный для отвоза для торговли более чем на 20 лошадях и этими лошадьми помог женщинам и детям». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Анненской ленте.

Пятидесятник Камчатской казачьей команды Гавриил Николаевич Крыжановский, 54 года — «Умело организовал дружины, выказал свою особую распорядительность по наблюдении берегами от внезапного вторжения японских хищников, благодаря чему одна шхуна одним из его отрядов взята с боя». Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Павел Васильевич Крупенин

Петропавловский городской староста Петр Николаевич Косыгин, 68 лет — «За усердную службу». Представлен к шейной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Запасной унтер-офицер Федор Феоктистович Червов, 32 года — «За распорядительность и умелую организацию сторожевой службы по побережью вверенного ему участка от японских хищников». Представлен к нагрудной серебряной медалью за усердие на Аннинской ленте.

Казак Камчатской казачьей команды Николай Николаевич Селиванов, 24 года — «За мужество по отражению двух японских шхун в 1905 г. у мыса Лопатка». В 1905 г. Получил знак отличия военного ордена 4 ст. за отражение японцев у мыса Лопатка в 1904 г. Представлен к знаку отличия 3 ст.

Пятидесятник Камчатской казачьей команды Федор Давыдович Савинский, 43 года — «За распорядительность по формированию Усть-Камчатской дружины». Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Старшина сел. Паратунского Степан Степанович Подпругин, 42 года — «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Алексей Константинович Косыгин, 40 лет — «За распорядительность по организации перевозки семейств на случай нападения японцев на Усть-Камчатск». То же.

Льготный казак Камчатской казачьей команды Павел Максимович Селиванов, 54 года — «За мужество во время отражения японских шхун в 1904 г. на р. Озерной». Представлен к знаку военного ордена 4 ст.

Льготный казак Камчатской казачьей команды Иван Васильевич Крупенин, 45 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Казак Алексей Корюкин, 20 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Льготный казак Николай Иванович Пшенников, 35 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Константин Константинович Гарднер, 27 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Иннокентий Егорович Машихин, 30 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Крестьянин Воронежской губернии Тимофей Григорьевич Вичиркин, 32 года — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Казак Камчатской казачьей команды Василий Федорович Третьяков, 37 лет — «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Младший унтер-офицер Николай Александрович Устюжанинов, 32 года — «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Федор Николаевич Белокопытов, 25 лет — «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев» Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Иван Николаевич Ворошилов, 30 лет — «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Староста селения Хутор Павел Афанасьевич Ворошилов, 58 лет — «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Аннинской ленте.

Староста Камаковского селения Степан Расторгуев, 46 лет — «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Старшина Нижнекамчатского селения Захар Петрович Греченин, 36 лет — «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Старшина сел. Большерецкого Андрей Иванов Бречалов, 33 года — «За усердие и

распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Но и это еще не все.

Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки от японцев по Петропавловскому уезду Приморской области:

1. Казак Камчатской казачьей команды Алексей Алексеевич Черных, 27 лет. «Мужественно участвовал при отражении японцев 17-го июля 1904 г. на реке Озерной и на мысе Лопатка 1905 г.». Представлен к знаку отличия военного ордена 4 ст.

2. Петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов, 26 лет «За весьма полезное содействие при рекогносцировке Западного берега». Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Станиславской ленте.

3. Камчадал селения Апача Гавриил Ильич Панов, 20 лет. «Мужественно участвовал при отражении японцев при реке Озерной 17 июля 1904 г. и на реке Апалой 10 июля 1905 г., где получил рану ножем в левую щеку при нападении на него 3 японцев». Представлен к серебряной медали «За храбрость» на Георгиевской ленте.

4. Старшина селения Верхне-Камчатского Арсений Степанович Машихин, 48 лет. «За усердие и распорядительность при формировании дружин». Имеет серебряную медаль на Станиславской ленте «За усердие» (1897 г.). Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Анненской ленте.

5. Запасной нижний чин Алексей Яковлевич Загайнов, 33 года. «За распорядительность и усердие по службе, будучи помощником начальника Облуковинской дружины». Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Станиславской ленте.

Представлены к званию зауряд-хорунжего:

Пятидесятник Федор Давидович Савинский — «За распорядительность по формированию Усть-Камчатской дружины».

Пятидесятник Дмитрий Иванович Коренев — «За усердную и полезную службу».

Пятидесятник Гавриил Николаевич Крыжановский — «За умелую организацию дружины, распорядительность по наблюдению берегами своего участка, благодаря чему одна хищническая шхуна была взята с боя одним из его отрядов».

Но и это еще не весь список:

Участники обороны Камчатки
1904–1905 гг., кавалеры
георгиевских крестов.

Орден св. Георгия вручали исключительно за боевые заслуги, по своему статусу соответствует ордену св. Владимира, а по правилам ношения уступает только Андрею Первозванному.

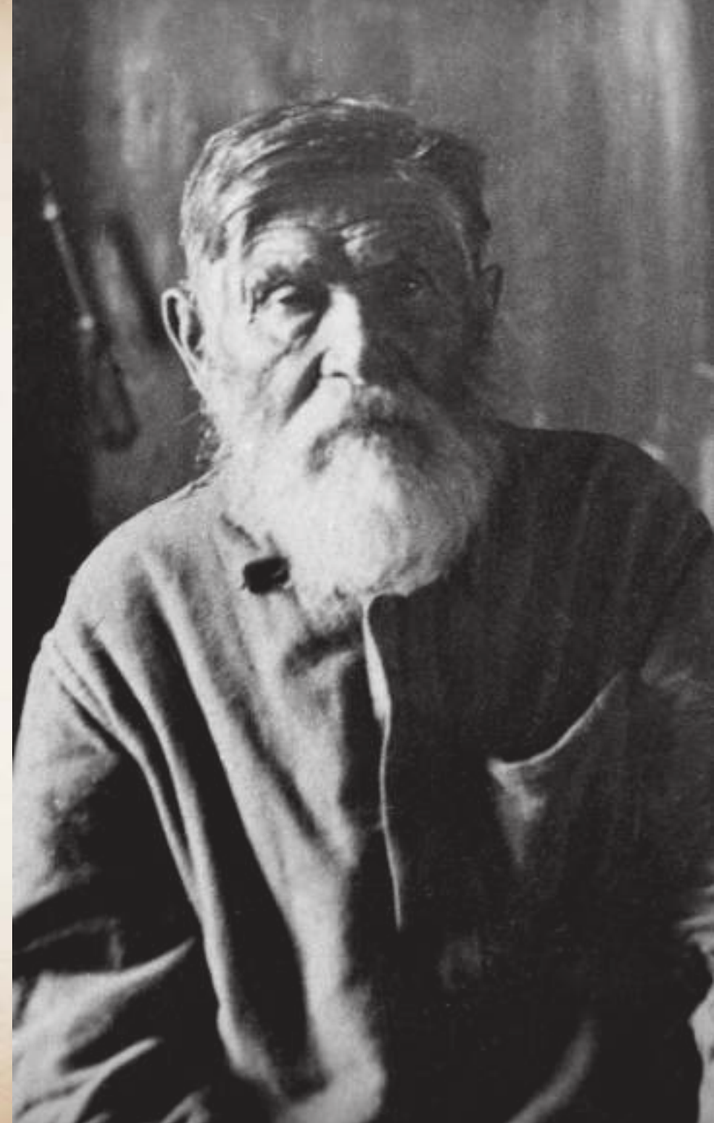
Бадаев Игнатий — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медный Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169572).

Березин Петр — остров Беринга, инородец, житель села Никольское. Руководя местными жителями при отражении и взятии японской хищнической шхуны 23 августа 1905 г., проявил особенное мужество и храбрость; ночью производил разведки (№ 169570).

Бречалов Алексей Петрович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, крестьянин села Большерецк. В стычке с японцами у реки Озерной 17 июля 1904 г. своей неустрашимостью и отвагой служил примером товарищам. Серьезно ранен пулями в левую ногу и левую руку (№ 171283).

Валынкин Николай Андрианович — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171296).

Горбунов Николай Иванович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, матрос 1 статьи. Участвовал при уничтожении японской шху-

Иван Васильевич Крупенин, 1959 г.

ны на реке Жупановой; был старшим отряда (№ 171297).

Григорьев Елисей — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169573).

Дехтерев Василий — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, житель села Явинское. При отражении японцев 10 июля 1905 г. на реке Опале получил 11 ножевых ран (№ 171304).

Заев Даниил — Камчатская казачья команда, камчадал селения Лесновского. За мужество, храбрость и умное руководство при взятии с боя 17 июля 1905 г. японской шхуны на реке Воямпольской (№ 169567).

Игнатьев Дмитрий Дмитриевич — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, Явинский староста. Мужественно участвовал при взятии в плен 15 июля 1904 г. Сечу Гундзи и при отражении японцев 17 июля на Озерной (№ 171278).

Карльсон Северин Карлович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловска. Мужественно участвовал при взятии в плен 15 июля 1904 г. Сечу Гундзи и при отражении японцев 17 июля того же г. на реке Озерной (№171289).

Климовский Степан Евстратович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, Облуковинский староста. Участвуя при уничтожении японских шхун на реках Ича и Колпакова в 1904 г., проявил храбрость (№ 171295).

Конев Николай Никитич — Камчатская казачья команда, казак. Под японскими выстрелами вынес с казаком Пинизиным из Петропавловска казенную пушку и за более важные дела (171302).

Копылов Прохор — Камчатская казачья команда, казак. Мужественно участвовал при отражении японцев на реке Жупановой; будучи часовым, под японскими выстрелами во время бомбардировки Петропавловска не покидал поста на Сигнальном мысу (№ 171280).

Костинский Петр — Запасной нижний чин, матрос, призванный из запаса, участник народного ополчения Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., Большерецкая дружина, «участвовал в экспедиции с прапорщиком Жаба на шхуне “Мария” в 1904 г., которая обстреливала японскую шхуну, приведя ее в негодное состояние», «при перестрелке шхуны “Мария” с японской шхуной у реки Озерной 19 июля 1904 г. исполнял обязанности боцмана. Несмотря на жестокий ружейный огонь противника, Костинский, не покидая руля, успевал отстреливаться сам и ободрял малочисленный экипаж судна» (№ 171286).

Котов Владимир — Запасной нижний чин, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., «за отражение японских хищников на реке Русаковой Восточного берега Камчатки» (№ 171305).

Кроинский Эрнст-Гемен — гражданин США, «участвовал при отражении японцев на реке Опале 10 июля 1905 г. и проявил мужественную храбрость», награжден Георгиевским крестом 4-й степени (№ 171291).

Крупенин Павел Васильевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171301).

Кузьмин Леонтий Павлович — Ефрейтор, участник народного ополчения Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., Большерецкая дружина, «участвовал при отражении японцев на реке Озерной 17 июля 1904 г. и на реке Воровской 9 августа того же г., где вел себя мужественно» (№ 171284).

Ладыгин Дмитрий — Остров Беринга, инородец, житель села Никольское. Руководя местными жителями при отражении и взятии японской хищнической шхуны 23 августа 1905 г., проявил особенное мужество и храбрость: ночью производил разведки (№ 169571).

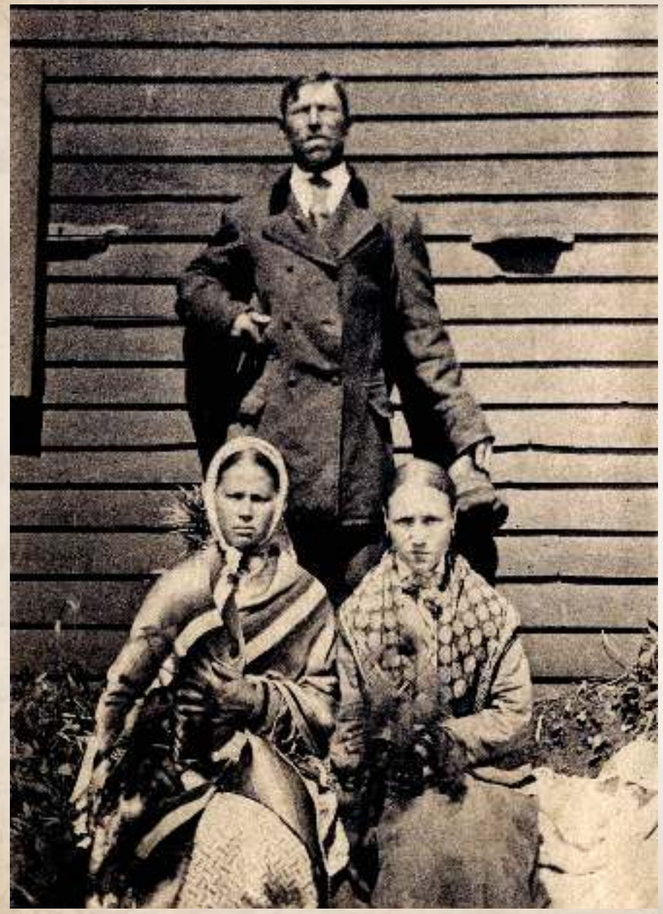
Нагорный Михаил Трофимович — Казак Донского казачьего войска, «за отличия, оказанные при защите Командорских островов и Камчатки от нападения японцев», награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 14817.

Осминин Иван Павлович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, житель села Коряки. Участвовал при отражении японцев против села Явино 6 июня и на реке Опале 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно (№ 171300).

Панов Гавриил Ильич — Камчатская казачья команда, доброволец, камчадал селения Апача. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев на реке Опале 10 июля 1905 г., где получил рану в левую щеку при нападении на него трех японцев. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев 17 июля 1904 г. на реке Озерной (награжден Георгиевским крестом 4 степени № 169566 и 3-й степени № 8610).

Пинизин Василий Николаевич — Камчатская казачья команда, казак. Под японскими выстрелами вынес с казаком Коневым из Петропавловска казенную пушку и за более важные дела (№ 171279).

Пинизин Николай Николаевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171285).

Крестьянин Подпругин с семьей, альбом Б. Дыбовского

Подпругин Иван Гаврилович — Камчатская казачья команда, крестьянин, доброволец. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев (№ 169564).

Помазкин Николай — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японских хищников на реке Русаковой Восточного берега Камчатки (№ 171292).

Помаскин Алексей — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловска. Оставался на посту порохового погреба до конца бомбардировки города Петропавловска японцами (№ 171298).

Расторгуев Алексей Степанович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал селения Камаки. Участвовал при отражении японцев на реке Русаковой, когда проявил отличную храбрость (№ 171282).

Сафронов Дмитрий — о. Беринга, старший надзиратель, канцелярский служитель. «21–23 августа 1905 г., при покушении японской хищнической шхуны произвести убой котов на северном лежбище, местное население, ввиду высадки перед тем 3 августа в селении Никольском японского десанта с 2-х прибывших военных судов, из боязни вторичного их прихода, отказалось от защиты лежбищ. Собрав жителей в церкви и сказав им краткую речь о долге по защите Родины, 23 августа Сафронов лично руководил ими при отражении японской шхуны: японцы были разбиты, а шхуна захвачена и сожжена» (№ 169569).

Селиванов Александр Максимович — Камчатская казачья команда, отставной пятидесятник. За отличия, оказанные при защите Командорских островов и Камчатки от нападения японцев (3-й степени № 14816, 4-й степени № 162632).

Селиванов Иван Ильич 2-й — Камчатская казачья команда, кантонист, доброволец. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев на мысе Лопатка в 1905 г. (№ 169565).

Селиванов Николай Ильич — Камчатская казачья команда, казак. За мужество и храбрость, оказанные им во время отражения двух японских шхун в 1905 г. у мыса Лопатка (награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171303 и 3-й степени № 8608).

Селиванов Павел Максимович — Камчатская казачья команда, льготный казак. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японских шхун при реке Озерной в 1904 г. (№ 169562).

Сушков Иов — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169575).

Толстихин Петр Васильевич — Камчатская казачья команда, урядник. При отражении японцев 10 июля 1905 г. на реке Опале получил 11 ножевых ран (№ 171307).

Удачин Григорий Михайлович — Камчатская казачья команда, крестьянин селения Ключевского. За участие и проявленное при этом мужество и храбрость при перестрелке и отражении двух японских шхун на реке Русаковой 26 июля 1905 г. (№ 169568).

Хабаров Поликарп — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169574).

Хохлов Николай Семенович — Полуостров Камчатка, кантонист, сын матроса. В стычке с японцами у реки Озерной 17 июля 1904 г. служил примером товари-

щам. Серьезно ранен пулей в правое плечо (№ 171287).

Черных Александр Николаевич — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловска. При бомбардировании японцами во время уборки канцелярии штаба обороны был контужен в голову; участвовал при отражении японцев на реке Жупановой (№ 171281).

Черных Алексей Алексеевич — Камчатская казачья команда, казак. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев 17 июля 1904 г. на реке Озерной. За дело в 1905 г. у мыса Лопатка (награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 169563 и 3-й степени № 8609).

Чудинов Осип Ипатьевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171288).

Юшин Моисей — Камчатская казачья команда, казак. Из-под японских выстрелов унес из уездного управления казенную кассу (№ 171294).

Юшин Павел Иосифович — Камчатская казачья команда, казак. За взятие с боя японской шхуны на реке Воямполке (№ 171290).

И последнее, о чем бы хотелось сказать, подводя итоги этого — высоко оцененного Государем императором Всероссийским, но совершенно не оцененного в отечественной истории — подвига наших земляков.

Еще при жизни Гребницкого была дана оценка его подлой деятельности на Камчатке — вот что следовало из рапорта и. д. советника Приморского областного правления титулярного советника Сомова:

«В деле роспуска дружин и запасных нельзя не обратить внимание на то, что г. Гребницкий, участвуя в этом роспуске, а может быть будучи и инициатором его, несомненно превысил данные ему полномочия, которые перечислены в полученной им от Министра Инструкции. Это превышение допускалось им не один раз, так в 1905 г. несмотря на то, что со стороны Уездного Начальника было разъяснение жителям г. Петропавловска как поступать, если в город приедут японцы, он приказал вывесить белые флаги и даже один прибил собственноручно.

<…> назначил доктора Тюшева заместителем Уездного Начальника…

<…> г. Гребницкий заявляет, что то постановление о роспуске дружин было написано тогда, когда надобность в дружинах миновала и когда в Петропавловске было получено известие о пленении Гундзи, между тем обращение Гундзи к населению Камчатки с объявлением о присоединении Камчатки к Японской империи в связи с наличием при нем вооруженных сил, указывало на то, что дружинникам приходилось иметь дело не только с безоружными рыболовами, как о том написано в записке Тюшева, но и с вполне вооруженным неприятелем и в силу этого требовалось не расформирование дружин, а оказанием им всякой помощи в их трудном деле» (РГИА ДВ, Фонд 702, опись 1, д. 423 ч. 3).

А также выяснилось, по свидетельству главных «врагов» А.П. Сильницкого Тюшева, Роберта, священника Гуляева, а также его союзника — управляющего казачьей команды Корнеева, что Гребницкий «не производил дознания и следствия по заявлению Камчатского торгово-промышленного общества о том, что душевнобольной Сильницкий производил насилия и что данные заявления Гребницкого не соответствуют действительности»…

В 1905 году Антон Петрович Сильницкий, снова побывавший на Камчатке и Командорских островах, но уже в качестве… ревизора, информировал Приамурского генерал-губернатора, а он уже сообщал выше: «…Что касается японских хищников, то по собранным надворным советником Сильницким сведениям нападения их в нави-

Последствия проигранной войны: японская рыбалка, перевозка рыбы по узкоколейке. Альбом Ивана Емельяновича Ларина, 1900–1920 гг. ККМГИ

гацию текущего года успешно отражались дружинниками на восточном и западном берегах Камчатки. Всего сожжено дружинниками четыре хищнических шхун и убито 17 японцев. Трое раненых лечатся в Тигильской сельской амбулатории. С нашей стороны потерь нет».

Как мы писали выше, японские источники оценивали свои потери на Камчатке в гораздо более крупных цифрах…

Сегодня, благодаря архивным изысканиям, нам известен полный список имен рядовых участников тех далеких событий.

Возможно, что наступит и то время, когда эти имена выбьют золотыми буквами на памятнике, который будет когда-нибудь установлен моими благодарными соотечественниками героям обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг…

ПЕТРОЛОГИНОВЫ

История появления этой фамилии напрямую связана с деятельностью апостола Сибири и Америки Иннокентия Вениаминова.

В 1840 году на территории Российской империи была создана территориально самая крупная — межконтинентальная! — Камчатская, Курильская и Алеутская епархия с центром в столице Русской Америки — Новоархангельске (совр. Ситхе). Позже Камчатская епархия вобрала в себя территории на только Русской Америки и Охотско-Камчатского края и Чукотки, но и Приамурье и Приморье с центром в Благовещенске.

И карьера многих молодых выпускников духовных училищ и духовных семинарий, уроженцев Камчатки, выходцев из семей церковно- и священнослужителей ковалась именно в этот период.

У священника Успенской Большерецкой церкви Петра Николаевича Логинова, правнука священника Богородско-Казанской церкви Илаго погоста Новгородского уезда Михаила Романова Логинова и внука студента Славяно-Греко-Латинской Академии Петра Михайловича Логинова, прибывшего на Камчатку в августе 1745 года учить камчатских детей алфавиту, арифметике и часослову в составе Камчатской Духовной Миссии, но оставшегося на полуострове и рукоположенного впоследствии в сан священника епископом Иркутским Софронием, было несколько сыновей.

Старшему сыну Петра Николаевича — Алексею, бывшему дьячку Лесновской церкви, где он служил вместе с родным братом епископа Степаном Вениаминовым, епископ Иннокентий при рукоположении его в сан священника в 1843 году изменил фамилию на Лонгинов. Так появилась новая камчатская династия священнослужителей.

А младшим братьям Алексея Петровича — Харлампию, Симеону и Ивану — епископ Иннокентий присвоил фамилию Петрологиновы.

Самый младший из сыновей Петра Николаевича – Константин Петрович – сохранил прадедову фамилию, оставшись служить под фамилией Логинова.

Харлампий Петрович Петрологинов, окончивший духовную семинарию в Ново-Архангельске, долгие годы служил на Камчатке в родной Успенской Большерецкой церкви.

Но тяга к знаниям, желание дать образование своим детям заставила его обратиться к церковным властям с прошением:

«Прослуживши в Камчатке 16 лет и имея большое семейство, состоящее из 8 душ, которое требует научного образования; и как здесь в Камчатке нет Училищ, в которые бы можно было их поместить, а тем более для девочек, а отправить по близости в какое-либо заведение, средств положительно не имею; и как мною в конце 1878 года в декабре месяце подано прошение Вашему Преосвященству о переселении меня в Амурскую область, и в настоящее время, по отдаленности здешнего края, Вашим Преосвященством оное не получено, то осмеливаюсь вторично повергнуть себя святительским стопам Вашего Преосвященства и нижайше просить, благоволите оказать отеческую милость, перевесть меня на Амур.

На что имею счастие ожидать милостивейшей Вашего Преосвященства Архипастырской резолюции.

Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца Нижайший послушник, Священник Харлампий Петрологинов. 1879 года. Июля 9-го дня».

12 сентября 1881 года принято решение отозвать Петрологинова в г. Владивосток. Назначено место в Турьем Роге. В последние годы он был настоятелем Иннокентьевской церкви в г. Хабаровске.

И не просто настоятелем, он был в числе тех лиц священно- и церковнослужителей, которые освящали этот главный храм столицы Приамурского генерал-губернаторства.

«В 1896 году протоиерей Успенского собора Александр Протодиаконов ходатайствовал перед Благовещенской Духовной Консисторией о разрешении постройки в Хабаровске новой каменной церкви на месте деревянного Иннокентьевского храма. Разрешение Преосвященного Макария, епископа Камчатской епархии, было получено, и в этом же году 5 августа был создан

Храм святителя Иннокентия Иркутского. Хабаровск

строительный комитет под руководством городского головы Алексея Александровича Рассушина. Закладка второго каменного храма Хабаровска прошла 22 июня 1897 года в присутствии генерал-губернатора С.М. Духовского, главного начальника края.

Проект будущего храма был разработан инженером-полковником В.Г. Мооро совместно с капитаном Н.Г. Быковым. Мооро — автор многих красивейших зданий Владивостока и Хабаровска. Строили церковь силами солдат местного гарнизона в очень короткие сроки — за теплые месяцы 1898 года здание было возведено под крышу, к осени выстроили колокольню и пятиглавие куполов, в октябре установили колокольню из 12 колоколов. Роспись выполнялась, по некоторым данным, на средства четы Пьянковых при участии первого хабаровского художника, выпускника Санкт-Петербургской академии художеств С.А. Казаринова. Иконостас и церковную утварь перенесли из старой церкви.

8 ноября 1898 года, в день Собора Архистратига Михаила, состоялось торжественное освящение Градо-Хабаровской Свято-Иннокентьевской церкви, совершенное протоиереем Александром Протодиаконовым в сослужении с настоятелем освящаемого собора протоиереем Харлампием Петрологиновым и всем причтом. Стоящая на невысокой горе, окруженная одно- и двухэтажными постройками, эта пятиглавая церковь была прекрасно видна из всех районов города. Изящный силуэт был выполнен в стиле церквей XVII века, а шатровая восьмигранная колокольня придавала особенный выразительный вид со стороны Амура».

Сын Харлампия Петровича — отец Владимир (умер в 1906 г.) был священнослужителем Благовещенской епархии (Доле-Троицкая, Иннокентьевская Воскресенская, Борисоглебская церкви).

А сын отца Владимира — Харлампий Владимирович — родившийся в 1897 году, закончил в 1915 году Александровское военное училище. Революцию встретил в чине подъесаула. С 6 сентября 1918 года участвует в гражданской войне на стороне белой армии — на Восточном фронте вместе с атаманом Калмыковым; с 10 июня 1919 находился в управлении по передвижению войск Омского военного округа в составе управления коменданта станции Омск. Холост. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сын почетного гражданина села Казакевичево Петра Харлампиевича Петрологинова Герман (1909 г. р.) в советское время служил налоговым инспектором Сталинского райфинотдела г. Хабаровска. 14 июня 1938 года был арестован, но дело за недоказанностью обвинения было прекращено, из-под стражи был освобожден.

Можно было бы подумать, что политические репрессии уже шли к своему закату, если бы не арест его двоюродного брата Николая Владимировича Петрологинова (1905 г. р.), который проживал в п. Судоверфь Сахалинской области и был заведующим складом этой судоверфи. Арестован 21 февраля 1938 года за антисоветскую агитацию и приговорен к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован только 23 мая 1989 года.

Смерть брата настоятеля Градо-Хабаровской Иннокентьевской церкви отца Харлампия — Симеона Петровича Петрологинова — было событием, которое освещалось 5 марта 1895 года в газете генерал-губернаторства «Приамурские ведомости»:

«На истекшей неделе 27 февраля скончался один из старейших обывателей здешнего края священник о. Симеон Петрологинов. Несколько строк, посвященных прошлому покойного, прочтутся, конечно, с интересом всеми близко знавшими эту симпатичную личность. О. Симеон — сын

священника, уроженец Камчатки, воспитывался и обучался в духовной семинарии в Ново-Архангельске… откуда в начале шестидесятых годов приехал на Амур; здесь безвыездно (30 лет) служил священником, частью на Уссури, частью на Амуре (ниже Хабаровска)… около 10 лет о. Симеон провел среди полудиких гольдов, преподавая им свет христианского учения…

Во внимание ли к заслугам… или личного к нему расположения — неизвестно, но бывший епископ Камчатский, впоследствии митрополит Московский Иннокентий, избрал о. Симеона своим духовным отцом и всегда у него исповедывался.

На похоронах и отпевании присутствовал главный начальник края (генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской. — *Ред.*), его помощник и масса публики».

Третий их брат — Иван Петрович Петрологинов — также служил в тех же краях, будучи священником Усть-Уссурийской Иннокентьевской церкви.

В письмах святителя Иннокентия сохранились отзывы о братьях: «Ив. Петр. Логинов, Ваш ученик, — называемый ныне Петрологинов, иерей точно будет очень хороший. Он отправился недели две в свое место, а вот в 21 число будет свадьба и брата его Симеона, который также, кажется, будет хорош. Он у нас за инспектора, и никуда не ходит, сидит себе дома и читает дух. книги, не то, что бывало Вас. Сем. Сновидов – нынешний диакон и учитель, который, кажется, и останется диаконом: очень неоснователен».

«Ученик Ваш, Семен Петрологинов, уже во иереях и служит очень хорошо. Он несравненно толковитее Вашего вселюбезнейшего и ненаглядного Семена Кокшарского. Мы посылали сего последнего для исправления треб к крестьянам и они говорят, что о. Семен не умеет служить, и в самом деле, я теперь уверяюсь, что он почти полуидиот. Я удивляюсь, как Вы его терпели в учителях!. Ну ладно еще будет, или сносно, если он не станет пить. А если будет пить, …то хоть в воду его. А о. Семен Петрологинов ничего больше не читает, кроме книг духовных. И говорит, горячий защитник веры и православия. И женочка его, сверх всякого ожидания, говорят, стала такая хозяйка расчетливая и рассудительная (по-своему), так что Ольга Ивановна удивилась ее первым разговорами резонам.

Что же касается до Семена Егоровича Логинова (сына настоятеля Петропавловского собора, героя обороны Петропавловского порта, награжденного золотым наперсным крестом. — *С.В.*), то, кажется, долго придется ему дьячествовать, а о. дьякону Василию Сновидову — дьяконствовать… Последний как-то, Бог с ним, неоснователен и главное с испорченной грудью. У него голос теперь престранный — а он все-таки прихвастывает им при случаях, несмотря на безчисленные мои предостережения. Оттого-то я его и не сделал протодьяконом. А первый (Логинов) толковатее и основательнее того. Но не любит пропускать случаев выпить. Вот Вам отчет о Ваших воспитанниках! Об о. Иоанне Петрологинове я говорил прежде и слава Богу он оправдывает наши надежды на него».

По стопам отцов пошли и их дети.

Особенно интересно пересечение камчатских фамилий на миссионерских тропах Дальнего Востока, например: «Особо следует сказать о миссионере Пуциловского стана в 1891–1895 гг. Иннокентии Федоровиче Верещагине. По отзыву епископа Камчатского Макария, это был «опытный миссионер и хороший учитель», основательно изучивший корейский язык. 16 марта 1895 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких. Отцу Иннокентию Верещагину в школьной работе «деятельно» помогал псаломщик Александр Иоаннович Петрологинов».

А вот эти цитаты взяты из исторического исследования «Уссурийское Казачье Войско на завершающем этапе Гражданской войны. Ликвидация Уссурийского Казачьего Войска». И, как оказалось, все они имеют к данному очерку самое прямое отношение.

«На заседании Приамурского Народного Собрания 14 августа 1921 г. был заслушан доклад **председателя Войскового правления Уссурийского казачьего войска С.С. Петрологинова** об упразднении войска. Согласно этого доклада, все подготовительные работы по слиянию административно-хозяйственного аппарата войска с областными и уездными организациями правлением окончены. По предложению правления вся территория войска отходила к двум областям: Приамурской и Приморской. К Приамурской отходила территория от ст. Уссури прибрежной полосой до Хабаровска, включающая 41 селение, и по реке Амур в 600 км от Хабаровска — селение Киселевское, т.е. станичные округа Гленовский, Бикинский и часть Донского. Если Гленовский округ к этому времени уже слился с крестьянством, то Бикинский и часть Донского округа, входящие в Приамурскую область, в административно-хозяйственном отношении представляли собой отдельные волостные единицы и находились в состоянии слияния с областью.

…В октябре-ноябре 1921 г. **председатель Хабаровского Войскового правления С.С. Петрологинов** и его члены прибыли на юг войска. Главные цели и задачи

этого переезда из Хабаровска были декларированы в циркуляре Войскового правления, направленного прежде всего против Гродековского Войскового правления и атамана Ю.А. Савицкого. В нем разъяснялась политика Войскового правления, 10-го Иманского Войскового круга и содержался призыв к казакам Южных округов не поддерживать Гродековское Войсковое правительство и ВПП.

…5 декабря 1921 г. в приказе по **Уссурийскому казачьему войску Хабаровское Войсковое правление во главе о С.С. Петрологиновым** обратилось к населению Северных округов “бывшего Уссурийского казачьего войска” с воззванием. В нем правление призвало казаков дать должный отпор врагам русского народа — “меркуло-каппелевским бандам”, всемерно поддержать наревармию в ее борьбе за независимость ДВР, а молодежь вступать в ряды НРА».

Итак, кто же этот таинственный С.С. Петрологинов, который в период Гражданской войны на Дальнем Востоке играл столь активную роль в казачьей среде?

Это Серапион Семенович Петрологинов, сын отца Симеона.

Выпускник Благовещенской духовной семинарии (1896/1906). Окончил полный курс (6 классов) по 2-му разряду (1906), учитель двухклассной школы в станице Полтавка Уссурийского казачьего войска (1913 г.). В 1921–1922 гг. — председатель Войскового правления Уссурийского казачьего войска.

В Хабаровском краевом архиве мне удалось обнаружить уникальный материал — воспоминания самого Серапиона Семеновича Петрологинова о событиях, связанных с возвращением Дальневосточной республики (ДВР) в состав России.

Мы приводим текст его воспоминаний полностью.

«10 лет минуло, как ДВР /Дальне-Восточная республика/ — буфер между Советской Социалистической Республикой и капиталистическими государствами на Востоке Азии — ликвидирован волею трудящихся нашей Дальне-Восточной окраины, руководимых и тогда в своей массе коммунистической партией.

Демократическая власть с ее министрами из эссеров, меньшевиков и кадетов уступила место диктатуре пролетариата, власти рабочих и крестьян; и Дальний Восток, временно оторванный от своей матери — СССР, воссоединяется с нею в единую Советскую Социалистическую Республику.

1922 г. Октябрь. Это 10 лет назад. Лозунги “Долой ДВР” и “Да здравствует Советская власть на ДВ”, выдвинутые коммунистической партией, быстро подхватываются трудящимися ДВР. На фабриках, заводах, предприятиях, учреждениях и селах учащаются летучие митинги, выносящие решения — скорей снять синюю заплату с дэвээфоского флага и вывесить Советский — красно-алый флаг, знамя пролетарской власти.

Г. Хабаровск. Памятный для трудящихся день Великого Октября. Моросит мелкий снег. С утра трудящиеся спешат в свои коллективы. Всюду летучие митинги, вначале малые по численности, но постепенно вырастающие в грозную демонстрацию. Везде руководят массами коммунисты, в большинстве бывшие местные партизаны — рабочие. Не слышно в этот день выступления сладкопевцев — эссеров Кандиани и Василенко, кадетов — Збойкова и Орлова и прочей своры друзей интервентов: они сидят по домам, они знают, что трудящиеся города против них…

Речи ораторов на митингах полны правды, силы и воли. Настроение масс торжественно приподнятое и полное твердой решимости. Лозунги “Долой ДВР”, “Да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке”, вызывая искренний восторг и радость присутствующих, сопровождаются долгими рукоплесканиями и могучим “УРА”.

Смотр частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Перекресток улиц Муравьево-Амурской и Романовской (Тургенева), 1921 г. КГБНУК г. Хабаровск «ХКМ имени Н. И. Гродекова»

В отдельных частях города отмечаются митинги рабочих восточников – китайцев и корейцев. Здесь тот же жар ораторов на их родном языке.

Здесь та же решимость трудящихся масс-восточников.

Постепенно трудящиеся организованно выходят на главную улицу г. Хабаровска, Муравьев-Амурскую улицу /теперь ул. Карла Маркса /. Выбрасываются красные знамена, развеваемые восточным ветром и осыпаемые мелким зимним снегом.

Демонстрация ширится, запружая всю улицу, и движется мощной волной по направлению к реке Амуру, к улице Шевченко, к зданию Приамурского Областного Эмиссара Правительства ДВР, к зданию Приамурского Областного Управления.

У этого здания демонстрация остановилась. Митинг. Грозное и полное воли "Долой ДВР" и "Да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке" — несется к зданию со всех концов демонстрации…

На балконе здания Эмиссар Правительства ДВР и Президиум Облуправлдения.

Мне, как выполняющему в то время обязанности Эмиссара и Председателя Облуправления, выпала высокая честь выполнить волю трудящихся г. Хабаровска и в своем выступлении с балкона здания заверить пришедших сюда трудящихся, сказав им: "Буфер, как временная вынужденная мера, уже не нужен, и наш Дальний Восток, волею трудящихся, отныне и навсегда воссоединяется с нашей матерью — Советской Социалистической Республикой, руководимой Коммунистической партией и ее вождем ЛЕНИНЫМ".

Помню — долгое, мощное "УРА" покрыло всю площадь пред зданием и разнеслось далеко по Главной улице города, запруженной народом.

Митинг длился долго. С балкона выступали с горячими речами Секретарь Обкома ВКП /б/, Представители Облпрофсоюза, Народно-Революционной Армии, и рабочие – представители Дальсельмаша, усс. Ж. д. и пр.

Здесь же мною было дано распоряжение снять с здания дэвээфовский флаг /красное полотно с синей заплатой вверху у древка/ и вывесить Советский флаг — красное знамя. Подъем советского флага вызвал неописуемый восторг присутствовавших здесь трудящихся и сопровождался долгими рукоплесканиями.

На мою телеграмму в г. Читу Правительству ДВР о перевороте в г. Хабаровске ответ был получен, но не от Правительства ДВР, а от ДальРевкома с приветом трудящихся города и с сообщением об утверждении им Приамурского ОблРевкома в составе

ДРИГО /Председатель/,
ГУБЕЛЬМАН, /Член — Сек. Облкома ВКП /б/
ПЕТРОЛОГИНОВА /Зав. Админ. Отд/,
КОВЕЛИН /Зав. Ком. Хох. Отд./ и
НОВОСЕЛОВ /Про.Совет/.

Так, созданный в 1921 г. как вынужденная, временная мера — буфер ДВР и демократическая власть в г. Хабаровске закончили свою недолгую жизнь.

г. Свободный, БАМ
С.С. Петрологинов Подпись».

БАМ — это Байкало-Амурская магистраль, строительство которой было начато в 1932 году согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР.

Город Свободный был столицей БАМ.

То есть Серапион Семенович Петрологинов был в числе самых первых, кто организовывал строительство Байкало-Амурской магистрали.

ЛОГИНОВЫ-ЛОНГИНОВЫ

В 1984 году в газете «Камчатская правда» был опубликован цикл моих исторических эссе «Камчатские фамилии», который был с большим интересом принят читателями.

Но неожиданно для многих, в том числе и для меня самого, газета потеряла интерес к этим публикациям и оборвала их на самом интересном месте — вместо большого очерка о камчатских просветителях Логиновых-Лонгиновых вышла куцая, общипанная редакторами и цензурой, заметка в несколько десятков строк.

Истина открылась мне чуть позже: оказывается, я коснулся запретной для политической цензуры темы — судьбы камчатских священников и их семей, которые подверглись поголовным репрессиям.

Политические репрессии в то время не были темой моего исторического исследования камчатских фамилий. Меня интересовал «золотой» век камчатской истории — 18-е столетие. Это был начальный период колонизации Камчатки и прорыв в Русскую Америку, когда на наш полуостров хлынул торговый и промышленный люд со всей России, жаждая обладать «золотым руном» — камчатской и американской пушниной…

И в это же время начинается деятельность Камчатской Духовной Миссии во главе с архимандритом Иоасафом Хотунцевским, в составе которой был студент Славяно-греко-латинской Академии Петр Михайлович Логинов, присланный на Камчатку учить детей грамоте.

Подробности его биографии впоследствии сообщит нам протоиерей Прокопий Громов: «Священник Петр Логинов, сын священника Новгородского уезда Илаго по-

госта, Богородско-Казанской церкви Михаила Романова, бывшего потом в Иверском монастыре на Валдаях иеромонахом под именем Мефодия. С 1735 г. находился Петр Логинов в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. из школы Синтоксимы поступил в камчатскую миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского. При выезде обратно миссии добровольно пожелал остаться в Камчатке. В 1761 г. в Иркутске от епископа Софрония принял священство и поступил к Большерецкой церкви на место выезжавшего отсюда священника Сивцова. Скончался в Большерецке 11 апреля 1771 г., по утру, 54». 54 – это его возраст.

По семейной легенде, которая не лишена исторической достоверности, священник Петр Михайлович Логинов был отравлен камчатскими ссыльными, готовившими знаменитый Большерецкий бунт 1771 года. Смерть священника Логинова нужна была им для того, чтобы вызвать на его отпевание своего единомышленника — священника Устюжанинова, который в это время находился в Нижнекамчатске. Главарю бунта, ссыльному польскому конфедерату Августу Морицу Беньевскому, нужен был священник, чтобы связать присягой и крестным целованием всех участников бунта и попытаться бежать с Камчатки на захваченном казенном галиоте «Святой Петр». По одной из версий, среди мальчишек-юнг, оказавшихся на этом галиоте, был и сын священника Иван Логинов. Позже он погибнет на острове Формоза (Тайвань) при столкновении с коренными жителями острова.

Естественно, меня увлекли эти — столь остросюжетные — события, и я с головой погрузился в изучение истории Большерецкого бунта.

А тут судьба подарила еще один столь же необыкновенный сюжет, какого не придумаешь. А если и придумаешь, то в него вряд ли и сам поверишь.

Возможно, в семье Логиновых было два Ивана. Такое было возможно.

Один остался в истории Большерецкого бунта. А другой прославился благодаря своим детям.

Священник Иван Петрович Логинов был горьким пьяницей, в результате чего его лишили священства и перевели в дьячки.

А заботу о его детях взяли на себя другие люди. Сыновья с малолетства были определены в духовные училища, а впоследствии — в семинарии. Воспитанием дочерей занялась супруга начальника Камчатки Людмила Ивановна Рикорд.

Одной из ее любимых воспитанниц была Ксения Ивановна Логинова, в которую влюбился английский путешественник Джон Кохрен (John Dundas Cochrane), племянник адмирала английского флота. Братья Ксении — настоятель Петропавловского собора Георгий и священник этого же собора Александр Логиновы — стали героями обороны Петропавловского порта 1854 года, когда вели службы во имя победы русского оружия под пушечным огнем с кораблей англо-французской эскадры.

Но это далеко не полная история тех самых жизненных перипетий, когда сюжет становится настолько замысловат, что в него сразу и не поверишь, если бы этим сюжетом не была бы сама жизнь.

На Камчатке прошло детство будущего декабриста Владимира Ивановича Штейнгейля, позже он снова возвратился на Камчатку уже будучи морским офицером и даже принял участие в заговоре против камчатского коменданта генерал-майора П.И. Кошелева. Судьба впоследствии ему за это отомстила: в годы Отечественной войны 1812 года Владимир Иванович вошел в состав Санкт-Петербургского ополчения, командовал которым… генерал Кошелев.

Находясь в сибирской ссылке, декабрист Владимир Иванович Штейнгейль получил письмо от своего сына Вячеслава о том, что он женится на дочери адмирала… Анжу Людмиле Петровне, внучке священника Ивана Логинова, еще одного участника заговора против Кошелева. И последние годы своей жизни Владимир Иванович, вернувшись из ссылки, проводит в этой семье.

Эти сюжеты были слишком потрясающими, чтобы не начать писать книгу — так родилась одна из самых сегодня известных моих книг «Встречь солнцу».

Но и тема камчатских фамилий не отпускала — в 1997 году вышла в свет моя книга «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», в которой Логиновым-Лонгиновым были посвящены несколько очерков: «Просветители», «Маршрут бессмертия», «Северная песня», «Клехвол — учитель».

При подготовке этих очерков я впервые познакомился с нашей камчатской легендой — знаменитым певцом Евгением Филаретовичем Лонгиновым, который к тому же был и профессиональным врачом, и художником-любителем, оставившим после себя портретную галерею своих знаменитых земляков.

С Евгением Филаретовичем мы позже встречались несколько раз в Звенигороде, куда он переехал с Камчатки по состоянию здоровья.

Здесь, на его квартире, произошла историческая встреча семьи Евгения Филаретовича Лонгинова с потомками Ксении Ивановны Логиновой-Кохрен-Анжу — Светланой Геннадьевной Узловой и ее мамой Ольгой Юрьевной.

Володя Лонгинов (первый в верхнем ряду) с родителями, братьями и сестрами. Якутск, май 1931 года

Впоследствии я переписывался с Дмитрием Павловичем Логиновым — автором книг «Большерецкие беглецы» и историческим шедевром (другого определения не подберу) «Большерецкий острог».

А несколько лет назад из Якутии я получил письмо от представителей якутской ветви священников Лонгиновых о Герое Советского Союза Владимире Дионисьевиче Лонгинове. И меня, естественно, увлекла тема героического прошлого этой и других камчатских семей, в результате чего родились на свет книги «Камчадалы — защитники Отечества» и «Камчадалы — герои Отечества». Кто же они? Это дети и внуки директора Тульского оружейного завода Владимира Васильевича фон Нотбека, женатого на Александре Петровне Анжу, дочери Ксении Логиновой. Это Николай Иванович Черниловский-Сокол, затопивший крейсер «Варяг», женатый на одной из правнучек декабриста Штейнгейля. Это генерал Гавриил Георгиевич Милеант, женатый на Марии Владимировне фон Нотбек.

Поэтому тема политических репрессий в этой семье до определенного времени была мне не известной, точнее, далекой…

До тех пор, пока я не получил в ответ на свои публикации о 250-летии рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых (и, как выяснилось, еще и Петрологиновых, один из представителей которых в бурное революционное время возглавил Уссурийское казачество) несколько писем, в которых рассказывается история (и трагическая, и повседневная, учительская) этой семьи. Вот эти письма.

«Мне представителю рода Логиновых – Лонгиновых хочется рассказать о той ветви этого рода, к которой принадлежу я, Лонгинова (Мешалкина) Римма Алексеевна. Я — внучка псаломщика Николаевской церкви

Владимир Дионисьевич (Денисович) Лонгинов

(Палана) Василия Алексеевича и правнучка священника той же церкви Алексея Лонгинова. Это я узнала, переписываясь с Камчатским архивом, из выписки из метрической книги Камчатской Духовной Консистории притчу Паланской церкви за 1890 г., где имеется запись о рождении моего отца — Лонгинова Алексея Васильевича, в начале 20 века тоже ставшим псаломщиком в Палане, Кахтане (я думаю, что село Иосифовское, где он служил в церкви, было русское название, затем совершенно забылось это название), о его службе я узнала из выписки из метрической книги Тигильской церкви за 1915 г., где есть сведения о бракосочетании моих родителей. С 1915 по 1919 г. он с семьей жил в с. Тиличики, где был псаломщиком и учителем местной школы.

У моего прадеда Алексея было два сына: Василий и Николай (последний был последним священником в Палане). У деда Василия 6 сыновей и 3 дочери, в каждой семье были учителя. Сыновья: Петр, Иннокентий, Николай, Алексей, Иван, Пантелей. Дочери Мария (Савченко), Екатерина (Анищенко), Сусанна (Сновидова).

В семье Петра дочь Александра в 30-е годы специально изучает корякский (чувчувенский) язык, чтобы работать в кочевой школе. Она рассказывала, как из оленьих шкур шили чум-школу. Работала в школе Александра Петровна (Живодерова) до начала 50-х г. (Палана), вела подготовительные классы на корякском языке. Ее брат Петр Петрович тоже закончил Тигильское педучилище, как отличника его послали в Ленинград для продолжения учебы, но война помешала. Он погиб под Ленинградом.

В семье Николая Васильевича Лонгинова учителем начальных классов была его дочь Домна Николаевна (Брек). Материалы о ней школьный музей Паланской школы передал в обл. музей. Она работала в Усть-Камчатском районе, с 1945 г. в Паланской школе. Награждена орденом “Знак Почета”, заслуженный учитель школ РСФСР. Была членом окрсовета. Умерла.

О семье Иннокентия Васильевича я не буду писать, так как вы много писали и прекрасно знаете эту семью, она живет в городе. Его сын Филарет Иннокентьевич был один из авторов рукописного корякского букваря. Об этом вы лучше узнаете от его жены, Марии Федоровны Лонгиновой, учительницы математики, пенсионерки, отличника народного образования РСФСР.

Об Иване Васильевиче вы писали, это первый в нашей семье заслуженный учитель РСФСР. Его сын Иван Иванович долгое время был учителем в Воямпольской Красной яранге.

У Пантелея Васильевича, он работал учителем до 1933 г., сын Валентин после окончания Тигильского педучилища работал немного учителем в Пенжинском районе.

В семье Марии Васильевны Лонгиновой — Савченко учителями были ее муж Федор Кириллович Савченко, первый советский учитель в Паланской школе, работал с 1909 г.

Его дочь Нина Федоровна Шишкина проработала учителем, а затем воспитателем детсада до пенсии. Умерла.

В народном образовании округа с начала 40-х г. до середины 70-х г. работал Ростислав Федорович Савченко (Палана), отличник народного образования РСФСР. Его сын Эдуард Ростиславович — преподаватель в СПТУ-11 в п. Палана. Жена Р.Ф. Савченко — Анна Митрофановна работает в просвещении более 40 лет.

У Екатерины Васильевны Анищенко (Лонгиновой) старшая дочь Ольга Ивановна Куркан закончила Тигильское педучилище. Работала в Корякском округе, и с начала 50-х годов в п. Моховая. Сейчас Ольга Ивановна на заслуженном отдыхе.

В семье Сусанны Васильевны Лонгиновой – Сновидовой сын Юрий закончил отделение народов Севера при Хабаровском пединституте, работал воспитателем в Паланской школе до 1964 г. Умер. Старший сын — Алексей Владимирович электромонтер, участвовал в боях на Курилах, погиб там же.

В семье моего отца, Лонгинова Алексея Васильевича, только я получила педобразование. Закончила Хабаровский пединститут, литфак. Работаю с 1950 г. в основном в Паланскогй школе. Отличник народного образования РСФСР. Заслуженный учитель школ РСФСР. Награждена орденом Дружбы народов. У меня два сына, оба имеют педообразование. Старший сын Андрей закончил два института, но не работает по специальности. Был тренером в ДЮСШ п. Палана. Младший Аркадий работал в г. Бердск Новосибирской области. Он физик. Сейчас научный работник Новосибирского университета.

В семье второго сына священника Алексея, Лонгинова Николая Алексеевича, было три сына и две дочери: Алексей, Вячеслав, Нестор, Мария и Павла.

Внучки дяди Алексея, Раиса Пантелеевна, Анна Пантелеевна, Римма Пантелеевна Юшины — учителя. Раиса и Анна всю жизнь проработали в Карагинском районе, затем переехали в Елизово. Раиса Пантелеевна работала во вспомогательной школе, живет в Елизово. Римма Пантелеевна — учитель биологии, проработала в Липецкой обл., умерла.

Дети Вячеслава Николаевича Лонгинова — Валентин и Серафима — учите-

ля. Валентин Вячеславович работал после Тигильского педучилища где-то около Петропавловска. Серафима закончила Ленинградский пединститут, работала в Архангельской области.

У Нестора Николаевича две дочери имели педобразование, но в школе проработали недолго.

В семье Марии Николаевны Лонгиновой — Копыловой высшее педобразование получила ее дочь Варвара Артамоновна Синякова. Работала в Паланской школе, а с 1957 г. в г. Ленинграде. Преподавала русский язык для иностранцев. Работала два года в Финляндии, затем в Австрии, Индии. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Сейчас в Паланской ср. школе работает преподавателем физкультуры Лонгинов Андрей Сергеевич, прапраправнук Николая Васильевича. В детсаде музыкальным работником — Александра Николаевна Лонгинова, тоже прапраправнучка. Ее мать— преподаватель музыки в школе искусств п. Палана Лонгинова Тамара Борисовна, жена праправнука Николая, заслуженный деятель культуры РСФСР.

Одним словом, Паланской школе в 1994 г. будет 100 лет. Нет ни одного десятилетия, чтобы в ней не работали учителями представители нашего рода. Хочется узнать, когда освящалась школа, кто был первым учителем?

В годы Советской власти над паланскими Лонгиновыми нависла угроза уничтожения. В 1932 г. был арестован Лонгинов Петр Васильевич, 10 лет пробыл в заключении, прибыл в Палану разбитый параличом. Реабилитирован в 1957 г.

Позже были арестованы Иннокентий Васильевич и Пантелей Васильевич. Довезли их до Хабаровска. Затем отпустили, не разрешая жить на Камчатке. И разрешили жить подальше от границы. Иннокентий Васильевич умер в г. Ташкенте. А Пантелей Васильевич, чубаровец, все же отсидел 10 лет, как политзаключенный. Реабилитирован.

В 1934 г. был арестован мой отец, Алексей Васильевич, довезли до г. Петропавловска, разобрались, отпустили. Он где пешком, где на собачках добрался до Паланы, благо, что, начиная с Большерецка, везде жили родственники.

В 1937 г. начались повальные аресты. Были арестованы все мужчины нашего рода старшего поколения.

Лонгинов Алексей Васильевич (было ему 47 л.), Николай Васильевич (далеко за 50), Алексей Николаевич (ровесник Николая Васильевича), Вячеслав Николаевич, Нестор Николаевич, племянники Африкан Петрович и его брат Константин Петрович Лонгиновы.

Расстреляны в 1938 г.:

1. Лонгинов Алексей Васильевич, 1890 г. р., уроженец с. Палана Камчатской обл., до ареста проживавшего с Палана, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

2. Лонгинов Вячеслав Николаевич, 1894 г. р., уроженец с. Тигиль Камчатской обл., до ареста проживавшего с. Палана, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

3. Лонгинов Африкан Петрович, 1906 г. р., уроженец с Палана, до ареста проживавшего с. Палана, 8 марта 1938 г. Место смерти не установлено. Вместе с ними расстрелян и их зять Копылов Артамон Александрович, 1894 г. р.

Остальные были высланы в неизвестные места без права переписки. Никто не вернулся.

Самое страшное то, что та же тройка, что судила их, в июне 1938 г. Лонгинова Алексея Васильевича “освобождает” из-под стражи за неимением состава преступления. Но никто никогда не сообщал об этом семье, которая была очень большая и самая младшая родилась через 3 месяца после ареста.

Но нас не сломили. Род был трудолюбивый, дружный, всегда стремились к знаниям. Наши матери постоянно напоминали нам, какими хотели видеть нас наши деды, наши отцы. И по тому, что я написала выше, вы можете судить, выполнили ли мы их завет, хотя бы частично. Всех посмертно реабилитировали…

Очень хотелось бы, чтобы помогли установить место расстрела и захоронения Лонгиновых.

С уважением к Вам

Мешалкина (Лонгинова) Римма Алексеевна».

Письмо от Варвары Артамоновны Синяковой (Копыловой).

«Я, по матери Лонгинова, по отцу Копылова, по мужу Синякова Варвара Артамоновна, родилась в с. Палана Тигильского района Камчатской области. Мне 64 года, я на пенсии.

Мне представляется возможность познакомить Вас с учителями-просветителями моего деда Лонгинова Николая Алексеевича. В его семье было пятеро детей.

Его сын Алексей Николаевич Лонгинов был учителем (1) (вероятно, закончил приходскую школу, дед наш был священнослужителем) и работал в с. Тиличики Олюторского района.

У дочери Алексея Николаевича, Марии, дочери Раиса Пантелеевна и Анна Пантелеевна Юшины (нынешние фамилии мне неизвестны) продолжали дело своего деда – были учителями (2, 3).

У Нестора Николаевича Лонгинова – дочь Евдокия Нестеровна, по мужу Какаулина, работала учительницей (4) в Тигиле.

У Вячеслава Николаевича Лонгинова сын Валентин Вячеславович и дочь Серафима Вячеславовна (по мужу Данилова, адрес — 164630, г. Сура Пинежского района Архангельской области) работали учителями (5, 6).

У дочери Павлы Николаевны Лонгиновой, муж Лонгинов Иван Васильевич и сын Иван Иванович Лонгинов были учителями (7, 8).

И, наконец, у дочери Марии Николаевны Лонгиновой (по мужу Копылова), моей матери, было четверо детей.

Я, Варвара Артамоновна, закончила Корякское педагогическое училище в с. Тигиле (9). Это педучилище заложило всем моим родственникам — учителям основы педагогического мастерства, положило дорогу в будущее.

Потом был Хабаровский учительский институт, он давал неполное высшее образование, но позволял в послевоенное время готовить учительские кадры для районов Крайнего Севера.

Сначала я работала в Пенжинском районе (1947–1948 гг.), а потом учительницей русского языка и литературы (1951–1955) в Паланской средней школе.

В 1957 году я с семьей переехала в г. Ленинград, и уже высшее образование получила в педагогическом институте им. А.И. Герцена. Несколько лет я преподавала русский язык и литературу в 429 школе г. Ленинграда.

Около 20 лет я проработала в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина (ныне Технический университет) на кафедре русского языка для иностранных учащихся. За многие годы преподавания я занималась со студентами, аспирантами и стажерами из стран Европы, Азии, Африки и Америки.

И в школе, и в вузе я получала большую радость от общения со своими учениками.

Студенты-иностранцы продолжали пропагандировать русский язык у себя на родине. Дело в том, что они получали не только диплом инженера, но и сертификат с правом преподавания русского языка на начальном этапе обучения среди своих соотечественников.

Тяга к русскому языку во всех странах огромная. Мне приходилось работать и за границей по линии Министерства высшего образования: в Финляндии, в Австрии и в Индии.

Наряду с лекционными занятиями по русскому языку и литературе мне приходилось вести практические уроки по развитию русской речи, где я рассказывала о своем заповедном крае, о людях Камчатки. Сложились теплые дружеские отношения: многие студенты и преподаватели посетили Ленинград, восхищаясь его красотой, познакомились с моей семьей.

Выезжая за границу, я изучала строй, культуру, религию, традиции и, конечно, язык страны пребывания. Интересны люди! На первый взгляд, хмурые и холодные финны, высоконравные австрийцы, любознательные и наивные индийцы, а оказывается, познакомившись поближе, они все одинаковы — добрые, отзывчивые, тянущиеся к знаниям. Я им отвечала тем же.

В жизни мне всегда везло на друзей и коллег, любящих свою профессию, внимательно относящихся друг к другу.

Не могу не написать о Римме Алексеевне Мешалкиной (Лонгиновой), мы с ней

В день 60-летия Ивана Васильевича Лонгинова, с. Соболево, 28 января 1957 года

троюродные сестры, у нас был один прадед — Лонгинов Алексей Дмитриевич.

Я рано осталась без родителей: моя мама, Мария Николаевна Копылова (Лонгинова) умерла накануне войны, а отец Артамон Александрович Копылов, как и многие земляки-камчадалы, был арестован в сентябре 1937 года, расстрелян в марте 1938 года, реабилитирован после XX съезда партии, в 50-е годы. Детство мое было нелегким. Во время войны ушли служить в армию братья — Николай и Александр.

И вот Римма Алексеевна и ее добрая мама – Мария Лаврентьевна Лонгинова – помогали всем, чем могли, и морально, и материально, мне и моей сестренке Людмиле.

В годы войны, во время каникул, мы, девчонки, участвовали в сельскохозяйственных работах в колхозе “Пролетарий”. Римма была нашим наставником, уже в детские годы в ней закладывались учительские навыки.

Прошло уже 50 лет, а к Римме Алексеевне тянутся ее друзья, она, как связующее звено, с ней переписываются, теперь уже пенсионеры, едут в Палану, через нее мы узнаем, как сложилась судьба сверстников детства.

В Римме Алексеевне заложены гены наших предков, она же Лонгинова.

Из более старшего поколения мне бы хотелось рассказать о Лукевой (Лонгиновой) Александре Алексеевне, она с 1914 года, в апреле 1994 года ей исполнится 80 лет, живет в Палане. Она по образованию агроном, отдала свои знания краю, где она родилась. Из старших, Александра Алексеевна осталась одна, это ее отец работал учителем (Алексей Николаевич) в с. Тиличиках еще в начале XX века.

В основном я повествовала о внуках Николая Алексеевича Лонгинова, Лонгиновых-учителях. Дело наших предков продолжают уже и правнуки, и праправнуки. Такова профессия учителя — учить и учиться самому.

Моя семья: Юрий Иванович Синяков по образованию журналист, после окончания Ленинградского университета работал в Палане в газете “Корякский коммунист”. Сын Игорь и дочь Елена, двое внуков: Наташенька и Игореша, прелестные малыши, на следующий год пойдут в школу.

Чем увлекалась, увлекаюсь — люблю читать, работать со словарем, посещаем театры, у нас неплохая библиотека.

С уважением Варвара Артамоновна Лонгинова (по деду, прадеду, прапрадеду)

27 октября 1993 года.

г. Санкт-Петербург».

Письмо от Куркан (Юшиной) Ольги Ивановны.

«Я родилась в 1927 г. в селе Тигиль Тигильского района Камчатской области.

В 1931 в июле был арестован мой отец Юшин Иван Николаевич.

Моя мама Екатерина Васильевна была из семьи Лонгиновых. Когда отца забрали, мама с нами (мной и братом) переехала в с. Палану к братьям, т. к. у нас все имущество было конфисковано, мы стали лишенцами, тогда такое слово было в обиходе.

В 1937 г. мамины братья Петр Васильевич, Николай Васильевич, Алексей Васильевич, Иннокентий Васильевич, Пантелеймон Васильевич, сын Петра Васильевича Африкан Петрович, были арестованы.

Выросла я в Палане. После окончания семилетки в 1941 году поехала учиться в Корякское педучилище в с. Тигиль на три года. Закончить мне пришлось его в 1945 году, так как один учебный год (1943–44) пришлось пропустить по нужде.

Пришлось работать в газете «Корякский большевик», а теперь это газета «Народовластие». В этом году мне пришлось обращаться в редакцию газеты за подтверждением, что я действительно там в 1943–44 г., но, увы, мне не везет, архива за годы войны не сохранилось.

Реабилитирован мой отец в 1959 году, но личное дело отца я читала лишь в январе 1993 г. Так и не узнала, где и когда закончилась его жизнь.

После окончания педучилища в 1945 году (благодаря добрейшим людям) три года работала в Тигильской школе.

В 1948 году переехала в город Петропавловск из-за состояния здоровья, где проработала в школе пос. Моховая тридцать один год. В 1979 г. ушла на пенсию.

Вырастили в семье троих детей.

Старший сын закончил Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева в 1970 г. Ему была присвоена квалификация физика-радиоэлектроника. Работает он в НИИ г. Томска, имеет звание кандидата технических наук.

Дочь моя инвалид 2-й группы. Младший сын работает оператором в гортеплосети.

Имею внучку и правнучку, еще есть четыре внука.

В Краснодарском крае, Лабинском районе, п/о Соколихин проживает моя племянница Неженец Маргарита Владимировна. Она закончила Адыгейский педагогический институт, после окончания работала в школе. А вот в настоящее время о ее жизни я не знаю, давно не было переписки.

Вам уже известно, что мои дяди Иван Васильевич и Пантелеймон Васильевич были учителями. Римма Алексеевна описала и об остальных, повторяться не буду.

В с. Мильково живет и работает в библиотеке Михайлова Виктория Зиновьевна,

«Звонарь России» — Иван Васильевич Данилов

племянница Риммы Алексеевны Мешалкиной.

Вот и все.

21 сентября 1993 г.

С уважением-

Куркан О.И.».

И, согласитесь со мной, такой семейной истории не придумаешь ни в каком романе — эту историю пишет сама жизнь…

У меня нет сведений о том, что кто-то из современных потомков священников Логиновых-Лонгиновых избрал для себя путь служения православной вере.

Но мы знаем другое — в этом роду есть человек, который при жизни получил титул — «Звонарь России». Это Иван Васильевич Данилов, сын Серафимы Вячеславовны Даниловой (Лонгиновой):

«Путешественник, сказочник и звонарь Иван Данилов с 70-х годов возрождал колокольную музыку России. Он исполнял традиционные звоны и создавал авторские. Два его цикла “Глубинные звоны” и “Космические звоны” родились в Северном Ледовитом океане, когда он звонил среди льдов. Это было в 90-х годах, когда звонарь с набором колоколов отправился на парусных судах в путешествие. Он давал концерты во многих европейских портах, в Скандинавии и на Аляске.

Плавучей звонницей называли его суда — реконструированные ладью, шхуну, коч XVII–XVIII веков. К сожалению, Иван Данилов умер раньше, чем успел закончить эти циклы. Но известно, что он работал и в архангельской обсерватории, чтобы из наблюдений черпать вдохновение для “Космических звонов”.

Одной маленькой планете Солнечной системы даже присвоено имя звонаря Ивана Данилова. Музыку Данилова можно услышать в фильмах “Дым Отечества” и “Россия молодая”, а еще в мультфильме по сказкам Бориса Шергина и Сергея Писахова “Архангельские новеллы”. Самого же Данилова можно увидеть в фильме “Матвеева радость”, где он исполняет роль Устина Бородатого. Там же звучат его звоны. В 80-х годах “Мелодия” выпустила две пластинки Данилова: “Звоны Северные” и “Архангельские колокола”».

ПОРОТОВЫ

Коренных жителей Сибири охотно принимали на казачью службу. И причин для этого было множество. И в числе первых из соображений сугубо тактических в казачью службу записывали местных полиглотов — толмачей (переводчиков) и знатоков местности — проводников «в незнаемые земли». А вот что касается второй категории, то она имела гораздо более важное — стратегическое – значение: и уже не в разряд простых служилых людей, а в чины детей боярских производились местные князьцы — вожди (тойоны):

«Первыми уже в течение XVII–XVIII веков вливались в состав верхних слоев русского сибирского общества представители верхушки местного населения, которых жаловали высокими чинами и званиями и привлекали к военной и административной службе. Известны такие династии служилых людей, детей боярских и дворян, как потомки мансийского князя Аблегирима (род Албычевых), мурзы Енбулата, кондинского князя Сатыги, знатного кыргыза Айкана, якутских тойонов Сахалтина, Матвеева-Отконова, Поротова, обуряченных тунгусских князей Гантимуровых и другие. Повсеместно для несения воинской службы широко привлекались и простые люди из числа коренных жителей. Так, например, в г. Таре в

1626 году служилых юртовских татар было 57 человек, а в 1701-м — 84. В 1627 году томские татары и чатские мурзы составляли около трети служилого населения г. Томска. Качинцы в XVII–XVIII веках также составляли значительную часть гарнизона г. Красноярска, много местных жителей служило в гарнизонах Тобольска, Кузнецка, Якутска и других. В Забайкалье в начале 60-х годов XVIII века создавались казачьи полки из конных тунгусов (500 человек) и из бурят (2400 человек)». (Сергей Скобелев «Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра»).

«Правительство Петра I продолжило политику привлечения якутов на службу. Так, в начале XVIII в. несколько десятков якутов служили казаками. Как свидетельствуют источники, на протяжении наступившего столетия зафиксированы несколько десятков якутов в чинах детей боярских и дворян — Матвеевы, Поротовы, Новгородовы и др. Например, в 1709 г. зафиксирован один из первых случаев, когда дворянское звание получил новокрещенный князец Федор Матвеев. При этом многие из них учились грамоте. Всего ко второй половине XVIII в. уже было до 90 грамотных якутов» (А.А. Борисов «Ранний этап политики мультикультурного патернализма в Якутии»).

В 1706 году присланный из Енисейска казак Андрей Поротов был верстан в дети боярские на «убылое место Люткина».

В том же 1706 году Иван Васильев сын Поротов, также присланный в Якутск из Енисейска, вероятно, брат Андрея, был еще простым казаком, но уже в 1710 году тоже будучи уже в чине сына боярского, назначен приказчиком Охотского острога:

«В мае 1710 г. охотский приказчик И. Поротов предпринял поход из Тауйского острога на ямских коряков, на которых в прошлом году ходил И. Мухоплев. Несколько коряков, захваченных в плен, дали ясак. Но большая часть коряков укрылась на острове напротив р. Ямы. Посланным к ним казакам удалось уговорить их вернуться. Переговоры закончились миром. Коряки выдали пять аманатов, хотя ясак обещали внести только осенью» (А. Зуев).

В другой исторической интерпретации это событие выглядит так: «…в 1710 г. другой приказчик Охотского острога, сын боярский Иван Поротов, ходил на Яму опять на коряка Вачучко. Захватив его вместе с “родниками”, он их “привел на Тауй в Янское зимовье и посадил их в крепь”. Возможно, именно в это время появилось поселение на устье реки Яна. На карте-чертеже “Камчадальской земли” С.У. Ремезова, составленной в 1712–1714 гг., показаны реки Яма, Ола, Тауй, напротив — большой остров без названия, и на побережье, на левом берегу реки Яна обозначен значком острог. Такой же значок стоит у устья рек Охота и Гижига» (Сергей Слободин, кандидат исторических наук, лаборатория истории и археологии СВКНИИ, «Долгая дорога к Тауйску»).

В 1718 году Иван Васильевич будет прислан на Камчатку в числе одного из трех ее приказчиков — ему поручался Верхнекамчатский острог. Ничем особо он здесь не отличился и не прославился. Последнее известие о нем относится к 1761 году, когда он был представлен в списке сынов боярских первой статьи.

В историю вошел третий из (вероятно, сыновей Ивана, как следует из документа, который мы приводим ниже) Поротовых — Алексей (в 1706 году тоже, как и Иван, рядовой казак, который служил в 14-й пятидесятне Якутского казачьего полка):

«Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василъю Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Василъем Колесовым с товарищи. А про иные де острова он Алексей не ведает».

И на долгие годы из истории Северо-Востока России исчезли какие-либо упоминания об этой фамилии.

И вот: «16 февраля 1790 г. якутский сын боярский Тимофей Поротов подал местному коменданту, полковнику Григорию Алексеевичу Козлову-Угренину прошение о переводе его во дворяне, ибо по указу 22 января 1709 г. его отец, родом из казаков, был переведен из якутских детей боярских с жалованием 10 руб., пять четей хлеба и три пуда соли во дворяне по московскому списку с жалованием в 16 руб. из убылых окладов. На свое место Тимофей просил поверстать брата Ивана, который служил с 1700 г. в Якутске и на Камчат-

ке. Повышение отец получил за “сбор ясака в излишек” в 1706–1707 гг. в Батурской волости и Верхневилюйском зимовье.

Челобитчик подчеркивал при этом, что в поданной им копии жалованной грамоты, выданной на якутского воеводу Траурнихту, сказано, что дворянство по московскому списку дается наследственно, то есть “по смерти ево, на ево место быть сыну ево, Василью”. Челобитчик в связи с этим предоставил особую родословную “Род Поротовых”, в которой схема была прокомментирована. Из нее видно, что отец служил все время по штату.

Его дети: Иван — служит в Охотской области унтер-офицером;

Авраам — слеп, потому не в службе;

Тимофей — проситель;

Андрей — в Якутском дворянском штате сын боярский. Кроме того, у Ивана был сын Алексей, находившийся в казачьей службе в Охотской области, а Александр и Андрей — “мальцы”;

у Тимофея и Андрея были сыновья Федор и Кирилл, которые обучались “российской грамоте”.

Столь позднее свое обращение по поводу законного статуса Тимофей объяснял тем, что после отца они остались малолетние, сам же в службу вступил в 1772 г. и “по незнанию” молчал. Якутский комендант направил прошение и приложенные к нему материалы в Иркутск генерал-губернатору Пилю, однако получил в ответ выговор, что не им этот вопрос решать, а высшему начальству. Тогда Якутск послал запрос в Герольдмейстерскую контору о том, точно ли была жалованная грамота Поротову. На это 19 ноября 1792 г., то есть через 2,5 года, пришел положительный ответ. Вместе с тем подняли материалы о службах Поротовых, что привело к значительной задержке в решении этого вопроса. Выяснилось, что еще в 1770 г. иркутский губернатор генерал-майор Иван Адамович Бриль якутского сына боярского Ивана Поротова **за утрату собранных ясачных денег предписал выключить его из штатных списков, наказать кнутом и отправить в ссылку с семьей в Охотск на почтовый станок №7 на реке Амге, записав в разночинцы с платежем подушного оклада, с отводом под строение, скотский выпуск и пашню угодий в размерах, определенных новой Межевой инструкцией 1766 г.** (выделено мной. — *С.В.*).

Якутская воеводская канцелярия возложила ответственность по выселению семьи Ивана Поротова на канцеляриста Аржакова, а по причислению в подушный оклад — на подканцеляриста Расторгуева, который заведывал подушным повытьем. Показательно, что Первая ясачная комиссия за “весьма малые взятки с ясачных” аналогичное наказание, только с принудительным поселением в новоучрежденный город Алдан, **а также и в работы на Нерчинские заводы, назначила в 1768 г. 12 якутским казакам, в том числе одному сыну боярскому, и одному из бывших посадских** (выделено мной. — С.В).

Возможно, наказанный Поротов не был прямым родственником просителя Поротова, либо наказания удалось ему избежать, в связи с чем имел место в декабре 1770 г. выговор А.И. Бриля Якутской воеводской канцелярии о том, что сам воевода ответственен за спущенное сверху решение.

Как бы то ни было, Поротовы продолжали добиваться льготного статуса.

Первого февраля 1795 г. Тимофей вновь сделал запрос о судьбе своего прошения “об утверждении меня с братьями и детьми в наследственном нашем дворянстве, а у выс-

Вид на Нерчинск, голландская гравюра 1710 года.1. Замок сделан из дерева: занят губернатором. 2. Церковь. Все местные жители — солдаты, которые ведут торговлю и имеют в этом очень большой опыт

шего начальства просить награждения обер-офицерским чином". Интересно, что брат его Андрей и даже слепой Авраам тогда же запросили себе копии с жалованной грамоты деду, что хранилась в "Якутской архиве".

Настойчивость Тимофея Поротова была все же вознаграждена, но уже в правление Александра I. В 1810 г. он показан дворянином с 14 классом по Табели о рангах».

Источник: ЦГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.117. Л.1-18 (Г.Ф. Быконя «Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект)», Красноярск).

Но это только одна из историй появления фамилии Поротовых в России.

Есть и другая. Русская.

И касается она Братского острога.

В списке участников восстания 1696 года в Братском остроге (из приложения к книге Ф.А. Кудрявцева «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века») мы находим искомое лицо — Поротов Пашка, пашенный крестьянин.

Вполне вероятно, что это как возможное продолжение тобольской линии крестьян Поротовых, которые основали деревню Поротовых в Мехонской слободе, как возможно и другое — это одна из судеб ссыльных якутских казаков, о которых говорилось выше.

Для справки: «Мехонская слобода основана была в 1660 г. и принадлежала долго к Тобольскому уезду. Когда около всего жилья обнесена была рубленым городом (т. е. стеною из деревянных срубов) с двумя проезжими башнями (т. е. такими, в нижний части которых находились ворота), то ее стали называть Мехонским острогом. Впоследствии, вероятно после того как городовое или острожное укрепление обветшало и его не нашли нужным возобновлять, селение опять стало называться слободою. В 1738 г. Мехонская слобода вошла в состав учрежденной тогда Исетской провинции Оренбургской губернии и до самого учреждения Пермской губернии причислялась к Исетскому дистрикту этой провинции, главным местом которого был Исетский острог (в нынешней Тобольской губернии), в разстоянии 60 верст от Мехонской слободы».

Есть и другая версия. Л.В Андреева в своем очерке «Первые поселенцы при Братском остроге» напрямую связывает крестьян-первопоселенцев Братского острога с бывшими жителями Енисейска: «…достоин восхищения и памяти потомков мужественный шаг Распуты Стефановича Потапова, первым решившимся поселиться здесь. Был он сын енисейского посадского, выходца с Русского Севера. До приезда в Братский острог жил в Енисейске. Известно, что в 147 (1639) году он был послан таможенным целовальником, выбранным из посадских Енисейского острога, на Лену с таможенным головою Дружиной Трубниковым и на Ленском волоке занимался сбором соболиной казны. Позднее в 1648 году, уже будучи человеком бывалым и семейным, прибыл с отрядом Максима Перфильева в Братский острог. Ангарская ширь пленила Распуту, вызвала желание прочно осесть на нашей земле и заняться делом отцов и дедов — пахотой. Зоркий хозяйский взгляд заметил: обилие плодородных почв, лежащих рядом с малоценными подзолами; близость реки с множеством рыбы (не накормит земля, накормит вода); богатые лесные угодья.

Все свои средства и взятую ссуду вложил северянин в братскую землю. Распашка земли обошлась Распуте, по его словам, в 300 рублей. Но своим первым урожаем он был доволен; утверждая, что "тот де ячмень и конопля перед енисейским ячменем зерном лутче". Воистину, где хозяин прошел, там и хлеб уродился».

Судя по истории рода Поротовых на Камчатке, эта фамилия появляется здесь при губернаторе Василии Степановиче Завойко, при котором прибыла на Камчатку группа крестьян, среди которых были Тюменцевы, которые впоследствии, благодаря родовым изысканиям Виктора Леонидовича Тюменцева, нашли свою исходную родовую линию в одной из деревень Иркутской губернии в верховьях Лены.

Исходя из имеющихся у нас документов, годы рождения камчатских уроженцев Поротовых начинаются с середины 19-го столетия:

Кирилл Иванович родился в 1855 году, Николай Иванович и Георгий Иванович — в конце 1850-х, Василий Иванович в 1864, а их сестра Параскева Ивановна (в замужестве Черных) — в 1860 году.

Место рождения у всех одно и то же — село Николаевка.

Кирилл Иванович умер в конце 1880 – начале 1890-х годов, и его вдова Евфимия Митрофановна (в девичестве Черкашина, дочь николаевского же крестьянина) вышла замуж за Михаила Васильевича Атласова (прямого потомка камчатского Ермака), и старший сын Кирилла Ивановича Поротова — Иван Кириллович (1877 г.р.) воспитывался в семье Атласовых.

Другой сын Кирилла Ивановича — Георгий Кириллович (1883) был воспитанником петропавловского мещанина Кондрата Николаевича Оглоблина и был отмечен в камчатской истории по любопытнейшему случаю, который был описан В.Л. Комаровым в его книге «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»:

«Уезжая с кошки в город, мы натолкнулись на следующую интересную страничку из местной жизни. Я разговаривал с привезшими нас завойкинцами, которые все были кто родством, кто свойством связаны с родом Машигиных. Мимо проезжал В.П. Карякин, который и раскланялся со мной. Собеседникам это не понравилось, и они рассказали мне, что между ними и Карякиными существует серьезная вражда. Дело в том, что Н.Е. Машигин, хороший и отважный промышленник, уходил иногда за соболем один-одинешенек сразу на несколько месяцев. Говорят, что в своих скитаниях он нарушил запретную грань Кроноцкого района и именно оттуда-то и приносил особенно много соболей. П. Карякин (теперь уже умерший) с двумя другими петропавловцами несколько раз обращались к начальнику Камчатки Ошуркову с жалобой на это и просьбой принять меры к защите запретного района и наказанию Машигина. Начальник как-то сказал им: “Делайте с нарушителем, что хотите”. По словам Машигиных, П. Карякин с товарищами подкараулили Н.Е. Машигина чуть ли не на Кроноцкой реке, когда он выходил из своей юрты, и всадили в него залп из винтовок. Вернувшись, они доложили начальнику, что Машигин исчез, всего вероятнее, уехал на каком-либо корабле в Америку, и принесли 40 соболей, как бы брошенных им в юрте. Хотя Карякин и его сподвижники уже умерли, но Машигины не забыли этого и теперь перенесли свой гнев на детей покойного».

Теперь нам известно, что «самосуд» над Николаем Егоровичем Машихиным, браконьерствующем в Кроноцком соболином заказнике, а может быть, общественный приговор, вынесенный и другими камчатскими охотниками, которые свято соблюдали принятые обязательства не нарушать границ заказника и тем более не охотиться в этих местах, исполнили четверо — Петр Карякин, Иннокентий Слободчиков, Максим Киренский и Георгий Поротов.

Вообще имя Георгий был родовым именем Поротовых.

Георгием был назван и сын Василия Ивановича Поротова, родившийся в 1889 году. Вероятно, это был самый старший брат Германа Васильевича Поротова, родившегося уже во втором браке (с 1887 года) их отца Василия Ивановича с дочерью николаевского крестьянина-старожила Митрофана Моисеевича Ерофеева (1847) Еленой (1870), в честь которого он назвал и своего старшего сына — Георгия Германовича Поротова, который родился уже в селе Елизово (бывшее село Старый Острог, бывшее с. Завойко) 3 мая 1929 года.

К сожалению, пока у нас нет документальных подтверждений о дате рождения Германа Васильевича и его родителях, поэтому слово «вероятно» в данном случае более чем уместно.

О главных этапах своей жизни Георгий Германович в 1975 году изложил в собственноручно написанной им биографии, хранящейся в Камчатском краевом объединенном музее:

Автобиография Поротова
Георгия Германовича

«Родился я 3-го мая 1929 года в с. Елизово Камчатской области в семье рыбака-охотника.

Отец — Поротов Герман Васильевич уроженец с. Николаевка, Камчатской губернии из бедняков.

Три друга, три камчатских богатыря (справа налево) — певец Евгений Филаретович Лонгинов, писатель, поэт, драматург Георгий Германович Поротов, художественный руководитель и режиссер ТЮЗа Евгений Андреевич Егоров

Мать — Поротова /Бобрякова/ Надежда Андреевна уроженка с. Мильково, Мильковской волости, Камчатской губернии. Из крестьян середняков.

В 1930 году семья переехала из с. Елизово в с. Мильково.

С 9 лет пошел в школу. Окончив 7 классов, пошел на работу.

Май 1945 – январь 1946 гг. молотобоец, ученик Мильковской МТС.

Январь 1946 – август 1948 гг. Пом. бухгалтера колхоза им. Сталина с. Мильково.

Август 1948 – август 1949 гг. слушатель одногодичной Благовещенской школы счетоводов г. Благовещенск, Амурской области.

С 1 января 1950 г. – июня 1952 г. Бухгалтер колхоза им. Сталина с. Мильково.

Июль 1952 г. – июль 1953 г. Бухгалтер колхоза им. Сталина Хабаровского района, Хабаровского края.

Август 1953 г. – июль 1957 г. Учащийся Хабаровской краевой культпросветшколы, ЕАО, г. Биробиджан.

Июль 1957 г. – 28 марта 1959 г. Завклубом, худруком, директором районного Дома культуры с. Мильково.

28 марта 1959 г. – 13 марта 1964 г. Директор окружного Дома народного творчества с. Палана Корякского национального округа.

13 марта 1964 г. – 7 марта 1967 г. Зав. отделом культуры Мильковского района.

7 марта 1967 года по настоящее время – старший методист Камчатского областного Дома народного творчества.

Участие в выборных органах.

С. Мильково сельсовет депутат 1950–1952 гг.

С. Мильково РК ВЛКСМ член бюро 1950–1952 гг.

Г. Биробиджан ВЛКСМ член комитета 1953–1954 гг.

Г. Биробиджан секретарь ВЛКСМ культпросветшколы 1954–1956 гг.

Был секретарем парторганизации Мильковского райисполкома, окрисполкома п. Палана.

Награды

Орден Трудового Красного Знамени

Медаль 100-лет В. И. Ленина.

Грамота Президиума Верховного Совета РСФСР.

Лауреат премии комсомола им. В.М. Кручины.

Лауреат двух всероссийских и одного Всесоюзного смотров художественной самодеятельности.

Издано три поэтических сборника.

1965 году в г. Москве издательство “Современник” выпустит новый сборник стихов. Поэм.

Пишу музыку.

Женат. Двое детей.

Домашний адрес: г. Петропавловск-Камчатский, ул. Войцешека, 7-а, кв. 73, тел. 35773

Подпись /Г. Поротов/

17 марта 1975 года

Петропавловск-Камчатский»

Ф.Р.-611, оп. 1, д. 56, л. 1–2

Мамой Георгия Германовича Поротова была крестьянка села Мильково Бобрякова Надежда Андреевна.

На Камчатке было два рода крестьян Бобряковых — в Мильково и в Ключах. Возможно, изначально это был один род, который расселили уже на Камчатке по разным местам, когда определяли места поселения для вновь прибывших с материка семей. Кстати, ключевские (в том числе и козыревские) и мильковские крестьяне очень часто состояли в кровном родстве.

В поколенных росписях мильковских крестьян нам встретился только один Андрей Бобряков — Андрей Акиндинович (1870), женатый в 1889 году на своей односельчанке и ровеснице — дочери крестьянина Михайлова Якова Никифоровича (1841) Анне.

Именно в семье Михайловых случилось известное нам перекрестье русской и камчадальской крови — женой Якова Никифоровича была дочь камчадала из села Кирганик Матрона Никифоровна Пермякова (1843).

Отец Матроны — Никифор Стефанович Пермяков (1836–1880) был женат дважды: в 1863 году он женился на своей односельчанке — вдове Чуркиной Марии Лаврентьевне (1831), а в 1878 г. на вдове Лукашевской Улите Тимофеевне (1857) из Ганал.

Матрона Никифоровна в таком случае была сводной сестрой многочисленным Чуркиным, одному из которых — фронтовику Георгию Петровичу Чуркину Георгий Германович Поротов посвятит свое стихотворение «Гоша — связист».

Мы познакомились с Георгием Германовичем в начале 1980-х годов, когда я работал корреспондентом газеты «Камчатский комсомолец» и был направлен в командировку в Соболевский и Усть-Большерецкий район, где проходили боевые действия времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также события 1906 г., в результате которых погибла группа жителей села Воровского и первые представители камчатского рыбнадзора — Максим Иванович Сотников и Македон Александрович Ворошилов, похороненные по традиционному обычаю камчадалов – на месте их гибели на реке Унушка.

Именно в этот период Георгий Германович работал над главным романом своей жизни (к сожалению, так и не оконченном), который он назвал «Камчадалы» — о собы-

Писатель Г. Поротов, рис. Е.Ф. Лонгинова

тиях Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг.

Сегодня мало кто (даже из маститых историков) понимает значение народного ополчения в том, что Камчатка в период той, позорно проигранной царской Россией Русско-японской войны осталась за Россией.

У японцев был замечательный план. Тридцать лет назад, в 1875 году при обмене Южного Сахалина, который отходил к России, на Курильские острова, жители островов Шумшу и Парамушир, не желая быть в подданстве микадо, перебрались на постоянное место жительства на Камчатку – в села Явино, Голыгино, Кихчик и Коль.

Но де-юре, согласно российско-японскому договору, они оставались подданными микадо.

И через тридцать лет отставной лейтенант японского императорского флота Сечу Гундзи высадил в устье реки Озерной, вблизи села Явино, отряд, сформированный из 150 отставных унтер-офицеров, которые пришли «освобождать» подданных микадо вместе с территорией их нового проживания. Именно поэтому, «ничтоже сумняшеся», Сечу Гундзи приказал прибить в Явино доску с надписью о том, что эта территория «уже принадлежит Японии».

Но японский «блицкриг» не получился — Сечу Гундзи был взят в плен, десант обстрелян и «купирован» в Озерной, пока не ретировался на Шумшу, а японские браконьерские шхуны, которые, пользуясь военными событиями, обрушились на Камчатку в поисках драгоценного лосося в неисчислимом количестве, были уничтожены народными ополченцами Камчатки вместе с их экипажами.

Народное ополчение в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. — это представительство всех родов Камчатки, выставивших своих сынов для защиты полуострова от врага.

История военных событий на Камчатке в этот период — это совершенно неисследованные страницы героизма и славы Камчатки.

И Георгий Германович по крупицам собирал материал своей книги. Наброски некоторых из глав он читал нам с Владимиром Ивановичем Семеновым, руководившим этой экспедицией по поручению Русского Географического общества, по вечерам, когда мы после завершения экспедиционных дел отдыхали в сельских гостиницах.

Одним из этих набросков был рассказ о том, как в течение более месяца жители Голыгино — старики, женщины и дети — уходили, спасаясь от японцев, по сопкам, бросив свое жилье, скот, имущество на растерзание врагам.

С ними был американец Петр Христенсон, который писал в своем дневнике:

«Я никогда не забуду страдания этих людей, если бы собрать все их слезы, то что они пролили в дороге, можно было бы наполнить большую бочку».

«...за все мои путешествия по разным странам в мире, я первый раз видел такой стойкий народ в голоде и холоде, который всегда готов разделить свой последний кусок провианта...»

И, наконец:

«Христенсон делает последнюю запись: «...Шли сто верст 17 суток».

К сожалению, роман не был завершен. И, словно предчувствуя, что он не успеет его окончить, Георгий Германович, после того, как я начал публиковать свои первые очерки об истории камчатских фамилий, передал мне часть копий документов, которые легли в основу и моего очерка о событиях тех лет, названного «Хроникой неоконченной войны». Позже, работая в Томске, в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (до его перевода во Владивосток), мне удалось найти поименный список участников народного ополчения и восстановить их родословную, связав имена этих людей с их нынешними потомками, — то, о чем мечтал Георгий Германович Поротов, воссоздавая историю своего народа и его культуру, — о преемственности поколений камчадалов.

Трудно сегодня назвать дело, за которое он, если брался, то не доводил бы его до совершенства.

И в то же время был очень скромен и прост.

И вся его жизненная философия, как капля березового сока в солнечных лучах, отразилась в этом небольшом, но очень искреннем стихотворении «Старый домик»:

Слышишь:
Я родился у Авачи
На крутом медвежьем берегу.
Как увижу старый домик – плачу,
А войти в тот домик — не могу.
Мне назад к нему возврата нету...
И шагнул я за его предел,
В дали шел, не просыпал рассветы,
Пел в пути и с песнею седел...
Пусть в том домике осталось лето,
Уступило мудрости зимы...
Старый домик, ты прости за это,
Песню, как признание, возьми.

КОСЫГИНЫ

Косыгины — одна из самых творческих династий Камчатки.

Но начать этот свой рассказ я хочу не с двух особенно дорогих для меня людей — писателя Владимира Владимировича (который дал мне рекомендацию в Союз писателей России) и барда Сергея Михайловича (моего ровесника и большого друга) Косыгиных, о которых знают все на Камчатке.

Сначала мы расскажем о том человеке, жизненный путь которого в перекрестье больших человеческих судеб, свершений, взлетов, творческих побед оказался как бы в их тени и не был должным образом оценен современниками и потомками.

Да и время было такое живое, насыщенное событиями, идеями, делами, что годы пролетали мгновенно: «Как-то не осознавалось, что наши годы подошли к конечной черте... — эти слова можно прочитать на последней странице его книги “Край мой — Камчатка”. — Потеря отца и безрадостное детство, война и голод, музыка и спорт, любовь и дети — все это было, как будто вчера. Молодые и зрелые годы, прошедшие в трудное и счастливое время, не вычеркнешь из жизни, ничего не забудешь. В общем, как мог, так я и жил — со всеми своими печалями и радостями, с верой в хорошее будущее. И считаю, что мне повезло. Не каждому суждено так прожить, как распорядилась мною судьба...»

При рождении он получил странное для нынешнего нашего восприятия имя — Исихей.

Точнее, Исихий. Еще точнее — Исихий Иерусалимский, известный в истории православия как «экзегет, учитель Церкви, проповедник, ученик святителя Григория Богослова», память о котором совершается в Православной церкви 28 марта (10 апреля).

А это был 1929 год — год, еще не затронутый на Камчатке революционными преобразованиями и политическими репрессиями в отношении тех людей, которые по тем или иным причинам были вскоре объявлены «врагами народа».

Косыгины изначально были купцами из старинного сибирского города Киренска. Хотя, безусловно, история этого рода гораздо более древняя. В 1696 году народ Илимска отказал своему воеводе стольнику Б.А. Челищеву во власти и принял решение о передаче управления выборным людям.

В числе этих людей были илимские казаки Игнашка, Алешка, Ивашко Косыгины.

В Дозорной (переписной) книге Илимского острога за 1676 год есть интересная для нашего рассказа запись:

«Илимские ж судовые плотники, которые на Якутцкой обиход суды делают за судовые ж свои хлебные оклады пашни пашут»:

Ромашка Иванов сын Косыгин

Игнашка Романов сын Косыгин.

«...оклад судовым плотникам Илимским же служилым людем по 5 рублев человека».

Отец и сын. А Алешка и Ивашко, в свою очередь, — или братья, или сыновья Игнашки Романова сына Косыгина.

А вот как развиваются дальнейшие события, связанные с переселением в здешние места уже пашенных крестьян и той выгоде, которую извлекали из этого переселения местные власти:

«Есть, правда, один случай, когда крестьянин поехал добровольно; но, в общем, вряд ли кому хотелось сдвигаться с осво-

енного места, бросать хозяйство и менять привычную жизнь на неизвестные перспективы. Зажиточная часть деревни, пользуясь своим влиянием, в ряде случаев добивалась выбора переселенцев из бедноты. Несомненно, что на местах отбор людей для переселения на Аргунь шел по указке богатых крестьян и был использован в личных целях приказчиками и крестьянской администрацией. Об этом говорит дело об отправке в Дауры усольского соловара Степана Карпова. Усть-Кутский приказчик Яков Косыгин вместе с “наборщиком” наметили отправить на Аргунь соловара. Из последующих дел выясняется, что на приказчика был послан “пищиком” донос в Илимск. За соловара, увеличивавшего добычу соли и исправлявшего ошибки его предшественника, вступился воевода ...Приказчик должен был подчиниться, и вместо Карпова на Аргунь был послан из Усолья пашенный крестьянин С.Р. Головин». (В.Н. Шерстобоев Илимская пашня, т. 1, Переселение крестьян на Аргунь.

Усть-Кут, Киренск, Илимск — это, в принципе, один узел.

И вот как жители Усть-Кута сами оценивали значение этого места в истории освоения Ленского края: «...мы вправе назвать именно зимовье Галкина на устье Куты первым постоянным русским поселением на Лене, а его самого — основателем нашего, самого первого из ныне существующих городов на Лене и во всей Иркутской области. И именно через это поселение шло обеспечение и заселение Якутии. И на судах именно усть-кутских плотников: Нечаевых, Косыгиных, Гиляшевых (Гелишевых), Жернаковых, Лузениных, Бутаковых — шло освоение Лены».

И добавим к этому цитату из той же статьи из местной газеты: «Не вдаваясь в подробности, скажем, что первым на Лену с южной стороны, из Енисейска, в 1629 году прошел отряд во главе с десятником Василием Бугром. Им были построены зимовья на устье Игирмы, с ангарской стороны маршрута — на устье Куты, с ленской стороны, и на самой Лене — в устье Киренги».

И далее: «Найденный Галкиным путь не был меньшим по продолжительности. Решающим стал другой фактор: по Илиму можно было поднять несколько больше груза к новому волоку, чем по Игирме к любому из двух известных. На том месте, откуда двинулся на Лену отряд Галкина, и был впоследствии построен Илимский острог, ставший на долгие годы центром воеводства.

Ленский или Илимский волок до устья р. Муки, потом водой по Купе и Куте в Лену — вот та дорога, которая соединила Русь с Восточной Сибирью, Якутией и Колымой, позволила выйти к морям Северного и Тихого океанов».

Иван Галкин был атаманом енисейских казаков, уроженцем города Березова, откуда и прибыли первостроители Енисейского острога, открывшие впоследствии путь на реку Лену.

Так что путь Косыгиных в город Киренск и превращение их из казаков в местные купцы был типичным для того времени — когда семьи разрастались и часть младших сыновей оказывалась за штатом, числясь в казачьих детях до глубокой старости, многие из этих казачат становились сначала

Владимир Косыгин, рис. Е.Ф. Лонгинова

торговыми посредниками, а затем, накопив средств, записывались в купцы.

И во второй половине 18-го столетия историки отмечают в Киренске двух братьев, купцов 3-й гильдии Федора и Петра Митрофановичей Косыгиных. Как пишут в Иркипедии (Иркутский исторический портал): «В 1805–1807 Федор Митрофанович объявлял капитал 2030 руб., его брат Петр — 2020 руб. В 1811 обе семьи объявили капитал по 8020 руб. В течение 6 лет (точная дата неизвестна) Федор Митрофанович являлся церковным старостой, в 1807 служил ратманом (ратман — советник в магистрате, в городском правлении)».

Одни из купцов Косыгиных торговали хлебом. Другие — пушниной.

Камчатский род Косыгиных начинается с сына Петра Митрофановича — Николая Петровича (1801), который в 1820 году поселился в Охотске, затем переселился в Гижигу, а оттуда уже определился с постоянным местом жительства в Петропавловском порту — и в 1855 году киренский мещанин Николай Петрович Косыгин был церковным старостой Камчатского собора.

Любопытно, что примерно в то же время еще два Петровича — Федот и Иван — служат в Тигиле в казачьей команде, став родоначальниками казачьей ветви Косыгиных.

В 1854 году сын Николая Петровича — Петр Николаевич (1834), будучи петропавловским купцом 2-й гильдии, в период обороны Петропавловского порта «охранял собор и церковное имущество, под огнем неприятеля снабжал сражающихся разными припасами». Он был в числе девяти ветеранов Петропавловской обороны, которые были в 1902 году внесены в список кандидатов на пожизненную пенсию. Он, в числе немногих, дожил до пятидесятилетия героической обороны, а в 1907 году был избран старостой города Петропавловска. Летом он проживал на солеварнях, где у него было свое хозяйство, а на зиму возвращался в город. В 1908 году в возрасте 74-х лет он женился в третий раз на сестре казака Юшина из Тигиля. То есть был отменного здоровья.

У Николая Петровича было восемь сыновей, благодаря которым Косыгины были связаны родовыми брачными связями со всей Камчаткой и представляли свой торговый род на востоке и западе, севере и юге полуострова.

Косыгин Петр Николаевич (1836), петропавловский купец 2-й гильдии, Петропавловский порт. Ж. 1? Ж. 2? Ж. 3 (с 1908) Юшина Вера Иосифовна (1874), с. Тигиль, дочь казака.

Косыгин Константин Николаевич (1839), купеческий сын. Ж.1 Лонгинова Феоктиста

Облуковинское «гнездо» Косыгиных

Братья Косыгины: Валентин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Виталий Николаевич

Алексеевна (1844), с. Палана, дочь священника. Ж. 2 (с 01.09.1889) Колмакова Мария Александровна (1859).

Косыгин Иннокентий Николаевич (1847). Ж. 1 (с 14.04.1876) Попова Александра Ивановна, дочь якутского мещанина Ивана Яковлевича Попова. Ж. 2 (с 1892) Миронова Матрена Софониевна (1874). Ж. 3 (не ранее 1896) Талалаева Матрена Валерьяновна (1877).

Косыгин Николай Николаевич (1851), Петропавловский порт. Ж. Александра Петровна.

Косыгин Александр Николаевич.

Косыгин Василий Николаевич (1858 – 08.11.1909). Ж. Анна Васильевна (1857).

Косыгин Феодосий Николаевич (1859). Ж. (с 20.07.1893) Брагина Мария Ильинична (1861 – 12.10.1894), дочь петропавловского купца 2 гильдии.

Косыгин Мануил Николаевич (1863 – 28.06.1910), с. Облуковино. Ж. Толстихина Анна Иннокентьевна (28.07.1872 – 17.08.1952).

И о судьбе семьи младшего из братьев — Мануила (Эммануила) Николаевича рассказывает его сын Исихей в своей книге «Край мой — Камчатка»:

«На севере Соболевского района было такое село — Нижне-Облуковино из 30–40 дворов с населением 150–180 человек. Помимо камчадалов (около 80%) здесь жили русские, украинцы и другие. Многие из них построили свою семейную жизнь с представителями местной коренной национальности.

Раньше жили от села в 20–25 км вверх по реке. Там проходила телеграфная линия Петропавловск – Хайрюзово, были все другие необходимые службы. Но ловить и сдавать лосось, тем самым обеспечивать семью продуктами и другими товарами, было несподручно — нужно быть ближе к морю. Отец мой Николай Мануилович проявил инициативу — построил в 4-х километрах от моря дом с пристройками, перевез семью. И вслед за ним последовали почти все жители верхнего поселка.

Отец и мать — коренные жители, камчадалы: Николай Мануилович свою суженую Агафью Константиновну Ворошилову привез из соседнего села. Потом в этой многодетной семье появился и я. Отец пользовался уважением у односельчан. Когда начали создавать сельские Советы, его избрали председателем. Это было в 30-х годах. Репрессии не обошли Облуковино. В 1938 году отца арестовали и решением тройки УНКВД приговорили к расстрелу, как врага народа. Приговор был приведен в исполнение.

Только в 1993 году постановление тройки было отменено за отсутствием состава преступления, и отец Николай Мануилович был полностью реабилитирован».

Говоря о репрессиях, которые не обошли Облуковино стороной, автор имел в виду так называемое «Тигильское дело» 1931–1932 гг., по массовым расстрельным приговорам которого были уничтожены лучшие сыны Севера Камчатки.

И род Косыгиных, если говорить о нем в целом, эти репрессии стороной не обошли.

Косыгин Варнавий Иванович (1897), с. Тигиль, арестован 8 июня 1934 года, приговорен к 5 годам лишения свободы по статье 58-2 УК РСФСР.

Косыгин Василий Васильевич (1889), с. Облуковино, арестован 29 июля 1931 г., приговорен 7 сентября 1932 года к расстрелу.

Косыгин Василий Иннокентьевич (1897), с. Палана, арестован 6 сентября

1931 г., приговорен к 10 годам лишения свободы, освобожден только в 1952 г.

Косыгин Василий Иннокентьевич (1912), с. Тигиль, арестован 12 апреля 1933 г., из-под стражи освобожден 16 июня 1933 г.

Косыгин Виктор Иннокентьевич (1911), с. Палана, арестован 6 мая 1934 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Владимир Иннокентьевич (1908), с. Палана, арестован 15 марта 1938 г., освобожден из-под стражи 2 сентября 1939 г.

Косыгин Иван Иннокентьевич (1878), Петропавловск-Камчатский, арестован 6 сентября 1931 г., приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Иннокентий Васильевич (1897), с. Тигиль, арестован 31 июля 1931 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Иннокентий Мануилович (1895), Облуковино, арестован 25 апреля 1934 года, приговорен к 10 годам лишения свободы.

Косыгин Конон Филатович (1898), с. Тигиль, арестован 11 октября 1937 года. Приговор — 10 лет.

Косыгин Константин Константинович (1905), с. Ключи, арестован 6 мая 1934 г., приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Митрофан Мануилович (1899), Облуковино, арестован 9 февраля 1940 года, из-под стражи был освобожден.

Косыгин Михаил Харлампиевич (1906), Петропавловск-Камчатский, арестован 28 сентября 1938 г., приговорен к 6 годам лишения свободы.

Косыгин Николай Васильевич (1891), с. Тигиль, арестован 2 июля 1931 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Судя по документам, и сам Николай Мануилович (1891) в первый раз был арестован 5 октября 1931 года. Сын об этом не помнит (ему было только два года), потому что отец был тогда осужден (7 сентября 1932 года) «на срок предварительного заключения» и вернулся домой. А повторно он был арестован 10 марта 1938 года и в тот же день «без предъявления обвинения тройкой УНКВД по ДВК приговорен к ВМН (высшей мере наказания). Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г.».

Вопрос: как это отразилось на судьбе детей «врагов народа»?

Исихей, сменивший свое православное имя на мирское Михаил, окончив Высшую партийную школу, работал инструктором обкома КПСС, был председателем Алеутского райисполкома. Братья — Валентин, Павел и Константин — были участниками Великой Отечественной войны. Виталий Николаевич Косыгин работал заместителем прокурора Корякского автономного округа.

А вот что рассказывает Михаил Николаевич о других Косыгиных из Облуковино в книге «Край мой — Камчатка»:

«Пантелей Косыгин, первый секретарь Соболевского райкома комсомола, учился в Хабаровской высшей партийной школе, работал в партийных и советских органах Усть-Камчатского, Елизовского районов;

Геннадий Косыгин, кандидат биологических наук, мастер спорта СССР, двукратный чемпион зоны Сибири и Дальнего Востока;

Виталий Косыгин, заместитель прокурора Корякского автономного округа, завершил свою карьеру на ответственном посту Камчатской областной прокуратуры;

Зотик Косыгин, после окончания совпартшколы в г. Владивостоке работал в аппарате Соболевского и Тигильского райисполкомов...»

А вот самое главное: «Многие в селе играли на музыкальных инструментах, прекрасно пели. И меня с детских лет неудержимо тянуло к музыке. Лет в шесть принимал участие в художественной самодеятельности. Помню, усадили с балалайкой на стул, поддерживая ее, чтобы не упала, пока исполнял

Отец и сын — Михаил Николаевич и Сергей Михайлович Косыгины

“Коробейники”, ительменскую песню “Желтенький песочек”, плясовую и еще что-то под громкие аплодисменты зала».

А потом Михаил Николаевич стал заведующим сельским клубом и отправился на учебу в Хабаровскую культпросветшколу в г. Биробиджан.

А настоящая творческая карьера началась после распределения на работу в центр Корякского национального округа — в Палану, где Михаил Николаевич Косыгин начинал работать художественным руководителем окружного Дома культуры. Это был тогда… единственный специалист во всем округе. Шел 1955 год.

Тогда же вместе с Татьяной Петровной Лукашкиной (из рода камчадалов Слободчиковых) они создали первый творческий коллектив.

На смотре художественной самодеятельности в области паланцы занимают второе место. Песню о корякском крае, которую исполнял хор, написал Михаил Николаевич.

Затем его назначают директором ОДК, а еще через год — приглашают на работу в окружком комсомола заведующим отделом пропаганды и агитации, а затем, в 1959 году, — заведующим отдела культуры Корякского национального округа.

Именно Михаил Николаевич пригласил на работу в Палану директором Дома народного творчества Георгия Германовича Поротова, своего однокашника по культпросветшколе.

Он же занимался массой организационных вопросов по поддержке «Мэнго», когда Александр Гиль только еще создавал этот замечательный коллектив, который нужно было содержать на чьем-то балансе, чтобы сохранить и укрепить первые ростки: «…собирая в окружной центр молодежь из числа коряков, ительменов, эвенов, не был решен вопрос содержания этого зарождающегося коллектива».

«И вот в 1963 году в Хабаровске на зональном смотре художественной самодеятельности с огромным успехом выступает корякский ансамбль, в программе которого корякский балет “Мэнго” и большая концертная программа».

«То, что мы с Базиком Добриевым задумывали еще в Москве, то, что планировали, сбылось. На Чукотке и в Корякском округе созданы профессиональные ансамбли».

С Базиком Добриевым, еще одним своим однокашником, они встретились в столице на двухмесячных курсах руководителей отделами культуры Чукотки, Якутии, Хабаровского края, откуда Михаил Николаевич Косыгин вернулся в Палану, воодушевленный идеей создания профессионального ансамбля, поддержанной, а затем и воплощенной

Владимир Косыгин (Коянто), худ. К.В. Китпалин

в жизнь его единомышленниками.

«Сколько времени прошло, но и сейчас я горжусь тем, что, как специалист и как руководитель культуры округа, стоял у истоков творческого подъема танцевального искусства коряков, ительменов, эвенов, чукчей. Создан всемирно известный ансамбль “Мэнго”, а также множество самодеятельных ансамблей танца, песни, художественного слова в национальных селах округа».

Творческие гены по наследству передались и его сыну — одному из самых известных и ярких камчатских бардов — Сергею Михайловичу Косыгину.

А в истории мировой культуры свой след оставил Владимир Владимирович Косыгин — замечательный поэт, писатель, публицист Корякии, известный под литературным именем Коянто.

Это его стихотворение «Родник» вошло в многотомное собрание сочинений мировой классики, как литературный шедевр:

Родниковой воды
Напьюсь,
Освежу лицо
И грудь.
Если в сердце
Проникнет грусть,
И туда не забуду
Плеснуть.
В роднике
Вода — бирюза,
Как хрусталь —
И звонка и чиста.
Это родины
Милой глаза.
Это матери
Нежной уста.

ГРЕЧЕНИНЫ

Мне посчастливилось познакомиться с Федором Афиногеновичем Гречениным в самые последние годы его жизни.

Мы вместе готовили к изданию родословную книгу этой семьи. Года за два до этого свою историю семьи написала младшая сестра Федора Афиногеновича — Лина, назвав книгу «Мы из рода Савинских».

Федор Афиногенович был сильно обижен на сестру. И не только за названием книг, но и за целый ряд деталей в ней, которые не соответствовали действительности — были если не выдуманы, то искажены до неузнаваемости.

Он недоумевал — зачем выдумывать то, чего не было, когда было столько интересного, но не замеченного, не увиденного, не воспринятого автором?

Глубина этой обиды Федора Афиногеновича открылась мне, когда я впервые прочитал его рассказы, изданные уже после смерти автора отдельной книгой. И одно уже только ее название говорит о многом: «Осени светлая печаль»...

Эта книга о его малой родине, о семье, о близких людях, о природе...

Удивительно теплая, солнечная и очень добрая...

Впрочем, предлагаем и вам очутиться в том чудесном мире, созданном замечательным литературным талантом писателя Федора Афиногеновича Греченина.

Осени светлая печаль

Недаром день пожилого человека приурочен именно к осенней поре, наверное, еще и потому, что духовная умиротворенность стареющих людей и состояние красоты увядающей осени — это, похоже, и есть два неразрывных между собой понятия, по-своему дополняющие друг друга.

«Осени светлая печаль» — так называется стихотворение, сочиненное братом моим Леонардом, страстным любителем природы, камчатской осени и охоты.

Ах ты, осень! На душу бальзамом
Ты в лукошко льешь свои дары,
А в озера с бесконечным гамом

Утки прилетают до поры.
Чтоб потом, почуя снег и стужу,
Скопом всем подняться на крыло
И... на юг!

Им проводник не нужен,
Коль движенье смысл приобрело.
Что сулит мне этот день охоты?
Знаю наперед: блаженство день!

Музыку утиного полета!
И природы трепетную звень!
Ты послушай... как поет речушка,

В перекатах камни заласкав.
Добрая и верная подружка
Лишь тому, кто встречи с ней искал.
Покуда с ней не встречусь снова,

Пока ее не обниму
И не замечу в ней обновы, —
Причины грусти не пойму.
Ах ты, осень! Желтым покрывалом

Землю неостывшую покроет,
И потянут гуси караваном,
Оглашая грустью все земное...

Федор Афиногенович Греченин

И то сказать: на нашу богатую, нарядную, теплую долгую елизовскую осень смотреть — не насмотреться! Никуда и ехать-то не надо — все перед нами, все рядом: и лес, и горы, и реки и вечные спутники наши вулканы-великаны, без которых немыслим ни один пейзаж. Даже простые полянки в березовом лесу, и те преобразились осенью: сделались просторными и яркими от пламенеющих огнем гроздей рябины. А к позолоченным березкам непременно прикоснуться хочется, обнять их, беленьких, излучающих в награду нам тихий и ровный свет. И не дай Бог пропустить, не угадать тот волнующий момент, когда однажды от ветра порывистого вдруг посыплются густо золотые березовые листочки. Вот уж действительно «очей очарованье»! Как в сказочной прощальной круговерти закружатся они в небесной синеве… в последний раз, призывая, наверное, и нас, случайных зрителей, проникнуться их светлой печалью, послушать и себя — так ли живем? Сердце

Осени светлая печаль, худ. И.А. Пискунов

свое послушать, душу разбередить сладкими воспоминаниями родных ли мест с ромашковой полянкой у реки, далекого ли детства, пусть голодного и холодного, но все же запомнившегося нам как самое счастливое, самое прекрасное время!

Один из ярких эпизодов детства вспоминаю и я, когда малолетним пацаном однажды совершенно случайно очутился в сельском клубе… на танцах, как таращился во все глаза на движущиеся по кругу пары, как по-детски изумлялся единению красивой музыки и красивых движений приряженных людей, и сердчишко мое захлестывалось от восторга! Как снег на голову, окунулся я в новый, интересный мир, где, оказывается, может светлеть и удивляться душа, где можно напрочь забыть о том, что где-то далеко-далеко от камчатского села идет война, гибнут люди, рвутся снаряды под Москвой.

А оркестранты? Вот они рядом, полукругом сидящие, еле одетые, а, может, и голодные: комиссованный с фронта одноногий солдат, старики и совсем молоденькие ребята. Склонились над старенькими инструментами: гитарами, мандолинами, балалайками, гармошкой и, как мне казалось, с яростью извлекали из них изумительную музыку… бальных танцев — танго, вальсов, фокстротов и еще каких-то танцев со странными названиями: «Ту степ», «Паде-спань», «Краковяк»… Пронеслось время, и только через четыре года, весной 1945-го, настал-таки мой звездный час! В новых, наутюженных штанах из ленд-лизовского американского демиса, явился я на бал, приуроченный ко дню Победы! Этот был праздник!!! И невозможно, я думаю, простыми словами выразить состояние радости и торжества, когда я сам по-настоящему танцевал свой первый вальс под названием «Неаполитанские ночи», как в эйфории, невольно прижимал к себе пухленькую девчоночку из параллельного 8-го класса… Как сейчас вижу ее смущенную, раскрасневшуюся, в ситцевом синеньком платьице с белым бантом на груди…

Интересный факт: со временем стираются из памяти даже самые значимые события, а вот поди ж ты! Тот пятиминутный старинный вальс со всеми подробностями врезался в память навсегда, навечно! И еще: заметил я, что подобные яркие моменты вспоминаются не весной, не летом, а чаще всего именно в пору осеннюю… Ах ты, осень.

* * *

Если человек талантлив, то это проявляется во всем.

Федор Афиногенович был и замечательным фотохудожником.

У него были и «золотые» руки — на память о себе он оставил в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» макет нижнекамчатской собачьей нарты и свою родовую «Заимку».

Лина Афиногеновна Карташева (Греченина) не случайно отдала дань предпочтения в своей родовой линии казакам Савинским — Давид Федорович Савинский, участник обороны Петропавловского порта, был в свое время и начальником Камчатской казачьей команды, человеком заслуженным и авторитетным.

Но история рода Гречениных не менее интересна для потомков. И я позволю себе повторить то, что писал для книги Федора Афиногеновича в своем послесловии:

«Я – камчадал закоренелый…»

Федор Афиногенович Греченин родился в 1930 году в Нижнекамчатске (некогда бывшего столицей Камчатки) и конечно же, по всем статьям является коренным камчадалом, и строки из знаменитого стихотворения Георгия Германовича Поротова относятся именно к нему. Напомним:

Я —
Камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптанной травы.
Когда-нибудь Мелькнет моя зарница,
Здесь кто-нибудь причалит свой ковчег.
Увидит таганок и удивится: —
Тут был Огонь и Человек!

Когда я начал читать рассказы Федора Афиногеновича (а они совсем крошечные), то изумился той человечности и тому духовному теплу, которые наполняют и согревают все его произведения. Я поразился литературному слогу — насколько точны и выразительны и слова, и образы. И, конечно же, я очень и очень заинтересовался историей его рода, чтобы понять истоки этого дарования. Ведь ничего не бывает случайного в нашей жизни… И оказалось, что сама фамилия хранила главную тайну этого рода — его предками были жители Эллады, древней Греции. Православные греки испокон веков состояли на службе у русских царей. Но история томской диаспоры Гречениных (Гречаниновых), которые были сосланы в Сибирь, несколько отличается от общей традиции. Первым в Томск прибыл Христофор Тонгайлов (Тогкаглов), уроженец Константинополя, который сдался русским под Смоленском во время боевых действий, а потом попытался совершить обратное, и поэтому «закованным в колоды и в сопровождении семьи — сына Мануила Христофорова Греченинова и дочерей Марии и Анны» он был сослан в Томск, куда был доставлен 22 сентября 1635 года. Двое других, называвшихся дядей и племянником, что вполне вероятно соответствовало действительности, так как они были неразлучны на протяжении многих лет, прибыли позже — в 1643 году. Старший из них — оставшийся в истории Сибири как Юрий Трапезунский (Трапизовский, Трапезанский, Драбызонский) — прошел «через огонь, воду и медные трубы», втянув затем в свои авантюрные дела и племянника Мануила Константинова, который станет патриархом рода томских (впоследствии иркутских и камчатских) Гречениных. Но все по порядку.

«Юрий Иванов, родом греченин Трапизона города», — сообщают архивные документы. А далее информация только из уст самого Юрия, которая была зафиксирована дьяками и сохранилась до нашего времени.

Историки, попытавшиеся извлечь некое подобие правды из этих рассказов, пришли к следующим выводам: Юрий Трапезундский «изначально входил в военную охрану купеческих кораблей». Ему не повезло — судно, перевозившее зерно в Стамбул, было захвачено алжирскими пиратами: «на море погромили турские люди и многих гречан побили, а ево взяли жива и свезли в турский город Алзер».

Юрий был продан в рабство и попал гребцом на галеры: «…был де он в неволе у турских людей с полтретья годы, в неволи будучи, был он у турских людей на катарге с ыными полоняники».

У берегов Испании рабы подняли бунт: «…и те де турские люди поуснули и оне де неволники тех турских людей всех побили».

А затем возникает полная неясность — каким-то образом Юрий Трапезунский перемещается в Великобританию, где знакомится с еще двумя потомками Палеологов — двоюродными братьями Иваном и Дмитрием, получившими позже в России фамилию Альбертусов-Далмацких.

Они и определили его дальнейший путь в Россию, куда он прибывает 8 августа 1627 года в Архангелогородский порт, чтобы «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царьское жалованье и неизреченную милость».

Царь свою часть обещанного исполнил: «греченя и турский полоняник» был верстан в поместно денежный оклад в 250 чети и 12 рублей. При этом поденный корм его составлял по какой-то необъяснимой причине 10 алтын в день. Как пишет Т. Опарина: «Ю. Трапезундский оказался самым высокооплачиваемым участником «греческой роты». В Москве он женился.

В 1628 году в Москву прибыли Альбертусы, которые были обласканы русским царем.

И примерно в это же время Юрий Трапезундский находит своего родственника Мануила Константинова, который был захвачен донскими казаками во время крупного морского похода в 1625 году. Так как Мануилов отец в это время был «в турках, в басурманах», то донцы, похитив турецкого мальчика, продали его в рабство на воронежском рынке.

Так Мануил оказался в российской столице, будучи купленным ювелиром мастеровых палат англичанином Яковом Гастом, от которого он бежал, вспомнив о своих православных греческих корнях. Сам патриарх Филарет совершил таинство, и Мануил, став православным, обрел духовную свободу. Духовный глава греческого землячества в России келарь Новоспасского монастыря Иоанникий «обратился к патриарху Филарету с прошением о предоставлении личной свободы М. Константинову».

Такая свобода ему была предоставлена, и он был определен в рядовые Иноземского приказа. «20 октября 1628 года администрация Иноземского приказа вынесла решение о наделении М. Константинова поместным окладом в 250 чети, денежным — в 13 рублей. Поденный корм составил восемь денег в день».

На свою будущую беду он встретился здесь со своим дядей Юрием Ивановичем Трапезундским.

Из греков была сформирована в 1630 году отдельная «греческая рота», а 9 августа 1632 года рота выступила в поход в составе Большого полка Михаила Шеина и Артемия Измайлова.

Боевые действия рота начала под Дорогобужем, где наши герои неожиданно… исчезли, изменив царю и став перебежчиками-информаторами польского командования. Юрия Трапезундского принял сначала князь Степан Массальский, потом гетман Лев Сапега и, наконец, наследник польской короны Владислав. Он был участником церемонии погребения короля Сигизмунда III и коронации Владислава IV…

А потом оба дезертира вдруг решают вернуться в Россию. Скорее всего, решал Юрий — у него в Устюге в ссылке находилась семья, наказанная за его измену.

И вот что удивительно и необъяснимо до сих пор: «В делопроизводственной документации было зафиксировано, что его прислал к царю Михаилу Федоровичу “голанской князь голанских немец”».

«И по государеву указу велено им государева служба служить и государева жалованья кормовые деньги давати по-прежнему в Ыноземском приказе с ыноземцы вместе».

Мало того — в будущем, вплоть до 1642, рокового для обоих, года он возглавлял греческую роту в чине ротмистра, «его поместный и денежный оклады составляли уже 400 чети и 30 рублей, ежемесячное кормовое жалованье — 10 рублей».

По-прежнему принадлежа к клану князей Альбертусов-Далмацких, Юрий и Мануил не могли не быть втянуты в конфликт этой семьи с другой влиятельной фамилией из Османской империи — Алибеевых-Макидонских. Конфликт закончился поножовщиной — в присутствии Мануила Дмитрий Альбертус попытался убить Федора Алибе-

Афиноген Васильевич и Екатерина Федоровна (в девичестве Савинская) Греченины

ева, которого заслонил своим телом холоп, получивший при этом пять ножевых ран и скончавшийся на месте.

Началось следствие… Ниточки потянулись к прошлому…

И уже ротмистра Трапезундского обвинили в государственной измене: «А тот… изменник рохмистр Юрья Тропизонской… ведомой вор и крестопреступник, под Смоленском сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал, и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языкех. И про ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь».

Туда же, в Томский город, был сослан и Мануил Константинов, где уже пребывали в ссылке греки Тонгайловы, одна из дочерей которого стала женой Мануила Константинова Греченина (Гречанинова). Восемь их сыновей были будущим ядром «боярских детей» Томска, купцов и рудознатцев.

* * *

Появление томичей Гречениных в Иркутске связано уже с их предпринимательской деятельностью: «…16 июля 1727 года был указ императрицы Екатерины I … о запрещении торговать вином в близости от китайской границы и изготовлять его частным лицам, кроме двух казенных (государственных) заводов — Иркутского и Нерчинского. И по этому указу от 1727 года было приказано сломать кабаки в Староселенгинске Ивана Протопопова и Максима Лебедева, в Итанце кабак Ивана Пивоварова, в Ильинке — Егора Меземцова, в Байкало-Кударе — Ивана Греченина…»

А вот и подробности из Иркипедии: «Греченин Иван (1699–1757) — иркутский купец 1740–1750-х. Женат на дочери иркутского сына боярского; дети: Михайло (р. 1730), Афанасий (р. 1737, в 1759 взят в рекруты), Егор (1743—1744), Алексей (р. 1747), Иван (р. 1749). Сестры Ивана — Екатерина (р. 1728, замужем за иркутским казаком), Татьяна (р. 740, замужем за дьячком)».

А в начале XIX века иркутянин Иван Афанасьевич Греченин (1768 года рождения) появляется на Камчатке в Нижнекамчатском остроге.

В 1854 году его сын Захар Иванович Греченин в ответ на призыв губернатора Камчатской области генерал-майора В.С. Завойко прибыл в Петропавловский порт для участии в его обороне, в память об этом он был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте, специально выпущенной для участников Крымской войны 1853–1856 гг.

А за участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. его внук, староста села Нижнекамчатск, Захар Петрович Греченин, был награжден серебряной медалью «За усердие».

Захар Иванович приходится Федору Афиногеновичу Греченину прапрадедом, пращуром.

Его прабабушкой была Пелагея Семеновна Сновидова — потомок ссыльного, участника дворцового заговора во времена императрицы Елизаветы Петровны Ивана Кириаковича Сновидова.

А бабушкой и матерью — Анна Александровна и Екатерина Федоровна Савинские из дворянского рода Савинских, прибывших на Камчатку по службе также из Иркутска и осевших здесь на века. Так что совершенно неслучайно открылся в Федоре Афиногеновиче Греченине удивительный дар не только видеть мир в его разноцветье, но и передавать эту волшебную красоту людям…

ВИНОКУРОВЫ

Камчатская история рода Винокуровых напрямую связана с историей полка Сомова, расквартированного на Камчатке в 1799–1813 годах.

Если очень кратко, то история такова: «Павел I, получив записку от Иркутского губернатора Людвига Нагеля, датированную 11 августа 1798 г., о том, что полуостров Камчатка по своему положению удален от

Я.М. Винокуров, род 1899 г. в с. Завойко. Репрессирован, арестован 07.01.38 г., расстрелян 15.05.1938. Место захоронения неизвестно

материка, и что в случае нужды неоткуда ждать помощи, то необходимо быть особому военному начальнику, который бы заведовал и гражданской частью. В связи с этим Павел I издает Указ от 3 октября 1798 г. о том, что быть батальону полковника Сомова полка, которому предписывалось расположиться в Камчатке и состоять шефской роте в Нижнем Камчатске и по одной роте при штабе офицера в Большерецке и в Петропавловской гавани. И 19 сентября 1801 года выходит Именной Высочайший Указ Иркутскому военному губернатору об учреждении гарнизонного Камчатского полка. Сомов, получив предписание о приведении в исполнение Высочайшей воли, 26 мая 1802 г. писал: “Шефу полка со своим штабом находиться в Верхнекамчатске, как центре расположения войск, с тем, чтобы и гренадерская, и моего имени рота поселилась близ Верхнекамчатска. Большерецкий гарнизон перевести к устью р. Камчатки для содержания там караулов. По сему расположению уповаю я, что здешния войска в полном довольствии, и гарнизон

Анатолий Федорович Винокуров

будет в исправности и готовности к отражению неприятельского нападения”. В другом же рапорте от 5 августа 1802 г. доносил Государю, что он уже приступил к постройке необходимых зданий в предположенных им к заселению местах и подготовлению земли к хлебопашеству. В конце 1802 года Сомов подал прошение о выезде из Камчатки по слабости здоровья. Просьба его была уважена, и он покинул Камчатку. В течение трех лет солдаты построили несколько изб. С прибытием батальона в Камчатку нижние чины бросили казенное обмундирование и завели себе туземную одежду из звериных шкур, соответствующую климату. В 1810 г. команда камчатская состояла из 18 офицеров, 415 нижних чинов и 305 кантонистов. В 1813 г. батальон был расформирован. К этому время состояло в Камчатке: солдат 591, кантонистов 160, казаков 346, упраздненных команд нижних чинов 27, на инвалидном содержании 22, артиллеристов 42. Солдатам было предложено остаться на поселении в Камчатке, и тем, которые согласятся, раздать казенный скот и семенной хлеб. Остаться на поселении согласились 50 человек. Часть солдат поступила на формирование Петропавловской морской роты, несколько человек зачислено в казачью команду, а ... 130 человек были отправлены в Иркутск».

Кому интересны подробности — отсылаю к своей книге «Встречь солнцу».

В числе тех, кто остался на Камчатке, был и бывший рядовой этого гарнизонного батальона Иван Винокуров.

Но прежде чем продолжить камчатскую историю Винокуровых, мы сделаем небольшой экскурс в историю Сибири.

В 18-м столетии основной состав сибирских военных полков состоял из казачьих детей.

Не был исключением и Иркутский гарнизонный батальон, из которого был сформирован именной полк генерал-майора Сомова, в который набирались казачьи дети из Нерчинска, Селенгинска, Братска и самого Иркутска.

Основной кадровый состав последних формировался из енисейских казаков, так как Енисейск был столицей этого края.

А вот что касается Нерчинска, то его «кадровая история» несколько иная — первопоселенцев Нерчинска привел сюда первый воевода Даурского воеводства Афанасий Пашков. Состав его казачьего воинства был разнородным — полк был собран из представителей самых крупных сибирских городов. Но основным ядром полка были тобольские казаки.

А Винокуровы, судя по их родовой фамилии, прежде были посадскими людь-

ми, занимавшимися винокурением, но в начале 1660-х годов эта фамилия появляется в казачьих именных списках Тобольска — пешие казаки Офонка, Микифорка и Васка Винокуровы. В 1696 году Федька и Сафронка Винокуровы служат в стрельцах. В 1705 году Дмитрий Винокуров, бывший казак новокрещенного списка (а это уже привилегированная казачья сотня, существовавшая только в Тобольске), записан в солдаты вместе со многими другими тобольскими казаками, которые по приказу Петра I были разосланы по различным полкам, компенсируя воинские потери, образовавшиеся в результате петровских войн.

И, как известно из истории сибирского казачества, тобольские казаки в 18-м столетии регулярно несли так называемую «годовалую» (которая иногда могла продолжаться десятилетиями, а то становиться и «вечной) службу в командировках на дальних окраинах империи.

В 1677 году в Илимском остроге в составе одного из самых важных подразделений казачества — в плотниках-судостроителях — мы находим в Окладной книге служилых людей такую запись:

«Оклад судовым плотником Илимским же служилым людем по 5 рублев человека… Тимошка Васильев сын Винокуров».

В 1706 году казака Саву Винокурова мы обнаруживаем в списках третьей пятидесятни Якутского казачьего полка.

А в переписи 1762 года в Иркутске отмечено трое Винокуровых.

И это не может быть случайным фактом: в то время количество населения Сибири было еще настолько малочисленным, что каждый человек был здесь на учете и помнил о своих родовых корнях. Поэтому родовая связь иркутских и тобольских Винокуровых вполне вероятна. Тем более что Якутский пехотный полк, расквартированный в 1727 году по селенгинской границе в Забайкалье, первоначально формировался в Тобольске и назывался Тобольским пехотным полком. А потом, вместе с забайкальскими казачьими детьми, этот полк пополнялся за счет… детей старослужащих солдат.

Давайте вспомним, что в те далекие времена солдаты служили по 25 лет и нередко на службе обзаводились семьями.

Не был исключением и рядовой Сомовского полка Иван Винокуров, который прибыл на Камчатку вместе со своей семьей – еще в Иркутске у него в 1792 году родился сын Григорий, а уже второй сын — Яков – родился в Петропавловском порту в 1808 году.

В 1820 году Яков внесен в отдельный список «солдатских детей», которые остались сиротами.

А.Ф. Винокуров, рис. Е.Ф. Лонгинова

На Камчатке и у Григория, и у Якова, который служил в 46-м Камчатском флотском экипаже маячником, были семьи.

Яков Иванович в 1855 году вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта был переведен на службу в Николаевск-на-Амуре. И следы его потомков остались где-то там — в Приамурье или в Приморье, на берегу Восточного моря, где оседали вышедшие в отставку матросы 27-го Амурского флотского экипажа (бывшего 47-го Камчатского).

А семья Григория Ивановича осталась на Камчатке.

Причина, по которой Винокуровы, служившие прежде в Петропавловске, переселились на постоянное место жительства в Старый Острог, самая житейская: они породнились с Машихиными, которые и основали этот Старый Острог. Агриппина Григорьевна Винокурова стала женой Степана Ивановича Машихина.

А далее многочисленное семейство Григория Ивано-

Портрет оленевода, худ. А.Ф. Винокуров, КОКМ ОФ

вича через семейные узы расширяло географические просторы своего камчатского рода: Михаил Григорьевич Винокуров женился на дочери унтер-офицера Юлии Георгиевне Мутовиной; Параскева Григорьевна стала женой казака из Сероглазки Никодима Федоровича Попова; Ипатий Николаевич Винокуров женился на дочери мильковского крестьянина Елене Петровне Бобряковой; Агафья Николаевна Винокурова вышла замуж за казака Николая Ильича Селиванова; Федор Михайлович женился на Бибиковой Александре Матвеевне из села Авача; Анна Михайловна стала Мурашовой, а Ирина Михайловна — Сметаниной…

Федор Федорович Винокуров, сын Федора Михайловича, внук Михаила Григорьевича, правнук Григория Ивановича, женился на дочери крестьянина из села Николаевка Елене Матвеевне Шелковниковой.

Их сыном был Анатолий Федорович Винокуров — один из самых талантливых художников коренной Камчатки.

Его официальная биография очень короткая:

«Родился 15 апреля 1933 года в городе Елизово Камчатской области.

Окончил Владивостокское художественное училище (1958), затем Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова (1964).

А. Винокуров был участником художественных выставок со студенческих лет.

В 1964 году А.Ф. Винокуров был принят в члены Союза художников СССР. Он был первым профессиональным художником Камчатки.

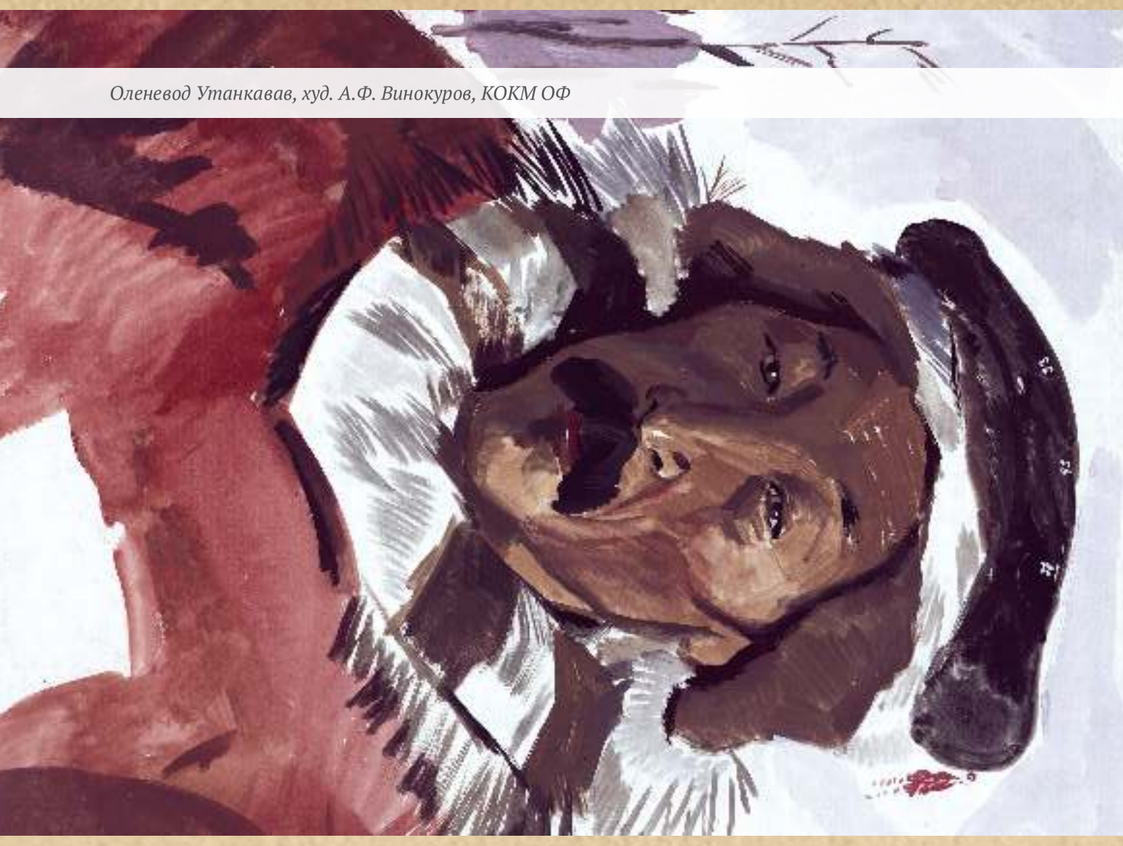
Был делегатом III съезда Союза художников РСФСР (1972), IV съезда Союза художников СССР (1973), членом правления Союза художников СССР (1973), принимал участие в работе V съезда художников СССР (1977). Вел большую общественную работу по эстетическому воспитанию населения.

В своем творчестве художник разрабатывал несколько тем: военно-патриотическую, Севера и Камчатки. Он создал большую графическую серию “Люди Севера”.

Произведения художника находятся в Камчатском областном краеведческом музее, Камчатском областном художественном музее, Корякском окружном краеведческом музее, закупались Министерством культуры РФ».

Он рано ушел из жизни — 26 августа 1982 года.

Но оставил о себе огромную память в своих замечательных картинах, рисунках, дружеских шаржах…

Оленевод Утанкавав, худ. А.Ф. Винокуров, КОКМ ОФ

Коптильщик рыбы, худ. А.Ф. Винокуров, 1978, ККМГИ

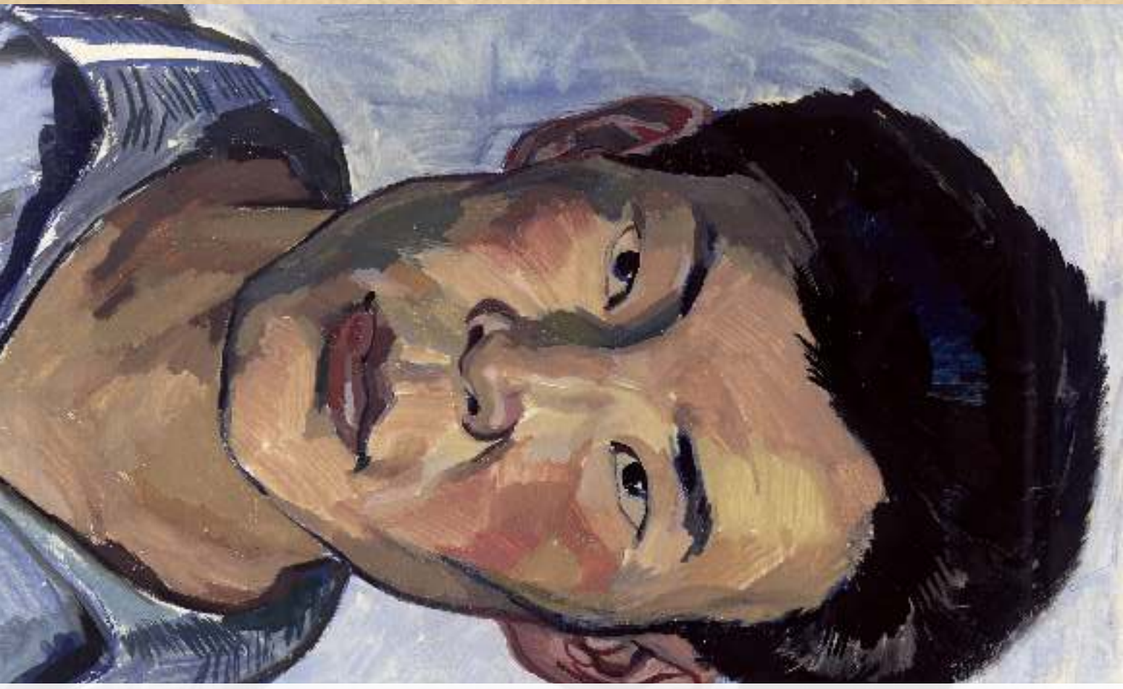
Коптильщик рыбы, худ. А.Ф. Винокуров, 1978 г., ККМГИ

Солист ансамбля «Мэнго» И. Жуков, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Молодой оленевод, худ. А.Ф. Винокуров, 1970-е, КОКМ ОФ

Оленевод, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир

325 лет вместе с Россией

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

Подписано в печать 23.11.2021. Формат 84×108/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54,18. Тираж 300 экз. Заказ № КПОО–007326.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru